Миры Роберта Чамберса

Амброз Гвиннет Бирс, Джеймс Блиш, Лин Картер, Август Дерлет, Эдвард Ли, Уилл Мюррей, Карл Эдвард Вагнер, Артур Ллевелин Мэйчен, Джозеф Пейн Бреннан, Дмитрий Александрович Тихонов, Брайан Кин, Марк Маклафлин, Тим Каррэн, Линда Э. Рюкер, Максим Ахмадович Кабир, Аллен Маккей

Аннотация
Миры Роберта Чамберса. Король в Жёлтом. Свободные продолжения
Амброз Бирс. Житель Каркосы
Амброз Бирс. Пастух Гаита
Август Дерлет. Возвращение Хастура
Джеймс Блиш. Больше света
Бреннан Джозеф Пейн. Пожиратель пришедший издалека
Карл Эдвард Вагнер. Река ночных грёз
Эдвард Ли. Ужас Чамберса
Лин Картер. Что рассказывают в Каркозе о

Хали
Карл Эдвард Вагнер. И вот мы снова встретились
Брайан Кин. Король в «Жёлтом»
Рон Шифлет. Жёлтый цвет завтрашнего дня
Марк Маклафлин. Кот с детской рукой
Уилл Мюррей. Пурпурный Император
Линда Э. Рюкер. Королева из жёлтых обоев
Тим Каррэн. Полутень изысканной мерзости
Аллен Маккей. Ужас Зукалы-Кофа
Дмитрий Тихонов. Коронация
Максим Кабир. Каркоза
Максим Кабир. Ад — это вагина
Дополнительные материалы. Каркоза, Хастур и Король в Жёлтом
Предисловие
1. До Каркозы Чамберса: что оставил Амброз Бирс
2. Книга, которой не существует: как работает «Король в Жёлтом»
3. Почему именно жёлтый: декаданс, болезнь и тревога fin de siècle
4. От намёка к мифологии: Лавкрафт, Дерлет и поздние продолжатели
5. Краткий путеводитель по именам, местам и символам

6. Каркоза в Луизиане: «Настоящий детектив» и возвращение Жёлтого Короля
7. Почему рассказы расположены именно так

Аннотация

Добавлены два новых перевода и дополнительные материалы. Второе дополненное и переработанное издание.

Миры Роберта Чамберса. Король в Жёлтом. Свободные продолжения

Составители: BertranD, mikle_69, Sansa
Автор обложки: mikle_69

При подготовке дополнительных материалов использованы статьи Георгия Акбаа, Александры Мироновой, Алексея Лотермана и Владимира Бровина, тексты Роберта У. Чамберса, Амброза Бирса и Г. Ф. Лавкрафта, а также интервью и материалы, посвящённые литературным источникам первого сезона «Настоящего детектива».

Амброз Бирс.
Житель Каркосы[1]

Ambrose Bierce. "An Inhabitant of Carcosa", 1886

Есть разные виды смерти — при некоторых тело остаётся, но при некоторых исчезает вместе с душой. Последнее обычно свершается без свидетелей (если на то воля Божья) и мы, не видя всего, говорим, что человек пропал или уехал в долгое путешествие, — что в сущности и происходит, но иногда такое случается при большом стечении народа и тому есть достаточно свидетельств. Бывает, что умирает душа, а тело остаётся бодрым ещё долгие годы, но существуют достоверные показания, что иногда, умерев вместе с телом, она через какое-то время возрождается там, где осталась гнить плоть.

Размышляя над этими словами Хали (отмеченного Богом), я вдумывался в их значение

---

[1] Примечания: 1

Каркоза — вымышленный Бирсом город, расположенный рядом с вымышленным же озером Хали. В то же время Хали — некий мудрец-эзотерик, созданный воображением писателя.

как человек, который, получив информацию, сомневается, нет ли в ней чего-то, не распознанного им. Задумавшись, я не замечал, куда бреду, пока коснувшийся лица холодный порыв ветра не заставил меня оглядеться по сторонам. С удивлением взирал я на незнакомый пейзаж. По обеим сторонам от меня простиралась унылая, пустынная равнина, поросшая высокой сухой травой, которая ломко шуршала и шелестела на осеннем ветру, навевая странные и тревожные ощущения. Над ней то там, то тут возвышались причудливой формы холодные камни, которые, похоже, нашли согласие друг с другом и как бы обменивались многозначительными взглядами, словно им предстояло стать свидетелями некоего ожидаемого события. Несколько почерневших от ударов молний деревьев, казалось, возглавляли этот враждебный, молчаливый сговор.

Хотя солнца видно не было, я решил, что прошло много времени и осознал, что воздух сырой и холодный, — осознал скорее подсознательно, чем физически, так как не испытывал никакого неудобства. Над мрачным пейзажем зримым проклятием висели низкие, свинцовые тучи. Во всём ощущались угроза и неясный намёк — тень зла, предвестник гибели. Здесь не было ни птиц,

ни животных, ни насекомых. Вздохи ветра среди голых сучьев мёртвых деревьев, шелест сухой травы, шепчущей земле свои страшные секреты, — никакие другие звуки, никакое движение не нарушали жуткий покой этого мрачного места.

Среди травы я разглядел пострадавшие от непогоды камни, в своё время явно обработанные инструментами. Они потрескались и, поросшие мхом, частично ушли в землю. Некоторые лежали горизонтально, другие — под разными углами, были и такие, что торчали из земли. Несомненно, то были надгробия, хотя самих могил — ни в виде холмиков или, напротив, ям — не существовало: время всё сгладило. Среди них встречались и крупные камни, говорившие, что некогда на этих местах не смогли сопротивляться забвению величественные гробницы или претенциозные памятники. Эти останки, свидетельства тщеславия, любви и почтительности, были такими старыми, истёртыми и грязными, а само место — таким покинутым, заброшенным и осиротелым, что, по-видимому, я набрёл на место захоронения некоего доисторического племени, название которого давно стёрлось в людской памяти.

Поглощённый этими размышлениями, я на

какое-то время забыл о своих перемещениях, но потом задумался: «А как я очутился здесь?» Ответ, пусть тревожный и обескураживающий, пришёл быстро: только он мог объяснить природу моей фантазии — того, что я видел и слышал. Я болен. Я вспомнил, как лежал обессиленный после приступа внезапной лихорадки и родные рассказывали, что в бессознательном состоянии я требовал больше воздуха и свободы и меня приходилось удерживать в кровати, чтобы я не сбежал. Значит, мне удалось усыпить бдительность моих стражей и забрести сюда — но куда? Этого я не знал. Ясно, что я нахожусь на значительном расстоянии от города, где живу, — древней и славной Каркосы.

Никаких видимых признаков присутствия человека здесь не было — ни вьющегося дымка, ни лая сторожевой собаки, ни рёва домашнего скота, ни криков играющих детей, ничего, кроме жутковатого погоста с его ужасной тайной, куда меня привела болезнь. Вдруг у меня опять начался бред — сейчас, когда неоткуда ждать помощи? А может, всё происходящее — иллюзия, рождённая безумием? Я громко выкрикивал имена своих жён и сыновей, простирал к ним руки, ступая по разрушенным камням в пожухшей траве.

Неясный шум позади заставил меня обернуться. Дикое животное, а именно степная рысь, подкрадывалось ко мне. Если я упаду здесь, на равнине, подумал я, если болезнь вернётся и я потеряю сознание, зверь вцепится мне в горло. С криком я бросился навстречу рыси. Она невозмутимо пробежала мимо на расстоянии вытянутой руки и скрылась за камнем.

Почти сразу же невдалеке, словно из земли, показалась голова мужчины. Он поднимался по дальнему от меня склону невысокого холма, вершина которого была почти неразличима с равнины. Вскоре на фоне серых облаков обозначилась вся его фигура. Сквозь одежду из шкур виднелось голое тело. Волосы спутаны, длинная борода росла клочками. В одной руке он нёс лук и стрелы, в другой — горящий факел, за которым тянулся чёрный дым. Он двигался медленно и осторожно, словно боялся упасть в разверстую могилу, скрытую в высокой траве. Это странное видение удивило, но не испугало меня; я пошёл наперерез и встретился с мужчиной почти лицом к лицу, обратившись к нему с обычным приветствием: «Да хранит тебя Бог!»

Не обратив на меня внимания, он продолжал идти.

— Добрый незнакомец, я болен и заблудился, — сказал я. — Умоляю, укажите мне путь в Каркосу.

Мужчина неожиданно заорал дикую песню на незнакомом языке и, не останавливаясь, вскоре исчез вдали.

Сова, сидящая на суку почерневшего дерева, зловеще заухала, ей издалека ответила другая. Подняв голову, я увидел в мгновенном проблеске между облаками Альдебаран и Гиады! По всем признакам сейчас была ночь — рысь, мужчина с факелом, сова. Однако я всё видел — даже звёзды и это при полном отсутствии темноты. Я видел, но меня не видели и не слышали. Во власти каких чар я оказался?

Сев у подножия большого дерева, я серьёзно задумался: что же мне делать? Без сомнения, я схожу с ума, но не всё так просто. От лихорадки не осталось и следа. Напротив, я ощущал подъём сил и радостное возбуждение — психическую и физическую экзальтацию. Все мои чувства находились на пределе возможностей; я ощущал плотность воздуха, мог слушать тишину.

Толстый корень огромного дерева, к стволу которого я прислонился, опутал каменную плиту, часть которой ушла в петлю, образованную другим корнем. Так что камень, хотя и основательно

повреждённый, был частично защищён от непогоды. Стороны его сгладились, углы отвалились, поверхность потрескалась и стёрлась. В земле вокруг камня поблёскивали частички слюды — следы его распада. Вне всякого сомнения, плита обозначала могилу, из которой много веков назад поднялось это дерево. Корни дерева истощили могилу, а каменную плиту взяли в заложники.

Внезапный порыв ветра смёл с плиты сухие ветки и листья, открыв высеченную на ней надпись. Я нагнулся, чтобы её прочитать. Боже! Там было выбито моё имя! А ещё — дата моего рождения и дата моей смерти!

Когда я в ужасе вскочил на ноги, ровный луч света вдруг окрасил ствол дерева. На востоке розовело восходящее солнце. Я стоял между деревом и льющимся светом, но тень от меня не падала.

Дружный вой волков приветствовал рассвет. Я видел, как они сидят поодиночке и группами поверх развалин, занимавших половину обозреваемой мною местности и тянувшихся за горизонт. И тогда я понял, что вижу руины древнего и славного города Каркосы.

Вот что поведал медиуму Бейролесу дух Хосейба Алара Робардина.

Перевод: Валерия Бернацкая

Амброз Бирс.
Пастух Гаита

Ambrose Bierce. "Haïta the Shepherd", 1891

В сердце Гаиты юношеская наивность не была ещё побеждена возрастом и жизненным опытом. Мысли его были чисты и приятны, ибо жил он просто и душа его была свободна от честолюбия. Он вставал вместе с солнцем и торопился к алтарю Хастура, пастушьего бога, который слышал его молитвы и был доволен. Исполнив благочестивый долг, Гаита отпирал ворота загона и беззаботно шёл со своим стадом на пастбище, жуя овечий сыр и овсяную лепёшку, и по временам останавливаясь сорвать несколько ягод, прохладных от росы или утолить жажду из ручейка, сбегавшего с холмов к реке, что, рассекая долину надвое, несла свои воды неведомо куда.

Весь долгий летний день, пока овцы щипали сочную траву, которая выросла для них волею богов или лежали, подобрав под себя передние ноги и жуя жвачку, Гаита, прислонившись к стволу тенистого дерева или сидя на камушке,

знай себе играл на тростниковой дудочке такие приятные мелодии, что порой краем глаза замечал мелких лесных божков, выбиравшихся из кустов послушать; а взглянешь на такого в упор — его и след простыл. Отсюда Гаита сделал важный вывод — ведь он должен был всё-таки шевелить мозгами, чтобы не превратиться в овцу из своего же стада, — что счастье может прийти только нечаянно, а если его ищешь, то никогда не найдёшь; ведь после благосклонности Хастура, который никогда никому не являлся, Гаита превыше всего ценил доброе внимание близких соседей — застенчивых бессмертных, населявших леса и воды. Вечером он пригонял стадо обратно, надёжно запирал за ним ворота и забирался в свою пещеру подкрепиться и выспаться.

Так текла его жизнь, и все дни походили один на другой, если только Бог не гневался и не насылал на людей бурю. Тогда Гаита забивался в дальний угол пещеры, закрывал руками лицо и молился о том, чтобы он один пострадал за свои грехи, а остальной мир был пощажён и избавлен от уничтожения. Когда шли большие дожди и река выходила из берегов, заставляя его с перепуганным стадом забираться выше, он упрашивал небесные силы не карать жителей городов, кото-

рые, как он слышал, лежат на равнине за двумя голубыми холмами, замыкающими его родную долину.

— Ты милостив ко мне, о Хастур, — молился он, — ты дал мне горы, и они спасают меня и моё стадо от жестоких наводнений; но об остальном мире ты должен, уж не знаю как, позаботиться сам или я перестану тебя чтить.

И Хастур, видя, что Гаита как сказал, так и сделает, щадил города и направлял потоки в море.

Так жил Гаита с тех пор, как себя помнил. Ему трудно было представить себе иное существование. Святой отшельник, который обитал в дальнем конце долины, в часе ходьбы от жилья Гаиты и рассказывал ему о больших городах, где ни у кого — вот несчастные! — не было ни единой овцы, ничего не говорил пастуху о том давнем времени, когда Гаита, как он сам догадывался, был так же мал и беспомощен, как новорождённый ягнёнок.

Размышления о великих тайнах и об ужасном превращении, о переходе в мир безмолвия и распада, который, он чувствовал, ему предстоит, как и овцам его стада и всем прочим живым существам, кроме птиц, — эти размышления привели Гаиту к заключению, что доля его тяже-

ла и горька.

«Как же мне жить, — думал он, — если я не знаю, откуда я появился на свет? Как могу я выполнять свой долг, если я не ведаю толком, в чём он состоит и каков его источник? И как могу я быть спокоен, не зная, долго ли всё это продлится? Быть может, солнце не успеет ещё раз взойти, как со мной случится превращение, и что тогда будет со стадом? И чем я сам тогда стану?»

От этих мыслей Гаита сделался хмур и мрачен. Он перестал обращаться к овцам с добрым словом, перестал резво бегать к алтарю Хастура. В каждом дуновении ветра ему слышались шёпоты злых духов, о существовании которых он раньше и не догадывался. Каждое облако предвещало ненастье, ночная тьма стала источником неисчислимых страхов. Когда он подносил к губам тростниковую дудочку, вместо приятной мелодии теперь раздавался заунывный вой; лесные и речные божки больше не высовывались из зарослей, чтобы послушать, но бежали от этих звуков прочь, о чём он догадывался по примятым листьям и склонённым цветам. Он перестал следить за стадом и многие овцы пропали, заблудившись в холмах. Те, что остались, начали худеть и болеть из-за плохого корма, ибо он не

искал теперь хороших пастбищ, а день за днём водил их на одно и то же место — просто по рассеянности; все его думы вертелись вокруг жизни и смерти, а о бессмертии он не знал.

Но однажды, внезапно прервав свои раздумья, он вскочил с камня, на котором сидел, решительно взмахнул правой рукой и воскликнул:

— Не буду я больше молить богов о знании, которого они не хотят мне даровать! Пусть сами следят, чтобы не вышло для меня худа. Буду выполнять свои долг, как я его разумею, а ошибусь — они же и будут виноваты!

Не успел он произнести эти слова, как вокруг него разлилось великое сияние и он посмотрел вверх, решив, что сквозь облака проглянуло солнце; но небо было безоблачно. На расстоянии протянутой руки от него стояла прекрасная девушка. Так совершенна была её красота, что цветы у её ног закрывались и склоняли головки, признавая её превосходство; такой сладости был исполнен её вид, что у глаз её вились птички колибри, чуть не дотрагиваясь до них жаждущими клювами, а к губам слетались дикие пчёлы. От неё шёл свет такой силы, что от всех предметов протянулись длинные тени, перемещавшиеся при каждом её движении.

Гаита был поражён. В восхищении преклонил он перед ней колени, и она положила руку ему на голову.

— Не надо, — сказала она голосом, в котором было больше музыки, чем во всех колокольчиках его стада, — ты не должен мне молиться, ведь я не богиня; но если ты будешь надёжен и верен, я останусь с тобой.

Гаита взял её руку и не нашёл слов, чтобы выразить свою радость и благодарность, и так они стояли, держась за руки и улыбаясь друг другу. Он не мог отвести от неё восторженных глаз. Наконец, он вымолвил:

— Молю тебя, прекрасное создание, скажи мне имя твоё и скажи, откуда и для чего ты явилась.

Услышав эти слова, она предостерегающе приложила палец к губам и начала отдаляться. Прекрасный облик её на глазах менялся, и по телу Гаиты прошла дрожь — он не понимал, почему, ведь она всё ещё была прекрасна. Всё кругом потемнело, словно огромная хищная птица простёрла над долиной крыла. В сумраке фигура девушки сделалась смутной и неотчётливой, и когда она заговорила, голос её, исполненный печали и укора, казалось, донёсся издалека:

— Самонадеянный и неблагодарный юноша!

Как скоро пришлось мне тебя покинуть. Не нашёл ты ничего лучшего, как сразу же нарушить вечное согласие.

Невыразимо опечаленный, Гаита пал на колени и молил её остаться, потом вскочил и искал её в густеющей мгле, бегал кругами, громко взывая к ней, но всё тщетно. Она скрылась из виду совсем и только голос её прозвучал из тьмы:

— Нет, поисками ты ничего не добьёшься. Иди делай своё дело, вероломный пастух или мы никогда больше не встретимся.

Настала ночь; волки на холмах подняли вой, испуганные овцы сгрудились вокруг Гаиты. Охваченный заботой, он забыл о горькой потере и постарался довести стадо до загона, после чего отправился к святилищу и горячо поблагодарил Хастура за помощь в спасении овец; затем вернулся в свою пещеру и уснул.

Проснувшись, Гаита увидел, что солнце поднялось высоко и светит прямо в пещеру, озаряя её торжественным сиянием. И ещё он увидел сидящую подле него девушку. Она улыбнулась ему так, что в улыбке ожили все мелодии его тростниковой дудочки. Он не смел открыть рта, боясь обидеть её снова и не зная на что решиться.

— Ты хорошо позаботился о стаде, — сказала

она, — и не забыл поблагодарить Хастура за то, что он не позволил волкам перегрызть овец; поэтому я пришла к тебе снова. Примешь меня?

— Тебя любой навсегда бы принял, — ответил Гаита. — Ах! Не покидай меня больше, пока… пока я… не переменюсь и не стану безмолвным и неподвижным.

Гаита не знал слова «смерть».

— Я бы хотел, — продолжал он, — чтобы ты была одного со мной пола, и мы могли бороться и бегать наперегонки, и никогда не надоедали друг другу.

Услышав эти слова, девушка встала и покинула пещеру; тогда Гаита вскочил со своего ложа из душистых ветвей, чтобы догнать и остановить её, но увидел, к своему изумлению, что вовсю хлещет ливень и что река посреди долины вышла из берегов. Перепуганные овцы громко блеяли — вода уже подступила к ограде загона. Незнакомым городам на дальней равнине грозила смертельная опасность.

Прошло много дней, прежде чем Гаита вновь увидел девушку. Однажды он возвращался из дальнего конца долины, от святого отшельника, которому относил овечье молоко, овсяную лепёшку и ягоды, — старец был уже очень слаб и не

мог сам заботиться о своём пропитании.

— Вот несчастный! — подумал вслух Гаита, возвращаясь домой. — Завтра пойду, посажу его на закорки, отнесу к себе в пещеру и буду за ним ухаживать. Теперь мне ясно, для чего Хастур растил и воспитывал меня все эти годы, для чего он дал мне здоровье и силу.

Только сказал, как на тропе появилась девушка — в сверкающих одеждах она шествовала ему навстречу, улыбаясь так, что у пастуха занялось дыхание.

— Я пришла к тебе снова, — сказала она, — и хочу жить с тобой, если ты возьмёшь меня, ибо все меня отвергают. Быть может, ты стал теперь умнее, примешь меня такой, какая я есть и не будешь домогаться знания.

Гаита бросился к её ногам.

— Прекрасное создание! — воскликнул он. — Если ты снизойдёшь ко мне и не отвергнешь поклонения сердца моего и души моей — после того, как я отдам дань Хастуру, — то я твой навеки. Но увы! Ты своенравна и непостоянна. Как мне удержать тебя хоть до завтрашнего дня? Обещай, умоляю тебя, что даже если по неведению я обижу тебя, ты простишь меня и останешься со мной навсегда.

Едва он умолк, как с холма спустились медведи и пошли на него, разинув жаркие пасти и свирепо на него глядя. Девушка снова исчезла и он пустился наутёк, спасая свою жизнь. Не останавливаясь, бежал он до самой хижины отшельника, откуда совсем недавно ушёл. Он поспешно запер от медведей дверь, кинулся на землю и горько заплакал.

— Сын мой, — промолвил отшельник со своего ложа из свежей соломы, которое Гаита заново устроил ему в то самое утро, — не думаю, что ты стал бы плакать из-за каких-то медведей. Поведай мне, какая беда с тобой приключилась, чтобы я мог излечить раны юности твоей бальзамом мудрости, что копится у стариков долгие годы.

И Гаита рассказал ему всё: как трижды встречал он лучезарную девушку и как трижды она его покидала. Он не упустил ничего, что произошло между ними, и дословно повторил всё, что было сказано.

Когда он кончил, святой отшельник, немного помолчав, сказал:

— Сын мой, я выслушал твой рассказ и я эту девушку знаю. Я видел её, как видели многие. Об имени своём она запретила тебе спрашивать; имя это Счастье. Справедливо сказал ты ей, что

она своенравна, ведь она требует такого, что не под силу человеку, и карает уходом любую оплошность. Она появляется, когда её не ищешь и не допускает никаких вопросов. Чуть только заметит проблеск любопытства, признак сомнения, опаски — и её уже нет! Как долго она пребывала с тобой?

— Каждый раз только краткий миг, — ответил Гаита, залившись краской стыда. — Минута, и я терял её.

— Несчастный юноша! — воскликнул отшельник. — Будь ты поосмотрительней, мог бы удержать её на целых две минуты!

Перевод: Леонид Мотылев

Август Дерлет.
Возвращение Хастура

August Derleth. "The Return of Hastur", 1939

1

Вообще-то всё началось очень давно. Насколько — я даже не осмеливаюсь гадать; что же до моего личного участия в событиях, которые погубили мне практику и вынудили врачей сомневаться в самом рассудке моём, — всё началось со смерти Амоса Таттла. Она случилась однажды ночью в самом конце зимы, когда предвестием весны подул южный ветер. В тот день я приехал по своим делам в древний, овеянный жуткими легендами городок Аркхем. Таттл узнал о моём приезде от лечившего его Эфраима Спрейга, заставил врача позвонить в отель «Льюистон» и привезти меня в мрачный особняк на Эйлсбери-роуд, что неподалёку от дороги на Инсмут. Ехать туда мне совсем не хотелось, но старик неплохо платил за то, что я терплю его угрюмый нрав и причуды, а Спрейг к тому же дал понять, что Амос Таттл умирает и

счёт уже идёт на часы.

Он в самом деле умирал. Сил едва оставалось на то, чтобы жестом выдворить Спрейга из комнаты и заговорить со мной, но голос ещё звучал ясно и без труда.

— Вы знаете моё завещание, — произнёс старик. — Выполните его до последней буквы.

Завещание это стало для нас подлинным яблоком раздора: в одном пункте говорилось, что прежде, чем в права владения вступит единственный наследник Амоса — его племянник Пол Таттл, особняк должен быть уничтожен. Даже не снесён, а именно полностью уничтожен, причём вместе с определёнными книгами: в последних наставлениях значились номера полок в библиотеке. Смертное ложе — не самое подходящее место, чтобы вновь оспаривать столь бессмысленное разрушение, поэтому я просто кивнул и старик принял это, как должное. Как же я впоследствии жалел, что не послушался его беспрекословно!

— И ещё, — продолжал он. — Внизу лежит книга, которую вы должны вернуть в библиотеку Мискатоникского университета.

Он сообщил мне её название. В то время оно мало что мне говорило, но с тех пор стало для

меня значить столько, что словами не выразить, — символ вековечного ужаса, символ всего, что приводит к безумию, лежащему за тончайшей вуалью прозаичной повседневности. То был латинский перевод отвратительного «Некрономикона», написанного безумным арабом Абдулом Альхазредом.

Книгу я нашёл без труда. Последние два десятилетия Амос Таттл жил всё более уединённо среди книг, собранных со всех концов света; то были старинные, источенные червями тексты, чьи названия могли отпугнуть менее стойкого человека: зловещий том "De Vermis Mysteriis"[2] Людвига Принна, ужасное сочинение графа д'Эрлетта "Cultes des Ghoules"[3], проклятая книга фон Юнца "Unaussprechlichen Kulten"[4]. Тогда ещё я не знал, насколько уникальны эти книги, как не понимал и бесценной редкости некоторых фрагментарных отрывков: жуткой «Книги Эйбона», пропитанных ужасом «Пнакотикских рукописей», грозного

---

[2] Примечания: 2

«De Vermis Mysteriis» (лат. «Тайные обряды Червя»). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

[3] Примечания: 3

«Cultes des Ghoules» (фр. «Культы трупоедов»).

[4] Примечания: 4

«Unaussprechlichen Kulten» (нем. «Невыразимые культы»).

«Текста Р’льеха». За них — как я обнаружил, когда стал приводить в порядок бумаги после смерти старика, — Амос Таттл платил баснословные деньги. Но ни с чем не сравнима была сумма, заплаченная за «Текст Р’льеха», который пришёл к старику из каких-то тёмных глубин Азии. Судя по записям, он отдал за него никак не меньше ста тысяч долларов; к тому же в бухгалтерской книге я обнаружил приписку, касавшуюся этого пожелтевшего манускрипта (в то время она меня озадачила и не более того, но впоследствии мне довелось вспомнить о ней при весьма зловещих обстоятельствах), — после указанной выше суммы паучьим почерком Амоса Таттла значилось: «в дополнение к обещанному».

Все эти факты всплыли на поверхность, лишь когда Пол Таттл вступил в права наследования, но и прежде имело место несколько странных случаев, которым следовало бы возбудить моё подозрение касаемо здешних легенд о некой могущественной сверхъестественной силе, витающей в старом доме. Первое происшествие почти не имело последствий в сравнении с остальными. Просто, когда я возвращал «Некрономикон» в библиотеку Мискатоникского университета в Аркхеме, необычайно молчаливый библио-

текарь сразу провёл меня прямиком в кабинет директора, доктора Лланфера, который без всяких околичностей потребовал от меня отчёта, как эта книга оказалась в моих руках. Нимало не смутившись, я объяснил — и таким образом узнал, что этот редчайший том никогда не выносился из библиотеки, а Амос Таттл просто — напросто украл его в одно из своих редких посещений, не сумев убедить доктора Лланфера выдать ему книгу на дом. Мало того: Амос был хитёр и заблаговременно подготовил великолепную копию книги с переплётом, почти безупречным по сходству, и репродукциями титульного листа и первых страниц, выполненными вручную по памяти. Когда в библиотеке книга безумного араба оказалась у него в руках, он подменил своим дубликатом оригинал и удрал с одним из двух подлинных экземпляров этой пугающей книги на Североамериканском континенте; известно, что их общее количество во всём мире исчисляется пятью.

Второе происшествие оказалось несколько более тревожным, хоть и оно несло на себе отпечаток обычных историй о домах с привидениями. Ночью, пока в гостиной ещё лежало тело Амоса Таттла, мы с его племянником то и дело слышали

какие-то шаги. Но вот в чём странность: они вовсе не походили на шаги человека, находящегося в пределах дома. Так могло перемещаться лишь какое-то существо размерами намного больше, нежели человек способен себе представить, — ходило оно будто бы в неизмеримой глубине *под землёй* и оттуда шаги его *дрожью* отдавались в доме. Причём я говорю о шагах единственно из неспособности точнее описать эти звуки, ибо они менее всего напоминали топот. Нет, они хлюпали губкой и чавкали, как желе; у нас, слышавших эти шаги, создалось впечатление передвигавшейся где-то внизу чудовищной массы, следствием чего было сотрясение земной поверхности. И более ничего, а вскоре и они затихли, что достаточно знаменательно — на заре того самого дня, когда тело Амоса Таттла вынесли из дома (на двое суток раньше, чем мы рассчитывали). Звуки же мы отнесли на счёт проседания почвы где-то дальше по берегу и не придали им большого значения, а последнее происшествие перед тем, как Пол Таттл стал полноправным владельцем старого дома на Эйлсбери-роуд и вовсе заставило о них позабыть.

Упомянутое происшествие потрясло нас больше прочего и из троих людей, о нём знавших,

только я до сих пор жив. Доктор Спрейг скончался ровно через месяц, день в день, а ведь тогда он бросил всего один взгляд и сказал:

— Хороните сейчас же!

Так мы и поступили, ибо изменения в теле Амоса Таттла были немыслимо отвратительны — особенно от того, на что они собою намекали. Ибо тело *не подверглось* никакому видимому тлению, но постепенно видоизменилось совершенно иначе — сначала покрылось некими зловещими переливами, затем потемнело и цветом сравнялось с эбеновым деревом, а кожа на отёкших руках и лице трупа проросла мельчайшими чешуйками. Подобным же манером менялась и форма головы: казалось, череп удлиняется и принимает некое любопытное сходство с рыбьим; всё это сопровождалось слабым выделением вязкого рыбьего запаха из гроба. Перемены эти не были игрой нашего воображения — это поразительным образом подтвердилось, когда со временем тело обнаружили там, куда его доставил злокачественный посмертный насельник; и там тело это, поддавшееся наконец совсем иному разложению, вместе со мной увидели и другие — узрели эти жуткие перемены, которые много о чём могли бы поведать им, благословенно не ведавшим о

произошедшем. Но в те часы, когда Амос Таттл ещё лежал в своём старом доме, у нас не возникло ни малейшего подозрения о том, что грядёт; мы лишь поспешно закрыли гроб и ещё поспешнее отвезли его в оплетённый плющом семейный склеп Таттлов на Аркхемском кладбище.

Пол Таттл в ту пору уже приближался к пятидесяти годам, но, как и многие мужчины его поколения, лицо и фигуру имел, как у двадцатилетнего юноши. Возраст его выдавали только лёгкие мазки седины в усах и на висках. То был высокий темноволосый человек, полноватый, с честными голубыми глазами, которым годы учёных занятий не навязали необходимости очков. Он явно разбирался в юриспруденции, поскольку быстро поставил меня в известность, что, если я как душеприказчик его дядюшки не буду расположен оставить без внимания тот пункт в завещании, где предписывается уничтожить дом на Эйлсбери-роуд, он опротестует документ в суде на оправданном основании, что Амос Таттл был психически ненормален. Я обратил его внимание, что в таком случае ему придётся выступать в одиночку против нас с доктором Спрейгом, однако я отдавал себе отчёт, что сама нелепость этого требования может запросто сыграть и против

нас; помимо этого и сам я расценивал данный пункт завещания, как до удивления вздорный и не готов был оспаривать предполагаемый протест по столь незначительному поводу. Однако если б я только мог предвидеть, если б мог хоть помыслить о грядущем ужасе, я бы выполнил последнюю волю Амоса Таттла вне зависимости от каких бы то ни было решений суда. Тем не менее благоразумием тогда я не отличался.

Мы с Таттлом отправились к судье Уилтону и изложили ему суть дела. Он также счёл уничтожение дома бессмысленным и в ходе беседы не раз дал понять, что согласен с Полом Таттлом: его покойный дядюшка был сумасшедшим.

— Старик был тронутым, сколько я его помню, — сухо сказал судья. — Что же до вас, Хэддон, можете ли вы встать перед судом и поклясться, что он был абсолютно нормален?

Я поёжился, вспомнив о краже «Некрономикона» из Мискатоникского университета и вынужден был признать, что сделать этого не могу.

Так Пол Таттл вступил во владение особняком на Эйлсбери-роуд, а я вернулся к своей юридической практике в Бостоне, не то чтобы разочарованный оборотом дела, но и не без некой

затаённой тревоги, источник которой я не мог определить; не без незаметно подкравшегося ощущения близкой трагедии — в немалой степени питаемого воспоминанием об увиденном в гробу Амоса Таттла, перед тем как мы заколотили крышку и заперли гроб в вековом склепе на Аркхемском кладбище.

2

Лишь через некоторое время мне снова довелось увидеть мансарды под двускатными крышами заклятого ведьмами Аркхема и его георгианские балюстрады: в город я приехал по делу одного клиента — помочь защитить его собственность в древнем Инсмуте от полиции и правительственных агентов, полностью взявших под контроль этот наводнённый нечистью городок, которого люди сторонились до сих пор, хотя прошло уже немало месяцев после загадочных взрывов, уничтоживших портовые кварталы и часть зловещего Рифа Дьявола. Тайна эта с тех пор тщательно скрывалась от публики, хотя я слышал об одном докладе, якобы излагавшем подлинные факты об Инсмутском Кошмаре: то была частным образом напечатанная рукопись

некоего автора из Провиденса[5]. В то время проехать в Инсмут было невозможно — федеральные агенты перекрыли все дороги; тем не менее я представился нужным лицам и получил заверения, что собственность моего клиента будет полностью защищена, поскольку его владения располагаются на достаточном удалении от береговой линии. Затем я приступил к другим делам в Аркхеме, помельче.

В тот день я обедал в ресторанчике неподалёку от Мискатоникского университета и вдруг услышал, что ко мне обращается знакомый голос. Я поднял голову — передо мной стоял доктор Лланфер, директор университетской библиотеки. Казалось, он чем-то расстроен и лицо его явно выдавало эту озабоченность. Я пригласил его отобедать со мной, но он отказался, однако сел за мой стол, как-то боком примостившись на краешке стула.

— Вы уже видели Пола Таттла? — отрывисто спросил он.

— Я собирался навестить его ближе к вечеру, — ответил я. — Что-то случилось?

Доктор Лланфер чуть виновато покраснел.

---

[5] Примечания: 5
См. повесть Г. Ф. Лавкрафта «Морок над Инсмутом» (1936).

— Этого я не могу сказать, — осторожно ответил он. — Но в Аркхеме распускаются какие-то мерзкие слухи. И «Некрономикон» снова исчез.

— Боже праведный! Но вы, разумеется, не обвиняете в краже Пола Таттла? — воскликнул я с весёлым удивлением. — Даже не могу представить, для чего ему может понадобиться эта книга.

— И всё же она у Таттла, — стоял на своём доктор Лланфер. — Не думаю, однако, что он её украл и мне бы не хотелось, чтобы так это истолковали вы. Мне кажется, ему выдал её на руки кто-то из наших служителей, который теперь боится признаться в столь страшной ошибке. Как бы то ни было, книга не возвращена и, я боюсь, нам придётся самим идти за ней.

— Я мог бы спросить его при встрече, — предложил я.

— Заранее вам благодарен, — ответил директор с некоторой горячностью. — Насколько я понимаю, до вас ещё не дошли те слухи, которым здесь сейчас несть числа.

Я покачал головой.

— Весьма вероятно, они лишь плод чьего-то воображения, — продолжал он, всем своим видом вместе с тем показывая, что столь прозаическое

объяснение он не желает или не может принять. — Суть в том, что люди, проходящие поздно ночью по Эйлсбери-роуд, слышат странные звуки, которые явно доносятся из дома Таттла.

— Какие звуки? — спросил я, не без дурного предчувствия.

— Вроде бы шаги; однако, насколько я понимаю, этого никто не может сказать точно, вот разве что один юноша описал их как «влажные» и ещё сказал, что звучат они так, словно «что-то огромное шлёпает где-то близко по грязи и воде».

К этому времени я уже позабыл о тех странных звуках, что мы с Полом Таттлом слышали ночью после кончины старого Амоса, но тут воспоминание ко мне возвратилось. Боюсь, я несколько себя выдал, поскольку доктор Лланфер заметил мой внезапный интерес, но, к счастью, предпочёл истолковать его в том смысле, что до меня и впрямь дошли какие-то местные слухи, что бы я там ни говорил. А я предпочёл не развеивать его заблуждение — но мне вдруг остро захотелось более ничего об этом деле не слышать. И я не стал расспрашивать его о дальнейших подробностях, а он в конце концов поднялся из-за стола и отправился по своим делам, ещё раз напомнив о моём обещании спросить у Пола Таттла о пропавшей

книге.

Его рассказ, каким бы пустячным ни казался, стал для меня тревожным сигналом. Я не мог не припомнить многочисленные мелочи: шаги, что мы слышали, странный пункт в завещании Амоса Таттла, жуткие метаморфозы его трупа. Уже тогда в моём мозгу зародилось слабое подозрение, что во всём этом начинает проявляться некая зловещая цепь событий. Моё естественное любопытство возросло, хоть и не без известного привкуса отвращения и сознательного желания отступиться. Ко мне вернулось старое подспудное ощущение близкой трагедии, но я всё равно исполнился решимости увидеть Пола Таттла как можно скорее.

Дела в Аркхеме заняли у меня всю вторую половину дня и лишь в сумерках я оказался у массивных дубовых дверей старого дома Таттлов на Эйлсбери-роуд.

На мой довольно-таки настойчивый стук вышел сам Пол — и остановился в дверях, подняв лампу и вглядываясь в густеющую ночь.

— Хэддон! — воскликнул он, распахивая дверь шире. — Входите же!

Он действительно рад был меня видеть — я ничуть не сомневался, ибо нота воодушевления

в голосе его исключала какие-либо иные предположения. Сердечность его приветствия также утвердила меня в намерении не передавать ему тех слухов, что до меня дошли, а к расспросам о «Некрономиконе» перейти, когда представится удобный повод. Я вспомнил, что незадолго до смерти дяди Таттл работал над филологическим трактатом о развитии языка индейцев сок[6] и решил сперва поинтересоваться этой работой, будто ничего важнее нынче и не было.

— Вы ужинали, я полагаю, — сказал Таттл, проводя меня через вестибюль в библиотеку.

Я ответил, что поел в Аркхеме.

Он поставил лампу на стол, заваленный книгами, отодвинув при этом на край кипу каких-то бумаг. Пригласив меня сесть, он опустился в то же кресло, с которого, очевидно, встал, чтобы открыть мне дверь. Теперь я заметил, что вид у хозяина какой-то несвежий — Таттл давно не брился. К тому же он прибавил в весе: без сомнения, следствие его научных занятий, а потому — вынужденного пребывания в четырёх стенах и недостатка физических упражнений.

---

[6] Примечания: 6

Сок — индейское племя, жившее на территории современных штатов Мичиган, Висконсин и Иллинойс. Диалект сок принадлежит к языку фокс алгонкинской группы.

— Как ваш трактат о соках? — спросил я.

— Отложил, — кратко ответил он. — Возможно, я вернусь к нему позже. Теперь же я занялся кое-чем поважнее — а насколько это важно, я пока даже не могу сказать.

Тут я заметил, что разложенные вокруг книги — отнюдь не те научные тома, что я видел на его рабочем столе в Ипсуиче; со смутным опасением я опознал в них книги, приговорённые к уничтожению в подробнейших инструкциях дяди Таттла. Это подтвердил и мимолётный взгляд на полки, зиявшие пустотами именно в тех местах, о которых говорилось в завещании.

Таттл как-то слишком нетерпеливо повернулся ко мне и понизил голос, словно боялся, что его могут подслушать:

— Дело в том, Хэддон, что это колоссально — какая необузданность воображения. Вот только я уже не уверен, что это и *впрямь* воображение — сильно я в этом не уверен. Я долго ломал голову над этим пунктом в дядином завещании: никак не мог взять в толк, почему он хотел, чтобы дом непременно уничтожили. И справедливо допустил, что причина должна крыться где-то на страницах тех книг, что он столь тщательно перечислил, обрекая на уничтожение. — Пол показал

на инкунабулу на столе перед ним. — Поэтому я изучил их и могу вам сказать: я обнаружил там невероятнейшие странности, такой причудливый кошмар, что иногда я даже сомневаюсь, стоит ли дальше закапываться в эту тайну. Честно говоря, Хэддон, с делом эксцентричнее я не сталкивался ни разу — и, должен сказать, оно потребовало углублённых исследований. Книгами, собранными дядей Амосом, не обошлось.

— В самом деле, — сухо вымолвил я. — Осмелюсь предположить, вам пришлось для этого поездить.

Он покачал головой:

— Отнюдь, если не считать единственного похода в библиотеку Мискатоникского университета. Я понял, что с таким же успехом дела эти можно вести посредством почты. Помните дядины бумаги? В них я нашёл, что он заплатил сотню тысяч за некую рукопись в переплёте — из человеческой кожи, кстати. Там имелась загадочная приписка: «в дополнение к обещанному». Я задался вопросом, что же за обещание мог дать дядя Амос и кому — тому ли, у кого приобрёл этот «Текст Р'льеха», или же кому-то другому? После чего я пустился искать имя продавца книги и в конце концов обнаружил его — вместе с адресом.

Один китайский жрец из Внутреннего Тибета[7]. Я ему написал. Неделю назад пришёл ответ. — Пол наклонился вбок и стал шарить в бумагах на столе, пока не нашёл искомое и не протянул мне. — Я написал от имени дяди — как будто не вполне доверял той сделке, словно забыл или же хотел избежать выполнения данного обещания. Его ответ был так же загадочен, как и дядина приписка.

И верно — на смятом листке, переданном мне Полом, не было ничего, кроме единственной строки, начертанной странным угловатым почерком, без подписи и даты: «Дать пристанище Тому, Кого Нельзя Именовать».

Полагаю, я глянул на Таттла так, что в глазах у меня явно отразилось изумление, потому что Пол улыбнулся, прежде чем ответить:

— Непонятно, правда? Мне тоже было непонятно, когда я только его развернул. Но длилось это недолго. Чтобы понять, что произойдёт дальше, вам нужно хотя бы вкратце знать очерк той мифологии — если это и *впрямь* всего лишь мифология, — в которую тайна эта уходит корнями. Очевидно, мой дядюшка Амос знал всё это

---

[7] Примечания: 7

Внутренний Тибет — области исторического Тибета в составе Китая, не входящие в современный Тибетский автономный район.

и верил в неё, ибо различные пометки, разбросанные по полям его запретных книг, говорят о знании, намного превосходящем моё. Мифология эта явно имеет общие источники с нашей легендарной Книгой Бытия, но сходство весьма невелико. Иногда меня подмывает сказать, что эта мифология намного старше любой другой, а в том, чего недоговаривает, она заходит ещё дальше и становится поистине космической, вне времени и возраста. Существа её — двух природ и только двух: это Старые, или Древние, они же Старшие Боги *космического добра,* другие же — создания *космического зла.* Эти последние носят множество имён, принадлежат к различным группам так, словно связаны со стихиями и в то же время превосходят их. Есть Твари Воды, таящиеся в глубинах: Твари Воздуха, что с самого начала скрывались за пологом времени; Твари Земли — ужасные одушевлённые останки далёких эпох. Невероятно давно Старые отлучили всех Злых от космических пространств и заточили их во множестве узилищ. Но с ходом времени Злые породили себе адских приспешников и те стали готовить им возвращение к величию. Старые безымянны, но сила их, очевидно, всегда будет велика и они смогут сдерживать

неприятельскую силу… Так вот, Злые, видимо, часто ссорятся, как и меньшие существа. Твари Воды противостоят Тварям Воздуха, Твари Огня — противники Тварей Земли; тем не менее все они вместе ненавидят и боятся Старших Богов и не оставляют надежды когда-нибудь их разгромить. В бумагах моего дяди его неразборчивым почерком выписано множество жутких имён и названий мест: *Великий Ктулху, озеро Хали, Цатоггуа, Йог-Сотот, Ньярлатхотеп, Азатот, Хастур Невыразимый, Юггот, Альдонес, Тале, Альдебаран, Гиады, Каркоза* и другие. Всех возможно разделить на смутно определённые классы, если судить по тем дядюшкиным заметкам, что мне теперь понятны, — хотя многие суть неразрешимые загадки и я не могу пока даже подступиться к ним; а многие заметки к тому же написаны на языке, которого я не знаю и сопровождаются таинственными и странно пугающими символами и знаками. Но из того, что я понял, можно заключить, что Великий Ктулху — одна из Тварей Воды, а Хастур — из тех, кто без устали скитается по звёздным пространствам; и ещё по туманным намёкам в этих запретных книгах можно понять, где некоторые такие существа обитают. Так, я полагаю, по этой мифологии, Великого Ктулху из-

гнали под земные моря, а Хастура — в открытый космос, туда, «где висят чёрные звёзды», а место это считается Альдебараном в Гиадах и упоминается Чамберсом, когда тот повторяет «Каркозу» Бирса[8]... А теперь что касается записки от тибетского жреца: в свете всего этого ясно лишь одно. Хэддон, вне всякого сомнения, совершенно определённо «Тот, Кого Нельзя Именовать» — не кто иной, как сам Хастур Невыразимый!..

Я вздрогнул, когда голос его вдруг смолк: настойчивый шёпот Пола Таттла как-то гипнотизировал, убеждал меня гораздо сильнее власти самих слов. Где-то глубоко, в тайниках моего рассудка, отозвался некий аккорд — мнемоническая связка, которой я не мог пренебречь, но не мог и проследить её: она вызывала ассоциации с беспредельной древностью, словно космический мост, уводящий в иное место и время.

— Вроде всё логично, — наконец опасливо вымолвил я.

— Логично! Хэддон, всё так и *есть* — не может

---

[8] Примечания: 8

Роберт Уильям Чамберс (1865–1933) — американский художник и писатель. Каркоза — древний город, фигурирующий в рассказе американского писателя и журналиста Амброза Бирса (1842 — ок. 1914) «Обитатель Каркозы» (1886). Чамберс использовал его, как и некоторые другие реалии и имена, придуманные Бирсом и впоследствии заимствованные Лавкрафтом, в своей книге рассказов «Король в Жёлтом» (1895).

не быть! — воскликнул он.

— Допустим, — сказал я. — Ну и что?

— А если это так, — с горячностью продолжил он, — получается, что мой дядя Амос дал обещание подготовить пристанище к возвращению Хастура из тех пределов открытого космоса, где тот сейчас заточён. Где это пристанище, каким именно может оказаться такое место, меня до сих пор не очень занимало, хоть я, возможно, и способен догадаться. Но сейчас не время для догадок и, всё же, судя по другим имеющимся свидетельствам, кое-какие умозаключения вполне допустимы. Первейшее и важнейшее — само по себе явление двойной природы: *ergo*[9], что-то непредвиденное предотвратило возвращение Хастура при жизни моего дядюшки, однако себя проявило некое другое существо. — Он взглянул на меня с нехарактерной для него открытостью и без малейшей нервозности. — Что же до улик такого проявления, я бы предпочёл их сейчас не касаться. Достаточно сказать, что, я полагаю, доказательства у меня есть. Итак, возвращаюсь к первоначальной посылке… Среди дядиных пометок на полях две или три особенно примеча-

---

[9] Примечания: 9
Ergo (лат. «следовательно»).

тельные — в «Тексте Р’льеха»; и впрямь, в свете того, что нам уже известно или можно оправданно предположить, эти записи крайне зловещи и угрожающи.

На этих словах он раскрыл древнюю рукопись и обратился к началу повествования.

— Смотрите внимательно, Хэддон, — сказал он, и я поднялся с места и склонился над ним, глядя на паутину почти неразборчивого почерка, в котором узнал руку Амоса Таттла. — Видите подчёркнутую строку в тексте: «Ф’нглуи мглв’наф Ктулху Р’льех вга’нагл фхтагн», — а дальше написано дядиной рукой: «Его приспешники готовят путь и он больше не видит снов? (ЖИ: 2/28)» и далее дописано относительно недавно, если судить по дрожи пера, — вот, единственное сокращение: «Инс!» Очевидно, не переведя текста, смысла надписи не постичь. Впервые увидев эту запись, я и впрямь ничего не понял и обратился к тому, что значится в скобках. Вскоре мне удалось расшифровать её: сноска отсылала меня к популярному журналу «Жуткие истории» — к номеру за февраль 1928 года[10].

---

[10] Примечания: 10

В февральском номере журнала "Weird Tales" («Жуткие истории») за 1928 год была опубликована повесть Лавкрафта «Зов Ктулху», написанная двумя годами ранее.

Пол открыл журнал рядом с бессмысленным текстом, частично накрыв строки, которые у меня на глазах уже окутывались жутью таинственных веков. Под рукой Таттла теперь лежала первая страница рассказа, настолько очевидно относившегося к этой невероятной мифологии, что я невольно вздрогнул от изумления. Из-под ладони Пола выглядывал заголовок: Г. Ф. Лавкрафт, «Зов Ктулху». Но Таттл не задержался на первой странице; он перелистывал журнал, пока не углубился в рассказ. Где-то в середине он сделал паузу и моему взору открылась та же неразборчивая строка, что в невероятно редком «Тексте Р'льеха», на котором покоился журнал, была выведена корявым почерком Амоса Таттла. Абзацем ниже приводился, судя по всему, перевод с неведомого языка «Текста»: «Дома в Р'льехе мёртвый Ктулху ждёт, видя сны».

— Вот вам и отгадка, — с некоторым удовлетворением подвёл итог Таттл. — Ктулху тоже ждал часа своего нового появления — сколько эпох, узнать никому не дано. Но дядя усомнился, действительно ли Ктулху по-прежнему ждёт и видит сны, а потому записал и дважды подчеркнул те буквы, которые могут значить только одно: «Инсмут!» Всё это, вместе с той мерзостью, на которую

отчасти намекает вот эта откровенная история, таящаяся под вывеской *художественного вымысла,* открывает нам просторы немыслимого ужаса, вековечное зло.

— Господи боже! — невольно воскликнул я. — Но вы не считаете, что эта фантазия сейчас воплощается?

Таттл обернулся и бросил на меня до странности чужой взгляд.

— Что *я* считаю, Хэддон, значения не имеет, — мрачно ответил он. — Но вот что мне самому очень бы хотелось знать: что произошло в *Инсмуте*? Что происходило там последние десятки лет, отчего люди его избегают? Почему этот некогда процветавший порт впал в запустение, почему часть домов брошена, а недвижимость в городке практически ничего не стоит? И чего ради правительственные агенты квартал за кварталом взрывают прибрежные постройки, дома и склады? И наконец, зачем, во имя всего святого, подводную лодку отправили торпедировать участки открытого моря за Рифом Дьявола на выходе из гавани Инсмута?

— Я ничего об этом не знаю, — ответил я.

Но он не обратил внимания; голос его, неуверенный и дрожащий, стал чуть громче:

— Я могу вам сказать, Хэддон. Всё так, как написал мой дядя Амос: Великий Ктулху восстал вновь!

Какой-то миг я потрясённо молчал. Затем промолвил:

— Но ведь он ждал Хастура…

— Именно, — чётко, как настоящий учёный, согласился со мной Таттл. — В таком случае мне бы хотелось знать, кто или что ходит в глубине земли под домом в те тёмные часы, когда взошёл Фомальгаут, а Гиады склонились на восток.

3

После этих слов Таттл резко сменил тему. Принялся расспрашивать о моих делах, о практике и в конце концов, когда я уже собрался откланяться, стал уговаривать меня остаться на ночь. На это я, подумав, согласился — правда, без особой охоты, — и он сразу вышел приготовить мне комнату. Я воспользовался случаем и более тщательно осмотрел его рабочий стол: нет ли здесь «Некрономикона», пропавшего из библиотеки Мискатоникского университета. На столе книги не было, но, подойдя к полкам, я сразу её обнаружил. Едва я успел снять том, чтобы удостовериться, оригинал ли это, в комнату вошёл

Таттл. Бросил быстрый взгляд на книгу у меня в руках и слегка улыбнулся.

— Не могли бы вы, Хэддон, захватить её с собой к доктору Лланферу завтра утром, когда будете уходить? — как бы между прочим сказал он. — Я уже переписал весь текст и она мне больше не нужна.

— С радостью, — ответил я, подумав: хорошо, что дело можно уладить так быстро.

Вскоре я удалился в приготовленную комнату на втором этаже. Пол проводил меня до двери и замялся на пороге, будто словам, готовым сорваться с языка, не было позволено покидать его уст; прежде чем уйти, он ещё раз или два обернулся ко мне, пожелал спокойной ночи и в конце концов вымолвил то, что не давало ему покоя:

— Кстати… Если вы ночью что-либо услышите, Хэддон, не тревожьтесь. Чем бы то ни было, оно безвредно… пока.

И лишь когда он ушёл, а я остался один, на меня снизошло осознание того, что и как он мне сказал. Стало понятно: этим подтверждались те дикие слухи, что наводняли Аркхем и Таттл говорил со мной вовсе не без страха. Задумавшись, я медленно разделся и облачился в пижаму, которую Таттл разложил для меня на кровати; разум мой

ни на миг не отклонялся от мыслей о зловещей мифологии древних книг Амоса Таттла. Я никогда не принимаю скоропалительных решений, а сейчас и подавно не склонен был размышлять быстро. Несмотря на очевидную нелепость измышлений, мифологическая конструкция всё же была выстроена недурно и заслуживала не просто мимолётного внимания. К тому же мне было ясно, что Таттл более чем наполовину убеждён в её истинности. Уже этого одного хватало, чтобы задуматься, ибо прежде Пола Таттла всегда отличало тщание в исследованиях, а его опубликованные труды никогда не подвергались критике за неточности даже в малых деталях. Стало быть, я, по крайней мере, готов был допустить: у мифологической структуры, очерченной для меня Полом Таттлом, имелись некие основания. Что же до её истинности или ошибочности, разумеется, тогда я ещё не мог принять её рассудком: ибо стоит человеку сознательно допустить или отвергнуть возможность чего-либо, впоследствии ему вдвойне — нет, втройне — сложнее будет избавиться от своего умозаключения, каким бы пагубным оно ни оказалось.

Размышляя так, я лёг в постель и стал ожидать прихода сна. Ночь углублялась и темнела, хотя

сквозь лёгкие занавеси на окне я видел, что небо усыпано звёздами, высоко на востоке взошла Андромеда, а осенние созвездия уже плывут по небесам.

Я был уже на грани сна, как вдруг очнулся, вздрогнув, от звука — как я потом осознал, он доносился до моего слуха уже некоторое время, но лишь теперь я понял всё его значение: по всему дому отдавалась слабая дрожь поступи некоего гигантского существа, однако звук исходил не из самого дома, а с востока и, на какой-то миг, я в смятении решил, будто из морских глубин восстало нечто и теперь шагает вдоль берега по мокрому песку.

Но стоило мне приподняться на локте и вслушаться, иллюзия рассеялась. Мгновение вообще не раздавалось ни звука; затем шаги послышались вновь: нерегулярные, ломаные — шаг, пауза, два шага быстро друг за другом, странное *чмоканье…* Обеспокоившись, я встал и подошёл к открытому окну. Ночь стояла тёплая, почти душная, воздух был недвижим. Далеко на северо-востоке луч маяка описывал в небе дугу, а с севера доносилось слабое гудение ночного самолёта. Уже перевалило за полночь; низко на востоке сверкали красный Альдебаран и Плеяды,

но тогда я ещё не мог связать услышанные мною странности с появлением Гиад над горизонтом — это пришло позже.

Звуки меж тем нисколько не ослабевали и мне в конце концов стало ясно, что шаги приближаются к дому, хоть и до крайности неспешно. Не мог я сомневаться и в том, что они доносятся от моря, поскольку вокруг не было никаких перепадов рельефа, которые могли бы отразить звук, придав ему новое направление. Я снова задумался о похожих звуках, которые мы слышали, пока тело Амоса Таттла лежало в доме, хотя и не мог в тот момент припомнить, что Гиады — точно так же низко, как сейчас на восток, — склонялись тогда на запад. Если те шаги как-то и отличались, я не мог определить, как именно, вот только теперь они казались как-то *ближе*, однако *близость* эта была не столько физической, сколько психической. Убеждение моё настолько окрепло, что стало нарастать беспокойство, в котором уже сквозил страх: я не мог оставаться на месте, мне безудержно захотелось чьего-нибудь общества. Я быстро подошёл к двери, открыл её и тихо вышел в коридор, чтобы найти хозяина дома.

И тут же сделал новое открытие. В комнате звуки, без сомнения, доносились с востока и лишь

слабая, почти неощутимая дрожь отдавалась в старом доме. Но сейчас, во тьме коридора, куда я вышел без лампы, мне стало ясно, что шаги и дрожь исходят откуда-то *снизу* — не из самого дома, нет, источник их располагался гораздо ниже: они будто бы подымались из глубоких подземелий. Напряжение нервов моих возрастало, пока я стоял в темноте, пытаясь взять себя в руки, — и тут я увидел слабое свечение снизу лестницы. Я сразу же бесшумно двинулся к ней, перегнулся через перила и увидел, что это горит электрическая свеча в руке Пола Таттла. Он стоял в нижнем вестибюле в халате, хотя мне даже сверху было видно, что он так и не раздевался. Свет, падавший на лицо, обнажал всю напряжённость его внимания: вслушиваясь, он слегка склонил голову набок — и стоял так всё время, пока я на него смотрел.

— Пол! — наконец позвал я громким шёпотом.

Он сразу вскинул голову и увидел моё лицо, наверняка попавшее в круг света.

— Вы слышите? — спросил он.

— Да… Бога ради, что это?

— Я слышал это раньше, — ответил он. — Спускайтесь сюда.

Я сошёл в вестибюль и остановился подле него.

Несколько мгновений он изучал меня пытливо и пристально.

— Не боитесь, Хэддон?

Я покачал головой.

— Тогда пойдёмте.

Он повернулся и повёл меня вглубь дома; мы стали спускаться в подвалы. Всё это время шаги звучали всё громче, словно и впрямь приближались к дому, исходя откуда-то снизу и теперь очевидным было не только явное сотрясенье самого здания, его стен и опор, но и содроганье, колыханье всей почвы вокруг. Будто бы некие подземные катаклизмы избрали для своего проявленья это место на земной поверхности. Однако Таттла это не трогало — судя по всему, он испытывал такое и прежде. Сразу же он прошёл через первый и второй подвалы в третий, располагавшийся несколько ниже остальных; вероятно, его устроили позднее первых, но облицевали такими же блоками известняка, скреплёнными цементом.

В самом центре нижнего подвала Таттл остановился и тихо прислушался. Шаги уже достигли такой силы, что казалось, будто весь дом захвачен круговоротом вулканической активности; лишь его опоры оставались прочны, а балки у нас

над головами сотрясались и вздрагивали, скрипели и стонали от того громадного напряжения, что копилось в почве под нами и вокруг. Даже каменный пол, казалось, ожил под моими босыми ногами. Но затем нам почудилось, что шаги отступили, хотя на самом деле они, разумеется, нисколько не утихли — просто мы несколько привыкли к ним и наш слух настроился на иные звуки в более мажорном ключе: они тоже поднимались снизу, как бы с огромного расстояния, означая собою некое неизбывно отвратительное ползучее зло, что постепенно обволакивало нас.

Их первые свистящие ноты были не очень ясны и никаких догадок об их происхождении у меня не возникло; мне пришлось вслушиваться несколько минут, чтобы понять-то, что вплетается в зловещий свист или хныканье, исходит от чего-то живого, какого-то мыслящего существа, ибо немного погодя звуки переросли в грубые и неприятные слова, неясные и неразборчивые, хотя слышно их было хорошо. Таттл уже поставил свечу, опустился на колени и теперь полулежал на полу, приложив ухо к каменной плите.

Повинуясь его жесту, я сделал то же самое и обнаружил, что звуки из-под земли стали более узнаваемыми, хоть и не менее бессмысленными.

Сперва я слышал только невнятные и, вероятно, бессвязные завывания, на которые накладывалось зловещее пение. Позднее я записал его так: «Йа! Йа!.. Шуб-Ниггурат… Уг! Ктулху фхтагн!.. Йа! Йа! Ктулху!»

Но стало вскорости понятно, что насчёт по меньшей мере одного звука я несколько ошибался. Само по себе имя Ктулху слышалось хорошо, несмотря на ярость шума, нараставшего вокруг; однако слово, певшееся следом, казалось несколько длиннее «фхтагн». К нему будто прибавлялся лишний слог, но я всё же не был уверен, что его там не было с самого начала. Вот пение стало ещё яснее и Таттл извлёк из кармана блокнот и карандаш и что-то записал:

— Они говорят: «Ктулху нафлфхтагн».

Судя по его лицу и глазам, в которых слабо засветилось воодушевление, эта фраза о чём-то ему говорила, но для меня она не означала ничего. Я смог узнать лишь ту её часть, которая по своему характеру была идентична словам в кошмарном «Тексте Р’льеха», а после — в журнале, где их перевод вроде бы означал «Ктулху ждёт, видя сны». Моё очевидное непонимание, судя по всему, напомнило моему хозяину, что его познания в филологии намного превосходят мои, ибо он

слабо улыбнулся и прошептал:

— Это не что иное, как отрицательный оборот.

И даже тогда я не сразу понял, что он имел в виду: подземные голоса, оказывается, поют вовсе не то, что я думал, а «Ктулху больше не ждёт, видя сны»! Вопрос веры уже не стоял, ибо происходившее имело явно нечеловеческие истоки и не допускало иного решения, кроме того, что было сколь угодно отдалённо, однако так или иначе связано с невероятной мифологией, недавно истолкованной мне Таттлом. К тому же теперь, словно осязания и слуха было недостаточно, подвал наполнился странным гнилостным духом, перебиваемым тошнотворно сильным запахом рыбы, — очевидно, вонь сочилась сквозь сам пористый известняк.

Таттл потянул носом почти одновременно со мной и я с опаской заметил, что лицо его тревожно окаменело. Какой-то миг он лежал спокойно, затем тихо встал, взял свечу и, ни слова не говоря, на цыпочках двинулся прочь из подвала, поманив меня за собой.

Лишь когда мы снова оказались наверху, он осмелился заговорить.

— Они ближе, чем я думал, — задумчиво произнёс он.

— Это Хастур? — нервно спросил я.

Но он покачал головой:

— Вряд ли он, поскольку проход внизу ведёт только к морю и часть его, без сомнения, затоплена. Следовательно, это наверняка кто-то из Тварей Воды — тех, что спаслись после того, как торпеды уничтожили Риф Дьявола под проклятым Инсмутом. Это может быть сам Ктулху или те, кто служит ему, как в ледяных твердынях служат ми-го, а люди чо-чо — на тайных плоскогорьях Азии.

Поскольку нам всё равно было не уснуть, мы уселись в библиотеке и Таттл нараспев стал рассказывать о тех диковинах, на которые наткнулся в старинных книгах, некогда принадлежавших его дядюшке. Мы сидели и ждали зари, а он говорил о кошмарном плоскогорье Ленг, о Чёрном Козле из Лесов с Легионом Младых, об Азатоте и Ньярлатхотепе, Могущественном Посланнике, который бродит по звёздным пространствам в человеческом облике, об ужасном и дьявольском Жёлтом Знаке, о легендарных башнях таинственной Каркозы, где обитают призраки, о страшном Ллойгоре и ненавистном Зхаре, о Снежной Твари Итакуа, о Чогнаре Фогне и Н'га-Ктуне, о неведомом Кадате и Грибах Юггота, — так говорил он

много часов кряду, а звуки снизу не прекращались и я слушал, объятый смертельным ужасом. Однако страхи мои были преждевременны: с утренней зарёй звёзды поблекли, а возмущения внизу постепенно замерли, стихли, удалились к востоку, к океанским глубинам и я наконец ушёл к себе в комнату. Мне не терпелось поскорее одеться и покинуть этот дом.

4

Прошло чуть больше месяца и я снова отправился в усадьбу Таттла через Аркхем: Пол прислал мне срочную открытку, где его дрожащей рукой было нацарапано лишь одно слово: «Приезжайте!» Даже не напиши он, я бы всё равно счёл своим долгом вернуться в старый особняк на Эйлсбери-роуд, несмотря на отвращение к потрясающим душу исследованиям Таттла и собственный страх, который, насколько я теперь понимал, только обострился. И всё же я как мог откладывал поездку с тех пор, как пришёл к выводу, что мне следует отговорить Таттла от дальнейших изысканий, — откладывал до того утра, когда получил его открытку. В «Транскрипте» я прочёл невнятное сообщение из Аркхема; я бы и вовсе его не заметил, если бы мой взор

не привлёк маленький заголовок: «Бесчинство на Аркхемском кладбище». И ниже: «Осквернён склеп Таттлов». Само сообщение было кратким и мало что добавляло к заголовку:

«Как было обнаружено сегодня утром, вандалы взломали и частично разгромили семейный склеп Таттлов на Аркхемском городском кладбище. Одна стена уничтожена практически полностью и восстановлению не подлежит. Сами саркофаги также потревожены. Сообщается, что пропал саркофаг покойного Амоса Таттла, но официального подтверждения к часу выхода этого номера в свет мы не имеем».

Едва я дочитал это не очень-то внятное сообщение, меня охватило сильнейшее беспокойство — сам не знаю почему. Однако я сразу почувствовал, что акт вандализма, совершённый в склепе, — отнюдь не обычное преступление; и я не мог не связать его в уме с происшествиями в старом доме Таттлов. Поэтому я решился ехать в Аркхем немедленно и встретиться с Полом Таттлом, не успела его открытка прийти. Краткое послание встревожило меня ещё сильнее, если это было возможно и в то же время убедило в том, чего я страшился, — что между вандализмом

на кладбище и подземными хождениями под особняком на Эйлсбери-роуд есть некая отвратительная связь. Однако в глубине души мне очень не хотелось покидать Бостон: меня не оставлял смутный страх перед незримой опасностью, исходящей из неведомого источника. Но долг тем не менее перевесил опасения и я отправился в путь.

В Аркхем я прибыл в первой половине дня и, как поверенный в делах, тотчас отправился на кладбище, дабы удостовериться в нанесённом ущербе. У склепа установили полицейский пост, но мне позволили осмотреть участок, как только узнали, кто я такой. Как я обнаружил, газетный отчёт поразительно не соответствовал истине, ибо от склепа Таттлов остались одни руины, саркофаги стояли под открытым небом, а некоторые были вообще разбиты так, что обнажились бренные кости внутри. Хотя гроб Амоса Таттла и впрямь ночью исчез, днём его нашли в чистом поле милях в двух к востоку от Аркхема. Он лежал слишком далеко от дороги — там, куда его никак не могли доставить на автомобиле или повозке. Место выглядело ещё таинственнее, если это возможно, самой находки: осмотр показал, что через поле сюда вели следы — некие громадные углуб-

ления в земле через широкие интервалы, причём некоторые отметины были до сорока футов в диаметре! Будто здесь прошла какая-то чудовищная тварь — хотя, признаюсь, подобная мысль посетила меня одного. Для остальных провалы в земле остались загадкой, на которую не могли пролить свет даже самые невероятные предположения. Отчасти, вероятно, тайна усугублялась иным поразительным фактом, установленным сразу же: тела Амоса Таттла в гробу не было, а поиски в окрестностях успехом не увенчались. Всё это я узнал от смотрителя кладбища, после чего отправился по Эйлсбери-роуд, запрещая себе далее размышлять об этих невероятных событиях, пока не поговорю с Полом Таттлом.

На сей раз на мой стук долго никто не отзывался и я уже начал было тревожиться, не случилось ли с ним чего-нибудь, но тут за дверью раздалось слабое шуршание и следом — приглушённый голос Таттла:

— Кто здесь?

— Хэддон, — отозвался я и мне показалось, что с той стороны донёсся вздох облегчения.

Дверь отворилась и, лишь закрыв её за собой, я увидел, что в вестибюле царит ночная мгла: окно в дальнем конце было плотно занавешено

и в длинный коридор не попадало совершенно никакого света из тех комнат, что в него выходили. Я воздержался от вопроса, готового сорваться с языка и повернулся к Таттлу. Глаза мои не сразу освоились с неестественной тьмой; лишь несколько мгновений спустя смог я различить хозяина и увиденное потрясло меня. Таттл изменился — из высокого прямого человека в расцвете сил он превратился в согбенного грузного старика грубой и порядком отталкивающей наружности, которая теперь соответствовала возрасту, намного превышавшему его подлинные года. Первые же его слова наполнили меня острой тревогой:

— Быстро, Хэддон. У нас не очень много времени.

— Что такое? Что случилось, Пол?

Он не ответил и повёл меня в библиотеку, где тускло горела электрическая свеча.

— Я сложил в этот пакет некоторые из самых ценных книг дяди — «Текст Р'льеха», «Книгу Эйбона», «Пнакотикские рукописи» и ещё кое-что. Вы собственноручно должны сегодня же доставить их в Мискатоникский университет. Пусть отныне считаются собственностью библиотеки. А вот это — конверт, куда я вложил некие указания для вас на тот случай, если мне не удастся связать-

ся с вами лично или по телефону — видите, со времени вашего последнего визита я установил аппарат — сегодня до десяти вечера. Полагаю, вы остановились в «Льюистоне»? Так вот, слушайте внимательно: если я не позвоню вам туда сегодня до десяти часов, без колебания выполняйте эти инструкции. Настойчиво советую действовать без промедления, а поскольку вы можете счесть указания слишком необычными и промедлить, я уже позвонил судье Уилтону и объяснил, что оставил вам кое-какие странные, однако жизненно важные инструкции и хочу, чтобы их выполнили беспрекословно.

— Так что произошло, Пол? — снова спросил я.

На миг мне показалось, что сейчас он всё расскажет, но он лишь покачал головой:

— Пока я всего не знаю. Но уже сейчас могу сказать: мы оба — мой дядя и я — совершили чудовищную ошибку. И я боюсь, уже поздно её исправлять. Вы знаете, что тело дяди Амоса исчезло? — (Я кивнул.) — Так вот, оно нашлось.

Я изумился, поскольку сам только что был в Аркхеме и ни о чём подобном там не сообщали.

— Быть не может! — воскликнул я. — Его до сих пор ищут.

— А, неважно, — странным тоном ответил он. —

Там его нет. Оно здесь — в дальнем углу сада, где его бросили, когда надобность в нём отпала.

Он вдруг вскинул голову и до нас откуда-то из дома донеслось какое-то шорканье и кряхтенье. Через минуту звуки затихли и Таттл снова повернулся ко мне.

— Пристанище, — пробормотал он и отвратительно хихикнул. — Я уверен, тоннель устроил дядя Амос. Но это не то пристанище, которого желал Хастур, хоть оно и служит приспешникам его сводного брата, Великого Ктулху.

Казалось почти невероятным, что снаружи сияет солнце, ибо мрак, царивший в вестибюле и неизбывный ужас, что обволакивал меня всего, вместе придавали всему дому нереальность, чуждую тому миру, откуда я только что пришёл, хотя и в нём творились кошмары вроде осквернения склепа. К тому же я понимал, что Таттл лихорадочно одержим ожиданием чего-то — вкупе с нервозной спешкой; глаза его странно сверкали и казались выпученными сильнее прежнего, губы вроде бы стали тоньше и жёстче, а бородка свалялась до того, что выглядела невероятной коростой. Он ещё немного прислушался, затем обернулся ко мне.

— Мне надо задержаться здесь — я ещё не

кончил минировать дом, а сделать это необходимо, — заявил он рассеянно и продолжил, не успели мои вопросы сорваться с языка: — Я обнаружил, что дом покоится на естественном фундаменте и там внизу должен быть не один тоннель, но масса пещерных структур и я полагаю, что эти пещеры по большей части затоплены… и, возможно, обитаемы, — зловеще добавил он. — Однако это, конечно, теперь мало что значит. Я боюсь не столько того, что сейчас находится внизу, сколько того, что наверняка придёт.

Он опять умолк и вслушался — и вновь наших ушей достиг смутный отдалённый шум. Я напряг слух и различил какую-то зловещую возню, словно некое существо пыталось открыть запертую дверь; я попробовал установить источник этих звуков или угадать его. Поначалу мне чудилось, что шум доносится откуда-то изнутри дома и я почти инстинктивно подумал о чердаке, ибо казалось, будто возятся наверху, но через секунду стало понятно, что звук не может исходить ни из самого дома, ни даже снаружи. Звук произрастал откуда-то издалека, из некоей *точки в пространстве далеко за стенами* — шорох и треньканье, которые в моём сознании не связывались ни с

какими узнаваемыми материальными звуками, скорее они обозначали собой некое потустороннее явление. Я пристально глянул на Таттла и увидел, что его внимание тоже приковано к чему-то снаружи: он приподнял голову, а взор устремил куда-то за пределы стен вокруг нас и в глазах его пылал диковинный восторг — не без примеси страха и странного покорного ожидания.

— Это знак Хастура, — глухо вымолвил Таттл. — Когда сегодня ночью поднимутся Гиады и по небу пойдёт Альдебаран, Он явится. Другой тоже будет здесь вместе со своим водяным народом — с первобытной расой, дышащей жабрами. — Тут он захохотал — внезапно, беззвучно, — а затем, лукаво и полубезумно глянув на меня, добавил: — И Ктулху с Хастуром будут сражаться здесь за пристанище, пока Великий Орион шагает над горизонтом вместе с Бетельгейзе, где обитают Старшие Боги — лишь они могут отвратить злые замыслы адского отродья!

Без сомнения, изумление моё при этих словах ясно отразилось у меня на лице и Таттл осознал, в каком смятении я пребываю, ибо лицо его вдруг изменилось, взгляд смягчился, он нервно сцепил и расцепил пальцы, и голос его зазвучал

естественнее:

— Но быть может, это утомляет вас, Хэддон. Не скажу более ни слова, ибо времени всё меньше, уже близок вечер, а за ним — и ночь. Умоляю вас ничуть не сомневаться в моих инструкциях, которые я кратко изложил в этой записке. Я поручаю вам исполнить их безоговорочно. Если всё будет так, как я опасаюсь, даже эти меры могут не принести пользы; если же нет, я дам вам о себе знать в своё время.

С этими словами он передал мне пакет с книгами и проводил до дверей, куда я покорно за ним последовал, — настолько ошеломили и в немалой степени обескуражили меня его действия и сам пропитанный злом дух, витавший в древнем особняке ужаса.

На пороге он чуть задержался и легко коснулся моей руки.

— До свидания, Хэддон, — произнёс он дружелюбно и многозначительно.

И я оказался на крыльце под ослепительным предзакатным солнцем — таким ярким, что я прикрыл глаза и стоял так, пока не привык к его сиянию, а припозднившаяся синешейка задорно чирикала с ограды через дорогу и её пение приятно отзывалось у меня в ушах, словно оттеняя

неправдоподобность того тёмного страха и стародавнего ужаса, что остались за дверью.

5

И вот я подхожу к той части моего повествования, в которую пускаюсь с неохотой — не только из-за невероятности того, о чём я должен написать, но и потому, что в лучшем случае отчёт мой покажется читателю туманным и неопределённым, полным безосновательных предположений и удивительных, однако бессвязных свидетельств существования раздираемого ужасом вековечного зла вне времён; первобытных тварей, рыскающих сразу за чертой известной нам жизни, ужасного, одушевлённого, пережившего самое себя бытия в потаённых местах Земли. Не могу сказать, насколько много узнал Таттл из тех дьявольских книг, что вверил моему попечению для передачи в запертые шкафы библиотеки Мискатоникского университета. Определённо лишь, что он догадывался о многом, но не знал главного, пока не стало слишком поздно; о чём-то другом он собирал разрозненные намёки, вряд ли в полной мере осознавая величину той задачи, за которую столь бездумно взялся, когда решил узнать, почему Амос Таттл завещал непременно

уничтожить свой дом и книги.

После моего возвращения на древние улицы Аркхема одни события стали сменять другие с нежелательной быстротой. Я оставил пакет с книгами Таттла у доктора Лланфера в библиотеке и сразу направился к дому судьи Уилтона; мне повезло и я застал его. Он как раз садился за ужин и пригласил меня присоединиться, что я и сделал, хотя аппетита у меня не было: вся еда мне казалась отвратительной. К тому часу все страхи и неясные сомнения стеснились во мне и Уилтон тотчас заметил, что меня не отпускает необычайное нервное напряжение.

— Странная штука со склепом Таттлов, не правда ли? — проницательно осведомился он, догадавшись о причине моего приезда в Аркхем.

— Да, но не страннее того обстоятельства, что тело Амоса Таттла находится в саду его особняка, — ответил я.

— Вот как, — сказал судья без видимой заинтересованности и его спокойный тон помог мне отчасти восстановить душевное равновесие. — Ну да, вы же сами только что оттуда, стало быть, знаете, о чём говорите.

После этого я как можно более кратко поведал ему всё, что описал здесь, опустив лишь несколь-

ко самых невообразимых подробностей, однако ни в малой степени не сумел развеять его сомнений, хотя судья был слишком воспитан, чтобы дать мне это понять.

Когда я завершил рассказ, он некоторое время посидел в глубокомысленном молчании, лишь раз — другой взглянув на часы: уже перевалило за семь. Наконец он прервал размышления и предложил мне позвонить в «Льюистон» и попросить, чтобы все звонки мне переводились сюда. Я незамедлительно это исполнил, несколько приободрившись оттого, что он всё же воспринял проблему всерьёз и готов посвятить ей вечер.

— Что касается мифологии, — сказал он, как только я вернулся в комнату, — то ею вообще-то *можно* пренебречь как порождением безумного рассудка этого араба, Абдула Альхазреда. Я обдуманно говорю «можно пренебречь», но в свете того, что произошло в Инсмуте, мне бы не хотелось эту точку зрения последовательно отстаивать. Тем не менее мы сейчас не в суде. Наша немедленная забота — благополучие самого Пола Таттла; я предлагаю сейчас же ознакомиться с его инструкциями.

Я тотчас извлёк конверт и распечатал его. Внутри лежал единственный листок бумаги со

следующими загадочными и зловещими строками:

«Я заминировал дом и участок. Ступайте *немедленно* и без задержки к воротам выгона на западе от дома, где в кустарнике справа от дороги, если идти из Аркхема, я спрятал детонатор. Дядя Амос был прав — это нужно было сделать в самом начале. Если вы меня подведёте, Хэддон, — Богом клянусь, вы подвергнете всех в округе такому бедствию, какого ещё не знал человек — и никогда не узнает. Если только выживет!»

Некое предчувствие истинной природы грядущего катаклизма, должно быть, начало к тому времени проникать в мой рассудок, ибо когда судья Уилтон откинулся на спинку кресла, вопросительно глянул на меня и осведомился:

— И что вы собираетесь делать? — я без колебаний ответил:

— Выполнить всё до последней буквы!

Какой-то миг он лишь рассматривал меня и ничего не говорил, затем смирился с неизбежным, вздохнул и сурово вымолвил:

— Что ж, подождём десяти часов вместе.

Последнее действие неописуемого кошмара, сгустившегося в доме Таттла, началось незадолго

до этого срока, причём начало это было до того обыденным, что последующий истинный ужас оказался вдвойне глубоким и потрясающим. Итак, без пяти минут десять зазвонил телефон. Судья Уилтон тут же снял трубку — и даже оттуда, где я сидел, в голосе Пола Таттла, выкликавшего моё имя, была слышна смертная мука!

Я взял трубку из рук судьи.

— Хэддон слушает, — сказал я с хладнокровием, которого не ощущал вовсе. — В чём дело, Пол?

— Сейчас же! — вскричал Таттл. — Боже, Хэддон, — немедленно — пока… не поздно. Господи — пристанище! *Пристанище!..* Вы знаете это место — ворота выгона… Боже, скорей же!..

А потом произошло то, чего мне вовек не забыть: голос его внезапно ужасно извратился — будто сначала его весь смяли в комок, а затем он потонул в жутких, бездонных словах. И звуки эти, доносившиеся теперь из трубки, были чудовищны и нечеловечески — ужасающая тарабарщина и грубое, злобное блеянье. В этом диком шуме отдельные слова возникали вновь и вновь, и я в неуклонно возраставшем ужасе слушал эту торжествующую страшную белиберду, пока та не затихла где-то вдали.

— Йа! Йа! Хастур! Угх! Угх! Йа Хастур кф’айяк

’вулгтмм, вугтлаглн вулгтмм! Айи! Шуб-Ниггурат!.. Хастур — Хастур кф’тагн! Йа! Йа! Хастур!..

Внезапно всё смолкло. Я обернулся к судье Уилтону и увидел его искажённое от ужаса лицо. Но я смотрел и не видел его — как не видел иного выхода, кроме того дела, что требовалось совершить. Ибо столь же внезапно я с ужасающей ясностью осознал то, чего Таттлу не суждено было узнать, пока не стало слишком поздно. В тот же миг я выронил трубку и как был, без шляпы и пальто, выбежал из дому, слыша, как за спиной у меня растворяется в ночи голос судьи, неистово вызывающего полицию. С невероятной скоростью я мчался по лежавшим в тени призрачным улицам заклятого Аркхема в октябрьскую ночь, вдоль по Эйлсбери-роуд, по проезду к воротам выгона — и оттуда, лишь на краткий миг, когда где-то позади взвыли сирены, сквозь ветви сада увидел дом Таттла, очерченный дьявольским фиолетовым сияньем, прекрасным, но неземным и ощутимо зловещим.

Потом я нажал на рукоять детонатора — с оглушительным рёвом старый дом разорвался и там, где он стоял, взметнулись языки пламени.

Несколько минут я стоял ослеплённый, затем постепенно стал осознавать, что по дороге к

югу от дома подтягивается полиция и медленно пошёл им навстречу. Так я увидел, что взрыв осуществил то, на что намекал Пол Таттл: своды подземных пещер под зданием рухнули и теперь вся почва оседала, проваливалась, и вспыхнувшее было пламя шипело и исходило паром, а снизу толчками поднималась вода.

И тогда случилось ещё одно — последний неземной ужас, который милосердно затмил собою то, что я увидел: из обломков среди поднимавшихся вод выпирала огромная масса протоплазмы; она восставала из озера на месте дома Таттла, а там, где раньше была лужайка, с воем бежала к нам нечеловеческая тварь, затем она обернулась к тому, другому существу и между ними началась титаническая схватка за господство. Её прервал лишь яркий взрыв света — казалось, он снизошёл с восточной части неба, подобно вспышке невероятно мощной молнии: гигантский разряд энергии на один ужасный миг обнажил всё и светящиеся отростки, точно извивы молний, опустились как бы из сердцевины ослепительного столба света. Один опутал ту массу, что виднелась в водах, поднял её высоко и швырнул вдаль, к морю, а другой подхватил с лужайки вторую тварь и закинул её тёмным пятнышком,

что становилось всё меньше, ввысь, в небеса, где она сгинула среди вечных звёзд! А потом настала внезапная, абсолютная, космическая тишина и там, где всего мгновения назад явилось нам это светящееся чудо, теперь осталась лишь тьма да верхушки деревьев на фоне неба, в котором низко на востоке блестел глаз Бетельгейзе, а Орион поднимался в осеннюю ночь.

Какой-то миг я не мог понять, что хуже — хаос предыдущих мгновений или кромешная чёрная тишь настоящего. Но слабенькие вопли ужаснувшихся людей вернули мне память и меня осенило, что хоть они-то, по крайней мере, не поняли этого тайного ужаса — последнего, что опаляет сознание и сводит с ума, того, что восстаёт в тёмные часы и бродит в бездонных провалах разума. Быть может, они тоже слышали — как это слышал я — тонкий, далёкий посвист, безумное завывание из неизмеримой бездны космического пространства, тот вой, что, летя, стряхивал ветер, те слова, что истекали из воздуха:

— Текели-ли, текели-ли, текели-ли…

И они, разумеется, видели тварь, что, вопя, вышла к нам из тонущих руин, эту искажённую карикатуру на человека, чьи глаза совершенно терялись в массивных складках чешуйчатой пло-

ти; это создание, что воздевало к нам бескостные руки, будто щупальца осьминога, — *тварь, что визжала и болботала голосом Пола Таттла!..*

Но всё же никто больше не мог знать тайны, ведомой лишь мне одному, — тайны, о которой, наверное, догадался в тенях своих предсмертных часов Амос Таттл, а племянник его понял слишком поздно: *что пристанищем, которого искал Хастур Невыразимый, пристанищем, обещанным Тому, Кого Нельзя Именовать, был вовсе не тоннель под домом и не сам дом, но тело и душа Амоса Таттла, а в их отсутствие — живая плоть и бессмертная душа того, кто жил в том обречённом доме на Эйлсбери-роуд.*

Перевод: Максим Немцов

Джеймс Блиш.
Больше света

James Blish. "More Light", 1970

Предисловие Роберта М. Прайса

Почти всё из того, что вы прочтёте ниже о писателе Джеймсе Блише (1921–1975), который в юности переписывался с Г. Ф. Лавкрафтом, вполне достоверно. Письмо, процитированное в рассказе, настоящее — по большей части. По крайней мере, оно основано на подлинном письме ГФЛ к Блишу и Уильяму Миллеру младшему (3 Июня 1936 года). Соответствующая часть настоящего письма Лавкрафта гласит:

«Что касается объективного существования „Некрономикона“, то мне бы очень хотелось, чтобы у меня появилось время и воображение для участия в таком проекте… но боюсь, это довольно большой заказ, тем более что объём этой страшной книги должен составлять около тысячи страниц! Я „цитировал“ страницу 770 и дальше. Более того, никогда нельзя произве-

сти ничего, даже на одну десятую настолько пугающего и впечатляющего, чем ужасные *намёки*. Если кто-нибудь попытается *написать* „Некрономикон“, это разочарует всех тех, кто содрогнулся от загадочных ссылок на эту книгу. Максимум, что можно сделать — и я могу попробовать как-нибудь, — это „перевести“ отдельные главы из чудовищной книги безумного араба… менее страшные главы, которые обычные люди могут читать, не опасаясь подвергнуться осаде со стороны Призраков из Бездны Азатота… *Собранная серия таких выдержек может быть позже представлена как „сокращённый и подчищенный «Некрономикон»“.*»

Первое появление рассказа «Больше света» — антология Энн МакКафри "Alchemy & Academe", 1970

I

Я никогда не доверял Биллу Ателингу. Как и я, он способен на подлость (так, однажды он в своей рецензии разнёс в клочья мой рассказ; для этого и нужны критики, так что я не жалуюсь). Но возможно, что и нравится он мне из-за своей подлости. Два года я провёл вдали от Нью-Йорка, занимался лоббированием в Сенатских коми-

тетах, поэтому, когда я вновь увидел Билла, то меня шокировал его внешний вид. Моим первым впечатлением было, что он при смерти.

Сначала я подумал, что это всего лишь эффект от бороды, ведь даже двухнедельной щетины на лице достаточно, чтобы любого мужчину сделать неопрятным. Отчасти так и было, но его борода выглядела почти белой, хотя Биллу исполнилось всего 47 и седина у него у него проступала лишь на висках.

Но тут произошло нечто большее. Билл потерял около десяти или пятнадцати килограмм, что не мог себе позволить, поскольку никогда в лучшей своей физической форме не весил больше семидесяти. Он мог сбросить не больше двух килограмм или около того. Его кожа посерела, особенно жутко она выглядела на шее, руки дрожали, глаза потеряли цвет, он кашлял как туберкулёзный больной; постоянно смотрел куда-то за моё плечо, пока мы разговаривали и приглушал голос в середине фраз. Если он не был серьёзно болен, то к бутылке спиртного он отнёсся серьёзно, что тоже наводило меня на неприятные мысли.

Вряд ли это было то состояние, в котором я ожидал найти мужчину рядом с новой, молодой женой (художницей Самантой Брок) и с пре-

красным новым домом на Бруклинских Высотах (когда-то этот дом имел дурную славу Беспечных Девяностых и Саманта украсила его в таком стиле: красный плюш, бисерные шторы, хрустальные светильники, золотая ветвь на коринфских деревянных колоннах, древняя виктрола с рогом в гостиной — место отдыха высшего уровня). Но я постарался сделать наше общение как можно более лёгким.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал я Биллу, когда мы стали пить бренди. — Что, во имя Бога, ты с собой сделал? Прочёл «полное собрание сочинений» Сэма Московица? Или ты принял ЛСД?

Билл тут же вернулся к своей невыносимой привычке отвечать уклончиво; по крайней мере, в *этом* он не изменился.

— Что ты знаешь о Роберте Уильяме Чамберсе? — Спросил он, глядя куда-то влево.

— Могу ответить, что чертовски мало и доволен этим. Я читал некоторые из его книг, когда учился в колледже. Насколько я помню, мне больше нравились его рассказы о жизни художников — студентов в Париже, чем фантастика. Больше ничего не могу сказать.

— Тогда ты помнишь «Короля в Жёлтом».

— Смутно. Это была одна из первых полумисти-

фикаций, не так ли? Вымышленная книга? Люди, которые читают её, предположительно сходят с ума, или к ним приходят монстры, или подобные существа. Как в случае с «Некрономиконом».

— На самом деле это должно было стать игрой, — сказал Ателинг. — Но продолжай.

— Ты буквоед до последнего. Но тут не о чём продолжать. Никто больше не верит, что какая-то книга может свести читателя с ума. Реальная жизнь стала слишком ужасной; даже Уильям Берроуз не может превзойти «Дахау».

Внезапно меня охватило подозрение и что-то очень похожее на отвращение.

— Угрюмый Билл Ателинг, ты собираешься сказать мне, что нашёл эту пьесу в своём подвале и с тех пор тебя преследуют? А потом хочешь выложить состряпанную рукопись, чтобы доказать это? Если это так, я просто забуду про свой ужин и пойду домой. В любом случае ты прекрасно знаешь, что такую книгу никто не купит.

— Это ты спрашивал, что со мной не так, — справедливо заметил Билл. — Остынь. Если ты не хочешь мне верить, тогда сам придумай другое объяснение.

— Придумать! — Воскликнул я.

— Если не можешь перестать пищать, то иди

домой, — огрызнулся Билл.

— Хорошо. Наблюдай за мной; я дышу ровно. Теперь, если у тебя есть честное объяснение, поведай его.

— Да, — ответил Ателинг. — У меня действительно есть эта пьеса.

Я сел обратно на стул, совершенно растерявшись. Никто больше не торгует такой ерундой. Наконец, я сказал:

— Думаю, здешняя обстановка ударила тебе в голову. Ну, продолжай, я слушаю. Только не жди, что я поверю. Допустим, я не знаю, кто написал сию Ужасную Работу? Так кто же?

— Ты не знаешь и я не знаю, но я уверен, что это был сам Чамберс, — ответил Билл. — Интересно, что ты упомянул «Некрономикон» безо всяких подсказок, потому что в первую очередь именно благодаря Лавкрафту я получил эту пьесу, что также объясняет, почему я не читал её до прошлого года. Но я лучше расскажу тебе всю историю по порядку. Пойдём со мной наверх.

Билл встал и я последовал за ним, не забыв прихватить бутылку «Гранд Марнье» со столика. Кабинет Ателинга выглядел как всегда почти патологически опрятным — ещё одна черта характера, которая автоматически внушает мне

недоверие, особенно если она принадлежит писателю. Но недавно кабинет окрасили в блестящий хромово-жёлтый цвет со слабым, тошнотворным оттенком зелёного; палитра, которая в скором времени заставила бы меня сойти с ума без помощи какой-либо вымышленной пьесы. На одной стене висела репродукция Вермеера; эта картина, несмотря на всю эту однообразную жёлтую краску, выглядела почти как окно, за исключением того, что на ней было нарисовано своё собственное окно, которое выглядело ещё более реальным. Для меня это стало сюрпризом; в такой обстановке я бы ожидал увидеть картины Пэрриша или, может быть, даже Бока.

Ателинг указал мне на неудобный стул с прямой спинкой, а затем достал из четырёхсекционного картотечного шкафа довольно толстую папку, которую он положил перед собой на стол. Из неё, в свою очередь, он извлёк два маленьких листа голубой бумаги, исписанных мелкими тёмно-синими буквами.

— Это она? — Спросил я. — Или это просто реклама?

— Нет, это не она, — сказал Билл безжизненным, опасно звучащим голосом. — Просто помолчи десять секунд и послушай, неужели

это так трудно? Если ты продолжишь болтать, у меня может не хватить мужества рассказывать дальше. Я не слишком уверен, что должен говорить с тобой.

— Тогда почему ты беспокоишься? Ты прекрасно знаешь, что я не поверю ни одному твоему слову.

— Потому что ты чуть менее глуп, чем все, кого я знаю и когда-то ты понимал кое-что в магии. Теперь ты собираешься слушать?

— Огонь по готовности, — сказал я с фальшивой покорностью. Я действительно не мог себе представить, как Билл сможет смастерить хорошую историю из ничего, но мне было очень интересно посмотреть, как он будет пытаться. Конечно, он знал, что у меня на уме.

— Хорошо. Как тебе, наверное, известно, в детстве я был фанатом Лавкрафта. Таким же, как ты. И я искренне верил во все эти поддельные книги, которые он и другие члены кружка Ктулху выдумали, чтобы их рассказы звучали более правдоподобно. Меня полностью поглотила эта тема. Я написал в Библиотеку Уайднера, пытаясь одолжить у них копию «Некрономикона»; я искал его в букинистических магазинах; пытался купить его в простой запечатанной обёртке от

«Панург Пресс». Всё было бесполезно и, наконец, когда мне исполнилось пятнадцать лет, я написал лично Лавкрафту и попросил его помочь.

Ну, ты догадываешься, что произошло. Лавкрафт вежливо ответил мне, что он просто придумал эту книгу. Но в пятнадцать лет меня не так-то легко было сломить. Вместо этого я предположил, что раз книги не существует, он должен написать «Некрономикон», а я его опубликую. По частям, конечно, в каком-нибудь любительском журнале.

Я рассмеялся.

— Лавкрафт, должно быть, получил четыре десятка подобных писем.

— Я не сомневаюсь в этом, — продолжил Билл, — в любом случае, он, конечно, очень вежливо отказался. Он сказал, что уже приводил цитаты из «Некрономикона» с 900-й или даже 1000-й страницы и он на самом деле не думает, что ему хочется писать книгу такого размера. Что ж, я более-менее понял его намёк. Но я не мог удержаться от того, чтобы добавить, что надеюсь, он когда-нибудь сможет написать хотя бы несколько глав и если он это сделает, то Билл Ателинг будет ждать, что Лавкрафт вспомнит, кто готов опубликовать их. Я был ужасным сопляком

в те дни. Пожалуйста, не делай никаких примечаний, потому что вот одно из моих собственных.

Билл протянул мне один из листов голубой бумаги. Я видел письма Лавкрафта и раньше; этот образец был написан маленькими буквами, совершенно разборчивым почерком, который выглядел так, словно писали по линейке. Либо это было подлинное письмо, либо его сделал мастер-фальсификатор, а я точно знал, что у Ателинга таланта подделывать письма не имелось. Ателинг указал на один длинный параграф, который гласил следующее:

«Ваше упорство действительно заслуживает похвалы, но на самом деле я думаю, что будет безрассудством для меня цитировать больше, чем несколько предложений из „Некрономикона“ то здесь, то там. Если бы я сочинил полный „Некрономикон“, возник бы риск испортить эффективность рассказов, основанных на цитатах из этой книги. Я знаю, по крайней мере, одного гениального писателя, который на этом оступился, его имя Роберт Чамберс. Он на самом деле сел писать своего печально известного и ужасного „Короля в Жёлтом“ (я имею в виду, естественно, пьесу, а не существующую в реальности книгу), тогда как, возможно, было бы гораздо лучше,

если бы Чамберс оставил пьесу на воображение читателей. Эта пьеса — прекрасная работа, но всё же она не впечатляет и не ужасает так, как его рассказы. Удача для нас и для Чамберса, что пьеса не была опубликована, так что мы свободны в том, чтобы воображать и бояться её содержания и никогда не узнаем, о чём в ней написано».

Однажды я сам обменялся несколькими письмами с Лавкрафтом, вы можете прочитать их в сборнике его избранных писем; мне знаком не только почерк Лавкрафта и тип бумаги, которую он использовал, но и его эпистолярный стиль. Этот листок был подлинным. Я сказал Биллу:

— Я начинаю понимать, куда ты клонишь.

— Конечно, понимаешь. Но держи в уме дату — 1937 год, тогда я ещё ничего не слышал о Чамберсе. Я раздобыл книгу с его рассказами. После этого ничто не могло удержать меня от желания увидеть саму пьесу. Я был бессознательным подростком и *потребовал*, чтобы ГФЛ прислал мне копию. И вот его ответ.

Ателинг передал мне другой лист голубой бумаги. На нём было написано:

«Я действительно не знаю, что делать с „Королём в Жёлтом“, потому что мы с Чамберсом никогда не были близки и я был поражён, что

он прислал мне пьесу в ответ на мою очень скромную просьбу — такую же, как вашу и других читателей насчёт „Некрономикона“ и т. п. Рукопись, которая сейчас у меня в руках, кажется мне превосходной, но, как я уже говорил вам, я был бы против её публикации, что может уничтожить эффектные намёки на пьесу в рассказах Чамберса. С другой стороны, это наглядный урок, когда *не* нужно следовать таким намёкам; в пьесе много красоты, а также много ужаса, который не должен оставаться скрытым. Поэтому я попросил молодую леди, работающую секретаршей, в обмен за мои небольшие редакторские услуги для неё, напечатать рукопись и я посылаю вам копию пьесы с указанием, что право на публикацию не наследуется при её передаче».

Я был убеждён, что и второе письмо Лавкрафта подлинное.

— Хорошо, — заявил я. — Это было тридцать лет назад. Если ты, в самом деле, получил в свои руки пьесу, то почему тогда же и не прочёл её? Ты говоришь, что прочитал её лишь недавно. Почему?

— Я перерос Лавкрафта и всю эту тусовку. Кроме того, мне было стыдно, что меня надули с «Некрономиконом» и я не хотел, чтобы меня снова обманули. Я подрался с толстым парнем, живу-

щим в конце квартала, из-за ещё более жирного и рыжего чувака. И много ещё чего отвлекло меня. Короче говоря, я отложил чтение на пару недель и как раз в это время Лавкрафт умер, а я даже не успел поблагодарить его за то, что он прислал мне пьесу. После этого мне стало стыдно ещё и за своё недомыслие, и я отложил пьесу, а вскоре после этого, Джим, мне удалось совсем забыть о ней. Никакое землетрясение не смогло бы захоронить эту пьесу более тщательно, чем моё собственное чувство вины, плюс моё собственное презрение к самому себе за то, что я вообще когда-то был фанатом фантастики. Если ты не понимаешь, как это могло произойти, тогда я прерву свою историю прямо на этом месте.

— Нет, я вполне всё понимаю, — сказал я. — Я не уверен, что мне это нравится, но понимаю. Продолжай.

— Я не думал о пьесе до 1967-го, когда Эйс вновь не переиздал сборник рассказов Чамберса. Затем, конечно, мне припомнилось, что, если бы вообще существовала такая пьеса, то я единственный в мире, у кого есть копия. По крайней мере, в собственных бумагах Чамберса пьесы не находили — он умер в 1933-м, а рукопись и печатная копия Лавкрафта потерялись.

— Почему ты так думаешь?

— Литературные душеприказчики Лавкрафта опубликовали каждый клочок бумаги из его архивов, что смогли найти, включая счёт из прачечной. Если бы они нашли «Короля в жёлтом», мир бы уже знал об этом. Если моя копия настоящая, то это последний и единственный экземпляр пьесы. Итак, я достал её из сейфа и прочитал.

— А что Саманта думает обо всём этом? — Перебил я Ателинга.

— О, — ответил он, — она знает большую часть из того, что я рассказал тебе, но она считает, что я всего лишь обычный невротик. Ты же знаешь, кто такие писатели. У таких женщин из Сити-Колледжа есть объяснения от Карен Хорни и Эриха Фромма для всего; это избавляет их от необходимости думать. Я не стал переубеждать её. И, конечно, я не показывал пьесу Саманте.

— Женский здравый смысл разнесёт твои доводы в клочья за минуту, — согласился я. — И сейчас ты собираешься сказать, что и мне ты не дашь посмотреть на эту пьесу?

— Наоборот, — ответил Билл. Зловещая ухмылка отделила его усы от бороды. — На самом деле она не такая уж и страшная; я уверен, что тебе она нисколько не навредит. Как ты говорил внизу,

жизнь более ужасна, чем любая книга.

— Тогда, что с тобой случилось, Билл? Ты гораздо более твердолобый, чем я; ты последний человек, которого я могу надеяться напугать Оскаром Уайльдом, Лавкрафтом, Артуром Мейченом или кем-то ещё из этой тусовки. Я не могу представить, что ты пытаешься напугать меня, ты же знаешь, что это бесполезно.

— Дело не в этом, — объяснил Ателинг. — Как я говорил, сама по себе пьеса не страшная. Но я говорю это предварительно, потому что я не всю ещё пьесу прочитал.

— Не понимаю.

— Я не могу дочитать её, — сказал Ателинг с выражением печали на лице. — Есть одно место в пьесе, на котором мне пришлось остановиться. Оно меняется каждый раз, когда я возвращаюсь к чтению, оно переходит на предыдущую или следующую страницу, но я знаю параграф, который я ещё не смог преодолеть.

Из другого письма Лавкрафта, которое я покажу тебе после того, как ты прочтёшь пьесу, я узнал, что он тоже заметил, как текст меняется, но что ему пришлось бросить чтение на несколько целых страниц раньше, чем мне. Я счёл это странным и у меня нет никаких объяснений. Я

хочу узнать, когда *ты* остановишься, если вообще начнёшь читать.

— Могу ли я предложить очень простой способ? — Спросил я.

— О Боже, конечно. Перелистать на последнюю страницу. Я делал это. Я знаю концовку пьесы. Я помню каждую строчку. Я мог бы даже переложить их на музыку, если бы это понадобилось. Дело не в этом. Я говорю только о совокупном *эффекте*, а не о состоянии текста. Я хочу знать, как далеко ты продвинешься в первый раз.

— Я дочитаю до конца, — сказал я. — Ты как-то перемешал страницы рукописи, Билл?

— Нет. В конце имелись заметки, которые, очевидно, планировалось включить в более поздний проект и я подготовил версию, в которую сам добавил их — или те заметки, которые я смог понять. Но вот в этой папке сам оригинал.

Он передал мне папку. Что ж, я попался на крючок или, во всяком случае, был готов к тому, чтобы повеселиться, и, если возможно, восхититься изобретательностью Угрюмого Билла.

— Ладно. Где я могу заночевать?

— Можешь расположиться в нашей комнате. Саманта уехала к своей матери на целую неделю — оказывать какую-то психиатрическую помощь,

так что ты можешь греметь, когда захочешь. Я расположусь в гостиной. Возьми бутылку, мне она не нужна. Но не говори мне утром, что ты бросил читать пьесу, потому что испугался. Я хочу полный отчёт.

— Ты его получишь.

Я открыл папку. Внутри находилась пачка жёлтых листов второсортной бумаги с коричневыми краями, самая хрупкая пачка в мире, если бы каждый лист не был аккуратно помещён в пластиковый пакет. Я вытащил листы из папки.

II

В комнате стояла великолепная старинная кровать с балдахином, которая вполне вписывалась в интерьер дома, а на спинке кровати крепилась небольшая лампа для чтения в стиле проектора. Я умылся и успокоился. Как только я это сделал, либо включилась печь Ателинга, либо его холодильник и все огни в доме на мгновение потускнели — очевидно, его электропроводка нуждалась в замене, что также не выглядело необычным в этих старых домах из песчаника. Это было приятное совпадение и я наслаждался им. Затем я сделал приличный глоток бренди и приступил к пьесе.

И вот что я прочитал:

АКТ ПЕРВЫЙ

(Балкон дворца в Хастуре с видом на озеро Хали, которое простирается до горизонта, чистое, неподвижное и покрытое тонкой дымкой. Два солнца опускаются за озеро, на котором нет даже ряби. Балкон красиво обставлен, но из-за воздействия времени он выглядит грязным. Несколько камней выпали из каменной кладки и их никто не торопится убрать.

КАССИЛЬДА, Королева, лежит на кушетке, глядя на озеро. Она теребит золотую корону, украшенную драгоценными камнями, которая лежит на её коленях. Входит слуга и предлагает ей поднос, но тот почти пуст: немного хлеба, кувшин. Она безнадёжно смотрит на поднос и отмахивается. Слуга уходит. Входит ПРИНЦ УОТ, дородный мужчина, возраст которого ещё далёк от миллиона лет).

УОТ: Добрый день, мама.

КАССИЛЬДА: Прощай, день.

УОТ: Вы снова смотрите на Каркозу.

КАССИЛЬДА: Нет… Никто не может увидеть Каркозу раньше, чем взойдут Гиады. Я всего лишь смотрю на Озеро Хали. Оно поглощает так много

солнц.

УОТ: И вы увидите, как оно поглотит ещё больше. Эти туманы вредны для вас; они проникают во всё. Вернитесь в комнату.

КАССИЛЬДА: Нет, не сейчас. Я нисколько не боюсь ни тумана, ни времени. Я видела много раз, и то и другое.

УОТ: Эта бесконечная осада! Если бы озеро поглотило Алар на этот раз вместо солнц.

КАССИЛЬДА: Даже Хали не может этого сделать, так как Алар находится на Дехме, которое является совсем другим озером.

УОТ: Одно озеро похоже на другое: вода и туман, туман и вода. Если бы Хастур и Алар менялись местами между лунами, никто бы этого не заметил. Это два наихудших города в мире.

КАССИЛЬДА: Что неизбежно, так как они единственные.

УОТ: За исключением Каркозы… Что ж?

КАССИЛЬДА: Я не уверена, мой Принц, что Каркоза расположена в этом мире. В любом случае говорить об этом, определённо, бесполезно.

(КАМИЛЛА, Принцесса, входит, затем останавливается в нерешительности).

КАМИЛЛА: Ох. Я…

КАССИЛЬДА: Проходи, Камилла, послушай нас.

Секретов больше не существует. Всё истощилось и Время остановилось.

(Входит ТАЛЬ, младший Принц).

ТАЛЬ: Опять говорите чепуху, мама?

КАССИЛЬДА: Если тебе угодно так это называть, принц Таль. Что касается меня, то я всего лишь Королева, надо мной можно смеяться.

ТАЛЬ: Но нет, я не имел в виду…

УОТ: Насмешка или нет, Принц Таль прав. Время не останавливается. Это противоречие в понятиях.

КАССИЛЬДА: Время останавливается, мой Уот, когда ты слышишь все виды глупости бесчисленное количество раз. Происходило ли когда-нибудь в Хастуре хоть что-то? Новое слово или новое событие? Осада, как ты очень справедливо и неоднократно отмечаешь, прямо-таки бесконечна и это всё. Ни Хастур, ни Алар никогда не одержат победу. Оба наших города превратятся в пыль или умрут от скуки в зависимости от того, что наступит раньше. Ах, мне жаль тебя, Уот, но боюсь, что ты сейчас мне напоминаешь лишь то, что у человека нет будущего. Даже будучи ребёнком, ты был немного непонятлив.

УОТ: Вы можете говорить обо мне, что хотите, потому что у королевской семьи, конечно, есть

свои привилегии. Тем не менее, не всё время в прошлом, Кассильда. Это в вашей власти изменить вещи, если вы не сильно устали от нас и от себя.

КАССИЛЬДА: О, мы снова говорим о престолонаследии? Нет ничего скучнее династий.

ТАЛЬ: Мама, Династия должна умереть только потому, что вам скучно? Только скажите своё слово и Чёрные Звёзды взойдут снова. Как бы то ни было, Алар не мог противостоять им; вы знаете это. Это был бы… это был бы акт милосердия к людям.

КАССИЛЬДА: Люди! Кто они? Ты так же мало заботишься о людях, как и Уот. Таль, я знаю твоё сердце так же, как и его. Всё, что корона значит для вас обоих, — это ваша сестра. Больше нет никакой награды за то, что ты являешься королём в Хастуре. Что касается чёрных звёзд, достаточно! Они излучают только ночь.

ТАЛЬ: Камилла любит меня.

УОТ: Лжец!

КАССИЛЬДА: Камилла?

УОТ: Спроси её, если осмелишься.

ТАЛЬ: Кто посмеет без короны? Ты не такой смелый, Уот. *Ты* нашёл Жёлтый Знак?

УОТ: Замолчи!

КАССИЛЬДА: Прекратите ваши ссоры, вы, две лягушки! *Я* спрошу её.

КАМИЛЛА: Я не готова отвечать на вопросы, мама.

КАССИЛЬДА: Нет? Камилла, ты можешь получить корону. Тогда ты сможешь выбрать своих братьев и мы покончим со всеми нашими проблемами. Видишь, как я тебя искушаю. Династия продолжится и вы будете свободны от всего этого потворства. Возможно, даже осада закончится. Ну, Камилла, говори!

КАМИЛЛА: Нет, нет. Пожалуйста. Вы не можете отдать корону мне. Я не возьму её.

КАССИЛЬДА: Интересно, почему?

КАМИЛЛА: Тогда *мне* отправят Жёлтый Знак.

КАССИЛЬДА: Возможно, если верить рунам. Но разве это так ужасно? Скажи нам, Камилла, что, в конце концов, происходит, когда кто-то получает Жёлтый Знак?

КАМИЛЛА *(шёпотом):* Он… он приходит за ним.

КАССИЛЬДА: Так говорят. Я никогда не видела, чтобы такое случалось. Но предположим, что это так. Кто за ним приходит?

КАМИЛЛА: Призрак Истины.

КАССИЛЬДА: И кто же это?

КАМИЛЛА: Прошу не спрашивай, я не знаю.

КАССИЛЬДА: И я не знаю. Но предположим, Камилла, кто бы это ни был, допустим, он реален. Что тогда? Тебя это пугает?

КАМИЛЛА: Да, мама.

КАССИЛЬДА: Хорошо. Если это так, то я передам корону одному из твоих братьев и покончу с этим досадным делом как-нибудь по-другому. Тебе останется только выбрать одного из них, как они просят. Я была бы рада устроить ваш брак наилучшим образом. По крайней мере, это было бы новшеством в нашей малочисленной компании.

УОТ: Мудрое решение.

ТАЛЬ: И важное, мама.

КАМИЛЛА: Но мама, есть что-то новое; нам пока не нужна величественная свадьба. Именно это я пришла тебе сказать, а вы снова затеяли старую ссору.

КАССИЛЬДА: И что же это?

КАМИЛЛА: Мама, в городе появился незнакомец.

КАССИЛЬДА: Незнакомец! Теперь, живой бог, услышь это. У всех вас туман Хали в ваших мозгах. Я знаю каждое лицо в Хастуре и в Аларе тоже. Камилла, как ты думаешь, сколько людей в живом мире? Множество и я видела их всех.

КАМИЛЛА: Этот новый человек в Хастуре.

КАССИЛЬДА: Никто, никто в наши дни не приходит в Хастур, кроме водителя катафалка. Разумные люди скрывают свои лица даже от себя.

КАМИЛЛА: Но вот именно. Вы не можете увидеть его лицо. Он ходит в маске.

КАССИЛЬДА: Ох, закрыто вуалью? Или скрывает лицо капюшоном?

КАМИЛЛА: Нет, мама. Он носит другое лицо. Белая маска — белее тумана. Глаза пусты, в них нет выражения.

КАССИЛЬДА: Хм. Действительно странно. Как он это объясняет?

КАМИЛЛА: Он ни с кем не разговаривает.

КАССИЛЬДА: Я встречусь с ним. Он будет говорить со мной. Все говорят и тогда ему придётся снять маску.

УОТ: Но мама, это всего лишь самомнение. В древе времени это не имеет значения. Если Камилла выберет…

ТАЛЬ: И вернёт право наследования…

КАССИЛЬДА *(надевая корону на свою голову):* Мы поговорим об этом в другой раз. Пришлите мне Ноатальбу и человека в бледной маске. Камилла не хочет делать выбор сейчас и я не хочу.

УОТ: Время на исходе. В Хастуре не было короля

со времён покойного Альдона…

КАССИЛЬДА: Не рассказывай мне снова историю о Последнем Короле! О, я так больна, так устала от всех вас! И говорю вам, если вы будете меня донимать, в Хастуре не будет другого короля, кроме Короля в Жёлтом!

(Все потрясённо и долго молчат. КАМИЛЛА, УОТ и ТАЛЬ уходят, ошеломлённые и покорные. КАССИЛЬДА, уставшая и задумчивая ложится обратно на кушетку. Входит РЕБЁНОК, на его голове маленькая копия короны, а на пальцах перстни с драгоценными камнями).

РЕБЁНОК: Расскажи мне сказку.

КАССИЛЬДА: Не сейчас.

РЕБЁНОК: Пожалуйста, расскажи мне сказку. Пожалуйста.

КАССИЛЬДА: Мне не хочется сейчас рассказывать тебе сказки.

РЕБЁНОК *(угрожающе)*: Бабушка?

(КАССИЛЬДА садится безропотно. Она не смотрит на РЕБЁНКА).

КАССИЛЬДА: Давным-давно…

РЕБЁНОК: Так-то лучше.

КАССИЛЬДА: …. в самом сердце Гондваналэнда находилось два озера, которые назывались Дехме и Хали. Миллионы лет никто не видел эти озёра

и странных рыб, что обитали в них. Затем возле озера Хали появился город…

(Пока Королева рассказывает, солнце заходит за горизонт. Над озером восходят Гиады, слегка размытые туманами).

РЕБЁНОК: Это не сказка, а только история.

КАССИЛЬДА: Это единственная сказка, которая есть. Кроме того, если ты будешь вести себя тихо, я расскажу всё остальное, что написано в рунах. Договорились?

РЕБЁНОК: О, хорошо! Я не должен знать, что в рунах.

КАССИЛЬДА: Теперь это не имеет значения. Но продолжим: У этого города было четыре особенности. Первая особенность заключалась в том, что он появился в одночасье. Вторая особенность заключалась в том, что нельзя было сказать, находится ли город на воде или за озером, на невидимом другом берегу. Третья особенность заключалась в том, что когда всходила луна, башни города оказывались позади неё, а не перед ней. Мне продолжать?

РЕБЁНОК: Конечно, я знаю всё остальное.

КАССИЛЬДА: Несчастный принц. Итак, четвёртая особенность заключалась в том, что, как только человек смотрел на город, он сразу узна-

вал его название.

РЕБЁНОК: Каркоза.

КАССИЛЬДА: Даже сегодня. Прошло много времени, люди пришли к озёрам и построили хижины из грязи. Хижины превратились в город Хастур, а вскоре появился человек, провозгласивший себя королём в Хастуре.

РЕБЁНОК: Альдон. Мой дед.

КАССИЛЬДА: Да, несколько веков назад. И он повелел, чтобы все цари в Хастуре впоследствии носили его имя. Он пообещал, что если его династия продолжится, то когда-нибудь Хастур станет таким же великим, как Каркоза.

РЕБЁНОК: Спасибо. Этого достаточно.

КАССИЛЬДА: Нет, не достаточно. В ту ночь кто-то услышал Альдона. Ты просил и ты должен услышать окончание истории.

РЕБЁНОК: Я должен идти. Я кое-что забыл.

КАССИЛЬДА *(закрыв глаза):* И в ту же ночь он нашёл Жёлтый Знак.

(Ребёнок убегает с балкона. КАССИЛЬДА открывает глаза и снова смотрит на Озеро. Входит паж с факелом, устанавливает его на подставку и снова уходит. КАССИЛЬДА не шевелится. Почти в полной тьме заходит НОАТАЛЬБА, жрец).

НОАТАЛЬБА: Моя Королева.

КАССИЛЬДА: Мой жрец.

НОАТАЛЬБА: Вы забыли о пятой особенности.

КАССИЛЬДА: А вы неизлечимый шпион. Я не удивлена. Во всяком случае, о Тайне Гиад ребёнку не говорят.

НОАТАЛЬБА: Нет. Но вы подумайте об этом.

КАССИЛЬДА: Нет. Сегодня все приписывают мне философию. Я не настолько рассудительна. Только тени людских мыслей обычно удлиняются во второй половине дня. Сумерки есть сумерки.

НОАТАЛЬБА: Долгие мысли отбрасывают длинные тени в любое время суток.

КАССИЛЬДА: И отсутствие новостей — это хорошие новости. Ноатальба, вы тоже собираетесь донимать меня банальными вещами? Будете говорить о престолонаследии?

НОАТАЛЬБА: На самом деле я далёк от этого.

КАССИЛЬДА: Хорошая должность, не нужно ни о чём думать.

НОАТАЛЬБА: Я рад слышать, что вы шутите. Тем не менее, мне нужно сказать вам кое-что ещё.

КАССИЛЬДА: Человек в бледной маске?

НОАТАЛЬБА: Вы слышали. Ладно. Тогда я буду краток.

КАССИЛЬДА: Хорошо.

НОАТАЛЬБА: Думаю, вам не стоит с ним встре-

чаться.

КАССИЛЬДА: Что?! Никто меня не остановит! Неужели вы думаете, что я откажусь от единственного новшества в истории человечества, подобного этому незнакомцу? Вы меня плохо знаете.

НОАТАЛЬБА: Я знаю вас лучше, чем вы сами.

КАССИЛЬДА: И нет ничего определённого, кроме смерти и… О, живой Бог!

НОАТАЛЬБА: Вы что-то сказали?

КАССИЛЬДА: Не обращайте внимания. Почему я не должна видеть этого человека?

НОАТАЛЬБА: Нет никакой уверенности в том, что он человек. А если и так, то в лучшем случае он — шпион из Алара.

(Очень долгое молчание, как будто что-то вмешалось в действие; и КАССИЛЬДА и НОАТАЛЬБА остаются абсолютно неподвижными. Затем их диалог возобновляется, как будто оба совершенно не заметили этой паузы).

КАССИЛЬДА: Плохой шпион, чтобы быть таким заметным. И в любом случае, бедный жрец, что есть такого, чего Алар о нас не знает? Вот почему наша война зашла в тупик: Мы знаем всё. Если бы в Аларе упал камень, о котором я не слышала, война бы закончилась и бедняга Альдон был

бы так же потрясён. Но он знает меня и я знаю его, и на этом всё. Мы умрём от этого избытка фамильярности, он и я, лёжа в одной могиле, отмеряя друг у друга волосы и ногти в надежде на какое-то преимущество даже в смерти. Зачем ему посылать шпиона? Он отец моих надоедливых детей и архитектор моего несчастного города. О, Ноатальба, как бы мне хотелось сказать ему то, чего он не знает! Он умрёт от радости и Алар утонет в озёрах — а затем и Хастур!

НОАТАЛЬБА: Возможно. Вы больше цените новизну, чем я; в этом ваша слабость. Но сам я не считаю это существо в бледной маске шпионом. Вы удивлены? Но нет; я лишь сказал о такой возможности: «В лучшем случае».

КАССИЛЬДА *(с коротким рубящим жестом):* Хорошо, я признаю это. А в худшем что?

НОАТАЛЬБА: Это существо может быть Призраком Истины. Только призраки ходят в белом.

КАССИЛЬДА *(медленно):* О. О. Этот момент настал? Понятно. В конце концов, я поступила мудро, прервав династию. Я нечасто бываю мудрой. Но, возможно, любой конец — это хороший конец. Если это действительно конец. Но… Ноатальба…

НОАТАЛЬБА: Говорите.

КАССИЛЬДА: Я не нашла этого знака.

НОАТАЛЬБА *(снисходительно):* Конечно, нет, иначе вы бы мне сказали. Но мы не можем быть уверены, что знак всегда присылают. Отправитель…

(Он замолкает. КАССИЛЬДА, видя, что она снова берёт верх, безжалостно улыбается).

КАССИЛЬДА: Король в Жёлтом.

НОАТАЛЬБА: Ну… да. Король… предупреждает… как он предупредил первого Альдона. Мы ничего о нём не знаем, кроме этого. И не должны знать.

КАССИЛЬДА: Почему нет? Возможно, он умер. *(НОАТАЛЬБА резко закрывает свою голову капюшоном).* Или слишком занят в Каркозе, так что он забыл отправить знак. Почему нет? Нас хорошо учили, что с Королём в Жёлтом всё возможно.

НОАТАЛЬБА *(медленно снимая капюшон):* Я не слышал вас. Вы не говорили.

КАССИЛЬДА: Я говорила только о том, что этот человек в бледной маске действительно может быть Призраком Истины, хотя я не нашла этого знака. И ничего больше. Вы говорили то же самое, не так ли? Молчите, если хотите. Я всё-таки рискну.

НОАТАЛЬБА: Богохульство!

КАССИЛЬДА: Разве Король — это бог? Думаю,

нет. Тем временем, Ноатальба, мне бы очень хотелось увидеть лицо Истины. Это должно быть любопытно. Я заставила пасть всех остальных призраков в этом мире; приведите ко мне этого человека или призрака!

Здесь мне действительно пришлось остановиться на мгновение — не потому, что я был напуган, а потому, что мои глаза устали после стольких потёртых страниц потемневшей от времени копии и именно в этот момент корабль «Куин Мэри» или что бы там ни было у Ателинга в подвале, снова включилось, лампы погасли, так что буквы стали плавать перед моими глазами. Затем свет снова включился. Я сделал ещё один глоток бренди и продолжил читать.

(НОАТАЛЬБА уходит. Входит НЕЗНАКОМЕЦ. Он одет в шёлковую мантию, на которой золотом вышит Жёлтый Знак: одиночный символ на круглом фоне, сделанный нечеловеческой рукой. КАССИЛЬДА поворачивается, чтобы посмотреть на него, а затем быстрым и резким движением, срывает факел с подставки и швыряет его с балкона в озеро. Теперь остался только звёздный свет).

КАССИЛЬДА: Я не видела вас! Я не видела вас!

НЕЗНАКОМЕЦ: Вы повторяете своего жреца. Вы все слепы и глухи — очевидно, таков ваш выбор.

КАССИЛЬДА: Я… полагаю, уже слишком поздно бояться. Тогда что ж, я не боюсь.

НЕЗНАКОМЕЦ: Хорошо сказано, Королева. На самом деле бояться нечего.

КАССИЛЬДА: Пожалуйста, призрак, без глупостей. Вы носите знак.

НЕЗНАКОМЕЦ: Откуда вы это знаете? Вы никогда не видели Жёлтый Знак.

КАССИЛЬДА: О, я знаю. Знак есть в роду. Вот почему я прервала династию. Ни один род не должен нести такие знания в своём сердце; и детям не должно это стать оскоминой.

НЕЗНАКОМЕЦ: Вы сталкиваетесь с фактами. Это хорошее начало. Хорошо, да, на самом деле, это знак. Тем не менее, Кассильда…

КАССИЛЬДА: Ваше Величество…

НЕЗНАКОМЕЦ: Кассильда, нечего бояться. Вы видите, как я ношу его безнаказанно. Будьте уверены, у него не осталось силы.

КАССИЛЬДА: Это… правда?

НЕЗНАКОМЕЦ: Это тень правды. Больше нам ничего не дано, Королева Кассильда. Вот почему я белый: чтобы выжить в таких цветных тенях. И Бледная Маска защищает меня, также она за-

щитит вас.

КАССИЛЬДА: Как?

НЕЗНАКОМЕЦ: Она обманывает. Это функция маски. Что-то ещё?

КАССИЛЬДА: Вы не очень-то прямо отвечаете.

НЕЗНАКОМЕЦ: Прямых ответов нет. Но я говорю вам это: Любому, кто наденет Бледную Маску, никогда не придётся бояться Жёлтого знака. Вы дрожите. Тем не менее, моя Королева, эта эра закончилась. Что ещё вам нужно знать? Теперь ваша Династия может начаться снова; снова может появиться король в Хастуре; и снова, Кассильда, Чёрные звёзды могут подняться в небо против Гиад. Осада может быть снята. Человечество может вернуть своё будущее.

КАССИЛЬДА: Так много мечтаний!

НЕЗНАКОМЕЦ: Носите только маску и всё будет дано вам. От нас больше ничего не требуется.

КАССИЛЬДА: Кто говорит мне это?

НЕЗНАКОМЕЦ: Меня зовут Ихтилл.

КАССИЛЬДА: На Аларанском языке это означает лишь «незнакомец».

НЕЗНАКОМЕЦ: И Альдон — лишь «отец» на Хастурском. Что из этого?

КАССИЛЬДА: Ваши факты горче, чем ваши загадки. И что с вами будет, Ихтилл, вы с Жёлтым

знаком на груди, когда знак будет отправлен вам?

НЕЗНАКОМЕЦ: Вообще ничего. Какое отношение имела Каркоза к миру людей, когда вы все жили в хижинах из грязи? У Короля в Жёлтом есть и другие заботы, так как он сверхъестественен. Как только вы наденете Бледную Маску, он даже не увидит вас. Вы сомневаетесь во мне? Вам нужно только ещё раз посмотреть на Озеро. Каркоза не находится на Земле. Она, возможно, даже не реальна; или не так реальна, как вы и я. Конечно, Живой Бог не верит в неё. Тогда почему вы должны?

КАССИЛЬДА: Вы правдоподобны, вы в своём призрачном лице. Вы говорите так, словно знаете Живого Бога. Вы также слышите, как Гиады поют по вечерам в этом мире?

НЕЗНАКОМЕЦ *(отрывисто):* Нет, это строго дело Короля. Это не представляет для меня никакого интереса.

КАССИЛЬДА *(немного восстановив уверенность):* Смею сказать. Как я могу доверять любому из этих ответов? Неужели нам не нужно ничего больше делать, чтобы спастись, кроме как надевать белые маски? Это звучит для меня как подозрительно простой ответ.

НЕЗНАКОМЕЦ: Тогда проверьте это.

КАССИЛЬДА: И умрите. Спасибо.

НЕЗНАКОМЕЦ: Не так быстро. Я бы не убил ни вас, ни себя. Я предлагаю маску, если вы простите мне игру слов. Все будут носить именно то, что они выберут, за исключением того, что все будут также носить Бледную Маску. Я сам буду носить Жёлтый знак, как и сейчас. Когда вы все убедитесь, маски будут сняты; и тогда вы можете объявить о преемственности, все в полной безопасности.

КАССИЛЬДА: О, действительно. И тогда Король нагрянет.

НЕЗНАКОМЕЦ: И если тогда явится Король, мы все потеряны и я потеряю свою ставку. Мне нечего терять, кроме моей жизни. Вы имеете больше. А если Король не придёт, что тогда? Думайте! Жёлтый знак изменил свои свойства, человеческая жизнь внезапно наполнилась смыслом, повсюду расцветала надежда, Призрак Истины успокоен навсегда и Династия освободилась от всех страхов перед Каркозой и любыми живущими там монстрами, освободилась от страха перед Королём в Жёлтом и его изодранными, удушающими, нечеловеческими одеждами!

КАССИЛЬДА: О Живой Бог! Как я смею тебе ве-

рить? НЕЗНАКОМЕЦ: Вы не смеете не…

(Во время этого разговора луна медленно поднималась, вопреки направлению заката и звёзды погасли, хотя они не исчезли насовсем. Длинные волны из облаков начинают двигаться над поверхностью озера Хали, которое вздыхает и вздымается. Появляются брызги. НЕЗНАКОМЕЦ и КАССИЛЬДА смотрят друг на друга, испытывая то соучастие, то ненависть).

КАССИЛЬДА: Почему бы мне не посметь? Я, которая Кассильда, я, кто я?

НЕЗНАКОМЕЦ: Потому что, Кассильда, ничем не рискуя, вы рискуете всем. Это первый закон правления. И также потому что, Кассильда, в своём древнем сердце вы любите своих детей.

КАССИЛЬДА: О, вы демон! Вы нашли меня.

НЕЗНАКОМЕЦ: Вот для чего я пришёл. Очень хорошо. Увидимся завтра, после заката. Наденьте маску и все глаза откроются, все уши будут открыты. Спокойной ночи, моя Королева.

КАССИЛЬДА: Если вы человек, вы пожалеете об этом.

НЕЗНАКОМЕЦ: Очень. Итак, спокойной ночи.

(НЕЗНАКОМЕЦ выходит. Кассильда кладёт руку на свою голову и обнаруживает, что на ней больше нет короны. Она ощупывает кушетку

и, наконец, находит корону среди подушек. Королева хочет надеть её, а затем вместо этого останавливается у балкона, поворачивая корону в своих руках. Огни уходят в полумрак. Туман поднимается в лунном свете: звёзды исчезают. На горизонте, словно плывущие над озером Хали, появляются башни Каркозы, высокие и безликие. Центр города находится за восходящей луной, которая, кажется, капает белой кровью в озеро. Входит НОАТАЛЬБА).

НОАТАЛЬБА: Итак, доброй ночи, моя Королева. Вы видели его?

КАССИЛЬДА: Кажется да.

НОАТАЛЬБА: И?

КАССИЛЬДА: Он говорит… он говорит, что Король в Жёлтом может быть ослеплён.

НОАТАЛЬБА: И вы слышали его. Теперь, конечно же, мы действительно все безумны.

(Занавес)

Прямо в то время, когда я дочитал до середины этой последней сцены, проклятые лампы снова замигали и на этот раз они не вернулись к полной яркости. Угрюмому Биллу действительно нужно проверить электропроводку или когда-нибудь скоро его старый добрый, викторианский публичный дом сгорит.

Однако этот эпизод в пьесе действительно подходил для того, чтобы остановиться и задуматься. Текст до сих пор, по крайней мере, избавил меня от одного подозрения, о котором я не упомянул Ателингу: если пьесу написал не сам Билл, то возможно это сделал Лавкрафт. Он уже изобрёл ряд вымышленных литературных произведений, поэтому ГФЛ теоретически вполне мог придумать ещё одно.

В теории… но Лавкрафт никогда не цитировал больше нескольких фрагментов из своих собственных воображаемых книг; зачем ему пытаться создавать ещё одно полностью, к тому же придуманное другим автором? Более того, пьеса белыми стихами не может относиться к вероятным работам Лавкрафта, его поэтический дар был в лучшем случае слабым; тогда как Чамберс, как я помню, опубликовал не только несколько томов стихов, но и несколько пьес, и даже оперное либретто. Кроме того, текст к настоящему времени уже показал несколько юмористических моментов, что совершенно не характерно для Лавкрафта.

Конечно, ничто из этого не исключало, что вероятным автором пьесы являлся сам Ателинг, несмотря на старую бумагу, но я был почти

уверен, что это написано не привидением из Иннсмута.

Тогда как насчёт самой пьесы? Она не выглядит пугающей и даже не злой, как какая-нибудь «кровавая трагедия» семнадцатого века. Также эта пьеса выглядела производной, в основном, от Уайльда. И сочинений Эдгара По «Молчание» и «Маска Красной Смерти». И стиль пьесы был ужасно устаревшим. Я полагаю, что ни один человек, живущий сегодня, не в состоянии понять, почему так много авторов 1890-х годов считали, что жёлтый был особенно зловещим цветом.

Выражая недовольство освещением, я приблизил нечёткие страницы ближе к глазам, задаваясь вопросом, почему я вообще беспокоюсь. К этому времени я устал и был нетерпелив, и, боюсь, на самом деле немного пьян, несмотря на предупреждение Ателинга.

Затем я обнаружил, что следующая страница оказалась не на своём месте. Вместо первой страницы второго акта оказалась страница «Действующие лица», которая должна была находиться в самом начале. За одним исключением, это было не что иное, как список имён — включая Короля, который до сих пор вообще не появлялся на сцене. Исключением выглядела эта запись:

«Обратите особое внимание. За исключением Незнакомца и Короля, все, кто появляется в пьесе, чёрные».

Особое внимание, действительно. Было бы трудно представить другую и единственную инструкцию, которая могла бы полностью изменить всю очевидную направленность пьесы и эффект от того, что я прочитал до сих пор. Или не трудно? Возможно, я только проецировал наши нынешние расовые проблемы на это сочинение; Чамберс, наверное, просто хотел предположить (если бы он был великим антропологом), что все наши отдалённые доисторические предки были чёрными. Затем я также вспомнил, что в самом первом рассказе о «Короле в Жёлтом» Чамберс предложил изгнать всех негров в «новое независимое, негритянское государство Суани».

Теперь, когда я проснулся и стал более дезориентированным, я отложил неуместную страницу и погрузился в:

АКТ ВТОРОЙ

(РЕБЁНОК появляется перед занавесом).

РЕБЁНОК: Я не Пролог и не Послесловие; зовите меня Сюжетом. Моя роль такова: сказать вам, что сейчас слишком поздно закрывать книгу или

выходить из театра. Вы уже думали, что должны были сделать это раньше, но вы остались. Вам это всё кажется безвредным! Никаких определённых принципов не задействовано, никаких доктрин, обнародованных на этих древних страницах, никаких осуждённых, оскорблённых… но удар был нанесён и сейчас уже слишком поздно. И должен ли я сказать вам, где находится грех? Он внутри вас. Вы слушали нас; и всё равно вы остались, чтобы увидеть знак. Теперь вы наши, или, поскольку руны тоже бегут задом наперёд, мы ваши. Навсегда.

(Сцена погружается в темноту, когда занавес отодвигается. После паузы звучат несколько тихих музыкальных аккордов и доносится пение КАССИЛЬДЫ).

КАССИЛЬДА:

Облачные волны разбиваются о берег,

Два солнца-близнеца опускаются за озеро,

Тени удлиняются в Каркозе.

Удивительна ночь, когда восходят чёрные звёзды,

И кружатся в небе странные луны,

Но всё так же необычна Забытая Каркоза.

Песни Гиад, что будут звучать

Там, где развеваются лохмотья короля,

Умрут, не достигнув ничьих ушей в Мрачной Каркозе.

Пропал мой голос. Песнь моей души,
Умри же невоспетой, ибо мои слёзы
Высохли в Потерянной Каркозе.

— Если это правильный текст песни, все остальные испорчены в последнем стихе.

(Ропот голосов и музыка возрастают на финале песни. Огни поднимаются, чтобы показать, как передняя часть сцены превратилась в многолюдный бальный зал с балконом на заднем плане. Здесь присутствуют НЕЗНАКОМЕЦ и все хастурцы; все последние носят белые маски, как у НЕЗНАКОМЦА. Каждый человек на свой вкус добавил к маске черты лица. В результате каждая маска выглядит как известный человек. Костюмы также разнообразны и фантастичны. НЕЗНАКОМЕЦ всё ещё носит шёлковую мантию с Жёлтым Знаком, а КАССИЛЬДА, хотя и в маске, всё ещё носит корону, как и РЕБЁНОК. Многие танцуют формально, нечто вроде сарабанды или двигаются широким шагом. КАМИЛЛА разговаривает с НЕЗНАКОМЦЕМ, стоя слева и на переднем краю сцены. КАССИЛЬДА смотрит на маскарад с балкона, Каркоза и Гиады позади неё; луна исчезла).

НЕЗНАКОМЕЦ: Вот, Принцесса, вы видите, что никто не прислал Знак и не пришлёт. Бледная маска — идеальная маскировка.

КАМИЛЛА: Как бы мы узнали послание, если бы оно пришло?

(КАССИЛЬДА спускается с балкона и присоединяется к ним).

НЕЗНАКОМЕЦ: Посланник Короля водит катафалк.

КАССИЛЬДА: Ох, половина населения Хастура делает это. Это самая популярная работа в городе с начала осады. Всё это разговоры.

НЕЗНАКОМЕЦ: Я слышал, что вещали ораторы — разговоры о начале и конце; но я не говорю о начале или конце.

КАМИЛЛА: Но… получение знака? Давайте послушаем.

НЕЗНАКОМЕЦ: Также посланник Короля — мягкий человек. Если вы пожмёте ему руку, один из его пальцев оторвётся, чтобы прилипнуть к вам.

(КАМИЛЛА отскакивает в деликатном отвращении, НОАТАЛЬБА, который кружил всё ближе и ближе к этой группе, теперь присоединяется к ней).

НОАТАЛЬБА: Хорошенькая история. Вы, кажется, знаете всё. Я думаю, что вы могли бы даже

рассказать нам, за оплату золотом, тайну Гиад.

НЕЗНАКОМЕЦ: Он там Король.

НОАТАЛЬБА: Как и везде. Все знают это.

НЕЗНАКОМЕЦ: Он не Король в Альдебаране. Вот почему Каркоза была построена. Это город в изгнании. Эти две могущественные звёзды сражаются друг с другом, как Хастур и Алар.

НОАТАЛЬБА: О, действительно. Кто тогда живёт в Каркозе?

НЕЗНАКОМЕЦ: Никого, похожего на людей. Более этого я не могу вам сказать.

НОАТАЛЬБА: Ваши источники выдумок иссякают с подозрительной быстротой.

КАССИЛЬДА: Молчи. Незнакомец, как ты всё это пережил?

НЕЗНАКОМЕЦ: Мой символ — Альдебаран. Я ненавижу Короля.

НОАТАЛЬБА: И это — Жёлтый Знак, над которым вы издеваетесь, выставляя напоказ перед миром. Я говорю вам: он не позволит над собой издеваться. Он Король, которому служили Императоры; и именно поэтому он презирает корону. Всё это в рунах.

НЕЗНАКОМЕЦ: В рунах есть великие истины. Тем не менее, мой жрец, Альдебаран — его злая звезда. Оттуда приходит Бледная Маска.

НОАТАЛЬБА: Может быть, может быть. Но я бы предпочёл оказаться в самой глубине облачного Дехме, чем носить то, что вы носите на груди. Когда Король открывает свою мантию…

(Где-то во дворце начинает бить звучный гонг).

КАССИЛЬДА: Перестаньте… Настало время, о котором я никогда не думала: я должна пойти и объявить о наследнике короны. Возможно, сам мир действительно собирается начаться снова. Как странно!

(Поскольку гонг продолжает бить, все начинают снимать маски. Появляются ропот и жесты неожиданности, настоящие или вежливые, так как личности узнаются или раскрываются. Затем возникает волна смеха. Музыка становится громче и увеличивается в темпе).

КАМИЛЛА: Вы, господин, должны снять маску.

НЕЗНАКОМЕЦ: В самом деле?

КАМИЛЛА: В самом деле, пришло время. Мы все сняли маски, кроме вас.

НЕЗНАКОМЕЦ: На мне нет маски.

КАМИЛЛА: Нет маски? *(КАССИЛЬДЕ):* Нет маски!

НЕЗНАКОМЕЦ: Я сам Бледная Маска. Я, Я, Я Призрак Истины. Я пришёл из Алара. Моя звезда — Альдебаран. Истина — это наше изобретение,

это наше оружие войны. И видите — этим знаком мы победили, и осада добра и зла закончилась…

(На горизонте башни Каркозы начинают светиться).

НОАТАЛЬБА *(указывая):* Смотрите, смотрите! Каркоза… Каркоза в огне!

(Незнакомец смеётся и хватает КАМИЛЛУ за запястья). КАМИЛЛА *(в муках):* Его руки! *Его руки!*

(От её крика музыка прерывается в дисгармонии. Затем из Каркозы через озеро Хали доносится громкий нечеловеческий голос).

КОРОЛЬ: Ихтилл!

Ихтилл!

Ихтилл!

(Незнакомец отпускает КАМИЛЛУ, которая безмолвно кричит и падает).

Свет померк ещё больше вслед за отдалённым механическим грохотом. Мои глаза отвратительно болели и я понял, что должен принять ванну; я чувствовал зуд. Буквы к этому времени стали настолько плохо видны, что выглядели так, будто их напечатали пеплом; целые строки я просто не мог прочитать — у меня начиналась головокружительная боль. Чёрт бы побрал Ателинга и его гипнотические трюки!

КОРОЛЬ: Вы нашли Жёлтый Знак? Вы нашли Жёлтый Знак? Вы нашли Жёлтый Знак?

НЕЗНАКОМЕЦ *(кричит):* Я Призрак Истины!

Трепещи, О Король в лохмотьях!

КОРОЛЬ: Призрак Истины будет повержен. Волны лохмотьев Короля должны скрыть Ихтилла навсегда. Что касается тебя, Хастур…

ВСЕ: Нет! Нет, нет!

КОРОЛЬ: А что касается тебя, мы говорим тебе это; страшно попасть в руки живого бога.

(НЕЗНАКОМЕЦ падает, а все остальные медленно опускаются на землю вслед за ним. КОРОЛЯ теперь можно увидеть, хотя и смутно. Он величественно стоит на балконе. У него нет лица и он в два раза выше человека. Он носит заострённые туфли под своими изодранными, фантастически окрашенными одеждами и шёлковая лента, кажется, свисает с заострённого кончика его капюшона. За своей спиной он держит перевёрнутый факел с изогнутым и украшенным драгоценными камнями стержнем. Факел излучает дым, но не светит. Некоторым Король кажется крылатым; другим — с ореолом на голове… Эти детали для зрителей; КОРОЛЬ никогда не должен быть достаточно видимым, чтобы рассмотреть его. За его спиной Каркоза и Озеро Хали исчезают.

Вместо них появляется огромный скульптурный щит, по форме напоминающий двусторонний топор из оникса, на котором золотом нарисован Жёлтый Знак. Остальная часть сцены постепенно темнеет, пока, в конце концов, в качестве освещения не остаётся только разлагающееся тело НЕЗНАКОМЦА, фосфоресцирующее синим цветом).

КОРОЛЬ: Я связал Ихтилла и Призрак Истины повержен. *(Понизив голос):* Отныне древняя ложь будет править как всегда… Теперь. Кассильда!

(КАССИЛЬДА беззвучно поднимается на колени).

КОРОЛЬ: Истина обещала тебе Династию и поистине ты будешь иметь династию. Королевство Хастур было первым во всём мире и управляло бы миром, за исключением того, что в Каркозе этого не хотели. Следовательно, после этого Хастур и Алар разделились; но те, кто в Аларе, послали вам Призрака Истины из Альдебарана и всё было потеряно; вместе вы забыли Завет о Знаке. Теперь есть многое, что нужно отменить.

НОАТАЛЬБА *(слабым голосом):* Как, Король, как?

КОРОЛЬ: Отныне Хастур и Алар будут разделены навсегда. Вечно будешь бороться за господство

и в горькой крови стремиться претендовать на высшее: во плоти или будучи призраком, чёрной или белой. В своё время, когда повернутся звёзды, эта борьба закончится; но не сейчас; о, нет, не сейчас.

КАССИЛЬДА *(шёпотом):* А… до тех пор?

КОРОЛЬ: До тех пор Каркоза исчезнет; но я говорю вам сейчас — моё правление вечное, несмотря на Альдебаран. Имейте в виду. Также будет обещано: Тот, кто победит в этой войне, будет моим-могу ли я быть честным? — наследником и так вернётся династия. Но подумайте: вы уже владеете миром. Самый важный вопрос: вы можете править им? Вопрос является подарком. Король в Жёлтом даёт его тебе в руки, чтобы удержать… или выпустить. Выбирайте, ужасные дети.

НОАТАЛЬБА *(слабым голосом):* Вы Король и самый добрый. Мы благодарим вас.

КОРОЛЬ: *Вы* благодарите *меня*? Я живой бог! Подумай о себе, жрец. Есть цена, я ещё не указал и половины её.

(Все ждут, окаменев).

КОРОЛЬ: Цена: постоянно носить Маску.

(Молчание).

КОРОЛЬ: Вы меня не понимаете. Я объясню это один раз и не более того. Хастур, ты присоеди-

нился к Бледной Маске и носил её. Это та самая цена. Отныне все в Хастуре будут носить Маски и под этим знаком будут известны. И война между людьми в масках и обнажёнными будет вечной и кровавой, пока я не приду снова… или не приду.

(НОАТАЛЬБА встаёт на колени).

НОАТАЛЬБА: Несправедливо, несправедливо! Именно Алар изобрёл Бледную Маску! Альдон…

КОРОЛЬ: Почему я должен быть справедливым? Я живой бог. Что касается Альдона, он отец всех вас. Это цена: носить Маску.

ВСЕ: О!

КАССИЛЬДА *(горько):* Не на нас, о Король; не на нас!

ВСЕ: Нет! Помилуйте! Не на нас!

КОРОЛЬ: Ихтилл!

Ихтилл!

Ихтилл!

(КОРОЛЬ исчезает, а вместе с ним его трон. Гиады и Каркоза снова становятся видны сквозь ограждение балкона. Разлагающаяся масса, которая была НЕЗНАКОМЦЕМ, поднимается медленно и неуверенно. РЕБЁНОК выбегает из толпы и, схватив НЕЗНАКОМЦА одной мягкой рукой, выводит его на улицу через балкон вслед за КОРОЛЁМ. Когда они выходят, раздаётся низкий

смешанный стон).

КАССИЛЬДА *(стоя и широко раскинув руки):* Не на нас! Не на нас!

КОРОЛЬ *(за сценой, издалека, исчезающий):* Что?! Вы думали быть людьми до сих пор?

НОАТАЛЬБА: А если мы сейчас…

Свет полностью погас — и давно пора — я был настолько истощён, что буквально заболел. Странные звуки звенели в моей пульсирующей голове; иногда мне казалось, что я слышу, как произносятся строки из пьесы, как будто в эхо — камере, а иногда я слышал пение. Иногда также откуда-то из глубин дома доносился громкий вой; я вспомнил, что у Ателинга жили кошки, хотя я не видел ни одной за сегодняшний вечер. А грохот под землёй стал непрерывным, словно камни медленно и бездумно измельчались в порошок.

Ателинг победил — из-за внушения или алкоголя, я не мог сказать, но мне не удалось дочитать «Короля в Жёлтом» — и что ещё хуже, гораздо хуже — я чувствовал себя настолько грязным, что едва мог прикасаться к своему телу; я почернел, словно лежал в куче сажи; мои кольца врезались мне в пальцы, в ушах сидели личинки и оглохший, онемевший, ослепший, потерявший обоняние и чувствительность, изобличённый, я

развалился во вселенной слизистых шафрановых тряпок.

III

Я проснулся от вспышки болезненно — жёлтого солнечного света с ощущением, что меня вот-вот обнаружат, с самым невыносимым для меня симптомом похмелья. На окнах не было ни занавесок, ни штор, что усугубляло ситуацию; независимо от того, насколько недавно я переезжал в новое место, обустройство спальни для меня являлось самым первейшим делом.

Затем я понял, что Ателинг стоял надо мной, в той позе, которую он принимает, когда думает, что собирается проиграть спор. Он выглядел нелепо и неловко в короткой ночной рубашке из красной фланели и в красной ночном колпаке с кисточками. Билл протянул мне высокий стакан с красным напитком.

— «Кровавая Мэри», — кратко сказал он. — Завтрак будет внизу через некоторое время. Где ты остановился?

Я смущённо огляделся. Страницы в пластиковых пакетах оказались разбросаны по всему полу между кроватью и окном. Встав и опасаясь головокружения, я начал поднимать их и скла-

дывать на тумбочке, немного поморщившись от резких царапин на дереве, сделанных уголками страниц.

— Не бери в голову, я сделаю это позже, — сказал Билл. — *На каком месте ты остановился?*

— Э-э… позволь мне подумать минутку, ладно? Ненавижу людей, которые ожидают, что я проснусь до полудня. Я остановился на… на речи Ноатальбы, сразу после слов Короля.

— Которая речь короля?

— За кулисами, где он спрашивает: «Вы думали быть людьми до сих пор?»

— Будь ты проклят, — возмутился Ателинг. — Это дальше того места, до которого я когда-либо доходил. Ты был почти, почти в конце.

— Что происходит в конце?

— Ничего. Ребёнок возвращается на сцену и опускает занавес.

— Это всё?

— Всё. Ничего не понимаю. Ты был так близко. Только одна короткая строка. Должен быть кто-то, кто сможет достичь конца с первого же прочтения. Что тебя остановило?

— Самая простая вещь в мире, Билл: твоя проклятая электропроводка. Огни постоянно гасли. В конце концов, мои глаза утомились и я уснул.

Никаких загадок. Просто напряжение глаз. Возможно, бренди помогло, — честно добавил я.

— О, — сказал Билл. А потом ещё раз: — О. Не более того. Очевидно, не важно, кто это читает, в конце концов… Оставь пьесу на тумбочке. Я положу её в свой настенный сейф и забуду о ней. Саманте не составит труда забыть об этом, она всё равно думает, что всё это психосоматично. И ты можешь также забыть об этом.

— Это не самая запоминающаяся вещь, которую я когда-либо читал, это точно.

— Нет. — Некоторое время Билл стоял молча. Затем он сказал: — Но сейчас я поведаю тебе что-то неуместное.

Но не поведал. Он просто стоял на месте.

— Ну и?

— Когда я впервые купил этот дом, — продолжил Билл тихим голосом, — я планировал установить кондиционер, главным образом для того, чтобы в студию Саманты не проникала пыль с улицы. И с подоконников. Ты знаешь, какой этот город грязный.

Это действительно казалось неуместным, но, зная Ателинга, я ждал.

— Итак, — сказал он, — я переоборудовал дом на двести двадцать вольт. Сверху вниз. Протянул

современный кабель. Нам пришлось вырвать половину стен, чтобы сделать это. Обошлось в целое состояние, но я мог бы сейчас запустить здесь механический цех, если бы понадобилось.

— Тогда… — я сглотнул и вздрогнул. — Тогда что, чёрт возьми, урчит в подвале? Это не могло быть только утомлением глаз.

— Тебя слишком долго не было в городе, — сказал Билл. — Седьмая Авеню в настоящее время проходит всего в двух кварталах отсюда. У меня нет тяжёлой техники и с проводкой нет никаких проблем. Ничего.

Он продолжал протягивать мне напиток через кровать, но я больше не лежал в кровати, по крайней мере, пять минут. Грубый солнечный свет отражался от слепой и бледной маски его лица через грязные окна без штор. Он продолжал смотреть через моё плечо, или туда, где моё плечо располагалось бы, если бы я находился там, где, по его мнению, должен был находиться.

Я покинул дом Билла так быстро, насколько позволяли приличия. Недавно я услышал, что Ателинги бросили всё и переехали в Англию. Думаю, мне следует беспокоиться о них и я бы сделал это, если бы не сломал четвёртую пару новых очков, прямо на середине длинного, но-

вого романа.

Мне иногда становится интересно, что он сделал с пьесой, но не часто. Старая поговорка хоть и печальна, но правдива: «С глаз долой — из сердца вон».

Перевод: Алексей Черепанов

Бреннан Джозеф Пейн.
Пожиратель пришедший издалека

Joseph Payne Brennan. "The Feaster from Afar", 1976

Каждые два года Сидни Мэллор Мэдисон издавал исторический роман. После шести месяцев тщательных исследований он тратил ровно год на его написание. Ещё полгода уходило на вычитку, на выступления в дамских литературных клубах и ближе к концу этого периода он уже раздавал автографы на своём последнем сочинении в различных книжных магазинах.

Это была приятная жизнь. Мэдисон считался писателем, способным заработать себе на хлеб с маслом и его книги всегда продавались. Они обычно перепечатывались в мягкой обложке и в большинстве случаев Голливуд предоставлял ему предоплату, хотя за шестнадцать лет киномагнаты так ничего и не сняли. Но Мэдисон лишь пожимал плечами и клал деньги себе в карман, он относился философски к таким вопросам.

Временами профессиональные критики об-

рушивались на него. Признавая подлинность описываемых событий, они цеплялись к диалогам, называя их «высокопарными», а персонажей «марионеточными». Конечно, это было несправедливо, но когда Мэдисон видел, как его банковский счёт увеличивается с четырёхзначного до пятизначного и всё ещё продолжает расти, он не придавал придиркам значения. Критики могут хоть повеситься, а он всё равно будет жить ещё лучше.

По мере того, как состояние Мэдисона росло, он решил, что год писательской работы должен пройти без перерывов, которые ему приходилось делать в своей городской квартире. Он велел своему агенту подыскать какое-нибудь уединённое место, где его не потревожат, пока он будет писать. И через несколько недель агент отправил его к мистеру Конуэю Кемптону, у которого был охотничий домик где-то на севере Новой Англии.

Пожав руку, протянутую через стол, Кемптон жестом пригласил Мэдисона присесть в кресло, а сам откинулся на спинку стула.

— Что ж, буду откровенен, мистер Мэдисон. Все охотники там стрелянные и это не шутка! Но пусть это вас не беспокоит. Дом находится в

хорошем состоянии, полностью меблирован и вас никто не будет отвлекать от работы. Я не могу предложить более подходящего места!

Мэдисон обратил внимание на бегающий взгляд Кемптона и заметил, что арендная плата слишком высока. Но он согласился съездить посмотреть на дом и, если сочтёт предложение подходящим, то сразу же переедет и вышлет подписанный договор аренды вместе с чеком на оплату. Именно так получилось, что одним серым осенним днём мистер Сидни Мэллор Мэдисон, известный романист, въехал в крошечную деревушку Гранбери, что в Новой Англии и остановился у магазина. Хотя Кемптон подробно описал дорогу, он хотел убедиться, что выбрал правильное направление к охотничьему домику, скоро должно было стемнеть и он устал после долгой поездки.

Продавец в магазине, прищурившись, взглянул поверх деревянного прилавка.

— К домику Кемптона? Это по дороге налево, мимо кладбища. Миль эдак двенадцать. И лучше ехать не спеша, дорога там совсем плохая!

Когда Мэдисон выехал на дорогу, то понял, что замечание продавца было вполне разумным, эта грунтовка оказалась хуже всех тех, по которым

ему когда-либо приходилось ездить. Его взгляд был так сосредоточен на рытвинах, что он почти не обращал внимания на окружающий пейзаж. У него сложилось общее впечатление, что тот был мрачным, необитаемым и совершенно неприветливым.

На закате Мэдисон добрался до домика, грубо сколоченного, но довольно крепкого на вид. Большие брёвна были плотно подогнаны друг к другу, а глубоко утопленные окна не походили на те, что гремят при каждом ветерке. Внутренне он проклинал Кемптона за то, что тот не предупредил его об ужасном состоянии дороги, но как только он вошёл внутрь, включил свет и отопление, то решил, что всё-таки может подписать договор аренды. Дом хоть и казался простоватым, но был оборудован центральным отоплением и всеми удобствами обычной городской квартиры. Обстановка выглядела уютной, он предпочёл бы менее громоздкую мебель и несколько картин на стенах, но чего можно ждать от охотничьего домика?

После глотка виски и лёгкого ужина, Мэдисон принял душ и лёг спать, но, несмотря на всю усталость, спал он плохо. Смутные ночные кошмары, что необычно для него, продолжались до

самого утра, и он проснулся раздражённым и встревоженным. Мэдисон, однако, гордился своим профессионализмом, писатель, достойный, чтобы есть свой хлеб, не позволял настроению вмешиваться в его график работы. Ровно в восемь часов, после завтрака из яиц, тостов и кофе, он устроился за столом в кабинете. Проработав в течение почти трёх часов, Мэдисон решил побездельничать оставшуюся часть дня. Обычно он работал до двенадцати, а иногда и дольше, но вчерашняя поездка и плохой сон утомили его сильнее, чем он предполагал.

— Средний возраст, — поморщившись, подумал он.

Перед обедом Мэдисон вышел к автомобилю и принёс багаж, который оставил там накануне вечером. Серые облака затянули всё небо, а холодные порывы ветра кружили сухие листья, несколько из них, алых и жёлтых, упали на крышу. Заперев дверь, Мэдисон вздрогнул. Сидя за ланчем, он понял, что должен принять решение, стоит ли ему подписать договор аренды или собраться и уехать домой? Это была борьба настроения против логики и логика уступила. Мэдисон ненавидел настроение, он знал десятки писателей, которые работали только тогда, когда

«были в подходящем настроении». И большинство из них заканчивало простыми рецензентами книг или кем-то столь же отталкивающим и опустившимся.

Подписав договор аренды, Мэдисон приложил к нему гневную записку о плохом состоянии дороги и наклеил на конверт марку. Только тогда перед ним встал вопрос о ежедневной почте. Должен ли он вызывать почтальона или сам каждый день ездить в Гранбери? Мэдисон вышел на улицу, но не нашёл там почтового ящика и решил, что следует немедля разобраться в ситуации с почтой. Бормоча себе под нос, он двинулся по изборождённой рытвинами грунтовой дороге.

Продавец, мистер Сайнс, снова смотрел на него из-за магазинной стойки. У Мэдисона возникло странное впечатление, что тот стоял за прилавком всю ночь.

— Доставка почты? Не, сэр! Тут такого нет. Здешние сами забирают почту. Где? Да прям тут, у меня и почта, и магазин. Это вам не город!

Раздражённый, Мэдисон передал ему конверт с договором аренды. Нет доставки почты! Ему придётся прыгать по этим адским колдобинам каждый день, чтобы забрать свою почту!

Когда он уже собрался уходить, Сайнс накло-

нился вперёд.

— Вы охотник, мистер Мэдисон?

Известный писатель колебался. Он был уверен, что эта деревенщина никогда о нём не слышала и не хотел, чтобы услышала. Поэтому он решил пойти на опережение.

— Нет, — ответил он, — я не охочусь. Я работаю на издательство, занимаюсь всякими исследованиями. Приехал сюда, чтобы отвлечься от городской суеты.

Сайнс выгнул брови.

— Тут не будет никакой суеты. Ежели только… — его голос затих.

Мэдисон повернулся и направился к двери. Этот тип должен понимать, что он ценит своё время и, если не может сразу сказать то, что хочет, то он не собирался стоять и ждать его. Но перед тем как он открыл дверь, из-за большого бочонка, наполовину скрытого в тени за прилавком, раздался голос:

— Может, вы и не охотитесь, мистер, но это не значит, что не охотятся на вас!

Мэдисон повернулся и уставился на говорившего, который сидел на полу рядом с бочкой. Нечто маленькое, иссохшее, с выгоревшими глазами, словно привидение, оно смотрело на

него, одетое в какое-то тряпьё, казалось снятое с пугала на одном из соседних полей. Мэдисон собрался было ответить, но решил не делать этого, а пожав плечами, вышел за дверь. Философ в бочонке, подумал он с усмешкой. Такие маленькие деревушки в Новой Англии всегда изобилуют подобными экземплярами, вечными бездельниками, единственное занятие которых, это сидеть вот так, либо играть в шашки. Мэдисон поклялся, что будет избегать Гранбери как можно дольше, забирать почту один раз в неделю и оставлять чеки.

Когда он ехал обратно в сторону дома по усеянной опавшими листьями грунтовке, загадочные слова похожего на гнома бездельника всё ещё не давали ему покоя. Что, чёрт побери, он имел ввиду? Мэдисон решил, что не позволит себе беспокоиться из-за этого, и, как только доберётся до домика, немного выпьет. За одним стаканом последовал другой, и, после наспех приготовленной еды, он рано лёг спать, вместо того, чтобы как обычно провести время за чтением. Ему опять снились странные кошмары, однако Мэдисон винил в этом выпивку и, ровно в восемь часов утра, сел за стол. Но он никак не мог сосредоточиться, по какой-то непонятной причине всё

время думал о том, похожем на гнома существе, скрывавшемся за бочкой в магазине Сайнса. О чём же он говорил? Ах, да:

— Может, вы и не охотитесь, мистер, но это не значит, что не охотятся на вас!

Мэдисон убеждал себя, что в этих словах не было смысла, что это всего лишь бред местного дурачка. Здесь нет никаких опасных животных, кроме нескольких чёрных медведей, да, быть может, рыщущего горного льва. Если бы поблизости скрывался какой-нибудь сбежавший заключённый или сумасшедший, то он был уверен, что его предупредили бы об этом. В любом случае, в доме имелось множество оружия, хранящегося в надёжно запертых ящиках.

В десятом часу дня Мэдисон бросил писать. У него разыгралась головная боль, и, возможно, прогулка до обеда пошла бы ему на пользу. Перед тем как покинуть дом, он открыл один из ящиков с оружием, вытащил двустволку, зарядил патроны, проверил предохранитель и накинул меховое пальто.

Пейзаж казался ещё более пустынным, чем раньше. Кое-где располагались заросли низких вечнозелёных растений, чередовавшиеся невозделанными полями с валунами, пучками грубой

травы и засохшим лишайником. Холодные пальцы ветра ворошили заросли травы с шипением, напоминавшим шипение змей. Мэдисон был озадачен абсолютным отсутствием животных, хотя он прошёл несколько миль, ему не встретился ни кролик, ни даже птица. Это было довольно странно. Он вернулся в дом, чувствуя себя подавленным и встревоженным. Что-то было не так с этим местом, обычно даже на такой бесплодной и мрачной земле обитает несколько мелких существ. Размышляя за ланчем, Мэдисон решил, что спросит об этом Сайнса, когда в следующий раз будет в Гранбери.

Днём он писал письма, приготовил сытный ужин и читал почти до полуночи. Он опять плохо спал. Всё время повторялся кошмар, в котором Мэдисон яростно бежал в темноте по заброшенным полям, в то время как что-то злонамеренное преследовало его, желая смерти. Чем бы оно ни было, он понимал, что не может убежать от него, несмотря на все усилия. В какой-то момент он упал на каменистую землю, но совершенно не ощутил удара. Он проснулся мокрый от пота и заварил себе чёрный кофе. В восемь часов, вместо того, чтобы сесть за стол, Мэдисон надел пальто, взял ружьё и вышел на улицу к автомобилю.

Когда он трясся по грунтовке, то убеждал самого себя, что письма в кармане его пальто содержат важные сообщения, это давало ему разумное оправдание для поездки в Гранбери рано утром.

Сайнс сердечно приветствовал его и взглянул на письма.

— Почтальона не будет до полудня, мистер. Это срочные письма?

Мэдисон нахмурился.

— Да, в каком-то смысле срочные, но подождут и до полудня.

Сайнс кивнул и перегнулся через прилавок.

— Как вы добрались до дома Кемптона, а мистер?

Мэдисон колебался. Он не хотел отвечать этой деревенщине и всё же выпалил:

— Что-то не так с тем местом, Сайнс! Там что-то произошло? Я имею ввиду что-то действительно плохое? — он был потрясён отсутствием в своих словах сдержанности, но было уже слишком поздно.

Сайнс задумчиво посмотрел на него, почёсывая подбородок большим пальцем левой руки.

— Ну, — протянул он, — после того, как там нашли последнего охотника с продырявленной головой, все стараются держаться подальше от

этого места, даже животные, я так думаю!

Мэдисон уставился на него.

— Его голова была продырявлена? Чем-то прострелена?

Сайнс подался вперёд и заговорщически прошептал:

— Врачи сказали, что это была дробь. Но я слыхал другое! Продырявлена совсем не дробью!

— Тогда чем же?

Сайнс стряхнул крошки со стойки.

— Я не хочу об этом болтать, но… Но вам расскажу. Те дырки в его голове были такими… забавными что ли… врачи распилили ему череп… и внутри совсем не было мозгов!

Мэдисон невольно раскрыл рот, а Сайнс снова подался вперёд через стойку.

— Вы знаете, что я думаю? Мозги этого бедняги были вытянуты прямо через те забавные дырки в его голове! Парнишка Карпера, гробовщика, он видел те дырки. Говорил, будто кто-то взял сотню маленьких свёрл и прямо изрешетил голову того охотника!

Мэдисон закрыл рот, пытаясь понять, не обманывают ли его. Он взял себя в руки, и, собравшись с мыслями, заговорил:

— Я ничего такого не видел в газетах. Разве не

было расследования?

Сайнс глянул на него, пренебрежительно прищурившись.

— Не обо всём в газетах пишут, мистер! Иногда чересчур сложные дела замалчиваются.

Он хотел было уйти, но передумал и снова заговорил, его голос сделался низким и зловещим:

— На вашем месте я б бежал оттуда, мистер! Там на холмах небезопасно. Давным-давно, много лет назад, в тех холмах жили одни из семейства Уэтли. Думаю, вы слыхали о них? Ну, это забавно для писаки. Так вот, те Уэтли призвали чего-то с неба, что никак не уйдёт обратно! Об этом ещё говорится в Мифах Ктулху, о таком-то вы слыхали, надеюсь?

Мэдисон побагровел. Теперь он чувствовал себя в безопасности. Старый дурак вешал ему лапшу на уши, основанную на журнале, который не выходил уже много лет! Конечно, его издание сейчас переживало своего рода возрождение и он с отвращением пролистал некоторые его выпуски. Мэдисон отвернулся от прилавка с раздражением и облегчением.

— О да! Я слышал об этой писанине! Лавлок, Лавкроп, или что-то в этом духе. Все эти так называемые мифы, бессвязная, наполненная чушью,

выдумка! Ни слова правды!

Сайнс безразлично, почти философски бросил:

— Каждый человек имеет право на своё мнение, я так думаю. Ну, вы спросили меня, я рассказал. Я б не остался ни в доме Кемптона, ни рядом с ним, ни часу. Но теперь это ваше дело!

Рискуя сломать подвеску автомобиля, Мэдисон мчался обратно по изрытой грунтовке. Мифы Ктулху!! Какая ерунда! Эта деревенщина была куда доверчивей, чем он считал! Теперь он выкинет всё это из головы и вернётся к работе. На следующее утро, ровно в восемь часов, он сел за свой стол. Им двигало упрямство, куда большее, чем сила воли. Ночные кошмары были ещё хуже, чем раньше, его лицо стало бледным и морщинистым, а руки дрожали, когда он пытался писать.

Спустя час Мэдисон сдался. Написав несколько абзацев, он прочитал их и счёл слишком слабыми. Он никак не мог сосредоточиться, и, наконец, пришёл к выводу, что прогулка на свежем воздухе может пойти на пользу. Сунув ружьё подмышку, он покинул дом и принялся бесцельно бродить по окрестным полям. Через несколько минут Мэдисон почувствовал себя лучше, но затем его охватило давящее чувство тревоги, которое он объяснил влиянием погоды. Небо потемнело,

поднялся ветер, он шептал и шипел в пучках травы, словно пытался о чём-то предостеречь.

Несмотря на меховое пальто, холод пробирал до костей и Мэдисон, нахмурившись, направился обратно к дому. Войдя внутрь и заперев дверь, он положил ружьё и налил себе стакан виски. Он сидел в задумчивости, даже забыв, что не снял пальто. Ни на минуту не допуская возможности того, что слова продавца о Мифах Ктулху имели под собой хоть какое-то основание, он был готов признать, что некая угроза или враждебная атмосфера нависла над всем этим местом. Мэдисон пытался убедить себя, что это было исключительно природным явлением. Охотничий домик располагался на возвышении, в холмистой местности с холодными ветрами и всё это давило на нервы человека. Это было, говорил он себе, ощущением изоляции, которое охватило его, когда он бродил по пустынным полям с камнями и скудной растительностью. Вероятно, он был более восприимчив к внешнему виду вещей, чем большинство людей, эта чувствительность, уверял он себя и сделала его таким великолепным романистом.

Его упрямые рассуждения, а также щедрая доза алкоголя, наконец, подняли настроение. Мэдисон

с удовольствием пообедал и сел писать письма, но закончив всего пару, он сдался, почувствовав необъяснимую усталость. Вздохнув от досады, он снял книгу с одной из полок на стене, возможно, она поможет ему отвлечься. Но он даже не обратил внимания на название и автора книги, потому что та раскрылась где-то на середине, куда кто-то положил сложенную записку. Взяв её, он развернул и прочёл: «И пусть читающий эти строки остерегается, ибо Хастур Невыразимый наложил печать свою на это место. Его призвали и он пришёл. Воистину, он выскользнул из холодных пространств бесконечной ночи меж галактик и ни один человек не устоит перед ним. Слава Великому Хастуру, Пожирателю пришедшему издалека, ибо он отыщет свою пищу!»

Мэдисон вздрогнул. Он испытывал искушение выбежать из дома, запрыгнуть в автомобиль и мчаться. Как сумасшедший по извилистой дороге, ведущей в Гранбери. Но в течение долгих трудных лет он приучил себя никогда не действовать импульсивно. Записка должна быть тщательно изучена, а её устрашающее послание взвешено с той объективностью, которой Мэдисон всегда заставлял себя придерживаться. Было мало деталей: бумага самая обычная, чернила

чёрные и выцветшие, почерк неразборчивый, но чёткий, бумага на изгибах начала рваться, а края пожелтели. Мэдисон пришёл к выводу, что записка лежала в книге довольно долго.

Но затем, словно удар молнии, разгадка обрушилась на него! Каким же он был дураком! Это всё заговор, чтобы заставить его покинуть дом и потерять деньги за аренду! А после того, как он сбежит, будет найдена следующая жертва. Казалось, не было никаких сомнений, что и продавец Сайнс, и пугало в бочке, были наняты Кемптоном. Их роль состояла в том, чтобы «довести» его россказнями о Мифах Ктулху. Страх, который они должны были этим внушить, а также общее запустение местности, вынудили бы его покинуть дом, разорвав договор аренды и потеряв оплату за год. А, как только он будет в безопасности, Кемптон закинет приманку для следующего простака!

Мэдисон мрачно улыбнулся. Его нервы были на пределе, но теперь он должен был взять себя в руки, он знал, чему противостоит! Однако записка всё ещё беспокоила его. Она выглядела старой, как можно было заставить бумагу желтеть, складки рваться, а чернила выцветать? Хм! Что же с ним стало? Любой фальсификатор, стоящий гроша, может подделать такую вещь,

вероятно, это было обычным делом для ловких специалистов по бумаге и чернилам. И всё же, вопросы не давали Мэдисону покоя, откуда Кемптон знал, что он найдёт записку? Какое-то время он размышлял над этим, наконец, решив, что в доме должны быть и другие записки, похожие на эту, рано или поздно он обязательно найдёт их. Завтра, решил он, следует изучить каждую книгу в доме и поискать их, но в данный момент он чувствовал себя слишком уставшим для этого.

После обеда он расположился с книгой и большим бокалом выпивки. Но мысли его блуждали, он прочёл лишь несколько глав и бросил это занятие. Мэдисон продолжал думать о проклятой фальшивой записке. Предположим, просто предположим, что она была настоящей! Коря себя за глупость, он, наконец, лёг спать, но никак не мог успокоиться, вертелся, вздыхал и всё же уснул. Кошмар, который снился ему раньше, вновь вернулся, но на этот раз был ярче и пугающе. Опять он мчался по негостеприимным холмам, в то время как что-то совершенно чуждое и смертоносное гналось за ним. Даже когда Мэдисон бежал, то понимал всю тщетность этого, но продолжал бежать, потому что страх, который наполнял его, был настолько всепоглощающим, что он не мог

контролировать свои собственные действия.

В ледяном лунном свете покрытые лишайником холмы выглядели как ландшафт какой-то иной планеты. Каждая черта этого жуткого пейзажа была чётко различима. Мэдисон бежал как заведённый, вверх и вниз по тихим склонам, не осмеливаясь ни остановиться, ни даже обернуться. Если на пути возникало препятствие из сухих корявых зарослей, то он продирался через них, совершенно не обращая внимания на появлявшиеся рваные раны. Он был убеждён, что его неустанный преследователь просто играет с ним, что в любой момент, если он того пожелает, то сможет наброситься на него.

Затем, когда пошатываясь Мэдисон брёл по бесконечным холмам, к нему пришло осознание ужасной правды: он не спал. Возможно, он начал засыпать, но сейчас не спал. Какая-то коварная и неописуемо злая сущность, выманила его из дома, используя ночной кошмар, чтобы обмануть его чувства! Он обратил внимание, что ноги у него босы и кровоточат, и что на нём нет ничего, кроме пижамы. Во сне он вышел из охотничьего домика и направился к этим адским холмам. Несмотря на одежду, он почти не чувствовал холода, он мчался вперёд, как маньяк, не обращая

внимания ни на что, кроме бега.

Однако даже порождённые абсолютным страхом силы способны иссякать. Мэдисон упал и лежал, рыдая от усталости и ужаса, на вершине залитого лунным светом холма. Когда отвратительный охотник стал приближаться, казалось, что каждая клеточка его тела напряглась. Мозг больше не функционировал нормально, он попытался приказать телу отползти, скатиться по склону холма, но ничего не вышло. Он словно был скован цепями. Мэдисон не желал видеть приближающийся ужас, но знал, что ему придётся, это будет частью финального, обжигающего душу кошмара. Он чувствовал, как нечто приближалось, воздух становился холодным, будто вырывался из чёрных космических бездн меж звёзд. Это был холод за гранью понимания, за пределами выносливости, но он не мог убить его достаточно быстро.

Подняв голову, Мэдисон уже не оглядывался, а смотрел прямо вверх и увидел. Оно выскользнуло из ледяного неба, как средоточие всего нечеловеческого ужаса. Оно было чёрным, бесконечно древним, сморщенным и горбатым, словно какая-то огромная летающая обезьяна. Окружавшее его переливающееся сияние и неподвижные пылаю-

щие глаза были неизвестного на земле цвета. По мере того, как оно росло, приближаясь к холму, его придатки, напоминавшие щупальца с похожими на ножи когтями вытягивались. Мэдисон, буквально обезумев от страха, стал бормотать:

— Хастур! Великий Хастур! Смилуйся! Смилуйся!

Очень скоро его речь потеряла всякую связность, он нёс полную бессмыслицу. Пожиратель пришедший издалека неумолимо скользнул вниз, его щупальца коснулись головы жертвы и похожие на ножи когти принялись за работу. Мэдисон издал единственный вскрик, вырвавшийся из его горла длинным пронзительным воплем агонии и отчаяния. Он разнёсся по пустынным холмам, словно ужасный человеческий набат, разбудивший жителей Гранбери в их постелях. Теперь ужасный захватчик из тех чуждых пропастей космоса, которые ни одна другая сущность не может преодолеть, поднялся с холма и скользнул обратно в холодные области предельной ночи.

Когда, примерно неделю спустя, поисковая группа нашла тело Мэдисона, то сперва предположили, что он замёрз насмерть. Но потом все увидели отверстия в его черепе. Врачи, проводившие вскрытие, говорили неохотно, но, по слухам,

череп выглядел так, будто его пронзила сотня стальных свёрл. И, когда они спилили верхнюю часть черепа, под ним не оказалось мозга. Все его части были словно высосаны из головы.

Перевод: Алексей Лотерман

Карл Эдвард Вагнер.
Река ночных грёз

Karl Edward Wagner. "The River of Night's Dreaming", 1981

Повсюду — туман и дождь.

Автобус для перевозки и его пассажиры в одинаковой форме. Мокрый асфальт, ползущий по гребню высокого утёса. Взбаламученные штормом воды залива далеко внизу. Сама ночь — затянутая серой дымкой и прочерченная струями дождя, в которую бессильно тыкались тусклые фары автобуса.

Серость и дождь слились в визге скользящей резины, надрывном рёве тормозов и треске рвущегося металла.

На мгновение автобус застыл на проломленном ограждении, наполовину поглощённый туманом и дождём, зависнув над краем пропасти. А затем, когда тридцать голосов вплелись в хор криков резины и стали, автобус сорвался вниз.

На полпути он вскользь ударился о известняковую стену. Колёса отлетели в ливне стекла и

металлических осколков, но падение не замедлилось. Ещё один удар — и автобус начал разваливаться, разрываясь на части перед последним столкновением с хаотическим нагромождением валунов, о которые далеко внизу взбивались в пену волны. Вода и грохот взметнулись в ночное небо. Металл смялся и лопнул, разбрасывая куски человеческих тел, словно семена из расколовшейся дыни.

Некоторое время те, кто остался заперт в уходящем под воду автобусе, издавали отчаянные звуки — в ночи они были не громче писка котят, связанных в мешке и брошенных в реку. Потом вода сомкнулась над спутанными обломками, и туман с дождём заглушили поток звуков.

* * *

Она вырвалась на поверхность и судорожным рывком втянула воздух в лёгкие. Удерживаясь на воде, она огляделась. Двигалась она всё ещё почти автоматически: страшный удар о тёмную воду едва не лишил её сознания. Возможно, на какое-то мгновение она действительно отключилась — голова кружилась так сильно, что ясно вспомнить что-либо она не могла.

Что-либо вообще. Постепенно возвращались

обрывки памяти. Дождь и ночь. Автобус, вёзший их обратно в тюрьму. Потом падение в темноту, ужас её спутников, лопающийся металл. И в следующий миг — одиночество: её беспомощно выбросило в ночь, прямо в оглушающие объятия волн.

Теперь мысли прояснялись. Она сбросила с ног теннисные туфли и отвела с лица мокрые волосы, пытаясь понять, где находится. Корпус автобуса разорвало — это она осознавала смутно, — а её выбросило из обломков в залив. Недалеко из серости проступала ещё более тёмная громада утёса, а оттуда приглушённо доносились стоны и крики других выживших. Она их не видела, но представляла: они сбились в кучку на камнях между водой и отвесной стеной. Скоро отсутствие автобуса вызовет тревогу.

Заметят пролом в ограждении. Приедут спасатели — с фонарями, верёвками и носилками, снимут их со скал и на машинах скорой помощи доставят в тюремное медицинское отделение. Она остановилась. Не задумываясь, она уже начала плыть к остальным выжившим.

Но зачем? Она оценила своё положение. Насколько можно было судить, серьёзных травм у неё не было. Она могла без труда присоединиться

к тем, кто держался на камнях, дождаться спасателей — а потом, как только врачи убедятся, что с ней всё в порядке, снова оказаться в запертой палате. Снова пленницей. Возможно, до конца своих дней. Далеко на другой стороне залива едва мерцали призрачные огни города.

Расстояние было огромным — две мили? три? больше? — потому что тюрьма находилась далеко за городской окраиной, и дорога к ней огибала малонаселённый берег залива. Но она была в хорошей спортивной форме и прекрасно плавала — регулярно занималась, чтобы хоть как-то убивать бесконечные дни. Сколько их прошло, она уже не помнила. Она знала только одно: обратно она не позволит себя забрать. Спасатели скоро будут здесь.

После того как они позаботятся о тех, кто выбрался к берегу, водолазы поднимут автобус. И когда среди тел в обломках её не найдут, решат, что она утонула и течение унесло тело. Наверняка будут и другие пропавшие — другие тела, которые уже сейчас дрейфуют где-то под водами залива. Их станут искать водолазы и лодки с кошками. Некоторых, возможно, так никогда и не найдут. Её не найдут никогда. Она повернулась к утёсу спиной и поплыла в залив.

Медленные, ровные гребки.

Нужно беречь силы. Она понимала, насколько это опасно, но именно поэтому им понадобится больше времени, чтобы заподозрить истину, когда обнаружится её исчезновение. Безрассудство решения лишь увеличивало шансы на побег. Конечно, они прочешут берег рядом с местом катастрофы. Возможно, пустят собак по следу тех, кто мог попытаться уйти вдоль безлюдной полосы высоких утёсов. Но никому не придёт в голову, что одна из заключённых попробует переплыть залив до далёкого города. А добравшись до города, она уже не боялась никакой ищейки. Чёрная громада скалы растворилась в серости позади неё.

Вместе с ней стихли рыдания и вопли её товарищей по заключению. Больше не товарищей. Она отвернулась от той жизни. Там, впереди, где далёкие огни размазывались по серой мгле, она найдёт себе новую. Некоторое время она плыла брассом, переходя на спину всякий раз, когда начинала уставать.

Дождь тяжело бил в запрокинутое лицо. Неровные волны заливали рот, и каждый раз ей приходилось отказываться от плавания на спине раньше, чем удавалось как следует отдохнуть.

Не спеши, говорила она себе. Медленнее. У тебя есть время. Теперь только далёкие огни задавали направление в бескрайней серости. Если она попробует повернуть назад, то может бесцельно блуждать в темноте, пока… Тюремное платье — бесформенная унылая роба — тянуло её ко дну.

Она на мгновение заколебалась. Одежда понадобится, когда она доберётся до берега. Но если продолжать плыть в ней, до города она не доберётся никогда. Нельзя было тратить силы, мучаясь над выбором. Выбора не было. Она расстегнула пуговицы. Короткая борьба — и ей удалось стянуть мокрое платье через голову. Она отбросила бесформенную тряпку прочь, и та ушла в ночную воду. Ещё немного усилий — и следом отправились носки.

Она снова поплыла к далёким огням. Бюстгальтер и трусики мешали не больше купальника, и теперь она легко рассекала воду, ругая себя за то, что не разделась раньше. Из-за дождя и темноты невозможно было определить, сколько она уже проплыла. Хотя бы половину пути, горячо надеялась она. Адреналин, прежде бурливший в крови и самоуверенно обещавший неисчерпаемые силы, начинал уходить. Всё отчётливее ощущались ушибы и растянутые мышцы — память о ката-

строфе. Огни словно ничуть не приближались.

Она уже потеряла и счёт времени. Ей пришло в голову, что, возможно, всякий раз, когда она отдыхает, течение уносит её в сторону от цели. Этот страх придал гребкам новые силы. Лямки бюстгальтера натирали плечи, но рядом с грызущей болью усталости это раздражение почти не чувствовалось. Она подавляла растущую панику, сосредоточив всё своё существо на призрачных огнях вдали. Казалось, они не ближе, чем звёзды. Только звёзды давно скрылись в серости и дожде.

Порой исчезали и городские огни — пропадали за гребнем волны, через который она с трудом пробиралась. В такие мгновения она оказывалась отрезанной от всего. От пространства. От времени. От самой реальности. Оставались лишь серость и дождь, всё сильнее прижимавшие её к тёмной воде. Воспоминания о прошлом тускнели. Она всегда слышала, будто перед глазами утопающего за мгновение проносится вся жизнь, но теперь едва могла припомнить хоть какой-нибудь её фрагмент до того дня, когда её заперли. Может быть, память вернётся тогда, когда измученные мышцы наконец откажут и вода сомкнётся над её лицом в поцелуе, который уже

никогда не разомкнётся. Но теперь огни стали ближе — на этот раз она была уверена.

Правда, их оказалось меньше, чем ей помнилось, но после бесконечного, казалось, заплыва наверняка уже стояла глубокая ночь. Надежда влила новые силы в конечности, до этого двигавшиеся словно механическая игрушка, у которой медленно кончается завод. Здесь было течение — она чувствовала. Оно пыталось унести её прочь от огней, обратно в бескрайний простор, из которого она столько сил потратила, чтобы выбраться.

Борясь с течением, она наконец сумела различить впереди береговую линию. И тут её охватил новый страх. Навстречу поднимались отвесные каменные стены. Город был построен на высоком берегу. Она могла добраться до суши — но взобраться по этой скале ей не удастся.

Она слишком долго и упорно боролась, чтобы теперь поддаться отчаянию. Стиснув зубы, она пошла наперерез течению, двигаясь вдоль берега. Разглядеть почти ничего было невозможно — лишь нависающую стену черноты, жестоко отделявшую её от невидимого города наверху. Но затем впереди, во тьме, чернота словно немного отступила. Почти не смея надеяться, она поплыла

к этому разрыву в стене. Течение становилось всё сильнее. Уставшие мышцы пронзала боль, но теперь приходилось грести ещё отчаяннее, чтобы её не унесло прочь.

Утёс здесь действительно становился ниже, однако там, где естественная преграда сходила на нет, от наводнений возвели стену. В отчаянии она вцепилась в покрытые мхом камни. Пальцы скребли по ним, не находя опоры. Течение снова оторвало её от стены, не дав ни секунды передышки.

Она всхлипнула и выругалась. Проливные дожди подняли воду до самого высокого уровня, не оставив ни полоски берега ни под утёсом, ни под дамбой. Но поскольку отступать в ту сторону, откуда она приплыла, было бессмысленно, она заставила измученные мышцы снова бороться с течением. Линия дамбы, казалось, изгибалась внутрь, и ей почудилось, что впереди, совсем недалеко, в чёрной преграде действительно есть просвет.

Продвижение давалось мучительно тяжело, течение всё усиливалось, но в конце концов она поняла, где находится. Каменная набережная возвышалась над рекой, протекавшей через город и впадавшей в залив. Городские ливневые

стоки переполняли реку, и река в полном разливе неслась вдоль искусственной стены. Теперь её сила почти превосходила возможности девушки. Снова и снова она хваталась за скользкую поверхность стены, пытаясь найти опору. И каждый раз течение оттаскивало её назад.

Из стены в реку выходили ливневые коллекторы, некоторые уже скрытые водой. Их поперечные струи создавали вихри, которые то на мгновение укрывали её от течения, то яростно рвали в сторону, но всё же позволяли понемногу продвигаться против самой реки. Подхваченный паводком мусор невидимо бил её в темноте. Крысы, в панике выплывавшие из затопленных коллекторов, барахтались рядом, пытались взобраться ей на плечи и на лицо. Она отбивалась от них, не обращая внимания на укусы: вся её воля была сосредоточена на борьбе с течением, и на новый ужас уже не оставалось сил.

Внезапный водоворот швырнул её в углубление каменной стены, и в следующую секунду ноги больно ударились о скрытый под водой выступ. Она наполовину поплыла, наполовину поползла вперёд, цепляясь пальцами за покрытые слизью ступени. Судорожно всхлипывая от облегчения, она вытащила себя из воды на каменную лестни-

цу, выступавшую из стены.

Долгое время ей было достаточно просто прижиматься к мокрому камню. Измученным конечностям больше не приходилось напрягаться, удерживая её на воде, а сердце бешено колотилось от усталости. Паводок плескался у самых ног, продолжая подниматься. Промокшая насквозь крыса вскарабкалась ей на голень, отыскав такое же убежище, как и она. Она отползла выше по ступеням и лишь тогда снова начала осознавать окружающее.

Итак. Она справилась. Она слабо улыбнулась и посмотрела назад, туда, откуда приплыла. Дождь, тьма и расстояние образовывали непроницаемую стену, но она представила, как спасатели уже сверяют имена найденных. Напротив её имени галочки не будет. Она обхватила руками обнажённые рёбра.

Ночь была холодной, а от дождя её ничто не защищало. Только теперь она вспомнила, что почти голая. Что подумает любой, кто увидит её в таком виде? В темноте трусики и бюстгальтер, возможно, сойдут за бикини. Но что купальщица делала бы здесь в такой час и в такую погоду? Можно было сказать, что она загорала, уснула, потом укрылась от грозы, а из-за поднявшейся во-

ды вынуждена была спасаться бегством. Но когда распространится известие об аварии автобуса, любой, кто увидит её сейчас, вспомнит.

Ей нужно было найти укрытие. И одежду. Где-нибудь. Шанс на побег возник внезапно, и времени всё обдумать у неё ещё не было. Девушка знала лишь одно: теперь она не позволит им снова поймать её. Какими бы ни были шансы против неё, она была готова рискнуть.

Девушка поднялась, опираясь на стену, пока не почувствовала, что ноги способны удержать её. Лестница по диагонали поднималась к набережной. С внешней стороны перил не было, а камень стал предательски скользким от слизи и потоков воды. Она мучительно медленно начала подниматься, стараясь не думать о бушующей реке внизу. Стоило поскользнуться — остановить падение было бы невозможно. Она покатится по ступеням в чёрный поток, и на этот раз спасения не будет.

Подъём казался не легче долгого заплыва. Измученные мышцы будто отказывались нести её вверх по скользким ступеням, но наконец она добралась до верхней площадки и, шатаясь, вышла на залитую дождём мостовую на набережной. Она неуверенно моргнула и глубоко вдохнула.

Дождь прижал чёрные волосы к шее и плечам и смывал с кожи грязь и нечистоты. Здесь не было видно ни единого огня.

По краю набережной тянулась балюстрада, прерывавшаяся только возле лестницы. По верху стены шла улица, в этот час совершенно пустая, а напротив, за ней, выстроился второй барьер — ряды кирпичных зданий. Похоже, она попала в район складов и тому подобного. И, судя по всему, район этот давно пришёл в упадок. Фонарей не было, но даже во тьме чувствовалась заброшенность домов: заколоченные окна, грязные фасады, кирпичная мостовая с выпирающими и разбитыми участками. Она задрожала. Вдвойне хорошо, что никто не видел её внезапного появления.

В таком районе и в таком виде вряд ли стоило рассчитывать, что случайный встречный окажется добрым самаритянином. Одежда. Ей нужна была одежда. Какая угодно. Она перебежала неровную мостовую и укрылась в более глубокой тени у фасадов.

Лучше всего было бы найти магазин. Может, здесь попадётся какая-нибудь захудалая лавка подержанных вещей, вполне подходящая для такой улицы, — желательно без сложной сигна-

лизации. Она могла бы вломиться внутрь. Или, в крайнем случае, найти витрину и попытать счастья: разбить стекло и схватить что попадётся. Даже простой плащ сделал бы её куда менее беззащитной. Потом понадобятся деньги, ночлег и еда — пока она не сможет покинуть город и уехать куда-нибудь далеко. Она кралась по пустой улице и всё больше сомневалась, удастся ли вообще что-нибудь здесь найти.

Двери были заколочены и заперты на висячие замки. За ржавыми решётками окон виднелись гнилые доски и грязные осколки стекла. Прибрежная улица казалась полностью заброшенной — ряд древних зданий, где хранились забытые товары, которые было дешевле оставить гнить, чем вывозить, так же как сами кирпичные громады дешевле было оставить стоять, чем сносить. Даже привычных пьяниц и бродяг, похоже, в этой части города не осталось. Она уже начала мечтать хотя бы о случайно проехавшей машине. Но крысы улицу не покинули. Наверное, поднимающаяся вода выгнала их наружу.

Стоило ей начать обращать на них внимание, как оказалось, что их становится всё больше. Они бесстрашно ползли по мостовой. Огромные, хитрые твари. Некоторые — размером с кошку. Они

совсем её не боялись, и временами ей начинало казаться, будто крысы собираются в стаю и идут следом. Она слышала о крысах, нападавших на детей и беспомощных больных, но всё же… Ей хотелось как можно скорее выбраться из этого района.

Улица всё тянулась вдоль реки, а впереди по-прежнему не было ни огней, ни каких-либо признаков человеческой жизни. Потоки дождя продолжали литься из затянутого тучами неба. Она уже подумала, не забраться ли в один из тёмных складов и не переждать ли там до утра. Потом представила себя одну в заброшенном тёмном здании, куда всё ближе подбирается стая крыс.

И пошла быстрее. Некоторые пустующие здания хранили следы былого великолепия, и она надеялась, что выходит к более благополучной части набережной. На улицу смотрели вычурные входы с каннелированными колоннами и мраморными ступенями. Гротескные викторианские фасады и уродливые статуи придавали величественный вид зданиям, внутри которых царило то же затхлое запустение, что и в кирпичных складах. Наверное, она добралась до старого торгового квартала города, хотя и эти строения, похоже, были давно заброшены и лишь ждали,

когда до них доберётся чугунный шар городской реконструкции.

Ей хотелось поскорее уйти с этой улицы: в темноте позади крыс, казалось, становилось слишком много, чтобы можно было продолжать их игнорировать. Может быть, между домами найдётся переулок, через который можно выбраться из прибрежного квартала и попасть в жилую часть города, — потому что теперь уже не оставалось сомнений: эта улица была заброшена много лет назад.

Она внимательно всматривалась в каждое здание, но нигде не находила прохода между ними. Без света она не решалась вслепую забираться внутрь какого-нибудь полуразвалившегося дома и искать выход через него.

На мгновение она остановилась и прислушалась. Уже некоторое время из темноты позади доносились царапанье мокрых когтей и беспокойный писк. Теперь слышен был только дождь. Неужели крысы бесшумно смыкались вокруг неё? Она стояла перед портиком с колоннами — банк? церковь? — и вглядывалась в густую тень, размышляя, не поискать ли там укрытия. Перед одной из мраморных колонн стояла статуя — ангел, наверное, или какая-нибудь аллегори-

ческая фигура.

Разглядеть её почти не удавалось. Было видно лишь, что она словно изуродована — вероятно, вандалами, — сгорблена и будто привязана к колонне толстыми тросами или верёвками. Лица она не видела. Тишина ей не понравилась. Она снова поспешила вперёд.

Миновав портик, она резко обернулась, чтобы посмотреть, не крадутся ли следом крысы.

Крыс не было. Она видела ряд колонн. А уродливая фигура исчезла. Тогда она побежала. Не разбирая дороги, не думая, куда гонит её паника. Справа была только балюстрада, отмечавшая край стены, и бурлящая внизу вода. Слева — непрерывный ряд заброшенных домов. Позади — ночь, дождь и нечто, чьё присутствие заставило крыс разбежаться.

А впереди — теперь она видела достаточно хорошо — улица упиралась в скальную стену. Спотыкаясь, она двинулась к ней, потому что возвращаться туда, откуда прибежала, не смела. Подойдя ближе, она увидела, что стена не сплошная: по ней круто вверх поднималась лестница к террасе. Здесь высокий берег снова вздымался над рекой, и каменная набережная заканчивалась у поднимающейся скалы.

На склоне теснились дома, фасадами выходившие на террасу уровнем выше. В одном из окон сквозь дождь светился огонь. Дыхание вырывалось рваными судорожными всхлипами, ноги сделались словно резиновыми, но она заставила себя полубегом-ползком подняться по скользким от дождя ступеням. Наверху снова была вымощенная кирпичом площадка и балюстрада по краю.

Её встретил ряд обветшалых домов, плечом к плечу стоявших на возвышении, с заколоченными окнами и мёртвыми фасадами. Свет был справа, над рекой. Теперь она видела его ясно. Он манил из последнего дома на террасе — громоздкого викторианского особняка, нависшего над обрывом. Створчатое окно на уровне дальнего конца террасы выходило в запущенный сад.

Она перелезла через низкую стену, отделявшую дом от террасы, и пригнулась под занавешенным окном. Внутри была уютная на вид гостиная, обставленная по-старомодному. Пожилая женщина вязала крючком, а рядом с ней в кресле сидела молодая женщина в платье горничной и читала вслух книгу.

В другом конце угловой комнаты ещё одно створчатое окно выходило на чёрную воду дале-

ко внизу. Не будь она так измучена и напугана, возможно, действовала бы осторожнее, остановилась бы и подумала, какое впечатление произведёт её вид. Но она вспомнила тот шаркающий звук, который слышала, карабкаясь на террасу, и то, как, когда она мгновение назад оглянулась, тьма словно собралась наверху лестницы. Не думая ни о чём, кроме спасения от ночи, она резко постучала костяшками пальцев по стеклу.

Услышав стук, пожилая женщина подняла голову от работы, а горничная уронила на белый фартук книгу в жёлтом переплёте. Они смотрели на окно не столько испуганно, сколько неуверенно, словно не могли понять, что именно услышали. Занавеска скрывала её от них.

Пожалуйста! — беззвучно молилась она, не в силах крикнуть. Она застучала настойчивее и прижалась к стеклу. Они увидят, что она всего лишь девушка. Увидят, что ей нужна помощь.

Обе уже стояли. Пожилая женщина что-то быстро говорила, но слов она разобрать не могла. Горничная бросилась к окну и начала возиться с защёлкой. Ещё секунда — створка распахнулась, и она ввалилась в комнату.

* * *

Она стояла на коленях, сжавшись на полу в комок, слишком измученная, чтобы двигаться дальше. Всё тело дрожало, вода стекала с почти обнажённой кожи. Она чувствовала себя полузахлебнувшимся котёнком, которого вытащили из бури под крышу. Сквозь туман усталости до неё доносились встревоженные вопросы, затем успокаивающий щелчок оконной защёлки, отсекающей дождь, и шорох занавески, закрывающей ночь.

Горничная принесла покрывало и энергично растирала её насухо. Эта забота напомнила: нужно как-то объяснить своё появление, прежде чем благодетельницы вызовут полицию, чьё расследование мгновенно положит конец её свободе.

— Теперь со мной всё хорошо, — дрожащим голосом сказала она. — Только дайте отдышаться и согреться.

— Как тебя зовут, дитя? — участливо спросила пожилая женщина. — Камилла, принеси горячего чаю.

Она лихорадочно искала имя.

— Кассильда.

Имя горничной навело её на эту мысль, да и

здешней обстановке оно подходило.

— Кассильда Арчер.

Доктор Арчер наверняка заинтересовалась бы таким присвоением её фамилии.

— Бедное дитя! Как ты здесь оказалась? На тебя… напали?

Она быстро соображала. Удовлетворить их любопытство, но не вызвать подозрений. Объяснить своё положение, но не встревожить их.

— Я ехала автостопом.

Она говорила неуверенными, обрывистыми фразами.

— Меня подобрал мужчина. Он увёз меня в безлюдное место у реки. Заставил снять одежду. Он собирался…

Дрожь изображать не пришлось.

— Вот чай, миссис Кастень. Я добавила немного бренди.

— Спасибо, Камилла. Выпей, дорогая.

Она воспользовалась паузой, чтобы собраться с мыслями. Обе женщины здесь одни, иначе позвали бы и остальных.

— Когда он начал расстёгивать брюки… я сделала ему больно. Потом выскочила из машины и побежала что было сил. Не думаю, что он погнался за мной, но я заблудилась под дождём. Не могла

найти никого, кто бы помог. При мне ничего не осталось, только бельё. Кажется, за мной потом шёл какой-то бродяга. А потом я увидела ваш свет и побежала сюда.

Она поспешила предупредить очевидное предложение:

— Пожалуйста, не вызывайте полицию! Я не ранена. Я знаю, что не вынесу унижения всех этих расспросов о попытке изнасилования. Да и того человека они теперь всё равно не найдут.

— Но ведь ты наверняка хочешь, чтобы я с кем-нибудь связалась?

— Нет никого, кому было бы до меня дело. Я сама по себе. У того мужчины остались мой рюкзак и сумочка с несколькими долларами. Если бы вы позволили мне остаться здесь до утра и одолжили какую-нибудь одежду хотя бы на завтра… Утром я позвоню одному знакомому, он сможет перевести мне немного денег.

Миссис Кастень обняла её, словно защищая.

— Бедное дитя! Что тебе пришлось пережить! Разумеется, ты останешься у нас на ночь. И не тревожься, тебе не придётся снова переживать этот кошмар ради толпы похотливо глазеющих полицейских. Завтра у тебя будет достаточно времени решить, что ты хочешь делать дальше.

— Камилла, приготовь для Кассильды хорошую горячую ванну. Спать она будет в комнате Констанс, так что положи туда тёплое стёганое одеяло и приготовь ночную рубашку. А ты, Кассильда, выпей ещё чашку чая. Ты так сильно продрогла, дитя, что тебе ещё очень повезёт, если ты не умрёшь от воспаления лёгких!

Поверх края чашки девушка внимательнее разглядела комнату и её обитательниц. Гостиная была подчёркнуто старомодной — обставленной словно салон на старой фотографии или декорация к фильму, действие которого происходит на рубеже веков. Даже освещение здесь было газовым или керосиновым. Вероятно, дом почти не изменился с тех давних времён, ещё до того, как район начал приходить в упадок. Нужно было обладать некоторой долей эксцентричности, чтобы продолжать жить здесь, хотя, возможно, этот дом был всем, что осталось у миссис Кастень, а никакого мистера Кастеня видно не было. Дом и участок в таком районе вряд ли стоили дорого, зато мебель, возможно, можно было продать как антиквариат. Она в этом не разбиралась, но всё выглядело заботливо сохранённым. Сама миссис Кастень прекрасно вписывалась в эту комнату и её обстановку.

Её лицо могло принадлежать женщине как сорока, так и шестидесяти лет — правильные черты были слишком суровы для молодой женщины, но при этом на коже не было ни морщин, ни других следов старости. Фигура у неё оставалась превосходной, а платье — узкое в талии и длиной до щиколоток — словно относилось к той же эпохе, что и сам дом. Руки, которыми она поглаживала обнажённые плечи девушки, были сильными, белыми и без единого пятнышка, а волосы, уложенные высоко на голове, были такими же чёрными, как у неё самой.

Ей пришло в голову, что миссис Кастень наверняка слишком молода для этого дома. Вероятно, она была дочерью или, скорее, внучкой первых хозяев — вдовой, живущей здесь вдвоём с молодой служанкой. А кто такая Констанс, в чьей комнате ей предстояло спать?

— Ваша ванна готова, мисс Арчер.

Камилла появилась снова.

Завернувшись в покрывало, девушка пошла следом. Миссис Кастень помогала ей держаться на ногах: сил едва хватало стоять, и от усталости она была готова потерять сознание.

Ванная оказалась просторной, наполненной паром от огромной ванны на львиных лапах и

запахом солей для купания. Водопровод и сантехника здесь были ничуть не современнее всего остального дома.

Камилла вошла вместе с ней и, к её удивлению, помогла снять оставшееся бельё, а затем усадила в ванну.

Она была слишком измучена, чтобы чувствовать неловкость из-за этой непривычной заботы, а когда служанка начала натирать ей спину душистым мылом, только вздохнула от наслаждения.

— А кто ещё здесь живёт? — как бы невзначай спросила она.

— Только миссис Кастень и я, мисс Арчер.

— Миссис Кастень упомянула кого-то… Констанс? Сказала, что я буду спать в её комнате.

— Мисс Кастень больше нет с нами, мисс Арчер.

— Пожалуйста, называй меня Кассильдой. Я не люблю такую официальность.

— Если вы хотите, чтобы я вас так называла, разумеется… Кассильда.

Камилла, должно быть, была почти её ровесницей.

Несмотря на старомодную форму горничной — чёрное платье и чулки, белый фартук с обор-

ками и чепец, — другой девушке вряд ли было больше двадцати с небольшим. Длинные светлые волосы служанка, как и хозяйка, укладывала высоким узлом, вероятно просто следуя вкусам миссис Кастень. Фигура у Камиллы была пышной — куда более женственной и полногрудой, чем её собственная мальчишеская стройность, — и затянутая в талии форма особенно это подчёркивала.

Ярко-голубые глаза сияли над прямым носом и широким ртом.

— Ты поранилась.

Камилла нежно провела пальцами по синякам на её рёбрах и ногах.

— Я боролась с ним. И падала в темноте… Не знаю даже сколько раз.

— И ещё расцарапалась.

Камилла отвела чёрные волосы с её шеи.

— Здесь, на плечах и на горле. Но, думаю, ничего серьёзного.

Её пальцы осторожно коснулись багровых ссадин.

— Ты точно уверена, что нет никого, кому следовало бы сообщить, что ты в безопасности?

— Никого, кому было бы до меня дело. Я одна.

— Бедная Кассильда.

— Я только хочу спать, — пробормотала она.

Тёплая ванна вытягивала боль из тела, оставляя после себя восхитительную сонливость.

Камилла вышла и вскоре вернулась с большими полотенцами.

Она помогла ей выбраться из ванны, завернула в одно полотенце, а другим принялась вытирать. От сонливости у девушки кружилась голова, и она позволила себе расслабиться, прислонившись к светловолосой служанке.

Камилла была очень сильной и легко поддерживала её, вытирая маленькие груди.

Её пальцы скользнули между бёдер, задержались там, а затем вернулись снова — прикосновение это уже никак нельзя было назвать случайным.

Девушка широко раскрыла тёмные глаза, встретившись с сияющим голубым взглядом Камиллы, но была слишком приятно расслаблена, чтобы возражать, когда прикосновения служанки стали ещё интимнее. Она резко втянула воздух. И замерла.

— Ты очень горячая, Кассильда.

— Поторопись, Камилла, — раздался от двери голос миссис Кастень. — Бедное дитя вот-вот свалится с ног. Помоги ей надеть ночную рубашку.

Уже ничему не удивляясь, девушка подняла ру-

ки, позволяя Камилле накинуть ей через голову тонкую батистовую ночную рубашку, украшенную лентами, которая спустилась до самых щиколоток. Ещё мгновение — и её уже вели в спальню, обставленную в том же духе, что и весь остальной дом, к затейливой латунной кровати, матрас которой поглотил её, словно волна пены. Она почувствовала, как на неё натянули одеяла, ощутила, что обе женщины ещё стоят рядом, склонившись над ней, — а затем провалилась в глубокий сон полного изнеможения.

— Никого?

— Совсем никого.

— Разумеется. Иначе как она могла оказаться здесь? Теперь она наша.

* * *

Её сны были полны бесформенных страхов — во сне они тревожили до глубины души, но, когда она наконец проснулась от эха собственного крика, их содержание уже исчезло из памяти. Она тревожно огляделась, не понимая, где находится. Это чувство дезориентации было точно таким же, как после электрошока. Только здесь не было больничной палаты, а вошедшая в комнату женщина не была одной из надзирательниц.

— Доброе утро, Кассильда.

Горничная раздвинула занавески, и по комнате протянулись длинные полосы теней.

— Хотя правильнее сказать — добрый вечер. Уже почти вечер. Ты проспала весь день, бедняжка.

Кассильда? Да. Да, это была она.

Воспоминания хлынули назад спутанной лавиной. Она приподнялась на подушках и оглядела спальню, которую накануне была слишком измучена, чтобы рассмотреть. Это совершенно определённо была женская комната. Комната молодой женщины. И она вспомнила, что раньше здесь жила дочь миссис Кастень. Не похоже было, чтобы помещение долго пустовало: латунь кровати ярко блестела, ореховое дерево шкафа, комодов и туалетного столика отливало богатым тёплым сиянием, а весёлые пастельные тона занавесок и обоев смягчали строгость высокого потолка из тиснёной жести и паркетного пола. Маленькие восточные коврики и подушки на креслах и шезлонге расставляли по комнате яркие цветовые акценты. Она снова подумала о кинодекорации: здесь не было решительно ничего современного. В антикварiате она почти не разбиралась, но предположила, что вся эта

обстановка относится ещё ко времени до Первой мировой войны.

Камилла ставила единственную красную розу в узкую хрустальную вазочку на туалетном столике.

В зеркале она поймала взгляд Кассильды.

— Хорошо спала, Кассильда? Мне показалось, я слышала, как ты вскрикнула, как раз перед тем, как я постучала.

— Наверное, кошмар. Но спала я хорошо. Обычно мне это не удаётся.

Там её заставляли принимать таблетки, чтобы уснуть.

— Ты проснулась, Кассильда? Мне показалось, я услышала ваши голоса.

Миссис Кастень улыбнулась с порога и подошла к кровати. Одета она была почти так же, как накануне вечером.

— Я не хотела спать так долго, — извинилась девушка.

— Бедное дитя! Ничего удивительного, что после всего пережитого ты столько проспала. Хватит ли у тебя сил съесть немного супа?

— Мне действительно пора идти. Я и так слишком вас стеснила.

— И слышать больше этого не хочу, дорогая.

Конечно же, ты останешься у нас, пока не окрепнешь.

Миссис Кастень села рядом на кровать и приложила холодную ладонь к её лбу.

— Кассильда, да у тебя лицо просто пылает. Надеюсь, у тебя не начинается жар. Посмотри, даже руки дрожат!

— Я чувствую себя нормально.

На самом деле это было не так. Ей и вправду казалось, что у неё жар, а мышцы болели настолько, что она не была уверена, сможет ли ходить. Дрожь её не тревожила: от уколов, которые ей делали каждые две недели, она всегда начинала трястись, и тогда ей давали маленькие таблетки, чтобы это прекратить. Сейчас таблеток у неё не было, но срок следующей инъекции как раз подходил, а значит, действие предыдущей вместе с побочными эффектами скоро должно было пройти.

— Я принесу тебе укрепляющего средства, дорогая. А Камилла принесёт хороший питательный суп, и ты обязательно должна постараться поесть. Бедная Кассильда, если мы не будем как следует за тобой ухаживать, боюсь, ты можешь серьёзно заболеть.

— Но я не могу так вас обременять, — запроте-

стовала она скорее из вежливости. — Мне правда нужно идти.

— Куда же, бедное дитя?

Миссис Кастень серьёзно взяла её за руки.

— Тебе есть куда идти? Есть кто-нибудь, кому ты хотела бы сообщить, что с тобой всё в порядке?

— Нет, — призналась она, стараясь, чтобы всё звучало правдоподобно. — Идти мне некуда, и никого, кто был бы мне дорог, нет. Я ехала дальше вдоль побережья, надеялась найти работу на курортный сезон. У меня есть одна-две старые подруги, у которых можно пожить, пока не устроюсь.

— Вот видишь. Значит, нет совершенно никакой причины, почему бы тебе не остаться здесь, пока силы не вернутся. Возможно, я даже сама смогу найти тебе место. Но об этом мы поговорим позже, когда ты поправишься. А пока ложись обратно на подушку и позволь нам о тебе позаботиться.

Миссис Кастень наклонилась и поцеловала её в лоб. Губы у неё были прохладными.

— Какая же ты хорошенькая, Кассильда, — улыбнулась она и похлопала девушку по руке.

Та улыбнулась в ответ и ответила на крепкое пожатие.

Она не заметила в доме ни телевизора, ни радио, а такая старомодная чудачка, как миссис Кастень, наверное, даже газет не читала. И даже если та слышала об аварии автобуса, она явно была слишком счастлива появлению гостьи, нарушившей её одинокую жизнь, чтобы задумываться о том, не беглянка ли перед ней, — если, конечно, её вообще не записали в число утонувших. Лучшего места, чтобы спрятаться и переждать, пока всё уляжется, она не могла и пожелать.

Укрепляющее средство имело горький лакричный привкус и навевало сонливость, так что вскоре после того, как Камилла унесла поднос, она снова заснула. Несмотря на то что весь день она проспала, жар и изнеможение снова утянули её в сон — только прежний долгий отдых лишил этот сон благодатного забытья. Снова пришли тревожные сновидения.

На этот раз они куда острее впивались в сознание. Ей снилась доктор Арчер — суровое лицо и широкие, почти мужские плечи нависали над её кроватью. Запястья и щиколотки были пристёгнуты к четырём углам кровати мягкими кожаными манжетами. Доктор Арчер отчитывала её, а санитарки задирали юбку и стаскивали

трусики. В руке доктора блеснул шприц. В ягодицу впилась острая боль.

Она снова сопротивлялась, но без толку. Доктор Арчер кричала на неё, а грузная медсестра затягивала последние пряжки смирительной рубашки, прижимавшей руки к груди в объятиях, лишённых всякой нежности. Ремни были затянуты так туго, что почти не давали дышать. Она не разбирала слов доктора Арчер, но узнала иглу, из которой брызнула струйка жидкости, прежде чем та вонзилась в её тело.

Её крепко привязали к узкой кровати. Она смотрела в серый потолок, пока её катили по коридорам в особую комнату доктора Арчер. Потом они остановились. Приехали. Доктор Арчер снова наклонилась над ней. Укол в руку, когда игла вошла в вену. Беспомощный стремительный провал под действием лекарства. Доктор Арчер улыбается и поворачивается к своему аппарату. Ток взрывается внутри туго стянутого ремнями черепа; тело выгибается, рвётся из фиксаторов, а крик душится резиновым кляпом, зажатым между зубами.

Но лицо, которое теперь склоняется над ней, уже не принадлежит доктору Арчер. И руки, трясущие её за плечи, не жестоки.

— Кассильда! Кассильда! Проснись! Это всего лишь кошмар!

Светловолосое, голубоглазое лицо Камиллы наконец обрело чёткость перед её пробуждающимся взглядом.

— Всего лишь кошмар, — успокаивала Камилла. — Бедная моя.

Руки, державшие её за плечи, поднялись выше, убрали чёрные волосы с глаз, обхватили лицо.

Камилла склонилась и нежно поцеловала её в пересохшие губы.

— Что случилось?

Миссис Кастень в ночной рубашке, со свечой в руке, встревоженно вошла в комнату.

— Бедной Кассильде приснился кошмар, — сказала Камилла. — И лицо у неё такое горячее.

— Бедное дитя!

Миссис Кастень поставила подсвечник.

— Ей нужно немедленно дать ещё укрепляющего средства. Возможно, тебе стоит посидеть с ней, Камилла, чтобы сон её больше ничто не тревожило.

— Конечно, мадам. Я только принесу лекарство.

— Пожалуйста, не надо беспокоиться…

Но стоило ей попытаться сесть, как комната за-

вертелась и расплылась перед глазами. Она снова откинулась на подушки и на мгновение крепко зажмурилась. Тело и вправду горело, во рту пересохло, а когда она протянула руку к стаканчику с лекарством, дрожь была настолько заметной, что Камилла покачала головой и сама поднесла его к её губам. Она послушно проглотила лекарство, гадая, в какой мере всё это было реакцией на проликсин, всё ещё остававшийся в её теле. Действие инъекции скоро должно было закончиться — она это знала, потому что, когда улыбнулась своим сиделкам, сквозь мутную пелену, которой лекарство застилало её восприятие, уже начинали вновь проступать острые грани цветов.

— Скоро мне станет лучше, — пообещала она.

— Тогда постарайся уснуть, дорогая, — миссис Кастень погладила её по руке. — Тебе нужно восстановить силы. Камилла останется здесь и присмотрит за тобой.

Она повернулась к служанке:

— Проследи, чтобы шторы были плотно задёрнуты от ночных испарений. Если понадобится — позови меня.

— Конечно, мадам. Я не отойду от неё.

* * *

Она снова видела сон. Или всё ещё продолжала видеть прежний.

Тьма облегала её, словно чёрная кожаная маска, а тело сотрясали неудержимые спазмы. Обнажённая кожа была скользкой от холодного пота, хотя во рту всё горело от сухости. Она стонала и металась, пытаясь вырваться из влажной черноты к бодрствованию, к порядку, но чернота лишь смыкалась вокруг неё с удушающим упорством.

Холодные губы впивались в её губы. Холодный язык проникал в горячий от лихорадки рот, губы оставляли болезненные следы на коже горла. Тонкие сильные пальцы ласкали её груди, подносили соски к жадным губам. Её руки беспорядочно метались и натыкались на гладкую кожу. Постепенно до неё дошло, что глаза у неё и вправду широко открыты. Просто тьма была такой густой, что она могла лишь угадывать присутствие других тел совсем рядом.

Сама она двигалась вяло, словно во сне. Сквозь спазмы, сотрясавшие тело, она вдруг ощутила извращённый всплеск наслаждения. Её пальцы сонно скользили по прохладной плоти существа, склонившегося над ней, — без цели и почти без

сил, словно руки утопающего, бессильно дрейфующие в воде.

Её сковывала непреодолимая слабость, даже когда чернота слепила её. Казалось, она уплывает куда-то прочь — отделяясь от собственного тела, от собственного сна, всё глубже и глубже в темноту. Чувственное возбуждение, терзавшее её, теряло всякую реальность перед лицом вялости и жара, державших тело в плену, а из эротического бреда всё настойчивее прорывался пронзительный шёпот скрытого отвращения и ужаса.

Теперь одни губы пленили её рот и горло, словно высасывая дыхание, тогда как другие скользили вниз по груди, задержались у пупка, а затем набросились на ложбинку между раздвинутыми бёдрами. Она судорожно втянула воздух — и губы, державшие её рот, тут же украли этот вдох, а холод начал проникать в пылающую плоть.

Она чувствовала, что задыхается, не может вдохнуть, и тело выгнулось в панике, конечности забились беспорядочно. Попытки вырваться были столь же бесполезны, как и попытки пробудиться. Губы, похищавшие её дыхание, отпустили её, но лишь на мгновение. В темноте она почувствовала, как другая плоть придавила

её мечущееся тело, двигаясь с прохладной силой. Ледяной огонь мучил её лоно, и когда она открыла рот, чтобы вскрикнуть — или вздохнуть, — гладкие бёдра опустились ей на щёки, и холод снова перехватил дыхание. Безмолвно она подчинилась желаниям, которые повелевали ею, которые полностью захлестнули её, и сквозь темноту слепо потёк её беззвучный крик — одновременно экстаза и ужаса.

* * *

Кассильда проснулась.

Солнечный свет острыми лучами вонзался в комнату, а цветные стёкла окон создавали ложную радугу.

Камилла, поправлявшая занавески, обернулась на звук её движения и улыбнулась.

— Доброе утро, Кассильда. Сегодня тебе лучше?

— Намного лучше, — Кассильда улыбнулась в ответ. — Такое чувство, будто я проспала несколько дней.

Она слегка нахмурилась, вдруг почувствовав неуверенность.

Камилла коснулась её лба.

— Жар прошёл. Миссис Кастень будет очень рада это услышать. Ты проспала почти весь

вчерашний день и всю ночь. Принести тебе завтрак?

— Пожалуйста. Я умираю с голоду. Но, думаю, мне уже пора вставать.

— После завтрака, если хочешь. А сейчас я сообщу мадам, что тебе гораздо лучше.

Миссис Кастень появилась как раз тогда, когда горничная убирала посуду после завтрака.

— Сегодня ты выглядишь несравненно лучше, Кассильда. Камилла говорит, ты уже достаточно окрепла, чтобы подняться.

— Я больше не могу изображать больную и злоупотреблять вашим гостеприимством. Не могли бы вы одолжить мне какую-нибудь одежду? Моя собственная…

Кассильда нахмурилась, пытаясь вспомнить, почему вообще ввалилась в дом своей благодетельницы практически голой.

— Разумеется, дорогая.

Миссис Кастень сжала её плечо.

— Посмотрим, не подойдёт ли тебе что-нибудь из одежды моей дочери. Я уверена, вы с Констанс, должно быть, примерно одного сложения. Камилла тебе поможет.

Когда Кассильда впервые попыталась встать, у неё закружилась голова, и пришлось держаться

за латунные столбики кровати, пока ноги не окрепли настолько, чтобы выдержать её вес. Горничная тем временем хлопотала у комода, вынимая предметы одежды из-под аккуратно уложенных листов тонкой бумаги. Из саше под сложенными вещами тянуло лёгким запахом сухих розовых лепестков.

— Надеюсь, ты простишь, если всё это не вполне соответствует последней моде, — говорила миссис Кастень. — С тех пор как Констанс жила здесь с нами, прошло уже немало времени.

— Ваша дочь…?

— Уехала.

Кассильда решила не расспрашивать дальше.

За ширмой для переодевания она скрылась от глаз, пока миссис Кастень ждала на шезлонге.

Камилла, неся одежду, от которой пахло сушёными розами, вошла за ширму и помогла Кассильде снять ночную рубашку.

Бельё было из тонкого шёлка, воздушных кружев и лёгких пастельных тканей. Кассильду озадачивало странное сочетание незнакомого и одновременно знакомого в этих вещах, и пока разум пытался разобраться в этом ощущении, руки будто сами одевали тело привычными движениями. Сначала сорочка до колен, отделанная

лёгким кружевом и лентами. Сев на стул, она натянула бледные чулки из узорчатого шёлка, удерживаемые на середине бедра подвязками с лентами. Затем шёлковые панталоны, открытые спереди и сзади, завязывающиеся на талии, украшенные кружевом и сборками там, где они расширялись ниже края чулок. Пышная нижняя юбка спадала почти до щиколоток.

— Это мне не понадобится, — запротестовала Кассильда.

Камилла протянула ей жёсткий корсет из белой и небесно-голубой парчи.

— Глупости, дорогая, — распорядилась миссис Кастень, обходя ширму, чтобы проследить за процессом. — Можешь считать меня старомодной, но я не позволю тебе испортить фигуру.

Кассильда подчинилась, внезапно удивившись, почему вообще сочла этот предмет чем-то необычным.

Она застегнула прямую планшетку корсета спереди, пока Камилла собирала шнуровку сзади. Горничная резко дёрнула за шнуры, выдавив из неё воздух.

Кассильда наклонилась вперёд и ухватилась за спинку стула, а Камилла упёрлась коленом ей в поясницу и затягивала шнуровку так туго, как

только могла, прежде чем завязать.

Когда корсет был надёжно стянут, Кассильда надела поверх него камисоль из белого хлопкового кружева, отделанный лентами в тон нижней юбке. Слегка одурманенная, она неподвижно сидела перед туалетным столиком, пока горничная расчёсывала длинные чёрные волосы, собирала их в свободный узел на макушке и закрепляла гребнями из черепахового панциря. Открыв шкаф, Камилла нашла пару туфель на высоких каблуках, расширявшихся книзу, и те подошли ей без труда.

— Как прекрасно, Кассильда! — одобрила миссис Кастень. — Тебя почти невозможно узнать в той бедной утопленнице, которая явилась к нам из ночи!

Кассильда встала и посмотрела на себя в зеркало во весь рост.

Казалось, она видит незнакомку — и в то же время прекрасно знала, что смотрит на себя. Корсет сжал талию и выгнул её тонкую фигуру в S-образную линию: бёдра назад, грудь вперёд. Это придавало телу неожиданную пышность, ещё более подчёркнутую воздушным изобилием кружев и шёлка. Из-под блестящей массы чёрных волос на неё насторожённо смотрело тонкое лицо

с тёмными глазами. Она коснулась себя почти с удивлением, почти веря, что отражение в зеркале — фотография какой-то другой женщины.

Камилла выбрала для неё льняную блузку с длинными рукавами, застёгивавшуюся на пуговицы у манжет и до самого горла, а затем помогла надеть юбку из более тёмной ткани, ниспадавшую от туго затянутой талии до щиколоток.

Кассильда разглядывала себя в зеркале, пока горничная хлопотала вокруг неё.

Я похожа на девушку со старой иллюстрации — на девушку Гибсона, подумала она и тут же сама удивилась этой мысли.

Через открытое окно доносился смутный шум города, и впервые она поняла, что среди знакомых звуков слышится стук лошадиных копыт по кирпичной мостовой.

* * *

— И больше ни слова о том, что ты собираешься нас покинуть, Кассильда, — настаивала миссис Кастень, доверительно наклоняясь к ней и кладя руку на колено.

Сидя рядом с ней на диванчике, Кассильда ощущала давление этой ладони через шуршащие слои нижних юбок. Этот струящийся шелест

преследовал её — сопровождал каждое движение и казался одновременно странным и знакомым: дрожащий вздох шёлка о шёлк, словно сухой снег, скользящий по камню. Она улыбнулась, с непринуждённой грацией удерживая чашку чая, и удивлялась, почему такие мелкие, обыденные ощущения вообще кажутся ей необычными. Даже жёсткие объятия корсета теперь ощущались совершенно привычно. Она сидела легко и изящно, слушая свою благодетельницу, тогда как где-то в глубине сознания шевелилось беспокойное недоумение.

— Ты сама сказала, что никаких ближайших перспектив у тебя нет, — продолжала миссис Кастень. — И, думаю, мне не нужно напоминать тебе, сколько опасностей таит город для молодой женщины без семьи и покровительства. Тебе необычайно повезло вырваться от тех торговцев белыми рабынями, которые тебя похитили. Если некому было бы спросить, куда ты исчезла… Что ж, я даже не стану говорить, какая ужасная судьба могла тебя ожидать.

Кассильда содрогнулась при воспоминании о побеге — воспоминании столь же бесформенном и неясном, как всё, что предшествовало похищению, за исключением одного отчаянного

желания бежать. На мягкие расспросы миссис Кастень она отвечала лишь туманными фразами и сама уже не была уверена, какие части рассказанной истории были полуправдой, а какие — ложью.

В одном она не сомневалась ни на мгновение: опасность, от которой она бежала, ждала её за пределами этого дома.

— Здесь стало так одиноко с тех пор, как Констанс уехала, — говорила миссис Кастень. — Камилла — огромное утешение для меня, но всё же у неё хватает домашних обязанностей, и я не раз подумывала о том, чтобы нанять компаньонку. Я была бы очень рада, если бы ты согласилась остаться у нас в этом качестве — хотя бы пока.

— Вы слишком добры ко мне! Конечно, я останусь.

— Обещаю, твои обязанности будут не тяжелее, чем развлекать несколько старомодную даму, склонную к уединению. Надеюсь, тебе не станет со мной чересчур скучно, дорогая.

— Это прекрасно подходит моему характеру, — заверила её Кассильда. — Я совершенно довольна тихими занятиями в доме.

— Чудесно!

Миссис Кастень взяла её за руки.

— Тогда решено. Уверена, Камилла будет счастлива, что в доме появится ещё одна молодая душа. К тому же ты сможешь снять с неё часть обязанностей.

— Что же я буду делать? — с жаром спросила Кассильда, вне себя от счастья.

— Не почитаешь ли ты мне, дорогая? Я нахожу это необыкновенно успокаивающим для тела и одновременно возбуждающим ум. Боюсь, я и без того слишком часто отрывала Камиллу от работы, заставляя часами читать мне вслух.

— Конечно.

Кассильда улыбнулась Камилле, вошедшей в гостиную убрать чайную посуду. По её счастливому лицу было ясно, что служанка прислушивалась к разговору из коридора.

— Что бы вы хотели, чтобы я вам почитала?

— Вон ту книгу под лампой.

Миссис Кастень указала на том в жёлтом переплёте.

— Это новая пьеса — и весьма необычная, как ты очень скоро увидишь. Камилла читала её мне в ту ночь, когда ты появилась у нас.

Взяв книгу, Кассильда снова испытала странное, необъяснимое чувство дежавю и задумалась, где могла прежде читать «Короля в Жёлтом»

— если вообще когда-нибудь читала.

— Думаю, нам пора начинать со второго акта, — сказала миссис Кастень.

* * *

Кассильда читала в постели, когда Камилла нерешительно постучала в дверь.

Она почти украдкой отложила книгу.

— *Entrez vous*[11].

— Я боялась, что ты уже спишь, — объяснила служанка, — но потом увидела свет под дверью. Я забыла принести тебе укрепляющее средство перед сном.

Камилла, *en déshabillé*[12], внесла лекарство на серебряном подносе. Светлые кружева и пастельные ткани её ночного убранства казались особенно милым контрастом к чёрной форме горничной, которую она обычно носила.

— Я пока не могла уснуть, — призналась Кассильда, садясь в постели. — Читала.

Камилла подала ей лекарство.

— Дай-ка посмотрю. Ах да. Какая совершенно

---

[11] Примечания: 11
Entrez vous (фр. «входите»).

[12] Примечания: 12
En déshabillé (фр. «в неглиже; в домашнем ночном одеянии»).

порочная книга для чтения в постели!

— Ты читала «Короля в Жёлтом»?

— Я читала её мадам вслух от начала до конца. И не один раз. Это одна из её любимых книг.

— Это грех — и нечто большее, чем грех, — наделять такой декаданс столь неотразимым очарованием. Не представляю, как вообще кто-то позволил это напечатать. Автор должен был быть безумен, чтобы написать подобное.

— И всё же ты её читаешь.

Кассильда подвинулась, освобождая место на краю кровати.

— Очарование слишком велико, чтобы устоять. После того как миссис Кастень пожелала мне доброй ночи, мне захотелось прочесть дальше.

— Это была книга Констанс.

Камилла прижалась к ней на подушках.

— Возможно, именно поэтому мадам так ею дорожит.

Кассильда открыла том в жёлтом переплёте на странице, где остановилась.

Камилла склонила светловолосую голову ей через плечо, чтобы читать вместе.

Корсет она уже сняла, и пышная фигура обрисовывалась под сорочкой, украшенной лентами. В своей ночной рубашке Кассильда казалась

себе почти тощей рядом с полной грудью другой девушки.

— Странно, правда? — заметила она. — В этой декадентской пьесе мы читаем о Кассильде и Камилле.

— Интересно, похожи ли мы на них? — рассмеялась Камилла.

— Они такие близкие подруги.

— Как и мы, разве нет?

— Я так хочу, чтобы и мы были такими подругами.

— Но ты ведь ещё не читала дальше второго акта, дорогая Кассильда. Откуда тебе знать, какая судьба их ждёт?

— Ах, Камилла!

Кассильда откинула голову на надушённую грудь Камиллы.

— Не дразни меня!

Светловолосая девушка крепко обняла её, поглаживая по спине.

— Бедная потерянная Кассильда.

Кассильда уютно прижалась к ней, слушая биение сердца под щекой.

Ей становилось тепло и сонно, несмотря на тревожное впечатление, которое оставила книга. Укрепляющее средство всегда уносило её в

сонное забытьё, и засыпать в мягких объятиях Камиллы было приятно.

— Вы с Констанс были подругами? — спросила она сонно.

— Самыми близкими на свете.

— Должно быть, ты очень по ней скучаешь.

— Уже нет.

* * *

Кассильда сидела за секретером в своей комнате и писала в найденном там дневнике.

Нижние юбки теснились у ножек письменного стола, когда она наклонялась к чернильнице. Время от времени Кассильда останавливалась и задумчиво смотрела сквозь раздвинутые занавески на сгущающуюся синеву вечернего неба, сходившуюся с ломаными линиями крыш зданий вдоль набережной внизу.

«Думаю, здесь я должна чувствовать себя довольной, — писала она. — Миссис Кастень строга в своих требованиях, но я уверена, что она искренне заботится о моём благополучии и питает ко мне самые добрые чувства. Мои дневные обязанности чрезвычайно лёгки и состоят главным образом в том, чтобы читать миссис Кастень или петь, аккомпанируя себе на фортепиано, пока

она занимается рукоделием, а также во всех прочих отношениях быть приятной собеседницей и спутницей в наших простых развлечениях.

Я предлагала помогать Камилле по хозяйству, но миссис Кастень не желает, чтобы я занималась чем-либо, кроме самых лёгких домашних дел. Камилла стала мне очень дорогой подругой, и её нежная забота легко отвлекает меня от скуки, которую иначе могла бы вызвать повседневная жизнь в доме. И всё же у меня нет никакого желания оставлять своё место здесь или отправляться бродить по улицам за пределами дома. Наш район нельзя назвать особенно привлекательным: до магазинов отсюда довольно далеко, а всё вокруг занято складами и коммерческими заведениями у набережной. Посетителей у нас не бывает, за исключением торговцев, привозящих необходимое, а сама миссис Кастень совершенно не склонна искать общества других людей.

Впрочем, мои чувства подсказывают, что миссис Кастень избрала жизнь затворницы после какого-то тяжёлого душевного потрясения, лишившего для неё жизнь всякого интереса. По вниманию и наставлениям, которыми она меня окружает, ясно, что она видит во мне отражение своей дочери, и я убеждена, что именно в утрате

Констанс таится мрачная тайна её добровольного ухода от мира. Я чувствую боль, которую миссис Кастень хранит в своей груди, потому что об отсутствии дочери в наших беседах никогда не говорят, и именно поэтому я не решаюсь задавать вопросы, хотя уверена, что здесь скрывается ключ к тайне, удерживающей нас в этом доме». Кассильда закончила запись датой: 7 июня 189—

Она нахмурилась, внезапно растерявшись. Какой сейчас год?

Какая глупость. Она заглянула в запись за предыдущий день и дописала дату. Потом рассеянно перелистала дневник назад и едва заметно улыбнулась при виде множества исписанных страниц. Каждая запись была последовательно датирована. И каждая была написана тем же аккуратным почерком, каким она только что закончила сегодняшнюю.

* * *

Кассильда сидела перед туалетным столиком в своей комнате.

Была ночь, и она уже сняла верхнюю одежду, готовясь ко сну. Она смотрела на своё отражение: воздушная белизна сорочки, чулок и панталон выделялась на фоне чёрной формы Камиллы,

стоявшей за спиной и расчёсывавшей её тёмные волосы.

На туалетном столике Кассильда разложила содержимое жестяной коробки, найденной в одном из ящиков, и они с Камиллой перебирали вещи, пока она готовилась ко сну. Там были бумажные куклы, валентинки и поздравительные открытки, вырезанные из журналов иллюстрации, прекрасный силуэт лебедя. Нашёлся и хрустальный шар на подставке из чёрного дерева. Внутри стеклянной сферы стоял крошечный домик, укрытый снегом, вокруг росли деревья, лежало замёрзшее озеро, а рядом играла маленькая девочка. Когда Кассильда взяла шар в руки, снег едва заметно закружился в прозрачной жидкости, наполнявшей сферу. Она на мгновение перевернула шар вверх дном, затем быстро поставила обратно, и вокруг крошечного домика закружилась снежная буря.

— Как чудесно было бы вечно жить в таком хрустальном сказочном мире, как люди в этом маленьком домике, — сказала Кассильда, вглядываясь в шар.

Ей показалось, что среди кружащихся снежинок шевельнулось что-то ещё; но когда снег снова осел, картинка осталась прежней. Нет. Рядом с играющей девочкой появился маленький холмик,

которого, она была уверена, раньше не было.

Кассильда снова перевернула хрустальный шар и вгляделась внимательнее.

Вот оно. Ещё одна крошечная фигурка кружилась среди снежинок. Вторая девочка. Должно быть, она отделилась от неподвижной сценки. Крошечная фигурка опустилась на замёрзшее озеро, и снежинки снова скрыли её из виду.

— Где Констанс Кастень? — спросила Кассильда.

— Констанс… довольно тяжело заболела, — осторожно ответила Камилла. — Она всегда была склонна к нервным припадкам. Однажды ночью у неё случился один из таких приступов, и она…

— Камилла! — строго раздался от двери голос миссис Кастень. — Ты прекрасно знаешь, как я ненавижу сплетни — особенно праздные разговоры о чужих несчастьях.

Горничная опустила глаза.

— Простите меня, мадам. Я не хотела ничего дурного.

Пожилая женщина нахмурилась и пересекла комнату.

Кассильда даже подумала, что та собирается ударить служанку.

— Одних извинений недостаточно, чтобы

оправдать такую болтливость. Возможно, урок хорошего поведения поможет тебе впредь следить за манерами. Немедленно ступай в свою комнату.

— Пожалуйста, мадам…

— Твоя дерзость начинает меня раздражать, Камилла.

— Пожалуйста, не будьте с ней так строги! — взмолилась Кассильда, когда горничная поспешила прочь. — Она всего лишь ответила на мой вопрос.

Стоя за спиной сидящей девушки, миссис Кастень положила руки ей на плечи и улыбнулась, глядя сверху вниз.

— Вопрос был совершенно невинным, дорогая. Однако тема эта чрезвычайно болезненна для меня, и Камилла прекрасно знает, как тяжело мне слышать о ней. Я расскажу тебе сейчас всё, что нужно, и на этом мы закроем вопрос. У моей дочери случился тяжёлый приступ мозговой горячки. Сейчас она содержится в психиатрическом санатории.

Кассильда скрестила руки на груди и положила ладони на запястья пожилой женщины.

— Мне ужасно жаль.

— Уверена, ты понимаешь, насколько мучи-

тельна для меня эта тема.

Миссис Кастень улыбнулась, встретившись с её взглядом в зеркале.

— Я больше не стану о ней говорить.

— Конечно. А теперь, дорогая, тебе пора поторопиться и приготовиться ко сну. Если ты так скоро после болезни будешь переутомляться, непременно случится рецидив. Давай же, пока я принесу тебе укрепляющего средства.

— Думаю, мне больше не нужно лекарство. Иногда мне кажется, именно из-за него мне снятся дурные сны.

— Не спорь, дорогая Кассильда.

Пальцы на её плечах сжались сильнее.

— Ты должна делать то, что тебе говорят. Ты ведь не сможешь исполнять обязанности компаньонки, если будешь весь день лежать больная, правда? А ты ведь хочешь остаться.

— Конечно!

Кассильде показалось, что последняя фраза вовсе не была вопросом.

— Я хочу делать всё, о чём вы меня попросите.

— Я знаю, Кассильда. И я лишь хочу сделать из тебя безупречную молодую леди. А теперь позволь помочь тебе переодеться ко сну.

Кассильда открыла глаза в полной темноте, ко-

торая словно кружилась вокруг неё невидимым потоком.

Она резко села в постели, борясь с головокружением, которое, как она уже решила, должно быть, вызывало укрепляющее средство, даваемое ей каждую ночь. Что-то её разбудило. Очередной дурной сон? Она знала, что часто мучается кошмарами, хотя наутро почти никогда не могла их вспомнить. Может, ей сейчас станет плохо? Она была уверена, что лекарство её одурманивает.

Широко раскрытые глаза бессонно вглядывались в темноту. Она знала, что теперь уснуть будет трудно: ей было страшно снова провалиться в те порочные сны, которые нарушали её отдых и оставляли вялой на весь следующий день. Она даже не могла быть уверена, что и сейчас не находится внутри одного из таких сновидений.

В абсолютной тишине дома она слышала биение собственного сердца и тревожное дыхание. Но был ещё один звук.

Более далёкий и почти такой же размеренно повторяющийся. Ей показалось, что где-то приглушённо плачет женщина. Миссис Кастень, подумала она.

Разговор о дочери наверняка ужасно её расстроил. Под плачем слышался ещё один звук

— резкий, ритмичный хлопок, будто ножка кресла-качалки ударяла о расшатавшуюся половицу.

Кассильда нащупала рукой ночной столик возле кровати.

Пальцы нашли спички. Чиркнув одной, она зажгла стоявшую там свечу — действуя почти машинально. Спустившись с кровати, она взяла подсвечник и осторожно вышла из комнаты.

В коридоре Кассильда остановилась, прислушиваясь, откуда доносится звук. Свеча вырывала из густой темноты старого дома лишь небольшой нимб света.

Кассильда вздрогнула и плотнее запахнула ночную рубашку у горла; её прозрачные кружева и ленты совершенно не защищали от ледяной тьмы, клубившейся вокруг крошечного островка свечного света.

Пока она кралась по коридору к спальне миссис Кастень, рыдания не становились громче. Дверь в спальню была открыта. Внутри царила лишь безмолвная темнота.

— Миссис Кастень? — тихо позвала Кассильда.

Ответа не было.

Приглушённый плач продолжался, и теперь казалось, что он доносится сверху.

Кассильда пошла на звук к концу коридора, где

лестница вела на чердак, к комнате прислуги.

У подножия лестницы она испуганно остановилась, выставив свечу перед собой, но её свет был бессилен против темноты наверху. Плач всё ещё был слышен. А вот резкий ритмичный звук прекратился. Кассильде казалось, будто голова её плывёт в темноте, но, несмотря на сонную одурь, мысли уже метались слишком бешено, чтобы она могла снова заснуть. Подобрав подол ночной рубашки, она осторожно начала подниматься по лестнице.

Добравшись до верхней площадки, она увидела полоску жёлтого света, пробивавшуюся из-под двери комнаты Камиллы, и услышала изнутри те самые звуки, которые привели её сюда. Кассильда быстро подошла к двери служанки и тихо постучала.

— Камилла? Это Кассильда. С тобой всё в порядке?

Ответа снова не последовало, хотя она уловила внутри какое-то движение. Приглушённые всхлипы продолжались.

Кассильда повернула дверную ручку и обнаружила, что дверь не заперта. Она толкнула её и вошла, на мгновение ослепнув от яркого света масляной лампы.

Камилла, одетая лишь в корсет и нижнее бельё, стояла, согнувшись над изножьем кровати. Её щиколотки были привязаны к основаниям обоих столбиков, запястья связаны вместе и вытянуты вперёд верёвкой, закреплённой на изголовье. Панталоны открытого покроя оставляли ягодицы обнажёнными; их крест-накрест покрывали красные рубцы. Камилла повернула голову к Кассильде, и та увидела, что её крики заглушает сложная кожаная уздечка, стянутая ремнями вокруг головы.

— Входи, Кассильда, раз уж ты решила к нам присоединиться, — раздался у неё за спиной голос миссис Кастень.

Кассильда услышала, как та закрыла дверь и заперла её на ключ, прежде чем нашла в себе достаточно мужества, чтобы обернуться. На миссис Кастень было не больше одежды, чем на Камилле, а в руке она с предвкушением похлопывала хлыстом для верховой езды по ладони. Переведя взгляд с хозяйки на служанку, Кассильда увидела, что глаза обеих одинаково пылают жаждой нечестивого наслаждения.

* * *

Долгое время Кассильда сопротивлялась пробуждению, оставаясь в томной дымке бесформенных сновидений, хотя всё яснее осознавала, что по-прежнему спит. Когда она наконец открыла глаза, взгляд упал на подсвечник на ночном столике; она без всякого понимания отметила, что свеча догорела до бесформенного огарка холодного воска. К ней возвращались спутанные воспоминания, но тут же ускользали, едва разум пытался за них ухватиться. Ей снилось…

Во рту было больно и кисло от какого-то химического привкуса, не похожего на привычное анисовое послевкусие укрепляющего средства, а конечности ломило так, словно накануне она перенапряглась от слишком тяжёлых упражнений. Кассильда надеялась, что у неё не начинается новый приступ лихорадки, свалившей её после того, как много недель назад, той бурной ночью, она бежала из монастыря.

Она на мгновение попыталась удержать это воспоминание. Сёстры в чёрных одеяниях и белых передниках собирались замуровать её заживо в келье, потому что она поддалась искушению неких невыразимых желаний… Вос-

поминание затуманилось и уклонилось от неё, словно фрагмент какой-то не до конца запомнившейся книги.

Слишком много было таких неуловимых воспоминаний — воспоминаний, умиравших, так и не успев прозвучать… Разве она не читала это? «Король в Жёлтом» лежал раскрытым на ночном столике. Может быть, она читала, потом уснула, и именно книга породила эти сны о разврате? Но сны, как и воспоминания, всякий раз таяли миражом, стоило ей попытаться к ним прикоснуться, оставляя лишь соблазнительные образы, продолжавшие её манить.

Заставив затёкшие мышцы повиноваться, Кассильда выбралась из кровати. Камилла этим утром запаздывала с подносом, так что можно было хотя бы одеться и тем самым отвлечься от дурных снов. Снимая ночную рубашку, она посмотрела на своё отражение в зеркале во весь рост.

Следы уже начинали бледнеть, но всё ещё болезненные рубцы красными полосами пересекали белую кожу плеч, спины и бёдер. Пока она смотрела на них с нарастающим страхом, к ней начали возвращаться обрывки подавленного кошмара. Кассильда протянула руки и с

изумлением коснулась отражения. На запястьях виднелись синяки, и без всякого предупреждения всплыло воспоминание: её тело всем своим весом натягивает верёвки, которыми запястья привязаны к крюку, свисающему с чердачной балки.

В зеркале за её спиной миссис Кастень провела кончиком языка по улыбающимся губам.

— Уже встала, Кассильда? Надеюсь, сегодня ты решила вести себя как подобает молодой леди. Прошлой ночью ты была крайне непослушной.

Ошеломлённая нахлынувшими воспоминаниями, Кассильда молча смотрела на неё. Камилла вошла в комнату в своей форме горничной, подобострастная, с улыбкой, превратившейся в циничную усмешку. В руках она несла сложную кожаную сбрую из множества ремней и пряжек.

— Думаю, нам придётся предпринять ещё кое-что, чтобы исправить твою осанку, Кассильда, — промурлыкала миссис Кастень. — Можешь считать меня несколько старомодной, но я настаиваю: фигуру молодой женщины необходимо правильно формировать, если она хочет выглядеть наилучшим образом.

— Что вы со мной делаете? — спросила Кассильда, чувствуя, как её охватывает паника.

— Всего лишь даю тебе те наставления, кото-

рые необходимы молодой женщине, если она хочет служить моей компаньонкой. А ты ведь хочешь стать настоящей молодой леди, не так ли, Кассильда?

— Я ухожу из этого дома. Сейчас же.

— Мы обе знаем, почему ты не можешь. К тому же на самом деле ты вовсе не хочешь уходить. Тебе вполне нравится наше уютное маленькое *ménage à trois*[13].

— Вы сумасшедшая.

— Уж кому бы говорить, дорогая Кассильда.

Улыбка миссис Кастень была куда страшнее любой угрозы ударить.

— Думаю, Камилла, уздечка для сварливых научит эту глупую девчонку следить за своим порочным языком.

* * *

Грохот грома вырвал её из оцепенения. Рефлекторно она попыталась вытолкнуть изо рта твёрдый резиновый шар, заполнявший его целиком, но не смогла и захлебнулась слюной. Полузадушенная кляпом, стянутым ремнями

---

[13] Примечания: 13

Ménage à trois (фр. буквально «домашняя жизнь втроём»; обычно — любовные отношения троих).

вокруг лица, она в панике рванулась, пытаясь сесть. Запястья и щиколотки были крепко зафиксированы, и, когда её глаза расширились от безотчётного ужаса, вспышка молнии за окном прокатилась светом по телу, распятому с раскинутыми руками и ногами, привязанному к латунным столбикам кровати мягкими кожаными манжетами.

Образы, слишком хаотичные и непостижимые, чтобы сложиться в связное воспоминание, взорвались яркими осколками в её расколотом сознании.

На неё силой натягивают смирительную рубашку, бросают в мягкую камеру, а дверь начинают закладывать кирпичами… нет, это какой-то странный корсетный аппарат, отгибающий шею назад, сдавливающий живот, а руки болезненно зашнурованы за спиной в единую длинную перчатку… Камилла помогает ей надеть платье из атласа, бархата и кружев, а затем — мягкий кожаный капюшон, который застёгивают вокруг её головы, пока её ведут к виселице… медсёстры держат её, пока доктор Арчер проникает в неё чудовищным шприцем, наполненным мерзким ядом, а миссис Кастень силой вливает ей в горло жёлтое укрепляющее средство, зажав её лицо

между своими бёдрами… губы Камиллы в крови, когда она отрывается от поцелуя, а её клыки — иглы для подкожных инъекций, впрыскивающие яд, высасывающие жизнь… её катят в камеру пыток, где ждёт доктор Арчер («Это всего лишь фронтальная лоботомия, чтобы снять давление с этих двух поражённых долей») и вонзает окровавленный скальпель глубоко между её бёдер… её привязывают к металлическому креслу в камере смертников, заталкивают резиновый кляп между зубами и ослепляют кожаным капюшоном, а доктор Арчер хватается за толстую чёрную рукоять рубильника, тянет её вниз, и ток раздирает её нервы… она стоит обнажённая, в кандалах, перед судьями в чёрных масках, а доктор Арчер злорадно демонстрирует огромную иглу («Всего одна инъекция моего эликсира — и ещё две недели она совершенно безопасна»)… медсёстры в резиновых передниках удерживают её извивающееся тело на алтаре, пока доктор Арчер поправляет маску палача и вонзает электроды ей в грудь… «Всего один укол моего проликсина — и ещё две недели она совершенно вменяема»… потом судья в парике, маске и чёрной мантии обрушивает плетёный хлыст и кричит: «Её нужно запереть навсегда!»… она срывает маску, и доктор Арчер

кричит: «Её нужно навсегда запереть внутри!»… она срывает маску, и миссис Кастень кричит: «Её нужно навсегда запереть здесь!»… она срывает маску, и её собственное лицо кричит: «Её нужно навсегда запереть в тебе!»… потом Камилла и миссис Кастень ведут её обратно в камеру, привязывают к кровати и силой заталкивают резиновый кляп между зубами, а миссис Кастень поправляет хирургическую маску, пока Камилла закрепляет электроды на её сосках, и ток врывается в неё, и мозг кричит и кричит, но никто не слышит этого крика… «Думаю, её больше не нужно держать под лекарствами». Миссис Кастень улыбается, и губы у неё яркие от крови. «Теперь она одна из нас. Она всегда была одной из нас»… и они оставляют её одну во тьме, обещая: «Завтра начнём снова», — а эхом звучит: «Ещё две недели она будет в порядке».

Она застонала и забилась на грязных простынях, пытаясь вырваться из образов, брызгавших из измученного мозга, словно зловонный гной.

При следующей ослепительной вспышке молнии её обнажённое тело выгнулось над матрасом в судорожной дуге, а крик, заглушённый кляпом, прозвучал как первый мучительный вопль новорождённого. Спазм прошёл. Она без-

вольно рухнула обратно на промокший матрас. Рука, скользкая от пота и крови, расслабилась и выскользнула из мягкой манжеты до конца. В темноте она спокойно посмотрела на освободившуюся руку — внезапно успокоившись, потому что знала: прежде ей уже не раз удавалось выскальзывать из наручных фиксаторов. Под напором бури огромный дом лежал во тьме и безмолвии. Свободной рукой она расстегнула манжету на другом запястье, затем ремни, удерживавшие кляп, и крепления на щиколотках. Ступая не громче призрака, она соскользнула с кровати и пересекла комнату. Вспышка молнии выхватила из темноты обветшавшую мебель и беспорядочно разбросанные фетишистские наряды и приспособления, но она распахнула окно и посмотрела вниз, на чёрные воды озера, увидела, как волны облаков разбиваются о подножие утёса, и когда отвернулась от этого видения, она уже понимала, что именно видит, а улыбка стала улыбкой ламии.

Подобно бесплотному духу, она скользила по тёмному дому, проходя через безмолвные комнаты, коридоры и лестницы. Добравшись до кухни, она нашла то, что, как она знала, было ключом к тёмной тайне, удерживавшей её здесь. Она сжала

его в руке. Пальцы помнили, каков он на ощупь.

* * *

Лицо Камиллы напряглось от внезапного страха, когда она проснулась от пальцев, зажавших ей губы, но не стала сопротивляться, увидев разделочный нож, почти касавшийся её глаз.

— Что случилось с Констанс?

Пальцы ослабли, позволяя ей шептать, но нож не дрогнул.

— У неё был тайный любовник. Однажды ночью она выбралась через окно гостиной и убежала с ним. Миссис Кастень не проявила к ней никакой жалости.

— Теперь спи, — сказала она Камилле и нежно поцеловала её, одним быстрым движением освободив — движением, которое рука помнила сама.

* * *

В темноте спальни миссис Кастень она остановилась возле неподвижной фигуры на кровати.

— Мама?

— Да, Констанс?

— Я вернулась домой.

— Ты мертва.
— Я вспомнила дорогу назад.
И она показала ей ключ. И открыла путь.

* * *

Оставалось только уйти. Этот дом больше не мог служить ей убежищем. Она должна была покинуть его так же, как вошла.

Нож она оставила. Этот ключ уже выполнил своё предназначение. Она пошла обратно по коридорам; в темноте босые ноги ступали то по роскошным коврам, то по пыли и кускам осыпавшейся штукатурки. По обнажённой коже щекотно растекалась кровь, освободившая её душу.

Она добралась до гостиной и посмотрела на бурю, хлеставшую ночь за окнами. На миг вспышка молнии показала комнату увешанной лохмотьями обоев; пустые винные бутылки валялись на полу и среди тусклой, обшарпанной мебели. Мерцающий мираж исчез. И она увидела комнату именно такой, какой помнила.

Уйти нужно было через окно. В окно постучали.

Она вздрогнула, затем в ужасе отшатнулась, когда ещё одно подавленное воспоминание вы-

рвалось в сознание.

Фигура, преследовавшая её сквозь темноту в ту ночь, когда она искала здесь убежища. Теперь она ждала за окном. Раньше ей удавалось увидеть её лишь мельком. Теперь молния осветила существо полностью.

Влага тёмно блестела на бугрящихся, чудовищно раздутых мышцах. Грубая голова и плечи бычьим горбом были выдвинуты вперёд; лицо исказили бессмысленная похоть и слюнявое безумие. Между уродливыми ногами раскачивался гротескный фаллос — змееподобный, словно наделённый собственной жизнью и волей. Подобно непристойному червю, он слепо тянулся к ней, а из беззубой пасти сочилась кровь.

Она подняла руки, пытаясь отгородиться, а чудовище скребло лапами по окну, издевательски повторяя каждое её испуганное движение, оставаясь по ту сторону мокрого от дождя стекла.

Этот ужас был невыносим. В угловой гостиной имелось ещё одно створчатое окно — то самое, что выходило на воды реки. Она резко развернулась и бросилась к нему, краем глаза заметив, что существо снаружи тоже крутанулось, угадав её намерение, и метнулось к дальнему окну, чтобы перехватить её.

Стекло створчатого окна разлетелось вдребезги в тот самый момент, когда к ней протянулись его мясистые руки. В освобождении не было боли — лишь похожее на сон головокружение, когда она рухнула в серость и дождь. Потом вода и тьма приняли её падающее тело. И она снова отправилась в ночь, позволив течению нести себя неизвестно куда.

* * *

— Осталось официально распорядиться несколькими личными вещами, доктор Арчер, поскольку забрать их некому. После аварии автобуса прошло уже достаточно времени, и нам хотелось бы наконец закрыть дела по этой катастрофе.

— Давайте посмотрим.

Психиатр открыла коробку с личными вещами. Их было немного. В подобных случаях их никогда не бывало много. А если там и находилось что-нибудь ценное, что можно было украсть, то этим уже распорядились неофициально.

— Тело так и не нашли, — задумчиво сказал заведующий отделением. — Как вы думаете…?

— Как бы жестоко это ни звучало, я скорее надеюсь, что нет, — призналась доктор Арчер. — Эта

пациентка страдала параноидной шизофренией.

Она сделала паузу.

— И была опасна.

— В отделении казалась вполне спокойной.

— Благодаря множеству сеансов ЭСТ и депо-фенотиазинам. Без регулярного лечения бредовая система быстро снова взяла бы верх, и у пациентки быстро проявились бы откровенно убийственные наклонности.

В коробке лежало несколько туалетных принадлежностей и кое-что из одежды: бюстгальтер и колготки.

— Думаю, это можно передать в социальную службу. Вот этому не место в закрытом отделении, — психиатр указала на нейлоновые колготки, — как и этим порнографическим журналам.

— Они всегда находят способ протащить такую дрянь внутрь, — вздохнул заведующий. — А я ведь работаю здесь, в «Коустал Стейт», ещё с довоенных времён. А что делать с остальными книгами?

Доктор Арчер осмотрела стопку потрёпанных готических любовных романов.

— Просто верните их в библиотеку для пациентов. А это что?

Под книгами в мягких обложках лежал неболь-

шой том в твёрдом переплёте, обтянутом жёлтой тканью, несколько испачканной от времени.

— Наверное, тоже из библиотеки для пациентов. За эти годы люди жертвовали нам самые разные книги, и если пациенты их не рвут, они так и остаются на полках навечно.

— «Король в Жёлтом», — прочитала доктор Арчер на корешке и открыла книгу.

На форзаце изящным почерком было выведено имя: Констанс Кастень.

— Возможно, имя пациентки, которая когда-то оставила её здесь, — предположил заведующий. — На рубеже веков здесь был частный санаторий. Хотя… это имя почему-то кажется мне знакомым.

— Давайте только удостоверимся, что это не старинная порнография.

— Не уверен… Может, что-то из рассказов старожилов, которые я слышал, когда только начинал здесь работать. Помнится, был какой-то громкий скандал, связанный с одной из богатых городских семей. Какая-то убийца, кажется? И ещё что-то про самоубийство… или это был побег? Не могу вспомнить…

— Безобидная романтическая чепуха девятнадцатого века, — заключила доктор Арчер.

— Верните в библиотеку.

Перед тем как закрыть книгу, психиатр скользнула взглядом по нескольким последним строкам:

Кассильда. Говорю тебе, я потеряна! Безвозвратно потеряна!

Камилла (сама в ужасе). Ты видела Короля…?

Кассильда. И он отнял у меня власть направлять свои сны — и возможность из них бежать.

Перевод: Sansa

Эдвард Ли.
Ужас Чамберса

Edward Lee. "The Horror of Chambers", 1982

— Ещё вина, Чарльз?

— Спасибо, Эдвард, — ответил Чарльз со своим обычным артистическим обаянием.

Эдвард всегда восхищался Чарльзом. Он был настоящим классическим мужчиной. Начитанный, образованный, изысканный и культурный. Он был специалистом в искусстве. Во всех видах искусства: медиа, живопись и особенно литература. Он был не только посетителем различных мероприятий, но и участником. Публикуемый автор, художник и, самое главное, актёр. Актёр высочайшего уровня.

Эдвард налил ещё вина и спросил:

— Так как же репетиции?

— Великолепно! А сегодня у меня было чудесное прослушивание на роль в кино! Я был одним из пяти, выбранных из пятисот!

— Чарльз, ты никогда не перестанешь меня удивлять, — улыбнулся Эдвард.

Чарльз сменил тему, чтобы не показаться напыщенным перед своим другом.

— Скажи мне, Эдвард, ты всё ещё увлечён чтением этой ужасной литературы?

— Не ужасной. Реалистичной.

— Да, конечно. Мне стало интересно, ты когда-нибудь читал что-нибудь Роберта Уильяма Чемберса?

Лицо Эдварда осветилось восторгом.

— Конечно, да! Чемберс был блестящим автором! Такая разносторонняя и такая возвышенная литература! Знаешь, он написал более семидесяти книг. К сожалению, я мало читал его работ. В наши дни его довольно сложно найти.

— На прошлой неделе я прочитал одну из его книг под названием «Король в жёлтом». Ты читал её?

— Нет, — грустно ответил Эдвард, — боюсь, что нет.

— Что ж, должен сказать, это был шедевр ужаса. Напугал меня до смерти! Я думал, тебе это будет интересно, раз уж тебе нравятся подобные вещи.

— Определённо! — ответил Эдвард. — Продолжай!

— Хорошо. Понимаешь, сама книга представляет собой сборник страшилок; всего десять

историй. И все они как-то да соотносятся с одним и тем же субъектом — Королём в жёлтом.

Эдвард озадаченно посмотрел и спросил:

— Кто такой Король в жёлтом?

— В данном случае, — ответил Чарльз, — не кто, а *что*. По словам Чемберса, «Король в жёлтом» — это пьеса. Причём очень странная. Настолько странная, что все, кто её читают, становятся безнадёжно сумасшедшими. И, как я уже сказал, все истории в этой книге относятся к этой пьесе «Король в жёлтом».

— Но из чего состоит пьеса?

— Ах! Это прекрасная вещь. Чемберс сообщает, что пьеса касается земли под названием Каркоза. Затерянная Каркоза. Там, где двойные солнца прячутся за озером Хали и поднимаются чёрные звёзды. Жителей Каркозы называют Гиадами и они поют своему правителю, Королю в жёлтом. Король, которому служат императоры.

— Я понимаю. Научная фантастика.

— Нет, не совсем. Хотя Каркозы нет на этой земле, но все истории Чемберса есть. Они рассказывают только о том, как земные люди реагируют на свои открытия в пьесе. Я предпочитаю называть это не научной фантастикой, а богословским ужасом. Чемберс делает множество религиозных

намёков, величайшим из которых является то, что Каркоза — адское небо, пристанище злого бога. Но ещё важнее — Человек в Бледной Маске.

— Бледной Маске?

— Да. Когда-то любимый советник короля. Однако Человек в Бледной Маске становится завистливым и амбициозным, и осмеливается подвергнуть сомнению правление Короля в жёлтом. За это он изгнан из Каркозы — на Землю. И он не вернётся, пока не заставит всех людей Земли поклоняться и почитать Короля в жёлтом. Итак, ты можешь легко увидеть, что Человек в Бледной Маске — это версия Сатаны Чемберса: падший ангел.

— Как этот Человек в Бледной Маске заставляет людей Земли поклоняться Королю в жёлтом?

— Обманом! Можно сказать, ловит на крючок. Видишь ли, каждый земной человек отдаёт свою душу Человеку в Бледной Маске, затем он принимает эмблему Короля в жёлтом. Эмблема называется «Жёлтым знаком». Жёлтый знак имеет форму чёрного камня, на котором выгравирован знак Короля в жёлтом. Как только человек получает Жёлтый знак, его душа навсегда теряется у Человека в Бледной Маске. История здесь немного сбивает с толку, так как новый

обладатель знака должен убить предыдущую потерянную душу. Очевидно, Жёлтый знак должен получать кто-то, кто физически мёртв, но всё ещё имеет желание. Хотя его тело разлагается до костей, он всё ещё движется как зомби, пока не найдёт Жёлтый знак. Затем он убивает нынешнего владельца, и, таким образом, его душа передаётся злой Каркозе. Убитый, в свою очередь, становится новым физически мёртвым убийцей. То, что можно назвать ужасной *игрой в метки*, в которой цикл продолжается и продолжается.

— Значит, истории Чемберса о людях, ставших жертвами этого Жёлтого знака и его последствиях?

— Именно так.

— Что делать, если человек не принимает Жёлтый знак?

— У него нет выбора. Как только Человек в Бледной Маске дал ему это, даже если он обманом заставил его взять или подстроил это, всё потеряно.

— Эта пьеса, — спросил Эдвард, — «Король в жёлтом» — я полагаю, она выдумана?

— Чемберс утверждает, — ответил Чарльз, — что она действительно существует и вполне реальна. Но я уверен, что это всего лишь ми-

стификация; полностью вымышленная, как «Некрономикон» Лавкрафта.

— Понятно, — ответил Эдвард. — Звучит довольно мрачно, но, тем не менее, интересно. Придётся мне когда-нибудь прочитать.

— Безусловно. Чемберс доказывает, что он очень выдающийся писатель-фантаст.

Двое мужчин болтали в том же духе ещё некоторое время. В полночь они обменялись рукопожатием и Чарльз ушёл, оставив Эдварда одного. Эдвард не волновался ни о чём, потому что он обладал собственным приличным состоянием. Ему не нужно было работать, как Чарльзу, чтобы зарабатывать на жизнь. Он мог приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Поднимаясь по лестнице в свою спальню, он решил, что утром поедет в город и сделает несколько покупок.

Эдвард встал в десять часов. Приведя себя в порядок, он сел в машину и направился в центр города.

Когда он приехал, он припарковался на обычной платной стоянке и вышел на холодный дневной свет. Он лениво прогуливался по пятьдесят второй улице и наблюдал за суетой большого города. В такие моменты он радовался, что ему не нужно работать. Быть богатым было намного

проще. Ни начальника, ни офиса, ни стресса. Эдвард удовлетворённо улыбнулся, размышляя о достоинствах хорошей жизни. Он мог делать всё, что хотел.

Слушать музыку. Периодически писать. И да! Читать. Целыми днями читать страшилки. Его жизнь была историей ужасов — и он любил её.

Эдвард решил просмотреть несколько книжных магазинов. В Нью-Йорке есть прекрасные книжные магазины. Он особенно любил магазины подержанных книг. Это были сокровищницы забытой литературы.

Он вошёл в первую сокровищницу, которую заметил и наслаждался открывшимся видом. Книги стояли вертикально вверх и вниз по каждой стене. Тускло освещены. Лестницы, похожие на стражей из палочек, протягивали длинные деревянные руки, чтобы коснуться самых тёмных углов, самых недоступных полок.

Эдвард некоторое время осматривался, пока не заметил, что он единственный человек в магазине. Ни одного покупателя на месте.

Как мило, — подумал он.

Магазин был в его распоряжении.

Он нашёл несколько старых хичкоковских книг в мягкой обложке, которых никогда раньше

не видел. И некоторые даже более старые антологии. Он был особенно удивлён, обнаружив древний том «Двойной тени» Кларка Эштона Смита, который, по мнению большинства, исчез; особенно полезная находка.

Эдвард продолжил копать в поисках бóльшего. Какие-то книги были сложены стопкой позади других книг. И ещё книги. Он лихорадочно поискал по устаревшим полкам, подняв огромное облако пыли, которое, казалось, разнеслось по всему магазину. Затем он обнаружил тонкий чёрный том в твёрдой обложке. Он с любопытством посмотрел на него. Обложка и переплёт не имели названия.

Когда он открыл книгу, обложка издала потрескивающий звук. Он размышлял о том, что, вероятно, он был первым, кто её открыл за многие годы. Авторское право было 1895 года. Он перевернул изодранную страницу и взглянул на название книги. Там читалось:

«Король в жёлтом».

Изумительно!

Это была книга рассказов, о которой ему поведал Чарльз. Но, как ни странно, он не заметил имени Роберта У. Чемберса.

Странно, — подумал он.

Имени автора не было даже на титульном листе. Затем Эдвард перешёл на вторую страницу. Он замер; его рот широко открылся, когда он прочитал:

«Король в жёлтом».

Акт 1 Сцена 1

Эдвард не мог поверить своим глазам. Это была не книга рассказов Чемберса, а сама пьеса! Чарльз отверг её как вымысел, но ошибался! Она действительно существовала! Это было реально! Какое открытие!

Ошеломлённый Эдвард побежал к кассиру, оставив на полке том Хичкока и Смита.

— Мисс! — рявкнул он. — Могу я спросить, где вы наткнулись на эту книгу?

— Что это такое? — спросила она.

Эдвард протянул ей книгу и она осмотрела её.

— Хм-м-м, — пробормотала она. — Я никогда не слышала об этом. Наверное, она здесь уже много лет. Понятия не имею, как мы её получили.

— Понимаю. Какова цена?

— О, я думаю, что два доллара — справедливая цена.

— Отлично! — воскликнул он, протягивая ей двадцать. — Оставь сдачу, моя дорогая!

Девушка стояла в изумлении, когда Эдвард

выходил из магазина с гигантской ухмылкой на лице. Без промедления он поскакал к своей машине и заплатил обслуживающему персоналу. Затем он помчался домой со своим призом.

— Посмотрю на Чарльза, когда он узнает об этом! — сказал он вслух.

Прежде чем он осознал это, он уже выезжал на Хоберк-авеню. В мгновение ока Эдвард сидел в своей спальне с книгой перед ним на столе. Ему не терпелось её прочитать. Как ребёнок на Рождество, он открыл книгу на первой странице.

«Король в жёлтом».

Акт 1 Сцена 1

И началось чтение. По мере того, как Эдвард углублялся в страницы пьесы, он начал читать быстрее — даже лихорадочно. Он впитывал каждое слово, каждую букву. Вскоре он обнаружил, что читает слова вслух.

— Затерянная Каркоза! Туманная Каркоза! Озеро Хали! Жёлтый знак! Крики Камиллы! Король! Король! Король в жёлтом!

Эдвард закончил пьесу. Он читал её снова и снова. И снова. Он смеялся. Он плакал. Он кричал. По его смеющемуся лицу текли слёзы. Он кричал и бредил, потому что слова, которые он читал, были священными и завораживающими.

Он читал до полуночи. Затем он сидел в темноте с отвратительной улыбкой на залитом слезами лице; истощённый, измученный. Вскоре он лёг спать, думая о прочитанных священных словах. Позже он выключил одинокую лампу и заснул. Он спал. Ему снилось, что он идёт по неизвестным улицам. Он оказался в месте, где никогда не был. Взглянув на горизонт, он заметил, что за озером садятся *солнца*. Прохожие отбрасывали длинные чёрные тени на мощёную дорогу. Он шёл и шёл. Облака были чёрными. Звёзды были ещё чернее.

Мимо прошёл мужчина и Эдвард спросил:

— Простите, сэр. Где я?

— Ну, сэр, — ответил человек, — вы находитесь в Каркозе, стране Короля. Стране радости и веселья.

— Но, увы, — грустно ответил Эдвард, — я не счастлив. Я не вижу веселья.

— Тогда пойдёмте со мной, мой друг и я покажу вам веселье.

Эдвард последовал за мужчиной.

— Куда вы меня ведёте?

— На праздник! — ответил мужчина. — На маскарад!

— Маскарад? Но у меня нет костюма.

— Не бойтесь, мой друг. Сейчас мы раздобудем

костюмы.

Мужчина провёл Эдварда в магазин. Магазин костюмов. Он был заполнен всевозможными костюмами на любой праздник.

Мужчина подошёл и вручил Эдварду пластиковую маску.

— Вот, мой друг, ваш костюм.

— Но, увы, сэр, у меня нет денег, чтобы заплатить за это.

— В Каркозе, стране Короля, денег нет.

С этими словами они вышли и двинулись дальше по чужой улице.

— На празднике — маскараде, — сказал мужчина, — мы должны обменяться подарками с остальными.

Эдвард вздохнул:

— У меня нет подарка для обмена.

— Не бойтесь, друг мой, я позабочусь о вас. Вот вам подарок, который вы обменяете.

Мужчина вручил Эдварду золотой медальон. Эдвард открыл медальон и увидел, что в нём была фотография двойного заката.

— Это прекрасный подарок, — сказал Эдвард. — Тот, с кем я обменяюсь, будет доволен. Спасибо.

— С удовольствием, сэр. Скоро мы будем на празднике. Пора нам надеть маски.

При этом двое мужчин надели маски. Это были счастливые улыбающиеся маски и они сделали счастливым Эдварда.

Они подошли к большому каменному зданию.

— Мы на месте.

Два джентльмена в масках вошли в это здание и спустились по тёмной колонне гранитных ступеней, заполненных людьми, все были в счастливых улыбающихся масках.

— Смотрите! — сказал мужчина. — Веселье! Я оставлю вас сейчас, чтобы вы смогли повеселиться среди Гиад!

— Спасибо.

Эдвард шёл среди толпы весёлых гостей праздника. Все были в масках. Однако издалека Эдвард заметил маску, на которой не было улыбки.

Вместо этого это была уродливая, нахмуренная маска. Это было отвратительно и Эдвард отвернулся от неё.

В бальном зале звучала весёлая музыка и смех. Эдвард вошёл в середину толпы, пытаясь смешаться с ней. Но почему-то счастливые гости маскарада не заметили Эдварда. Они игнорировали его.

Пока Эдвард стоял с удивлением, он снова заметил человека в хмурой маске. На этот раз он был

ближе и увидел, что маска даже уродливее, чем он думал. Она была мерзкой, бледной и пугающе сияющей. Эдвард быстро отвернулся, злая маска заставила его встревожиться.

В этот момент один из участников праздника в масках вышел на подиум и радостно объявил:

— Гиады! Выслушайте меня! Пришло время сбросить маски и обменяться подарками! Итак, ищите партнёра. Разоблачайтесь!

Эдвард лихорадочно искал партнёра, но все были заняты. Потом кто-то подошёл к нему сзади и спросил:

— У вас, сэр, есть партнёр, с которым можно обменяться?

Эдвард повернулся и был поражён, обнаружив, что это был мужчина в уродливой маске.

— Ну, э-э-э… нет, — ответил он.

— Чудесно! — воскликнул незнакомец. — Мой подарок для вас.

— А мой для вас, — ответил Эдвард, протягивая ему медальон.

Краем глаза Эдвард заметил, что резвящаяся толпа обнажила свои настоящие улыбающиеся лица. Все сняли маски и Эдвард сделал то же самое.

Затем он осмотрел подарок от незнакомца. Это

был кулон; полированный чёрный камень на верёвочке. На камне была выгравирована геометрическая фигура.

— Большое спасибо, — сказал Эдвард мужчине.

— И я благодарю вас.

Затем Эдвард заметил, что мужчина не снял маску. Морщась, он заметил отвратительные детали ужасной маски мужчины. Это был образ воинственной мерзости. Болезненно бледный. Гротеск и воск. Это было ужасно; отталкивающее зрелище.

Эдвард возразил:

— Почему, сэр, вы не сняли маску?

— Зачем? — сказал незнакомец.

— Время пришло. Все маски сброшены, кроме вашей. Я, сэр, настаиваю на том, чтобы вы сняли маску.

— Но, — ответил незнакомец, — я не ношу масок.

Сказав это, он ушёл, а Эдвард так и стоял, сбитый с толку.

— Вы не носите масок… — пробормотал он. — Подождите! Вы говорите, что вы без маски?

Но этого человека не было, как и всех остальных. Всё ещё охваченный ужасным переживанием, Эдвард покинул бальный зал и вышел на

улицу.

Там он снова был ошеломлён.

Ошеломлён, потому что улица была не из булыжника, она была асфальтирована. Уличный указатель рядом с ним показал Хоберк-авеню, улицу, где он жил. Он посмотрел на светлые облака и яркие звёзды. Солнце село за горизонт. Он шёл по дороге, ведущей к входной двери, всё ещё держа чёрный камень, подаренный ему незнакомцем.

Эдвард услышал позади себя шаги. Вдалеке он увидел кого-то, идущего в тумане. Это был мужчина в тёмном пальто с поднятым воротником. Он направлялся к Эдварду. Нуждаясь хоть в какой-либо компании, Эдвард поднёс сигарету к губам и подошёл к мужчине.

— Простите меня, сэр, — попросил Эдвард. — Может, у вас есть огонь?

Мужчина не ответил. Вместо этого он посмотрел на Эдварда с ненавистным, отталкивающим выражением лица. Эдвард увидел, что лицо человека очень бледное, словно больное; как слизняк, пухлое и склизкое.

Эдварда затошнило и он сказал:

— Да пошёл ты, жирная тварь! Червь!

Мужчина поплёлся прочь.

С отвращением Эдвард закурил сигарету и остановился в конце подъездной дорожки, думая о человеке на маскараде.

Выпуская сигаретный дым из лёгких, он услышал ещё шаги. Это был тот же мужчина в тёмном пальто, возвращавшийся обратно. И снова Эдвард поймал взгляд человека с той же ненавистью на него. Эдвард снова посмотрел на омерзительное опухшее лицо; как лицо трупа. Мужчина остановился и что-то бормотал снова и снова. Но вместе с этим раздавался болезненный булькающий звук, неземной и глубокий. Это звучало так:

— У вас есть Жёлтый знак? У вас есть Жёлтый знак? У вас есть Жёлтый знак?

Эдвард выронил сигарету и с омерзением отступил, не понимая, о чём говорил мужчина. Он поспешно прошёл по подъездной дорожке и влетел через входную дверь, после чего надёжно запер дверь. Всё ещё держа кулон, Эдвард поднялся по лестнице в свою спальню. В тот момент, когда он вошёл, телефон на его тумбочке тревожно зазвонил.

— Алло? — сказал Эдвард.

— У вас есть Жёлтый знак? — булькающим тоном спросил далёкий голос.

— Что? Это кто?

— У вас есть Жёлтый знак?

— Что это за чертовщина…

— Мне нужен Жёлтый знак.

— А теперь слушайте сюда! Я требую, чтобы вы… (щелчок).

Эдвард, дрожа, стоял в своей комнате, до смерти напуганный. Не прошло и секунды после таинственного телефонного звонка, как он что-то услышал. Да… он услышал шаги. Резкие хлопающие шаги. Снаружи. Шаги. Эдвард подбежал к окну и выглянул. Кто-то шёл по улице к дому.

Боже ты мой!

Эдвард с ужасом наблюдал, как сбившийся в кучу человек в тёмном пальто повернулся и поплёлся по подъездной дорожке, медленно пробираясь к входной двери. Эдвард толкнул окно и крикнул:

— Уходите! Я вызову полицию!

Эдвард вздохнул с облегчением; входная дверь была заперта. Мужчина не мог попасть внутрь.

Затем он услышал громкий звук, доносящийся из вестибюля, от входной двери. Это был громкий хлопок, за которым последовал треск дерева.

В панике Эдвард запер дверь своей спальни и прислушался.

Ещё больше шагов, медленных и неуклюжих.

Кто-то был в доме. Это был он. Шаги приближались.

Злоумышленник поднимался по лестнице.

Нет!

Злоумышленник уже был на площадке, волоча ноги в сторону спальни.

— Держитесь подальше! — крикнул Эдвард.

Ручка двери задрожала и повернулась. Эдвард подбежал к своему комоду и достал револьвер.

— Уходите — у меня пистолет! Я без колебаний воспользуюсь им!

Снаружи он услышал тошнотворное бульканье. На долю секунды дверь спальни с громким грохотом содрогнулась. Нарушитель бросился на неё. Затем снова. И снова.

Бум!

Дверь распахнулась и ужасный мужчина с опухшим бледным лицом подошёл к Эдварду.

— Мне нужен Жёлтый знак, — пускал он слюни.

— Отойдите, или я буду стрелять!

В серии быстрых громовых хлопков Эдвард произвёл пять выстрелов в живот злоумышленнику.

— Мне нужен Жёлтый знак!

В комнате стоял ужасный запах, как от мёртвой

собаки, которая три дня провалялась на солнце.

Крики ужаса вырвались из разинутого рта Эдварда, когда мужчина с отвратительным лицом подошёл ближе.

Эдвард прицелился очень осторожно и нажал на спусковой крючок своего пистолета. Последний выстрел попал незнакомцу прямо в лоб. Что-то мерзкое хлынуло из его треснувшего черепа. Но это была не кровь. Как фонтан, ужасная жидкость пролилась на пол, образуя лужу извивающихся вещей. Не кровь, а личинки. Извивающиеся личинки. Трупные черви. Движущийся бассейн гнилых отходов.

Тем не менее, он придвинулся ближе.

— Дайте мне Жёлтый знак.

Эдвард мог думать только о кулоне в кармане, когда гротескная разлагающаяся фигура лапала его гниющими руками.

Мужчина гнусно ухмыльнулся; его губы, влажные и сочащиеся органическим налётом прошептали:

— Мне нужен Жёлтый знак!

Эдвард кричал и кричал, когда пальцы мертвеца охватили его лицо…

* * *

Весь в липким поту Эдвард резко вскочил на кровати и вскрикнул от ужаса, широко раскрыв глаза.

— Э-э-э… Слава Богу! Это был всего лишь сон.

С облегчением он встал с постели и сделал себе кофе. Он подумал о кошмаре, который ему приснился и улыбнулся его нелепости.

В девять утра зазвонил телефон. Эдвард поднял трубку.

— Алло?

— Эдвард, старина! Доброе утро!

— Привет, Чарльз. Твой звонок меня немного напугал. Знаешь ты это или нет, но ты очень эффектный рассказчик.

— Что такое?

— Прошлой ночью мне снился кошмар из-за всей той чепухи про Чемберса, которую ты мне рассказал вчера вечером. Боже! Это было ужасно!

— Ха-ха-ха! У тебя просто фантастическое воображение!

— Да уж. Ох… и знаешь что? Вчера в книжном магазине "Gothem" я нашёл книгу «Король в жёлтом». Не антологию, а саму пьесу.

— Что? Ты в этом уверен?

— Да, однозначно.

— Послушай, Эдвард, я сейчас приеду.

Эдвард положил трубку и задумался о сне.

Вопиюще! — подумал он.

Затем он посмотрел на чёрную книгу на своём столе и подумал, как глупо он поступил, прочитав её; а сейчас ведёт себя как маленький ребёнок. Но потом он заметил что-то лежащее рядом с книгой. Он поднял *это*.

Но… что? Этого не может быть!

Объект представлял собой выгравированный чёрный камень на верёвке.

О, Боже! Это невозможно!

Потом зазвонил телефон.

* * *

Чарльз подъехал на своей спортивной машине к дому Эдварда и выскочил, желая поскорее увидеть книгу. Когда он подошёл к входной двери, он был немного озадачен, обнаружив её приоткрытой. Он вошёл внутрь.

— Эдвард! Ты наверху?

Он не ждал ответа. Как нетерпеливый школьник, он взбежал по лестнице, проскакивая по две ступени за шаг. Ему не терпелось посмотреть

пьесу. Дверь спальни Эдварда была открыта. Он заглянул внутрь, думая, что найдёт Эдварда, пролистывающего страницы, в глубоком изучении.

Вместо этого он увидел Эдварда, лежащего на полу, с выражением ужаса на лице.

— Иисусе!

Чарльз остановился и прислушался к сердцебиению. Его не было.

Эдвард был мёртв. Чарльз вздрогнул при виде какой-то гнилостной субстанции, размазанной по холодному безжизненному лицу Эдварда. Затем он ошеломлённо посмотрел на никелированный револьвер, беспорядочно лежащий на ковре.

Чарльз мрачно поднялся и позвонил в полицию, сообщив о явном убийстве. Ожидая прибытия полиции, он обыскал комнату в поисках «Короля в жёлтом», но не смог его найти.

С сожалением он выглянул в открытое окно. Он увидел несколько птиц, счастливо сидящих на краю водостока. Через дорогу молодой почтальон осторожно шёл по чужой лужайке, доставляя письма. Чарльз также заметил болезненного вида парня в тёмном потрёпанном пальто, который медленно брёл по улице. В руке он держал тонкую чёрную книгу; блестящий чёрный кулон свисал с другой.

Перевод: Alice-In-Wonderland

Лин Картер.
Что рассказывают в Каркозе о Хали

Lin Carter. "Carcosa Story About Hali", 1989

I. Ныне, в конце первого года Ужаса произошло событие, о котором Те, Кто Правят с Бетельгейзе, посредством снов предупредили Своего Слугу, самого некроманта Хали, которого прозвали Хали Мудрый. И вот он встал и покинул Извечный Город, и какое-то время бродил в пустыне под лучами солнц-близнецов и странными лунами, освещающими небеса того мира Каркозы, что в Гиадах, и где жил Летописец, записавший эту историю. И, наконец, теперь, когда могилы перестали укрывать мёртвых и те бродили по улицам, преследуя живых, для такого некроманта, как Хали, сбежать из города было мудрым решением.

II. Случилось это в те дни, которые последовали сразу же после появления того Призрака, что возник из Пустоты, бывшей до самого Времени и которая находится за пределами Космоса. Призрак вселил Страх в сердца всех тех, кто обитал в тени Извечного Города и произошло это в

первые годы правления Альдона, ставшего Последним Королём Извечного Города, по крайней мере, до Пришествия туда Короля в Жёлтом, как это было предсказано ранее явившимся Призраком Истины.

III. В какой-то момент времени Эльхалин, жрец Старших Богов в Извечном Городе, вспомнил, что Хали Мудрый много писал в своём Завете о предвестниках Проклятия, которое сейчас поразило Город Альдона. Хали предсказывал, как всё изменится: «Ибо смерть вызывает куда большие изменения, чем может показаться. Хотя чаще душа возвращается обратно и порой её видят во плоти (появляющуюся в том же облике, что и при жизни), но случается и так, что само тело бродит без души. И поведано теми, кто знал их при жизни, что у таких восставших мертвецов нет ни былых привязанностей, ни воспоминаний, лишь ненависть. Известно также, что некоторые души, которые при жизни были добрыми, после смерти становятся совершенно злыми».

IV. Так написал Хали Мудрый и этот текст Эльхалин принёс Королю Альдону, поскольку этому жрецу Старших Богов стало ясно, что если некромант так глубоко посвящён в Тайны Смерти, он может достаточно знать и о причинах проклятия,

которое теперь преследовало сами улицы Извечного Города, по которым бродили бормочущие мертвецы, а живые бежали в страхе. Король согласился с тем, что живым и мёртвым не должно встречаться, ибо каждый должен жить в своём мире и Альдон прямо дал понять Эльхалину, что жрец должен отправиться на поиски некроманта Хали, в каком бы далёком и сказочном месте тот сейчас ни находился.

V. Какое-то время мудрец Хали бродил по той пустоши, в которой не жили люди, подобные ему, но только пугливые и скрытные Йуги, которые редко попадались на глаза смертным, и то смутно и издали. Эти странные и любопытные существа, Йуги, особенно интересны тем, что они ходят на трёх ногах, а не на двух, и в весьма необычной манере. Также в этих местах обитали отвратительные Бьякхи, которые строили свои гнёзда на вершинах, окружающих эту пустыню. Но Летописец ничего не пишет о Бьякхи, из-за ужаса, который они наводят и говорить об этом вредно для рассудка.

VI. Вскоре мудрец построил хижину, или скорее лачугу на унылых берегах Чёрного Озера, которое совсем не походило на другие озёра, которые можно найти в этом мире Каркозы в

Гиадах; потому что воды его были темны, как смерть и холодны, как ужасное пространство меж звёзд, и ничто, состоящее из обычной плоти, не обитало или не могло обитать в мрачных и зловещих глубинах этого озера. И говорят, что холодный и липкий туман стелется над жестокими водами Чёрного Озера, подобно тому, как саван покрывает гниющий труп. Этот туман колыхался туда-сюда одновременно с кружащимися чёрными звёздами и странными лунами Каркозы, и жители Извечного Города называли это «облачными волнами».

VII. Люди шептали, что эти облачные волны навсегда спрятали от глаз людей Чудовищное Существо, которое свалилось на Каркозу с давно исчезнувших звёзд и случилось это за бесчисленные эоны до нашего времени, и что Существо всё ещё живое, хотя и дремлет: оно просыпалось лишь один раз, мучимое страшным голодом. И мудрецы сказали, что этот Обитатель Глубин является отродьем самого Азатота и даже сводным братом Ужасного Ктулху, Повелителя Великой Бездны, и что Существо из Озера совокупилось с Чёрной Козой с Тысячей Младых, да, той самой Шуб-Ниггурат; и от этого адского, похожего на облако Создания родились Мерзкие Близнецы

— Нуг и Йеб. И решено было, что неблагоразумно людям произносить вслух Имя этого Существа из Озера, поэтому оно стало известно как Невыразимый.

VIII. Наконец, Эльхалин разыскал лачугу, в которой поселился некромант и рассказал Хали Мудрому о бедствии, поразившем Каркозу, о мёртвых, что поднялись из могил и бродят по улицам, пугая горожан (даже тех, кого они сами любили и лелеяли, когда были живы). Хали, задумавшись на некоторое время, наконец, изрёк свою мудрую речь: «Знай, о Эльхалин, существуют разные виды смерти — в некоторых тело остаётся, а в других случаях оно совсем исчезает вместе с душой».

IX. И ещё сказал Хали: «Так вот, исчезновение обычно происходит только когда умирающий остаётся в одиночестве (такова воля Старших Богов) и никто не видит его смерти. Мы говорим, что человек пропал без вести или отправился в долгое путешествие и это действительно так; но иногда исчезновение тела происходило на глазах у множества людей, чему есть много свидетельств. В одном из видов смерти умирает лишь душа и известны случаи, когда тело после этого продолжало жить много лет. Иногда, как это до-

стоверно подтверждается, душа умирает вместе с телом, но через сезон, душа снова возникает в том месте, где разложилось тело». Так говорил некромант Хали жрецу Эльхалину.

X. Теперь, наконец, в ходе их разговора выяснилось, что среди тех Мёртвых, которые бродили по улицам Извечного Города, опознали даже людей, ранее принесённых в жертву Существу из Озера. Услышав об этом, Хали Мудрый серьёзно задумался. Даже такой некромант, как он, знающий множество видов и форм смерти, был сильно озадачен и удивлён таким проявлением закона мёртвых, с которым раньше Хали никогда не встречался.

XI. Хали Мудрый давно знал об отвратительном обычае, во время которого определённых жертв связывали и бросали в жестокие глубины Чёрного Озера. Они предназначались для того, чтобы утолить голод Того, Кто Спал Под Водой, и долгое время некромант Хали ненавидел и отвергал этот обычай. И теперь, когда ему открылось, что среди тех мёртвых, что восстали и снова бродят по тенистым улицам Извечного Города, были и те, кого скормили Существу из Озера, у Хали появилась важная причина задуматься над этим.

XII. Ведь таким, как Хали Мудрый, хорошо

известно, что Существо, которое в древности свалилось в Чёрное Озеро, было самим Хастуром — Хастуром Невыразимым, Тем, Кто Не Может Быть Назван — Великим Правителем Древних, устроивших мятеж против Старших Богов. Не скованный в глубине Чёрного Озера в эти дни был Хастур, но скрытый в нём, насторожённый и боящийся быть обнаруженным теми, кого он предал и от кого сбежал. Очень сильным и могущественным был Хастур Невыразимый. Он превосходил по силе любого обычного смертного…

XIII. И в ту же ночь под блеском чёрных звёзд и прокажённым сиянием странных лун Старшие Боги прошептали наставление во сне Своему Слуге, некроманту Хали. Но о чём сказали ему Боги, Летописец не знает и потому не может описать. Но на следующее утро, говорят, некромант стал обыскивать скалистые утёсы и нашёл среди них некий серо-зелёный камень, название которого Летописцу неизвестно; и что из этого камня некромант, терпеливо трудясь, сделал определённые знаки и сигилы. Это были пятиконечные звёзды с притуплёнными лучами и в самом их центре Хали вырезал символы, похожие на ромбы, открытые с обоих концов, а внутри них — фигуры, подобные Башням Пламени.

XIV...

Перевод: Алексей Черепанов, Алексей Лотерман

Карл Эдвард Вагнер.
И вот мы снова встретились

Karl Edward Wagner. "I've Come to Talk with You Again", 1995

Все сидели в «Лебеде». Музыкальный автомат заунывно пел что-то типа «Нам всем бывает больно» или «Нам ото всех бывает больно». Джон Холстен не мог разобрать. Он задумался, почему в Лондоне играет западный кантри. Может быть, там пелось: «Нам всем ото всех бывает больно». Где же «Битлз», когда они нужны? Ну или хотя бы один «битл» для начала. Ну, или два. И Пит Бест. Хоть кто-нибудь.

— Хотелось бы мне, чтобы эту проклятую песню, наконец, выключили, — Холстен хмуро посмотрел на раздражающие его динамики. Сыплешь туда монеты и получаешь звуковые эффекты, громыхающие из игрового автомата вместе с ударами из пинбольного автомата «Рыбные истории». В пабе пахло затхлой плесенью от дурацкого дождя, который шёл всю прошлую неделю и сильно воняло спёртым табачным ды-

мом. Холстен терпеть не мог плюшевый макет форели наверху пинбольного автомата.

Маннеринг открыл пакет чипсов и предложил всем. Фостер отказался — ему нужно было следить за уровнем соли. Картер взял хрустящую горсть и пошёл к длинной деревянной барной стойке, чтобы изучить меню, написанное мелом на грифельной доске, — оно обещало отличное качество блюд. Он заказал свиные колбаски высшего сорта с картофелем фри и печёные бобы, забыв о том, что ему нужно следить за своим весом. Хромая, Стейн спустился в уборную по злосчастной лестнице. Пора было колоть инсулин. Кросли угостился чипсами и забеспокоился, что скоро настанет его черёд платить за пиво. Нужно как-нибудь уклониться. От его пособия по безработице осталось десять фунтов, а следующее дадут только через неделю.

Сегодня их было шестеро, а когда-то их собиралось восемь или десять. За последние двадцать лет это стало ежегодной традицией — Джон Холстен приезжал из штатов на каникулы в Лондон, где обычно собиралась компания, чтобы выпить и хорошо провести время. В прошлом году рак почек забрал МакФеррана — и это случилось с человеком, который всегда заказывал стейк и

пирог с почками. Хайлз сбежал на побережье Кента, надеясь, что морской воздух избавит его от проблем с сердцем. Марлин был где-то во Франции, но никто не знал, где именно и поборол ли он свою наркотическую зависимость.

Так всё и получилось.

— За друзей, которые сейчас не с нами, — предложил Холстен, поднимая бокал. Тост был хорошо принят, но воспоминание о тех, кто должен был быть здесь, привнесло немного уныния.

Джон Холстен был американским писателем со скромными средствами, но хорошей репутацией. Он принимал, так сказать, небольшую помощь от своих друзей. В целом его считали одним из лучших писателей последнего поколения лавкрафтовской школы — жанра, вышедшего из моды в наш век бензопил и поедающих плоть зомби. Однако он имел достаточно преданных поклонников, чтобы обеспечить ежегодную поездку Холстена в Лондон.

Он слегка наклонил свой стакан с пивом. Над ободком он увидел вошедшую в бар фигуру в жёлтом плаще. Он без колебаний продолжил пить, разве что глотая немного быстрее. Бледная маска посмотрела на него совершенно бесстрастно. Мимо прошла американская парочка. Они

с сильным нью-йоркским акцентом спорили, стоит ли тут есть. На мгновение синеволосая женщина вздрогнула, проведя рукой по разорванному плащу.

У Холстена были прекрасные светлые волосы, зачёсанные назад и голубые беспокойные глаза. Он был чуть ниже шести футов ростом, а под его синим костюмом — тройкой скрывалась плотная мускулатура. Ему было за шестьдесят.

— Жаль МакФеррана, — сказал Маннеринг, доедая чипсы. Картер вернулся от барной стойки с тарелкой и Кросли с жадностью посмотрел на неё. Фостер покосился на свой пустой стакан. Стейн вернулся из уборной:

— Ты о чём?

— О МакФерране.

— Очень жаль. — Стейн сел.

— Моя очередь, — сказал Холстен. — Не поможешь нам, Тед?

Человек в рваном жёлтом плаще смотрел, как Холстен встаёт. Он уже заплатил за всех.

Тед Кросли был несостоявшимся писателем литературы ужасов — сорок рассказов за двадцать лет, за большинство из которых он не получил ни цента. Ему было сорок, он лысел и переживал из-за своего отрывистого и сухого кашля.

Дэйв Маннеринг и Стив Картер держали книжный магазин, над которым жили. Закоренелые холостяки, плывущие по течению ещё с викторианских времён. Маннеринг был худым, темноволосым и хорошо одетым учёным. Картер — рыжеволосым ирландцем, более крупным и любил носить регбийные футболки. Им обоим было около сорока.

Чарльз Стейн коллекционировал книги и жил в Крауч-Энде. Его лицо имело сероватый оттенок и он был весьма озабочен своим диабетом. Ему тоже было около сорока.

Майк Фостер был высоким и стройным книжным коллекционером из Ливерпуля. На нём были кожаная куртка и джинсы. Он беспокоился из-за своего давления после того, как в прошлом году перенёс сердечный приступ, который чуть не стал для него смертельным. Он медленно увядал. Ему было около сорока.

Когда Холстен и Кросли вернулись от барной стойки с полными кружками, за их столом уже сидел человек в бледной маске. Не было необходимости брать седьмую. Холстен сел, стараясь не смотреть в глаза, светящиеся за бледной маской. Он был недостаточно быстр.

Озеро было чёрным. Башни почему-то были

спрятаны за луной. Лунами. Под чёрной водой. Что-то поднималось. Какая-то фигура. С щупальцами. Страх. Фигура в рваном жёлтом плаще тянула его вперёд. Бледная маска. Снята.

— С тобой всё в порядке? — его тряс Маннеринг.

— Извините, — все смотрели на Холстена. — Наверное, это из-за разницы часовых поясов.

— Ты здесь уже две недели, — заметил Стейн.

— Я просто устал, — ответил Холстен. Он сделал большой глоток и ободряюще улыбнулся. — Видимо, я уже становлюсь слишком старым для этого.

— Ты в лучшем состоянии, чем большинство из нас, — возразил Фостер.

Рваный плащ следил за ним из-за плеча. Его следующий сердечный приступ станет роковым. Человек в бледной маске пронёсся мимо.

Маннеринг попивал пиво. В следующий раз он закажет только половину пинты — он переживал за свою печень.

— Восемнадцатого ноября тебе будет шестьдесят четыре, — у Маннеринга была отличная память на даты и недавно он написал большое эссе о Джоне Холстене для журнала ужасов. — Как тебе удаётся оставаться таким подтянутым?

— У меня на чердаке лежит портрет[14], — Холстен говорил эту шутку много раз, но она всегда звучала смешно. И ему должно было исполниться не шестьдесят четыре. Несмотря на то что было указано в его книгах.

— Нет. Серьёзно, — Стейн на следующем круге собирался пить пильзенское пиво. Он побаивался смешивать алкоголь с инсулином.

Щупальца на самом деле не были щупальцами — а просто чем-то, чем можно было хватать и есть. Чем можно было вытягивать. Собирать тех, кто по глупости попадал в область их досягаемости или оказывался там намеренно. Обещания. Клятвы. Смех человека в маске позади. Стоила ли игра свеч? Слишком поздно.

— Джон? Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? — Стейн не обращал внимания на бледную маску, выглядывающую из-за его плеча.

— Упражнения и витамины, — ответил Холстен. Он решил, что Стейн, возможно, и протянет ещё пару лет.

— Видимо, это и вправду тебе помогает, — настаивал Маннеринг. — Ты почти не постарел с

---

[14] Примечания: 14

Отсылка к роману Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», герой которого хранил свой стареющий портрет на чердаке, сам оставаясь при этом молодым.

тех пор, как мы познакомились здесь, в Лондоне. А это было сотню лет назад. Все остальные из нашей компании быстро разваливаются на части.

— Попробуй заняться бегом и пить пиво только по особым случаям, — придумал Холстен.

— Я лучше буду просто бегать, — заметил Картер, поднимаясь на второй круг. Он прошёл мимо рваного плаща. Картер никогда не будет бегать.

— Я купил довольно хороший экземпляр «Изгоя», — сообщил Фостер, пытаясь сменить тему. — На нём немного бурых пятен и он был в перепечатанной суперобложке, но отдали по неплохой цене.

Это был экземпляр Кросли, по дешёвке проданный другому дилеру.

Холстен помнил тот день. Много лет назад. Нью-Йорк. Книжный магазин на первом этаже. Шум метро. Полка с дешёвыми книгами. «Король в жёлтом» с вложенными страницами из какой-то более старой книги. Выгодная сделка. Но недешёвая покупка, как оказалось. Он никогда не верил в подобные вещи.

Фигура в бледной маске изучала Кросли, зная, что скоро он бросится под поезд метро. Опустошённый и брошенный.

— Ладно, — сказал Холстен. — После этого круга

мне лучше уйти.

— Так рано? — удивился Маннеринг, который начинал чувствовать действие алкоголя. — Видимо, сказывается возраст.

— Ничего не могу поделать, — Холстен потянул пиво. — Просто нужно встретиться кое с кем в баре отеля в полтретьего. Хотят взять очередное интервью. Иначе позвал бы вас с собой. Пусть это и скучно. Но…

— Тогда возвращайся после, — предложил Маннеринг. — Мы будем ещё здесь.

«Но не слишком долго», — подумал Холстен и сказал:

— Тогда скоро увидимся.

Кросли снова сильно закашлял, прикрыв рот заляпанным платком.

Джон Холстен сбежал.

Паренёк по имени Дэйв Харвис из Батерси уже целый час ждал в холле отеля «Блумсбери Парк» — боясь опоздать, он пришёл пораньше. На нём была синяя куртка. В руках он сжимал синюю нейлоновую сумку с диктофоном и книгами для автографа. Недавно ему исполнился двадцать один год.

Холстен заметил его, как только вошёл в холл, но паренёк беспомощно оглядывался по сторо-

нам.

— Здравствуйте, я Джон Холстен, — он протянул руку, как часто делал это во время подобных встреч.

— Дэйв Харвис, — он подпрыгнул на месте. — Это большая честь — познакомиться с вами, сэр. Честно говоря, я ожидал увидеть человека немного постарше… поэтому…

— Мне немного помогают друзья, — Холстен крепко, по-американски, пожал руку. — Рад познакомиться с вами.

Рты с щупальцами кормились, обещая тебе то, что ты хочешь услышать. Человек в рваном жёлтом плаще снял свою бледную маску. Что сказано-то сказано. Что сделано-то сделано. Пути назад нет. Некоторые обещания нельзя нарушать.

— С вами всё в порядке, сэр? — Харвис слышал, что Холстену уже должно быть много лет.

— Разница во времени, только и всего, — объяснил Холстен. — Пойдёмте в бар, можете купить мне пива за интервью. Полагаю, там будет достаточно тихо.

Холстен беспокойно сел.

Харвис принёс два светлых пива. Включил диктофон. Бар для постояльцев был пуст, не считая

бармена.

— Если вы не возражаете, сэр, — Харвис отпил своё пиво, — я пригласил несколько друзей этим вечером на встречу в «Лебеде». Они большие поклонники вашего творчества. Если вы не против…

— С удовольствием, — согласился Холстен.

Фигура в рваном жёлтом плаще вошла в бар для резидентов. Маска осмотрела Харвиса и Холстена — парень мучился с плёнкой на микрокассете.

Холстен ощутил прилив сил.

Он пробормотал в свой стакан:

— Я не хотел, чтобы всё случилось так, но я не могу это остановить.

Харвис всё ещё возился с плёнкой и не слышал этого.

Как и никто из богов, которым было всё равно.

Перевод: Н. Коваленко

Брайан Кин.
Король в «Жёлтом»

Brian Keene. "The King, in: Yellow", 2004

Гниющий человек стоял на углу. Обтрёпанные лохмотья свисали с его скелета, а воспалённые язвы покрывали его обнажённую плоть, сочащуюся кровью и гноем. От него воняло потом, инфекциями, экскрементами и отчаянием.

Финли хотел было обойти его, но Кэтрин нетерпеливо помахала ему рукой с другой стороны улицы. Он прошёл мимо, опустив голову и не отрывая глаз от тротуара. Невидимый.

Он не увидит меня, если я не увижу его.

— Йо, чел, — пробормотал гниющий человек сквозь шум уличного движения. — Мож поможш брателле на бухлишко?

Финли попытался не обращать на него внимания, но потом смягчился. У него не хватало духу быть таким холодным, хотя друзья — яппи Кэтрин (они тоже должны были быть *его* друзьями, но он никогда не думал о них так) высмеяли бы его за это. Он поднял голову и *посмотрел* на

бродягу, встретившись с его водянистыми глазами. Они сияли. Он посмотрел на другую сторону улицы. Кэтрин не поверила своим ушам.

— Извини, парень, — Финли протянул руки в притворном сочувствии. — Я веду свою девушку на ужин, — чувствуя себя полным идиотом, он указал на Кэтрин, доказывая, что говорит правду. — Нужно остановиться у банкомата.

— Круто, — улыбнулся бродяга. — Ты зайдёшь ко мне на обратном пути?

— Хорошо, мы так и сделаем.

Он сошёл с тротуара. Мужчина бросился вперёд, схватив его за плечо. Грязные ногти впились в его пиджак.

— Эй! — запротестовал Финли.

— Ты видел «*Жёлтого*»? — прохрипел бродяга.

— Нет, я так не думаю, — пробормотал Финли, ничего не понимая.

— После того как ты поешь, отведи свою леди посмотреть.

Хихикая, он побрёл к берегу.

Кэтрин покачала головой, когда Финли перешёл улицу.

— Значит, ты встречался с Человеком — Струпьями?

— Только в Балтиморе, — усмехнулся он.

— Чёртова дикая природа, — выплюнула она, беря его за руку. — Вот почему я делаю перекуры в гараже. Я не знаю, что хуже — чайки, пикирующие на меня, или бездомные, пикирующие на меня.

— Чайки, — ответил Финли. — Как прошёл твой день?

— Не пытайся сменить тему, Роджер. Господи, ты стал таким либеральным. Что случилось с консерватором, в которого я влюбилась? — она помолчала, отпустила его руку и закурила. В ранней темноте пламя осветило её лицо, напомнив Финли, почему он влюбился в неё. — Но раз уж ты спросил, это полный отстой. Как твои дела?

— Хорошо, я думаю. Сайт поиска домашних животных потерпел крах, так что мне пришлось снять его. "FedEx" высадил мой новый резервный сервер. В *«Днях нашей Жизни»* Джон всё ещё пытается найти Стефано, а Бо узнал о ребёнке Хоуп.

— Жаль, что я не могу работать дома. Но один из нас должен зарабатывать деньги.

— Ну, разве не поэтому мы идём ужинать? Чтобы отпраздновать твой большой бонус?

Они молча пересекли Олбемарл-стрит. Впереди яркие огни Внутренней Гавани манили своими причудливыми ресторанами и шикарными ма-

газинами. Национальный Аквариум возвышался над водой, как древний монолит.

Кэтрин нахмурилась.

— Прекрасная ночь, — прокомментировал Финли, оттягивая воротник от холодного ветра, дующего через воду. — Почти видно звёзды.

Кэтрин ничего не ответила.

— Что случилось?

Она вздохнула, её дыхание превратилось в туман в воздухе.

— Я чувствую себя… не знаю — старой. Раньше мы всё время развлекались. Теперь — ужин на диване и всё, что есть на спутнике. Может быть, поиграем в «Скрэббл», если будем полны сил.

Финли уставился на гавань.

— Я думал, тебе нравится каждый вечер приходить домой на приготовленный ужин и проводить тихую ночь в доме.

Она взяла его за руку.

— Я знаю, Роджер. Мне жаль. Просто… нам обоим сейчас по тридцать. Когда мы в последний раз делали что-то *по-настоящему* весёлое?

— Когда нам было по двадцать одному и тебя вырвало на меня во время концерта "Depeche Mode"?

Кэтрин наконец рассмеялась и они пошли

дальше, приближаясь к «У Виктора».

— Так почему же твой день был отстойным?

— О, кредитор не одобрит кредит на проект Спринг-Гроув, потому что инспектор обнаружил чёрную плесень в некоторых зданиях. Конечно, Нед сказал ему, что мы собираемся снять плитку во время реконструкции, но он…

Финли не обращал на неё внимания, всё ещё кивая и выражая согласие, где это было уместно. За десять лет у него это здорово получилось. Когда в последний раз они действительно делали что-то весёлое? Он попытался вспомнить. Разве это не считается? Идёшь куда-нибудь ужинать? Наверное, нет. Он попытался точно определить, когда они поселились в этой уютной зоне домашней фамильярности. По обоюдному согласию они больше не ходили в клуб. Слишком много невероятных жителей пригородов гетто, едва окончивших колледж. Они не ходили в кино, потому что она ненавидела тесные кресла, и симфонию детского плача и звонков сотовых.

— …поэтому я не знаю, что мне делать, — закончила Кэтрин.

— Всё будет хорошо, — кивнул Финли, сжимая её руку. — Ты справишься.

Она улыбнулась, сжимая его в ответ.

Очередь возле «У Виктора» змеилась вокруг ресторана. Финли провёл их через неё, радуясь, что у него хватило предусмотрительности зарезервировать столик. Метрдотель подошёл к ним и помахал рукой.

— Здравствуйте, мисс Кэтрин, — сказал он, пожимая ей руку. — Я рад, что вы смогли присоединиться к нам.

— Привет, Франклин, — она присела в реверансе и улыбнулась, когда пожилой мужчина поцеловал её в обе щёки. — Это мой парень, Роджер.

— Рад с вами познакомиться. Я много о вас слышал.

Он подмигнул и Финли ухмыльнулся, не зная, что ответить.

— Дайте им хороший обзор, — сказал Франклин официантке и повернулся к ним. — Шейла вас усадит. Приятного аппетита.

— Я часто прихожу сюда обедать, — объяснила Кэтрин, когда они следовали за Шейлой к их столику. — Я сказала Франклину, что мы придём сегодня вечером. Он славный старик, очень обаятельный.

— Да, он действительно кажется милым, — рассеянно пробормотал Финли.

Уже не в первый раз он удивился тому, как мало знал о жизни Кэтрин *вне* их отношений. Ему никогда не приходило в голову поинтересоваться, где она проводит свои обеды.

Во многом они отличались друг от друга. Незнакомцы, составляющие единое целое. Она была непревзойдённой яппи двадцать первого века — корпоративной львицей, нацеленной только на свою карьеру. Он был воплощением бездельника поколения X, управлявшего домашним веб-хостингом. Они были вместе почти десять лет, но временами ему казалось, что они просто плывут по течению. Темы брака и детей поднимались несколько раз и обычно они оба отклонялись. Ему нужно было посвятить своё время развитию бизнеса. Её не было там, где она хотела быть в своей карьере. Несмотря на это, он думал, что они счастливы. Так почему же у него было беспокойство? Возможно, Кэтрин была права. Может быть, им нужно было сделать что-то весёлое, что-то другое.

— …ночью, не так ли?

— Прости, — пробормотал он. — Что ты сказала, милая?

— Я сказала, что Гавань действительно прекрасна ночью.

Они сидели перед большим окном, выходящим на Чесапикский залив. Огни города мерцали в темноте.

— Да, это точно.

— О чём ты думал, Роджер?

— Честно? Что ты права. Мы должны сделать что-нибудь весёлое. Как насчёт поездки к океану в эти выходные? Посмотреть на диких лошадей, может быть, немного прочесать пляж?

— Звучит здорово, — вздохнула она. — Но в эти выходные я не могу. Я должна прийти в субботу и проверить цифры по сделке в Вермонте. Мы закончим на следующей неделе.

— Ну, тогда как насчёт того, чтобы сделать что-нибудь в воскресенье? Может быть, съездить в Пенсильванию и посетить блошиные рынки, посмотреть на амишей или остановиться у продуктового киоска?

— Это вполне возможно. Давай решим по ходу, ладно?

Они изучали меню, наслаждаясь уютной тишиной, которую разделяют только давние партнёры. И тут Роджер заметил женщину. Она и её спутник сидели за соседним столиком. Мерцающий свет свечей отбрасывал тени на её бледное лицо. Она была худой, почти истощённой, под глазами

залегли тёмные круги. *Героин,* — подумал он, — *или, может быть, анорексия?* Она явно пришла из-за денег. Это было очевидно по её украшениям и туфлям. Её спутник выглядел богатым. Может, она проститутка? Нет, для этого они были слишком хорошо знакомы.

Что привлекло внимание Финли, так это кровь, стекающая по её ноге. Её разговор был оживлённым и в то время, как она возбуждённо жестикулировала одной рукой, другая была под столом, сжимая её ногу. Её ногти глубоко впились в бедро, достаточно сильно, чтобы потекла кровь. Похоже, ей было всё равно. На самом деле, судя по выражению её глаз, она наслаждалась этим ощущением.

Кэтрин была поглощена меню. Он снова повернулся к паре и сосредоточился на том, что говорила женщина.

— А потом появляется Король. Это такой мощный момент, что ты не можешь дышать. Я бывала в Вегасе и видела подражателей, но этот парень — настоящий!

Ответ её спутника прозвучал приглушённо и Финли напряг слух.

— Я серьёзно, Реджинальд! Как будто он направляет Элвиса! Король играет Короля! Весь

актёрский состав такой. Там есть женщина, которая выглядит и звучит точно так же, как Дженис Джоплин, играющая Королеву и очень сносный Джон Леннон в роли Тейла. Но самый лучший, конечно, после Короля, — это парень, которого они выбрали на роль Бледной Маски. Клянусь тебе, Реджинальд, это Курт Кобейн! Вы не сможете увидеть разницу. Всё это так реалистично умно! Актёры, играющие мёртвых рок-звёзд, играют роли. Пьеса внутри мюзикла внутри пьесы.

Её голос упал до заговорщического шёпота и Финли наклонился к ним.

— Спецэффекты потрясающие. Когда Королева подвергает пыткам Бледную Маску, в волосах Кобейна действительно можно увидеть маленькие кусочки мозга. И у них также есть зрительское участие. Каждый вечер всё по-другому. Каждый из нас должен был раскрыть тайну, которую мы никому не рассказывали. Вот почему Стефани ушла от Кристофера. Очевидно, он рассказал о свидании с собакой, когда ему было тринадцать. Она ушла от него после спектакля. Сегодня вечером, я слышала, они заставят публику также снять маски во время маскарада!

Он вздрогнул, когда кончики пальцев Кэтрин коснулись его руки.

— Перестань подслушивать, — прошептала она. — Это невежливо.

— Прости. Ты уже решила, что будешь есть?

— М-м-м-м, — промурлыкала она. — Я хочу крабовые лепёшки. Как насчёт тебя?

— Пожалуй, я возьму филе миньон. И большую печёную картошку со сметаной и маслом.

Её глаза расширились.

— Ну, Роджер, ты же не ел её с тех пор, как в последний раз ходил к доктору. Что случилось со здоровым питанием, чтобы ты не стал таким, как твой отец?

— К чёрту мои наследственные болезни сердца и холестерин! — он резко закрыл меню. — Ты сказала, что нам нужно начать веселиться. Красное мясо и крахмал — хорошее начало!

Она рассмеялась и огни залива отразились в её глазах. Под столом она скользнула ногой по его ноге.

— Я люблю тебя, Кэтрин.

— Я тоже тебя люблю.

Женщина за соседним столиком вскочила, опрокинув стул и начала кричать. Тишина, затем приглушённый шёпот, когда женщина закачалась взад-вперёд на каблуках. Её спутник отодвинул стул, смущённо откашлялся и потя-

нулся к ней. Она с воплем отбросила его руку.

— Вы видели Жёлтый Знак? — пела она. — Вы нашли Жёлтый Знак? Вы видели Жёлтый Знак?

Она продолжала петь, кружась вокруг себя. От её размахивающих рук бокал с вином грохнулся на пол. Её кавалер бросился к ней. Она сделала шаг в сторону, одним быстрым движением схватила со стола нож для стейка и вонзила ему в бок. Он опустился на пол, потянув за собой скатерть и еду. Остальные посетители тоже начали кричать. Несколько человек бросились к выходу, но никто не двинулся, чтобы остановить её. Финли словно застыл на месте, заворожённый тем, что произошло дальше. Продолжая петь, женщина наклонилась и подняла суповую ложку из беспорядка на полу, потом выколола свои глаза. Красная и белая мякоть стекала по её лицу. Голос её не дрогнул, она продолжала петь.

Кэтрин прижалась к Финли. Он схватил её за руку и потащил к выходу. Франклин, метрдотель и несколько мужчин из кухни бросились к женщине. Торопливо выводя Кэтрин за дверь, он услышал, как женщина хихикает.

Я нашла его! Я всё это вижу! Ихтиль, под звёздами Альдебарана и Гиад! А за озером Хали, на дальнем берегу, лежит Каркоза!

Потом они вышли за дверь и растворились в ночи. Кэтрин всхлипнула, прижавшись к нему, и Финли вздрогнул. Образ женщины, ковыряющейся в глазницах суповой ложкой, никуда не делся.

* * *

После того как они дали показания в полиции, они вернулись к дому Кэтрин.

— Как мог человек сделать что-то подобное?

— Может быть, наркотики, — пожал плечами Финли, — Она выглядела довольно взвинченной.

— Этот город с каждым годом становится всё хуже.

Они вернулись в её офисное здание и Финли направился к боковому входу, ведущему в гараж. Кэтрин не последовала за ним и он, обернувшись, увидел, что она остановилась под уличным фонарём.

— Что случилось?

— Не думаю, что смогу сегодня уснуть.

— Да, я тоже. Пойдём домой и приготовим тебе хорошую горячую ванну. Может быть, после этого ты почувствуешь себя лучше.

— Мне нужно выпить.

— Мы можем заехать в винный магазин…

— Нет, — отрезала она. — Мне нужно быть сре-

ди людей, Роджер. Мне нужно слушать музыку и смех, и забыть об этой безумной суке.

— Ты хочешь попасть в клуб? — он услышал удивление в своём голосе.

— Я не знаю, чего хочу, но я знаю, что не хочу идти домой прямо сейчас. Давай пойдём в Феллс-Пойнт и посмотрим, что там можно найти.

Часть портового района Балтимора, здания в Феллс-Пойнт были старыми, когда Эдгар Аллан По был новичком в городе. Днём это была настоящая ловушка для туристов: шесть кварталов антикварных лавок, книжных магазинов и торговцев редкостями. Городской шик рождался и размножался в его кофейнях и кафе. По ночам на него набегала студенческая толпа, стекаясь в любой из десятков ночных клубов и баров, разбросанных по всему району.

Они шли по Пратт-стрит, обняв друг друга за талию и Финли улыбался.

Из тени вынырнула фигура.

— Вы видели *Жёлтого*?

Финли застонал. Он совсем забыл о бездомном — Человеке — Струпьях. Он сунул руку в карман брюк и вытащил мятую пятёрку.

— Вот, — сказал он, протягивая её гниющему человеку. — Я обещал, что зайду к тебе на обрат-

ном пути. А теперь, если ты не возражаешь, у нас с моей девушкой был тяжёлый вечер.

— Спасибо, йоу. Извини, шо не слышал о твоём вечере. Я те говорю, возьми свою девочку и посмотри «*Жёлтого*», — грязным, ободранным пальцем он указал на плакат, висевший на фонарном столбе.

Бродяга зашаркал в темноту, напевая обрывок мелодии. Финли узнал мелодию: «Тебе одиноко сегодня»[15]. Он вздрогнул, вспомнив сумасшедшую женщину в ресторане, бредящую о подражателе Элвиса, которого она видела. Он попытался вспомнить, что именно она пела, но всё что пришло ему на ум, — это образ её окровавленного лица.

Плакат восемь на десять был сделан так, как будто он был напечатан на змеиной коже. На чешуе бледными буквами было написано:

«ХАСТУР[16] ПРОДАКШНЗ» с гордостью представляет:

---

[15] Примечания: 15

«Тебе одиноко сегодня» — песня Элвиса Пресли.

[16] Примечания: 16

Хастур — персонаж мифов Ктулху, одно из так называемых Древних Божеств. Строго говоря, к пантеону Лавкрафта его можно отнести лишь с оговорками, поскольку образ был создан ранее другими авторами. Это один из наиболее спорных и мало разработанных образов мифов Ктулху.

«ЖЁЛТЫЙ»

(Ужасная трагедия молодого Кастейна)

Запрещённая в Париже, Мюнхене, Лондоне и Риме, мы гордимся тем, что привезли эту классическую пьесу 19-го века в Балтимор, в её единственном американском исполнении! Наполненный музыкой, эмоциями и тёмным чудом, «ЖЁЛТЫЙ» — это незабываемая и загадочная история!

Его нельзя пропустить!

В главных ролях:

Сид Вишес в роли Уохта

Джон Леннон в роли Тейла

Мама Касс в роли Кассильды

Дженис Джоплин в роли Королевы

Карен Карпентер в роли Камиллы

Джеймс Маршалл Хендрикс в роли Алара

Джим Моррисон в роли Альдонеса, короля ящериц

Курт Кобейн в роли Бледной Маской или Призрака Истины

и

Элвис Пресли в роли Короля!

Также в программе: Роберт Джонсон, Бон Скотт, Рой Орбисон, Фредди Меркьюри, Клифф Бёртон, Даймбэг Даррелл, Джонни Кэш и многие другие.

Только Одна Неделя! Ночные Представления Начинаются Ровно в Полночь.

Театр Р. У. Чамберса.

Феллс-Пойнт, угол Федоган-Стрит и Бремер-авеню.

Балтимор, Мэриленд.

Бриз, дувший с Гавани, подул на него. Вот о чём говорила сумасшедшая — актёры, изображающие мёртвых музыкантов, изображающих персонажей пьесы. Эта пьеса. Та самая пьеса, которую рекомендовал бродяга. Совпадение было тревожным.

— Звучит забавно, не так ли? — спросила Кэтрин. — Ты должен был дать ему больше денег.

— Только в Балтиморе бездомные могут получить работу билетёров. Пойдём, поищем паб.

— Нет, пойдём посмотрим! Смотри, у них есть актёры, притворяющиеся мёртвыми музыкантами, играющими актёров. Насколько это круто? — она хихикнула и умоляюще посмотрела на него.

Он рассказал ей о том, что слышал от женщины.

— Тогда это ещё одна причина, — настаивала она. — Как только люди прочитают о связи в

завтрашнем «Балтимор Сан», мы не сможем купить билеты из-за спроса. Люди обожают такие ужасные вещи!

— Тебе не кажется странным, что всё это произошло в одну ночь? Ты сказала, что хочешь забыть о том, что случилось. Тебе не кажется, что посещение спектакля, на который ходила эта женщина, сделает его ещё более ярким?

— Роджер, ты сказал, что согласен со мной, что мы больше никогда не делаем ничего весёлого, что мы не спонтанны. Вот наш шанс! Сколько ещё мы можем получить в этот момент?

— Кэтрин, уже почти половина двенадцатого! Уже поздно.

— На плакате написано, что он начнётся только в полночь.

Финли неохотно вздохнул.

— Ладно, пойдём на спектакль. Ты права, это может быть забавно.

Он позволил ей провести себя по улице в Феллс-Пойнт.

* * *

Театр Р. У. Чамберса находился не просто в глуши, а далеко-далеко за её пределами. Они пробирались через лабиринт извилистых улиц и

переулков, каждый из которых был более узким, чем предыдущий. Толпа пьяных студентов колледжа и офисных стажёров исчезла, сменившись случайными крысами или голубями. Каблуки Кэтрин стучали по булыжнику, каждый шаг звучал как ружейный выстрел.

Это старая часть города, — *подумал Финли.* — Самая старая. Сердце тьмы.

Сама атмосфера, казалось, отражала его дискомфорт, усиливая его по мере того, как они шли дальше. В этом районе не было ни уличных фонарей, ни света в окнах домов. Здания теснились друг к другу; рушащиеся статуи рушащейся архитектуры девятнадцатого века. На улице слабо пахло мусором и несвежей мочой, и единственным звуком был звук капающей воды и что-то маленькое, шуршащее в темноте. Кэтрин крепко сжала его руку.

Они вышли на угол, и свет и шум снова хлынули обратно. Перед театром толпился народ. Опасения Финли рассеялись и он упрекнул себя за глупость. В то же время хватка Кэтрин ослабла.

— Посмотри на эту толпу! — воскликнула Кэтрин. — Он популярнее чем мы думали.

— Должно быть, молва быстро распространилась.

— Может быть, твой бездомный друг был сутенёром?

Финли усмехнулся.

— Может быть.

Они заняли своё место в конце очереди, позади молодой пары готов. Театр знавал и лучшие дни. Заляпанная водой кирпичная кладка выглядела усталой и выцветшей. Несколько окон на втором этаже были заколочены досками, остальные были тёмными. Некоторые лампочки в шатре перегорели, но «*ЖЁЛТЫЙ» от «ХАСТУР ПРОДАКШНЗ»*, время показа и цены на билеты были хорошо видны. Одна сторона здания была обклеена бумажными рекламными щитами, рекламирующими пьесу. Другие рекламировали группы с такими названиями, как "Your Kid's On Fire", "Suicide Run" и "I, Chaos"[17].

Очередь змеилась вперёд и наконец настала их очередь. Финли уставился на человека за стеклянным окошком билетной кассы. Его кожа была бледной, почти прозрачной, а крошечные голубые вены паутиной оплетали его лицо и руки. Серые губы шлёпали, как два куска сырой

---

[17] Примечания: 17

Названия Your Kid's On Fire, Suicide Run и I, Chaos переводятся как «Твой ребёнок в огне», «Самоубийственный побег» и «Я, Хаос» соответственно.

печени, пока он говорил.

— Наслаждайтесь представлением.

Финли кивнул. Обняв Кэтрин за талию, он повёл её в здание. Билетёр в вестибюле имел тот же алебастровый цвет лица и был немного более немногословен, чем его угрюмый коллега из билетной кассы. Не говоря ни слова, он взял у них билеты, вернул корешки и две программы, затем молча раздвинул чёрные занавески и жестом пригласил их войти.

Театр быстро заполнялся. Они нашли место посередине центрального прохода. Обитые красным бархатом стулья заскрипели, когда они сели.

— Я не могу прийти в себя, — прошептала Кэтрин. — Посмотри на всех этих людей!

Финли внимательно изучил буклет программы. Как и плакаты, она была сделана так, чтобы казаться переплетённой в змеиную кожу. Он попытался прочесть бледные буквы.

«ЖЁЛТЫЙ» был написан в конце 19 века молодым драматургом по имени Кастейн. К сожалению, Кастейн покончил с собой сразу же после завершения работы. Когда «ЖЁЛТЫЙ» был впервые опубликован и исполнен, Париж запретил эту пьесу, за ней последовали Мюнхен и Лондон,

а затем и большинство мировых правительств и церквей. Она была переведена в 1930 году учёным Дэниелом Мейсоном Уинфилд-Хармсом, который по странному стечению обстоятельств, повторяя судьбу автора оригинала, был найден мёртвым в Буффало, штат Нью-Йорк, после завершения адаптации. «ЖЁЛТЫЙ» происходит не на Земле, а в другом мире, в городе Ихтиль, на берегу озера Хали, под звёздами Альдебарана и Гиад.

Кэтрин зашевелилась рядом с ним.

— Знаешь, что это мне напоминает?

— Что?

— Когда я училась в средней школе. По субботам в полночь мы ходили смотреть «*Шоу Рокки Хоррора*»[18]. В нём есть это чувство.

— Может быть, они споют «Искривление вре-

[18] Примечания: 18

«Шоу Рокки Хоррора» — художественный фильм режиссёра Джима Шармана, экранизация популярного британского мюзикла. Фильм представляет собой пародию на основные каноны научной фантастики и фильмов ужасов. Сценарий написан Ричардом О'Брайеном совместно с Джимом Шарманом.

мени»[19].

Она потянулась и сжала его руку, и Финли стало хорошо. Он стал счастливее.

Свет потускнел, погрузив их в темноту. Толпа затихла, когда из динамиков над головой раздался взрыв статических помех. Затем началась жуткая, незнакомая музыка. В глубине театра появился свет. Артисты вошли с тыла, каждый из них нёс по одной свече. Труппа медленно шла по центральному проходу, напевая, приближаясь к сцене.

— Вы видели Жёлтый Знак? Вы нашли Жёлтый Знак?

Когда они проходили мимо, Финли с трудом подавил желание протянуть руку и дотронуться до них. Сходство с их мёртвыми альтер-эго было поразительным. Актриса, играющая Дженис Джоплин (играющую Королеву), была *идеальной* копией, вплоть до синеватой кожи, которая,

---

[19] Примечания: 19

«Искривление времени» — песня из рок-мюзикла 1973 года «Шоу Рокки Хоррора», его экранизации 1975 года и телевизионной постановки 2016 года. Это название также используется для танца, исполняемого во время припева. Песня одновременно является примером и пародией на жанр танцевальной песни, значительная часть текста которой состоит из инструкций по танцевальным движениям. Танец стал одним из основных элементов взаимодействия со зрителями во время показов фильма и сценических постановок, а сама песня получила популярность и за их пределами.

должно быть, украшала её лицо в смерти. За ней следовали Джим Моррисон (раздутый Альдонес) и Джон Леннон (Тейл со свежими пятнами крови на одежде). Мама Касс, Джими Хендрикс, Сид Вишес — процессия продолжалась, пока на сцену не вышли две дюжины актёров.

— Посмотри-ка! — Кэтрин указала на капельки крови размером в четверть дюйма, оставшиеся на теле Леннона. — Ужасно. Не могу дождаться, когда увижу, что они сделали с Куртом Кобейном…

Финли передёрнуло.

— Хорошие спецэффекты, это точно.

Пение нарастало, возвышенные голоса отдавались эхом, как гром.

— Вы видели Жёлтый Знак? Вы нашли Жёлтый Знак? Пусть красная заря догадается, что мы будем делать, когда этот голубой звёздный свет умрёт и всё будет кончено. Вы видели Жёлтый Знак? Вы нашли Жёлтый Знак?

Они повторили припев ещё два раза. На последней ноте свечи погасли и свет на сцене стал ярче.

Первая часть пьесы касалась интриг королевского двора. К стареющей Королеве приставали её дети: Кассильда, Алар, Камилла, Тейл, Уохт и Альдонес — все претенденты на трон Ихти-

ля. Они соперничали за корону, чтобы династия продолжалась и каждый претендовал на то, чтобы быть законным наследником. Несмотря на все их усилия, Королева отказалась отдать корону. Мама Касс запела и у Финли по коже побежали мурашки.

— Вдоль берега разбиваются облачные волны. Солнца — близнецы опускаются за озеро. Тени удлиняются, в Каркозе. Странна ночь, когда поднимаются чёрные звёзды и странные луны кружат по небу. Но ещё более странным является потерянный Каркоза. Песни, которые будут петь Гиады, где развеваются лохмотья Короля, должны умереть неслышными в тусклой Каркозе. Песнь моей души, мой голос мёртв, умри же, невоспетый, как слёзы непролитые высохнут и умрут в потерянной Каркозе.

Толпа зааплодировала, восхищённая её выступлением. Затем на сцене появился персонаж Кобейна, лицо которого скрывала *бледная маска*. Когда он повернулся спиной к зрителям, толпа ахнула. Волосы и череп исчезли, оставив лишь проблеск серого вещества.

После этого Финли с трудом следил за сюжетом.

Персонаж Кобейна, Призрак Истины, обрёк

на гибель Королеву и её подданных. Угроза, очевидно, исходила от несуществующего города, который должен был появиться на другой стороне озера. Отреагировав на это известие, Королева приказала подвергнуть его пыткам.

Хотя Кэтрин, казалось, была в восторге, Финли становилось всё беспокойнее. Он нашёл его бессвязным до абсурда. В какой-то момент один персонаж признался в любви другому. Затем они обсуждали расу людей, у которых не было ануса и которые могли потреблять только молоко, эвакуируя свои отходы через рвоту. Персонажи продолжали болтать и Финли впал в полубессознательное состояние — его мысли были заняты другими вещами, но реплики актёра гудели у него в голове.

— Есть так много вещей, которые невозможно объяснить! Почему некоторые аккорды музыки заставляют меня думать о коричневых и золотистых оттенках осенней листвы?

— Пусть красная заря догадается…

— Альдебаран и Гиады соединились, моя Королева!

— Что мы будем делать…

— А теперь спи, благословенный сон и пусть тебя не тревожат эти дурные предзнаменования.

— Когда этот голубой звёздный свет умрёт…

— Город Каркоза появился на другой стороне озера Хали!

— И всё кончено…

Он не знал, как долго простоял так: голова поникла, глаза были полузакрыты. Лёгкий смех Кэтрин и хихиканье остальных зрителей снова разбудили его. Он посмотрел на часы, потом оглядел остальных посетителей. Его внимание сразу же сосредоточилось на паре позади них. Голова женщины лежала на коленях возлюбленного, покачиваясь в темноте. Прежде чем он успел сказать об этом Кэтрин, он заметил ещё одно действо, на этот раз в их собственном ряду. Мужчина в конце любовно кусал другого мужчину за ухо, достаточно сильно, чтобы потекла кровь. Его напарник в экстазе облизнул губы.

— Кэтрин… — прошептал он.

Она шикнула на него и сосредоточилась на пьесе, её лицо было поглощено вниманием. Её щёки пылали и Финли заметил, что её соски сильно выделяются на фоне блузки. Не говоря ни слова, она положила руку ему на колени и начала гладить его через штаны. Несмотря на странное настроение, царившее в театре, он почувствовал, как у него набухает член.

Как раз в этот момент в задней части театра поднялась суматоха — вошёл ещё один актёр. Толпа обернулась, когда актёры с насмешливыми криками потрясения и ужаса указывали на него. Он был одет в позолоченную мантию с алой бахромой и застёжкой из чёрного оникса, на которой был инкрустирован любопытный золотой символ. Хотя его лицо было скрыто под бледной маской, идентичной той, что носил Кобейн, нельзя было ошибиться в фирменной развязности. Он пронёсся по проходу, остановившись, когда толпа разразилась спонтанными аплодисментами.

— Спасибо. Большое вам спасибо.

Он поклонился публике и в три быстрых шага взошёл на сцену.

— Смотрите, Жёлтый Знак на его груди! — воскликнула Королева. — Это Король Каркозы и он ищет Призрака Истины!

Хендрикс, Леннон и Вишес вошли в зал, каждый с холщовой сумкой на плече.

— Маски! — закричали они. — Всем получить маски! Здесь хватит на всех!

Финли испуганно оттолкнул руку Кэтрин. Они раздавали ножи — настоящие ножи, а не театральный реквизит. Свет отражался от зазубренных лезвий.

— Кэтрин, мы…

Его заявление было прервано, когда её рот накрыл его. Она жадно сосала его язык, она села ему на колени. Сцена повторялась по всему театру. Мужчины и женщины, мужчины и мужчины, женщины и женщины. Пары, секс втроём и многое другое. Одежда была сброшена и обнажённые, блестящие тела вплетённые друг в друга на сиденьях и на полу. Всё это время мёртвые рок-звёзды пробирались сквозь толпу, раздавая ножи.

— Кэтрин, прекрати! — сказал он, оттолкнув её. — Здесь действительно что-то не так.

— Ты нашёл его, Роджер? Ты видел Жёлтый Знак?

— Что?

Она дала ему пощёчину. Затем, усмехнувшись, она снова ударила его.

— А теперь дай мне пощёчину, — настаивала она. — Да ладно тебе, Роджер. Ты сказал, что хочешь сделать что-то другое. Сделай меня мокрой. Ударь меня!

— Нет!

— Трус! Слабак! Ты, вялый член, мать твою! Сделай это или я найду здесь кого-нибудь другого!

— Да что с тобой такое, чёрт возьми?

Она как будто загипнотизирована! Все они та-

кие! Что, чёрт возьми, произошло, пока я спал?

На сцене происходила сцена, похожая на бал — маскарад.

— Вы напрасно допрашивали его! — голос Элвиса разнёсся по залу, перекрикивая смешанные крики боли и экстаза. Он обращался не только к актёрам, но и к зрителям. — Пора снять маски. Все должны показать своё истинное лицо! Все! Кроме меня. Ведь на самом деле я не ношу никакой маски!

Как один, толпа подняла ножи и начала сдирать кожу с их лиц. Некоторые при этом смеялись. Другие помогали человеку, сидящему рядом с ними. Финли повернулся как раз в тот момент, когда Кэтрин вонзила лезвие в свою щёку. Свободный лоскут кожи свисал с её подбородка.

— Кэтрин, не надо!

Он схватился за нож, но она отдёрнула его. Прежде чем он успел пошевелиться, она полоснула его по рукам. Кровь хлынула в его ладонь, когда он уклонился от очередного удара. Потом он ударил её, оставив на щеке кровавый отпечаток ладони.

— Вот так, детка! — взвизгнула она. — Дай мне закончить снимать маску, а потом я помогу тебе снять твою.

— Всем снять маски! — крикнул снова Элвис и Финли повернулся к сцене, не в силах отвести взгляд.

Король снял Бледную Маску, скрывавшую его лицо и то, что он обнаружил, не было Элвисом. Это был даже не человек. Под маской виднелась голова, похожая на голову пухлого могильного червя. Она непристойно повисла, оглядывая толпу, а затем издала странный певучий крик.

Кожа Кэтрин упала на пол с влажным звуком.

Существо на сцене повернулось к Финли и тогда он увидел.

Он *видел* его. Он *нашёл* его.

Роджер Финли закричал.

— Прошу прощения, — бродяга зашаркал вперёд.

— Не обращай на него внимания, Марианна. Если мы дадим ему денег, он будет преследовать нас всю дорогу до Гавани.

— Не говори глупостей, Томас, — упрекнула мужа женщина. — Бедняга выглядит голодным. И он красноречив для уличного бродяги!

Бродяга нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а она полезла в сумочку и вытащила пятидолларовую купюру. Она вложила её в про-

тянутую руку.

— Вот, держи. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы тебе принесли горячую еду. Ни алкоголя, ни наркотиков.

— Спасибо. Премного благодарен. Раз уж вы были так добры, позвольте мне помочь вам.

— Нам не нужна помощь, большое спасибо.

Муж напрягся, опасаясь заигрываний бездомного.

— Просто хотел дать вам совет. Если вы любите театр, вам следует сводить свою жену на «*Жёлтого*».

Он указал на ближайший плакат. Супруги поблагодарили его и ушли, но не раньше, чем остановились, чтобы прочитать плакат для себя.

Роджер Финли сунул пять долларов в карман и смотрел, как они исчезают в Феллс-Пойнт в поисках Жёлтого Знака. Он гадал, найдут ли они его и если да, то что они увидят.

* * *

Это, конечно, дань уважения одноимённой классике Роберта У. Чамберса. Но вы уже знали это, потому что читали историю Чемберса, верно? Нет. У меня есть двадцать баксов, которые говорят, что половина из вас никогда даже не

слышала о Роберте У. Чамберсе. А это, друзья мои, просто неправильно.

Правдивая история. Тринадцать лет назад, на первом съезде «Хоррор Уик-энд», к нам с Дж. Ф. Гонсалесом подошёл молодой человек, вероятно, лет двадцати с небольшим. Он пожимал нам руки, говорил приятные вещи о наших книгах и называл нас вдохновителями. Как, чёрт возьми, мы, два линчевателя из так называемого гангстерского движения ужасов, были вдохновителями — выше моего понимания, но эй, парень был достаточно искренен, чтобы купить Хесусу (это настоящее имя Дж. Ф.) пиво, а мне рюмку текилы. Мы заговорили о писательстве и попытались дать ему несколько советов. Разговор зашёл о мастерах жанра, и мы с ужасом узнали, что этот парень никогда не читал Чамберса, не читал Ходжсона, не читал Джеймса, не читал Мейчена и имел лишь смутное представление о Лавкрафте. Последней каплей стало то, что мы перешли в более современную эпоху и малыш признался, что никогда не слышал о Карле Эдварде Вагнере.

Как только я убрал руки Дж. Ф. С его горла («Как ты можешь не знать, кто такой Карл Эдвард Вагнер?» — кричал он, пока душил его), мы отправили молодого писателя в путь и продолжали

ворчать об «Этих проклятых детях!» до конца дня.

Что касается самой истории, то идея пришла мне в голову, когда я прогуливался по Феллс-Пойнт в Балтиморе. В то время я всё ещё был шокирован тем, что парень никогда не читал Роберта У. Чамберса. Всё сошлось воедино и история вышла за один присест. Первоначально она была опубликована в одной из антологий Джона Пелана «Тёмная сторона» (Darkside) и была перепечатана в моём вышедшем из печати сборнике рассказов «Страх перед гравитацией» (Fear of Gravity).

Перевод: Грициан Андреев

Рон Шифлет.
Жёлтый цвет завтрашнего дня

Ron Shiflet. "Yellow Is the Color of Tomorrow", 2004

События, что привели меня к гибели, начались довольно обыденным и скучным осенним днём 1925 года. День выдался не по сезону жарким, но не слишком. Первую его половину я провёл в клубе, читая утренние газеты и оживлённо беседуя с парой постоянных членов. Мы обсудили снижение всеобщего оптимизма в стране после убийства преемника президента Уинтропа итальянским анархистом, а также растущую напряжённость в отношениях между молодым негритянским штатом Суани и республикой. Тёмные тучи нависли над нацией, которая всего несколько лет назад пребывала в эйфории благодаря вдохновляющему руководству таких политических деятелей, как президент Уинтроп и его избранный преемник Ричард Торндайк.

Обсуждение этих тем привело меня в подавленное расположение духа, поэтому из соображений

сохранения душевного здоровья я решил развеяться и просмотреть запасы книготорговца Рубена Ротштейна. Я регулярно посещал его магазин в надежде приобрести какое-нибудь лёгкое чтиво, чтобы поднять себе настроение. Покинув клуб, я пошёл пешком и вскоре оказался на южной стороне Вашингтон-сквер, в непосредственной близости от государственного Зала упокоения. Я медленно приблизился к позолоченным железным перилам, которые окружали небольшое белое здание смерти, но мне совершенно не хотелось прикасаться к ним. Прекрасные сады, цветы и фонтаны, окружавшие здание в строгом классическом стиле, мало чем могли смягчить моё отвращение к тому, что такое место вообще существует в городе. В то время я наивно считал жизнь священным даром и факт того, что мои налоги шли на разрешённое правительством самоубийство, вызывал моё негодование. Я немного успокоился, увидев мраморную скульптурную группу «Фатум» Бориса

Иврэйна[20], расположенную перед блестящей бронзовой дверью обманчиво безобидного здания.

Это место только усугубило моё мрачное настроение, и потому я поспешил дальше по тротуару до Вустер-стрит. Повернув на север, я направился в район города, известный своим обилием галерей, магазинов и книготорговцев. К счастью, теперь я находился в старой части города, где улицы были слишком узки, чтобы вместить презренные самоходные экипажи, становившиеся всё более популярными. Этот вид транспорта не приносил никакой пользы, только портил воздух, вызывая жжение в глазах и носу, и усиливал общий шум города, который, казалось, становился всё более беспорядочным.

Пребывание в этой части города немного поднято моё настроение. Я неторопливо прогуливался мимо антикварных, ювелирных и бакалейных лавок, пока, наконец, не добрался до магазина Ротштейна. Не торопясь, я разглядывал книги на

[20] Примечания: 20

Борис Ивэйн (Boris Yvain) — молодой скульптор русско-французского происхождения, персонаж рассказа Роберта Чамберса «Маска» (англ. "The Mask") из сборника «Король в Жёлтом» (англ. "The King in Yellow", 1895). Неясно, изменил ли Шифлет его фамилию на Иврэйн (Yvrain) намеренно или это ошибка Питера Уорти, редактора сборника «Репетиции Забвения, Акт I» (англ. "Rehearsals for Oblivion, Act I", 2006), в котором публиковался рассказ.

его витрине. Большую часть из того, что можно было увидеть с улицы, представляли обычные любовные и исторические романы, пользовавшиеся большой популярностью. Признаюсь, в своё время я прочёл несколько подобных книг, но сейчас искал что-то совершенно другое. Удовольствие, получаемое от таких визитов, отчасти заключалось в том, что нельзя было знать заранее, какую книгу в конечном итоге я здесь куплю.

Сняв шляпу перед симпатичной женщиной с ребёнком, я вошёл в магазин под вывеской «РУБЕН РОТШТЕЙН — КНИГОТОРГОВЕЦ». Мелодичный звон колокольчика над дверью незамедлительно привлёк внимание владельца, который деловито распаковывал коробку с книгами, очевидно, доставленную ранее утром. Узнав меня, он оставил своё занятие и вышел из-за стойки, чтобы поприветствовать с искренней улыбкой на старческом лице.

— А, мистер Холлистер! Я не ожидал, что вы вернётесь так скоро.

Улыбнувшись в ответ, я произнёс:

— Боюсь, сегодня у меня плохое настроение, старина, но посещение вашего магазина всегда действует на него самым благоприятным об-

разом.

— Да, — весело ответил он, — книги могут творить настоящие чудеса с душой человека.

— Книги и беседа с человеком острого ума, — ответил я, расстёгивая пальто.

Мистер Ротштейн, казалось, был чрезвычайно рад встрече и указал на большой стол в центре магазина. Уставленный всеми популярными в настоящее время изданиями, стол был расположен таким образом, чтобы привлекать внимание входивших в магазин покупателей. Романы, сборники рассказов и множество научно-популярных книг. У мистера Ротштейна был большой выбор литературы, но я не мог не заметить, что он заказывал лишь один или два экземпляра каждой книги. Он никогда не говорил об этом, но я знал, что он едва держится на плаву. С тех пор как правительство приняло закон об ограничении миграции родившихся за границей евреев, что было опрометчивым актом самосохранения, времена для мистера Ротштейна и других представителей его веры становились всё более трудными. Новая эра нетерпимости поднимала свою уродливую голову, и у меня были серьёзные опасения по поводу будущего.

Звон дверного колокольчика отвлёк внима-

ние Ротштейна, возвестив о приходе ещё одного покупателя. Я же внимательно просмотрел выставленные на столе книги, но не нашёл ничего, что привлекло бы мой интерес. Напротив, присутствие книги Говарда Лавджоя «Герберт Истман: Воскреситель» вызвало у меня вздох недовольства. По непонятным мне причинам произведения этого новоанглийского автора пользовались огромной популярностью у читающей публики. Это во многом укрепило моё убеждение, что в последние годы у моих сограждан развилась нездоровая тяга ко всему болезненному и гротескному. Первый роман Лавджоя «Возлюбленные мертвеца»[21] стал сенсацией после выхода в свет, и каждое из его последующих произведений превосходило предыдущие по продажам и популярности. Однако я полагаю, что любое общество, способное с энтузиазмом принять идею создания в своей среде Зала упокоения, наверняка не побрезговало бы рассказами о гулях, некрофилии и зловредных существах из отдалённых уголков

[21] Примечания: 21

Говард Лавджой (Howard Lovejoy) и его произведения «Герберт Истман: Воскреситель» (англ. "Herbert Eastman: Resurrectionist") и «Возлюбленные мертвеца» (англ. "The Beloved Dead") — очевидная пародия на Говарда Лавкрафта, уроженца новоанглийского Провиденса, и его произведения «Герберт Уэст — реаниматор» (англ. "Herbert West — Reanimator", 1922) и «Возлюбленные мертвецы» (англ. "The Loved Dead"), написанное в соавторстве с К. М. Эдди-мл. в 1923 году.

космоса. Из-за своих размышлений я не заметил возвращения Ротштейна, и с некоторым замешательством переспросил заданный им вопрос.

— Не нужно извиняться, дружище, — сказал он добродушно. — Вы не нашли здесь ничего, что могло бы вас заинтересовать?

Прежде чем я успел ответить, он предложил мне пройти за прилавок и просмотреть несколько коробок с подержанными книгами, которые он недавно приобрёл у вдовы своего старого знакомого, оказавшейся в затруднительном финансовом положении.

— Я не хотел брать у неё книги Сэмюеля, — сказал он с грустью. — Однако она гордая женщина и не примет подачек.

Я понимающе кивнул в ответ.

— Может быть, вы найдёте здесь что-нибудь интересное? — спросил он.

Ротштейн тоже был человеком, не желавшим принимать подачек, и я уверен, что он заплатил вдове больше, чем стоили эти книги, а потому я сразу же решил проявить к ним интерес и купить как можно больше, не делая свои мотивы слишком очевидными. Ротштейн направился к кассе, чтобы помочь другому покупателю, а я начал рыться в коробках, в конце концов,

остановившись на пяти биографиях и одном художественном произведении. Ни один из томов не представлял для меня особого интереса, за исключением романа «Жёлтый цвет завтрашнего дня», явно фантастического, автором которого являлся покойный Генри Литтон Уодделл. Прочитав две предыдущие книги Уодделла, я был очень впечатлён его неподражаемым стилем и удивительно живым воображением. Быть может я, наконец, отыскал средство от своего мрачного настроения.

Когда Ротштейн вернулся, закончив с покупателем, я выложил стопку выбранных книг перед ним на прилавок. Он взглянул на них в приятном удивлении.

— Рад, что вы не уйдёте из моего магазина с пустыми руками, — заметил он.

— Кажется, я нашёл несколько любопытных вещей, — ответил я.

Пожилой книготорговец протёр очки чистым носовым платком и начал подсчитывать стоимость покупки. Он на мгновение остановился, держа книгу Уодделла в дрожащей руке.

— Прекрасный писатель, — сказал он. — Хотя я не знаком с этой его работой.

— Я тоже, — заметил я, — но другие его произ-

ведения весьма интересны.

— Очень, жаль, — сказал Ротштейн, медленно покачав головой.

— О чём вы? — Переспросил я, не понимая, что имеет в виду старик.

— Такой многообещающий молодой автор, и окончил свои дни в сумасшедшем доме, крича о бледных масках и жёлтых лохмотьях. Интересно, что, во имя всего святого, значила вся эта чепуха?

— Понятия не имею, — сказал я, недоумённо пожав плечами.

Я заплатил Ротштейну за книги и пообещал вскоре вернуться. Он попрощался со мной, когда я вышел из магазина и направился в небольшой офис на Тессье-стрит, именно здесь я чаще всего рисовал свои карикатуры, которые регулярно появлялись в таких журналах, как "Truth" и "The Saturday Evening Post".

Я провёл в своём офисе всего пару часов, потратив время и силы на карикатуру, в публикации которой, наверняка, отказали бы многие издания, где чаще всего печатались мои работы. Она называлась «Ужас в Провиденсе» и была вдохновлена моим отвращением к новой книге Лавджоя, которую я увидел в магазине Ротштей-

на. На ней в карикатурном виде был изображён Лавджой, душащий красивую молодую девушку, олицетворяющую «хороший вкус». Это действо совершалось в свете полной луны на церковном кладбище, изобилующем склепами и надгробиями. Две центральные фигуры были окружены группой гротескных созданий, представляющих современное поколение литературных критиков, и все они призывали Лавджоя к ещё более порочным действиям. Закончив набросок, я почувствовал лёгкое раздражение на самого себя за потраченное впустую время, хотя, признаюсь, это дало желанный выход моим неприязненным чувствам к работам популярного писаки.

Немного прибравшись, я вышел из своего кабинета и спустился на лифте в вестибюль здания. На выходе, мне посчастливилось поймать одну из конных повозок, которые всё ещё ездили по улицам города, и отправился домой. Кучер, крупный молчаливый парень с неприятным лицом желтушного цвета, не был расположен к разговорам, поэтому моя поездка прошла в тишине и покое. Вскоре повозка остановилась перед коваными воротами моего дома. Я заплатил кучеру за проезд и дал щедрые чаевые. Он уехал, но прежде произнёс несколько странных слов:

— У тебя есть Жёлтый Знак.

Я понятия не имел, что, чёрт возьми, это значило. Скорее всего, бедняга на протяжении дня не раз прикладывался к бутылке и к вечеру хорошо набрался.

Открыв ворота, я поднялся по цементным ступеням к парадному крыльцу, и вошёл в пустой дом. Экономка уже ушла, но оставила для меня лёгкий ужин. Я снял пальто, повесил его на вешалку возле двери и направился на кухню, чтобы поскорее расправиться с едой. Я не видел необходимости пользоваться столовой, поскольку всегда ужинал в одиночестве.

Покончив с трапезой, я удалился в свой кабинет, чтобы расслабиться за бокалом бренди и хорошей сигарой. Достаточно отдохнув, я решил изучить книги, которые купил у Ротштейна. Биографии принадлежали второстепенным политическим деятелям и второсортным композиторам. Они не представляли для меня особого интереса, но книга Уодделла была совсем другим делом. Сравнительно небольшой томик оказался вовсе не романом, как я предполагал, а произведением, которое вскоре окажет самое глубокое и трагическое влияние на всё моё существование. Впрочем, я забегаю вперёд.

Книга Уодделла не имела суперобложки, но это не было чем-то необычным для подержанной книги. Однако меня несколько смутил неприглядный вид её жёлтого переплёта. Название «Жёлтый цвет завтрашнего дня» было тиснено золотом над именем автора, а под ним напечатан странный символ, похожий на свастику, распространённую в древнеиндийском мистицизме. «Как любопытно», — подумал я, открывая книгу.

На титульном листе значилось, что книга выпущена ограниченным тиражом в издательстве Carcosa Press, с которым я не был знаком. Как ни странно, там не было указано ни даты первой публикации, ни почтового адреса издателя. Это сбивало с толку, поскольку большинство работ Генри Литтона Уоддела, хотя и в жанре фэнтези, были довольно популярны и обычно публиковались крупными издательствами. Под заголовком шли две причудливые строки:

«Не задерживай взгляд на Бледной Маске,
Или Жёлтом Короле, но моли о пощаде.»

Это двустишие, пусть и плохо написанное, вызвало чувство тревоги, которому я не мог дать рационального объяснения. Было что-то чертовски тревожное в словах «Жёлтый Король» и «Бледная Маска», которые эхом отдавались в

моей памяти, но оставались вне досягаемости, как имя знакомого, которое вертится на кончике языка, но никак не приходит на ум.

Отложив книгу, я на мгновение задержал взгляд на круживших над моей головой клубах сигарного дыма. Затушив сигару в квадратной мраморной пепельнице, я сделал последний глоток бренди, прежде чем погрузиться в чтение книги, которой было суждено безвозвратно изменить мой мир.

Представьте себе мой шок и ужас, когда прочитав первые несколько страниц, я обнаружил, что текст на них были не чем иным, как полным описанием моих дневных дел и мыслей до этого самого момента. «Что за безумие?» — бормотал я себе под нос, пока мой разум лихорадочно искал логическое объяснение происходящему. Я снова перечитал страницы книги, почти уверенный, что всего несколько мгновений назад мне всё приснилось. Однако текст невероятным образом всё также описывал мой визит в клуб, мысли о Зале упокоения, визит к Ротштейну, за которым последовало время, потраченное на карикатуру, высмеивающую Лавджоя, и, наконец, поездку домой. То, что подобное вообще возможно, было выше моего понимания. Я хватался за соломинку,

полагая, что за этим невероятным абсурдом стоит сам Ротштейн. И только безумие или какая-нибудь шутка вселенной могли бы служить более разумным объяснением.

Трясущимися руками я положил проклятую книгу на столик рядом с креслом. Затем налил себе ещё один бокал бренди в тщетной попытке успокоить разыгравшиеся нервы. Собравшись с духом, я снова открыл книгу и продолжил читать.

Наконец я понял, что угодил в настоящую адскую бездну. То, что я прочитал, было печально известной двухактной пьесой под названием «Король в Жёлтом», запрещаемой и уничтожаемой в большинстве цивилизованных стран мира. Каким-то неведомым образом она попала в мои неосторожные руки, и я, как глупец, прочёл её кощунственные истины, погубившие души и умы многих несчастных мужчин и женщин. Кто-то однажды сказал, что в словах пьесы «кроется сущность чистейшего яда». Эта гнусная работа приоткрыла завесу над истинами и материями, знать которые мне было невыносимо. Закрыв проклятую книгу, я пил бренди, пока не погрузился в блаженное забытьё.

Мой беспокойный сон был наполнен самыми

отвратительными и нечестивыми кошмарами. В них я уносился за пределы Чёрных звёзд, что сияют в небе над Каркозой, пока, в конце концов, не оказался в Хастуре, недалеко от берегов Хали. Находясь в этом городе зла, я стал свидетелем самых невероятных деяний, когда его жители с радостью и жестокостью причиняли друг другу физические и психические страдания самого отвратительного характера.

Из Хастура я перенёсся в место под названием Итхилл[22], обитель легендарного Короля в Жёлтом. Я отчётливо помню, как стоял на коленях перед величественным троном, а существо в жёлтых изорванных одеяниях зловеще возвышалось надо мной. Из-за страха я не мог ясно разглядеть его лицо, но от этой внушающей ужас фигуры исходили столь мощные волны злобы, что я уподобился кролику во власти удава.

---

[22] Примечания: 22

У Чамберса Ихтилл (Yhtill) упоминается в неясном значении, однако последующие авторы использовали его как имя или топоним, связанный с Каркозой, Хастуром и Королём в Жёлтом. Неясно, изменил ли Шифлет написание на Итхилл (Ythill) намеренно или это также ошибка редактора.

— Взгляни же на Бога живого[23] и трепещи, — произнёс он голосом, не похожим ни на один человеческий.

Изо всех сил я попытался вымолвить хоть слово, но замолчал, когда король в шёлковых одеяниях заговорил снова.

— Ты существуешь и перестанешь существовать по моей царственной прихоти. Поди же прочь, но знай, что жёлтый — это цвет завтрашнего дня.

Я кричал, подобно истеричной женщине, пока не проснулся и обнаружил, что снова нахожусь в кабинете. Однако произошли ужасные перемены. Теперь на мне был забрызганный кровью жёлтый халат, казалось, изрезанный в лохмотья острой бритвой, а лицо закрывала дешёвая маска из папье-маше в виде черепа, вроде тех, что надевают дети на Хэллоуин. Отбросив маску в сторону, я принялся искать книгу. Она лежала раскрытой на восточном ковре, покрывавшем большую часть пола. Паника охватила меня, ведь я знал, что причина моего нынешнего состояния

---

[23] Примечания: 23

Фраза отсылает к словам Короля в Жёлтом в финале рассказа Чамберса «Во Дворе Дракона» (англ. "In the Court of the Dragon"): «Страшно впасть в руки Бога живого!» Это строка из библейского «Послания к евреям» (10:31).

кроется на её отвратительных страницах.

Боже, я молился о том, чтобы ошибаться, но знал, что найду в ней ответы, которых боялся больше всего. Трясущимися руками я схватил книгу, оставив следы крови на отвратительном жёлтом переплёте.

Я читал и плакал от открывшегося мне.

На страницах книги было описано то, как я вернулся к Ротштейну в состоянии алкогольного опьянения. Как пробрался в магазин и тихо поднялся по покрытой ковром лестнице, ведущей в жилые помещения над магазином. Во всех подробностях в книге описывалось, как я выбил дверь и изрезал Ротштейна на куски, когда он неуклюже поднялся с кровати с выражением ужаса на лице, едва понимая, что вот-вот умрёт.

Я рыдал, как ребёнок, читая злые слова, красноречиво описывавшие выражение боли и недоверия, отразившиеся на лице Ротштейна, когда сброшенная бледная маска открыла личность напавшего на него злодея.

— Холлистер, дружище… почему? — были последние слова, которые он произнёс.

Мне не нужно было читать дальше. Я уже знал, что совершив это ужасное деяние, незамеченный, я каким-то образом вернулся домой, оставив

за собой труп Ротштейна и кровавый след.

Сейчас 4:12 утра, и нечестивая книга на полу, без сомнения, расскажет о том, как я умылся и переоделся, готовясь отправиться в Зал упокоения. Теперь я смотрю на это, ранее презираемое мной место, как на путь к избавлению от поглотивших меня боли и безумия. Я встретил живого Бога и теперь знаю, что уготовано человечеству.

Жёлтый — цвет завтрашнего дня, но для меня это не будет иметь значения. Как только я доберусь до Вашингтон-сквер, то распахну позолоченные бронзовые ворота и пройду по садовым дорожкам, пока не достигну белого здания с шестью ионическими колоннами. Я войду в его бронзовую дверь и покончу с собой. Но я молюсь лишь об одном, чтобы моя душа каким-то образом ускользнула от Короля в Жёлтом.

Перевод: Алексей Лотерман

Марк Маклафлин.
Кот с детской рукой[32]

Mark McLaughlin. "Cat with the Hand of a Child", 2006

Я любил Миранду и люблю её до сих пор. Но она уехала из моего дома после семнадцати лет совместной жизни, потому что хотела быть независимой. Поступив так, она оставила меня в полном одиночестве. Во всяком случае, у меня не было никого значимого: несколько знакомых, коллег и других людей, с которыми приходилось вести дела, своей же угрюмой, жестокой семьи я старался избегать… Небогатая жизнь, не полная.

Через неделю после того, как Миранда ушла от меня, она вернулась в слезах, но лишь для того, чтобы отдать мне то, что не могла сохранить. Это

---

[32] Примечания: 32

Рассказ Марка Маклафлина «Кот с детской рукой» (англ. "Cat with the Hand of a Child") опубликован в антологии «Репетиции Забвения, Акт I» (англ. "Rehearsals for Oblivion, Act I") 2006 года под редакцией Питера Уорти. В 2001 году режиссёр и аниматор Роберт Морган снял короткометражный фильм «Кот с человеческими руками» (англ. "The Cat with Hands"), который, возможно, отчасти вдохновил Маклафлина на атмосферу и отдельные образы рассказа. Примечание переводчика Алексея Лотермана.

был маленький тёмно-серый котёнок. Она взяла его из жалости, потому что правая передняя лапа котёнка была деформирована — на ней не было шерсти, а розовую кожу покрывали небольшие сероватые пятна, пальцы же были слишком длинными, а когти плоскими и блестящими, почти как человеческие. Жуткое зрелище.

Подруга, работавшая в приюте для животных, рассказала ей о бедняжке, однако котёнок оказался шумным и его постоянное мяуканье не давало Миранде спать по ночам, поэтому однажды она постучала в мою дверь, держа в руках картонную коробку с ним. Она не хотела возвращать его в приют, поскольку боялась, что никто другой не возьмёт такого котёнка и тогда его усыпят. Миранда знала, что я тоже не хотел бы, чтобы он погиб, особенно с такой интересной лапой. Кроме того, мой дом был больше, чем её квартира, а потому она посчитала, что его шум не будет меня беспокоить.

Я люблю кошек, хотя у меня лёгкая аллергия на них, поэтому я освободил одну комнату в своём доме, разбросал там несколько подушек, одеял, больших коробок и веток, превратив её в кошачью комнату. Таким образом, вся шерсть должна была оставаться только в ней. Коробки

же и ветки предназначались для игр, котёнок мог лазить по ним или прятаться внутри. Это была просторная комната со шкафом в одном углу, в котором находился жёлоб для белья, ведущий в подвал. Я держал его дверь закрытой, так как не хотел, чтобы бедняга свалился туда и разбился насмерть.

Я оставлял котёнка в его комнате, пока был на работе, а когда приходил домой, то выпускал на закрытую веранду, где играл с ним по часу каждый день. Мне потребовалось некоторое время, чтобы придумать для котёнка хорошее имя, пока, наконец, не остановил свой выбор на Перчатке. Цвет и текстура кожи его странной лапы напомнили мне пару старых замшевых перчаток, которые я когда-то потерял.

Когда Перчатка подрос, его деформированная лапа ещё больше стала напоминать маленькую руку, изящную, как у ребёнка. Иногда он даже использовал её как настоящую руку, обхватывая свои игрушки, словно желая их поднять, но её хватка была недостаточно сильной для этого.

Однажды дождливым вечером я заметил, что Перчатка перестал возиться со своей маленькой игрушечной мышкой и сидит на подоконнике. Он глядел в сторону улицы, спускавшейся по

склону холма напротив моего дома.

Медленно подняв свою деформированную лапу, Перчатка указал самым длинным пальцем на кого-то на автобусной остановке на углу улицы. Человек лежал на земле и на мгновение я подумал, что ему плохо или, возможно даже, он мёртв. Но затем он быстро вскочил на ноги.

— Кто это? Твой старый друг? — спросил я Перчатку. Конечно, я не ожидал ответа, хотя был очень удивлён его поведением, поскольку оно казалось таким похожим на человеческое.

Кот посмотрел на меня своими золотистыми глазами, а затем, продолжая указывать в окно, перевёл взгляд на фигуру на автобусной остановке, повернувшуюся к нам. Это был очень бледный мужчина, молодой, одетый во всё чёрное, стоявший под дождём без зонта. Мокрые пряди его длинных чёрных волос прилипли к лицу, он выглядел ужасно, словно утопленник. Подъехал автобус и открыл двери. Спотыкаясь, человек направился к нему, казалось, что-то не так было в его движениях. Он запрыгнул внутрь и двери с грохотом захлопнулись за ним.

Перчатка опустил лапу, спрыгнул на пол и продолжил играть со своей мышкой.

Позже я позвонил Миранде, чтобы рассказать

ей о случившемся. Мы с ней всё ещё время от времени разговаривали по телефону, а иногда обедали в нашем любимом кафе или ходили в кино.

— Он может указывать своей лапой, совсем как человек? — спросила она. — Жаль, что я этого не видела. Так на кого же он указывал?

— О, я не знаю. На какого-то идиота, слишком глупого, чтобы купить зонтик. Ты должна как-нибудь навестить нас и посмотреть, насколько вырос Перчатка. Эта его забавная лапа так похожа на руку. Завтра суббота, ты могла бы зайти около полудня. Я приготовлю обед.

— Завтра не получится, я собираюсь на гаражную распродажу, — она сделала паузу, а затем продолжила. — Я знаю, что ты не в восторге от всякого старья, но ты мог бы пойти со мной. Возможно, у них найдутся какие-нибудь старые книги.

— Конечно, я пойду. У меня больше ничего не запланировано.

Затем она сказала, что заедет за мной завтра утром.

Жаль, что я не отказался, но тогда я не мог знать, что произойдёт на распродаже. В конце концов, полагаю, мне было суждено попасть туда,

купить старый сосновый ящик, наполненный пыльными, потрёпанными книгами в твёрдом переплёте и отыскать «Короля в Жёлтом».

Миранда была удивлена, что я потратил так много денег на ящик, даже не просмотрев все книги в нём. Она же не купила на распродаже ничего.

С тех пор я понял, что «Король в Жёлтом», это совершенно особенная книга. На самом деле, это даже не книга, или, по крайней мере, не просто книга. В каком-то смысле она живая, точно так же, как жива Земля… кишащая паразитами. Возможно, книга сама выбирает, кому она будет принадлежать. Это многое бы объяснило.

На обратном пути с распродажи я сел на заднее сиденье машины Миранды, куда мы поставили ящик. Мне хотелось посмотреть книги, пока она вела машину.

— Знаешь, я кое-что понял, — сказал я, копаясь в ящике, — ведь я даже не знаю, чья это была распродажа. — Я взглянул на Миранду в зеркало заднего вида, она была сосредоточена на дороге, поэтому не знала, что я смотрю на неё. В тот день она выглядела особенно милой: её оливковая кожа, обычно немного желтоватая, приобрела золотисто — коричневый оттенок, похожий на

загар.

— Какого-то мёртвого богача, — сказала она. — Его звали Килбейн, он погиб в автомобильной аварии. Слышала, что он врезался прямо в дерево — предположительно самоубийство. Я несколько минут разговаривала с его вдовой и она явно не в порядке.

— Эмоционально или финансово? — спросил я, продолжая перебирать книги. Некоторые из них оказались на французском, немецком и испанском. Я не знал ни одного из этих языков, а потому решил, что отдам их в какую-нибудь библиотеку.

— Она всё отрицает, — Миранда вздохнула, как мне показалось, с жалостью. — И считает, что её муж не умер, а отправился в какое-то место под названием Каркоза. — Никогда о таком не слышал, звучит как название острова. — В этот момент я поднял порванный, наполовину сгоревший экземпляр Библии и обнаружил прямо под ним «Короля в Жёлтом».

Миранда остановилась на красный свет.

— Почему этот парень мокрый? — вдруг сказала она.

— Кто мокрый, где? — спросил я, и, посмотрев на угол улицы, мельком увидел кого-то худого и

бледного, со слипшимися прядями чёрных волос. Люди старались держаться от него подальше, хотя с такого расстояния я не мог понять почему. Внезапно он запрыгнул в автобус и двери захлопнулись за ним.

Светофор загорелся зелёным и Миранда поехала дальше. Я не сказал ей, что этот человек показался мне знакомым.

«Король в Жёлтом» был запачкан, как будто кто-то уронил его в грязь, или же… закопал.

— Этот Килбейн плохо заботился о своих книгах, — сказал я. — Большинство из них в ужасном состоянии. Кто знает, быть может, среди них есть какие-то давно потерянные редкости.

— Ты совсем не изменился, — сказала Миранда. — Всегда ищешь какие-нибудь странные редкости. Помнишь ту большую коробку со всяким хламом, которую ты купил на гаражной распродаже пару лет назад?

— Это была удачная покупка, на дне оказалось несколько красивых серебряных ложек. — Разговор о редкостях навёл меня на мысль о Перчатке. — Кстати, о необычных вещах, ты не хотела бы навестить Перчатку? Тебе ведь всё равно придётся подбросить меня до дома.

— Конечно, почему бы и нет? — Миранда оста-

новилась на ещё одном светофоре. — Почему этот парень был таким мокрым? Дождя ведь нет, что с ним случилось? Я не могу перестать думать об этом.

— Должно быть просто какой-то чудак, — ответил я, взял «Короля в Жёлтом» и попытался открыть его, но большинство страниц слиплись.

Когда мы приехали ко мне домой, я приготовил чай для Миранды и кофе для себя. Она была впечатлена тем, как вырос Перчатка и согласилась, что теперь его лапа ещё больше похожа на руку.

— Словно рука маленького ребёнка, — сказала она. — Странного маленького ребёнка с забавной кожей.

Я положил «Короля в Жёлтом» на телевизор. Увидев это, Миранда убрала его.

— Книга вся в грязи, она запачкает телевизор и попадёт в вентиляционные отверстия.

— Вентиляционные отверстия? — я внимательно посмотрел на телевизор. — Так вот для чего они нужны. Это те вещи, которые ты видишь каждый день, но даже не знаешь, для чего они.

— Да, думаю, они служат для охлаждения электроники внутри. — Миранда с книгой отправилась в ванную, а затем я услышал плеск воды в раковине.

— Что ты делаешь? — поинтересовался я. — Ты ведь не собралась мыть книгу, не так ли?

— Ну, да. Она ведь всё равно испорчена, так что я не причиню ей большего вреда, — ответила Миранда, перекрикивая шум воды. Но я слышал и другой звук, похожий на громкий шум двигателя автобуса где-то снаружи.

Я уже собирался взглянуть, чем она занята, когда заметил, что Перчатка запрыгнул на подоконник. Он поднял свою лапу и указал в окно, тогда я повернул голову и увидел… Человек стоял прямо за окном, его чёрные волосы мокрыми прядями прилипли к бледному, как мел, лицу, а глаза были жёлтыми, как яичные желтки или гной. Он улыбнулся, обнажив полный рот сломанных, гнилых зубов. Небо позади него заволокла тень. Затем его бледные губы начали двигаться и слова срывались с них, устремляясь прямо в мой мозг:

— Пришло время посетить Каркозу. Прекрасную Каркозу.

Затем я почувствовал руку на своём плече и на мгновение подумал, что она принадлежит Перчатке, но это была рука Миранды. В другой руке она держала книгу. Мокрые страницы обмахивали нас, словно крылья отвратительно раздутой бабочки.

— Это пьеса, — сказала она. — Прекрасная пьеса.

Комната стала медленно наполняться туманом — сырым и густым туманом, что клубится над озером Хали, которого я никогда не видел, но знал о его существовании, ибо тот, кто носит жёлтые лохмотья, любит прогуливаться по его берегу, наблюдая, как вязкие зелёные воды бьются о скалы и кости. Я услышал тихий скрип сетчатой двери на крыльце, а затем громкий скрип входной двери.

Слова Миранды смешивались со словами мокрого человека, так что я не мог понять, кто из них говорит:

— Пришло время пьесы. Посмотри эту прекрасную пьесу. Время для пьесы в Каркозе. Время пьесы о Каркозе. Пришло время пьесы в Каркозе. Прекрасная Каркоза. Прекрасная пьеса.

Небогатая жизнь, не полная. Это всё, что нужно знать обо мне. Перчатка вышел из комнаты и я последовал за ним, что ещё мне оставалось делать? Возможно, он искал Короля — кот может видеть Короля.

Я последовал за ним в кошачью комнату, а Миранда и мокрый человек тащились следом, болтая без умолку и заканчивая предложения

друг за друга. Путь до комнаты казался невероятно долгим-мой дом не такой большой, но из-за тумана он был просто бесконечным. К тому времени, как мы добрались до железной двери комнаты, два болтуна довели свой диалог до совершенства, словно актёры, репетирующие реплики из пьесы. Я думаю, что им требовалось извлекать слова из бездны, гораздо более глубокой, чем память.

Скрип металлической двери отозвался громогласным эхом и кошачья комната раскинулась передо мной, столь же просторная, как бальный зал. Стены были задрапированы красными и чёрными портьерами с жёлтыми символами.

Внезапно я заметил фигуру, стоявшую в дверном проёме. Это был стройный мужчина, одетый в тёмно-серый бархат. Его золотистые глаза пылали в глубине глазниц, а лицо казалось очень большим и угловатым.

— Осторожнее, Перчатка, — сказал я. — В шкафу позади тебя есть жёлоб для белья. Я не хочу, чтобы ты туда свалился.

Изящной серой рукой мужчина открыл дверь шкафа, а затем Миранда и мокрый человек, всё ещё произнося слова ядовитой красоты, схватили меня и швырнули в жёлоб.

Я падал, падал и падал сквозь туман… прекрасный туман… пока совсем не промок. Я падал так долго, что мои волосы превратились в густые, слипшиеся пряди. А затем я погрузился в сон, наполненный сценами из бесконечной пьесы, действие которой происходило в стране без надежды. Наконец наступил антракт и я очнулся не в вестибюле театра, а лёжа на тротуаре. Я вскочил на ноги, когда подъехал автобус. Краем глаза увидел сидящее на подоконнике маленькое серое существо, указывающее на меня. Или оно было какого-то желтовато — серого оттенка?.. На самом деле весь мир теперь, казалось, стал жёлтым. Затем двери автобуса распахнулись и водитель поманил меня, с его руки свисали жёлтые лохмотья.

Небогатая жизнь, не полная. Но это лучше, чем вообще ничего.

Я запрыгнул внутрь и двери с грохотом захлопнулись за мной.

Перевод: Алексей Лотерман

Уилл Мюррей. Пурпурный Император[33]

Will Murray. "The Purple Emperor", 2006

Я отрабатывал свою смену с полудня до полуночи в телефонной комнате, консультируя женщину из Флориды, главной проблемой которой было её здоровье. Когда я просматривал расклад из шести карт Таро, выложенных веером на зелёной мраморной столешнице, у меня возникло смутное впечатление, указывавшее на её проблемы с глазами.

— У вас слабеет зрение, — сказал я.

— Вы правы, — ответила она. — Я как будто слепну, а мне всего 43 года.

— У вас также бывают головные боли. Не миг-

---

[33] Примечания: 33

Рассказ Уилла Мюррея «Пурпурный Император» (англ. "The Purple Emperor") опубликован в антологии «Репетиции Забвения, Акт I» (англ. "Rehearsals for Oblivion, Act I") 2006 года под редакцией Питера Уорти. Название восходит к одноимённому рассказу Роберта Чамберса из сборника «Тайна выбора» (англ. "The Mystery of Choice", 1897), где относится к редкому виду бабочек Apatura iris. В рассказе Мюррея один из персонажей носит имя Дом (Dom); во избежание путаницы в переводе использована более привычная для русского читателя полная форма имени — Доминик (Dominic). Примечание переводчика Алексея Лотермана.

рень, но столь же сильные, — я выложил ещё несколько карт, чтобы уточнить информацию.

— Да-да, они начались три недели назад, — вырвался из трубки её мягкий голос с южным акцентом.

— Возможно, головные боли вызваны напряжением глаз, — предположил я.

— Я никогда об этом не задумывалась!

— Обратитесь к окулисту, — посоветовал я, делая ещё один расклад. И замер. Глубоко вздохнув, я позволил образам наполнить моё сознание.

— У вас ещё что-то не в порядке с головой, — коротко сказал я. — Я чувствую, что это физиологическая проблема и довольно серьёзная.

— Что это? — в её голосе прозвучали нотки напряжения.

Я не хотел использовать слово «опухоль», это неизбежно приводило к вопросу о смерти. Руководство не позволяло нам предсказывать смерть и наказывало это нарушение увольнением. Поэтому я ответил:

— Я не уверен, быть может, проблема с сосудами, или… какое-то новообразование. Вам следует обратиться к специалисту.

— Конечно, я так и сделаю.

— Ваши пятнадцать минут истекли, — я пере-

шёл на более формальный тон голоса. — Спасибо, что позвонили в Салон Вирджинии Вестелл.

— О, я так рада, что позвонила вам. Большое спасибо.

Доминик ворвался в комнату как раз в тот момент, когда я отключил телефон и отложил в сторону наушники.

— Очень надеюсь, что эта женщина обратится к врачу, — предположил я. — У неё злокачественная опухоль, настолько опасная, что вызывает головные боли и проблемы со зрением.

— Почему ты просто не сказал ей об этом? — озадаченно спросил Доминик.

— Если меня уволят, я не смогу помочь другим людям, — пожал я плечами.

Я повернулся на своём стуле, наблюдая, как Доминик достаёт из спортивной сумки различные колоды Таро. В свои 22 года он был настолько полон энергии, что мог нарушить один из моих сеансов, просто зайдя в телефонную комнату. Будучи прирождённым экстрасенсом, он развивался не по дням, а по часам и первые опасные признаки раздутого эго уже проявлялись. Я видел свою задачу в том, чтобы удержать его от этого, слишком многие из нас погружались во тьму или безумие, а Доминику нравилось балансировать

на грани. Он мог сорваться в любой момент и я надеялся направить его к свету.

Тяжело усевшись на стул, Доминик закурил. Телефонная комната быстро наполнилась сигаретным дымом и мне показалось, что в этом сероватом мареве я увидел какое-то движение…

— Эй, знаешь что? — спросил Доминик.

— Не заставляй меня гадать, — устало ответил я. — Я занимался этим весь день.

— Я пишу книгу, — он самодовольно ухмыльнулся. — Разве это не безумие? Я даже не окончил среднюю школу и вот пишу книгу.

Иногда я вижу духов, но никогда раньше не видел их рядом с Домиником. Казалось, они таились в дыму вокруг него. Я мельком заметил жёлтые лохмотья, лицо, похожее на костяную маску и что-то вроде тиары или короны.

— Как называется эта твоя книга? — небрежно спросил я.

— Я назвал её «Король в Жёлтом», в ней идёт речь о… — от его слов у меня по спине пробежал холодок.

— Это рассказ или пьеса? — резко спросил я.

— Полагаю, и то и другое. Прошлой ночью я вглядывался в своё чёрное зеркало и бах! Сюжет просто пришёл мне в голову, поэтому я начал

записывать его. — Доминик вытащил из спортивной сумки блокнот на пружине, что-то было нарисовано жёлтым на его бледной обложке.

— Я уже дошёл до 60-ти страниц, — добавил он с гордостью.

Фигура в дымке издала еле уловимый смешок и исчезла.

— Дай мне взглянуть, — попросил я.

— У меня странное чувство, что я не должен её никому показывать, пока она не будет закончена. — Доминик колебался.

Я сделал вид, что сосредоточил взгляд на мандале, вытатуированной на тыльной стороне моей правой руки. Доминик знал, что лучше всего я получаю информацию от этого пурпурного символа.

— Я вижу потусторонний пейзаж, — произнёс я нараспев. — Чёрные звёзды в ночном небе, похожие на глаза паука. Башни, обагрённые заревом двух заходящих солнц. И название «Каркоза».

— Ого, ты всё это видишь? Я должен сделать себе такую же татуировку. — Доминик улыбнулся, словно довольный ребёнок.

— Нет, — покачал я головой. — Я описываю декорации одной старинной пьесы под названием «Король в Жёлтом». Она была опубликована

более ста лет назад и вскоре после этого её запретили, а все копии конфисковали и уничтожили.

— Почему? — обычно отсутствующее выражение лица Доминика стало комично оскорблённым.

— Все, кто её читал, сходили с ума… или ещё хуже, — серьёзно объяснил я.

— Эй, а что в этом плохого? — Доминик издал глупый смешок.

— Ты выдаёшь свой возраст, Дом.

Доминик скорчил рожу, делая вид, что размышляет. Хотя, ему было совсем не свойственно о чём-то задумываться.

— Значит, я пишу книгу, которая подверглась цензуре? Может «Королю в Жёлтом» давно пора вернуться и встряхнуть тех узколобых болванов, что заслуживают этого?

— Дом, то, что ты делаешь, это помогаешь вернуться пьесе, которая вообще никогда не должна была быть написана. Я думаю, ты находишься под влиянием чего-то потустороннего.

— Я не ощущаю ничего такого.

— Ты никогда не писал книг, — заметил я, — и всё же одна из них появляется на свет без каких-либо усилий с твоей стороны.

— И что? В прошлом году я водил такси, а те-

перь умею читать карты Таро, — он коротко рассмеялся. — Эй, жизнь странная штука.

Доминик как обычно ничего не понимал. Будучи штатным медиумом, он провёл так много времени в альфа — состоянии, что впал в фокус — транс.

— Мне нужно тебе кое-что объяснить, — устало начал я. — Ты занят очень опасным делом.

— Я не чувствую никакой опасности. Я ведь экстрасенс, верно? Если бы была опасность, то я бы её почувствовал, следовательно, нет никаких проблем. Всё хорошо.

Доминик был Стрельцом, а это само по себе означало, что он не сможет увидеть даже того, что находится на виду. Но это было слишком важно, чтобы оставить без внимания.

Как раз в этот момент вошла хозяйка салона, размахивая жёлтой бумажкой:

— Женщина хочет узнать о своей прошлой жизни. Ты займёшься этим, Дом?

Доминик схватил свою колоду Феникса и направился к двери. У меня же зазвонил телефон, это был парикмахер Дэн, звонивший по средам в одно и то же время. Я внутренне съёжился, Дэн был одним из тех, кто *застрял*, для него никогда ничего не менялось и не изменится. Я мог бы

процитировать по памяти его старый расклад, сделанный прошлым летом и он бы даже не заметил разницы.

Я был занят весь день до самого вечера, консультируя своих постоянных клиентов. Помимо Дэна больше не было психических вампиров, способных вытянуть из меня все силы, так что эту смену можно было назвать спокойной.

Во время перерыва я проскользнул к столу для отдыха и взглянул на блокнот, оставленный Домиником. Холодок вновь пробежал по моей коже — чувство, которое я испытываю не так уж часто, а, как профессиональный медиум, обычно вызываю его у других. На белой, словно кость, обложке жёлтым флуоресцентным маркером был нарисован странный рунический символ. Никогда раньше я не видел этого загадочного знака, но он пробудил моё яснослышание и я различил тихий хриплый шёпот на краю сознания, повторявший два простых слова: «Жёлтый Знак».

Наверное, мне следовало сразу же сжечь блокнот Доминика, но всё происходит по какой-то причине, поэтому я оставил его там, где нашёл, не открывая.

Телефонные звонки поступали весь оставшийся вечер. Я как раз был занят консультацией

одной женщины из Вермонта по поводу её неудачного интернет-романа, когда в комнату вошёл Доминик, забрал свои карты и снова вышел. При этом он неуклюже отсалютовал мне, но я не стал прерываться, полагая, что разберусь с ним и ужасом, который он собирался обрушить на мир, позже.

Всю ночь, после возвращения домой, я пытался погрузиться в тета — состояние, но так и не смог перейти в дельта — сон. Я продолжал видеть этот проклятый желтоватый символ, говоривший со мной таинственным образом, не поддающимся описанию. «Вспомни… вспомни…» — повторял он. Что я должен был вспомнить? Я ничего не мог вспомнить. В конце концов, я задремал. Мой сон был беспокойным, но после пробуждения я не смог вспомнить никаких сновидений. Впрочем, это и к лучшему.

Следующий день выдался сущим адом. Ещё месяц назад Сатурн вошёл в созвездие Тельца и все астрологи предупреждали, что это приведёт к тому, что спокойную жизнь Тельцов ждут потрясения. И они, как обычно, оказались в полном тупике, что не сулило ничего хорошего. Телец — самый скептический, чрезвычайно упрямый и наименее интуитивный знак зодиака, а вместе с

тем самый трудный для консультаций. К концу смены я чувствовал себя совершенно без сил. Я так глубоко погрузился в альфа — состояние, что мой мозг превратился в то, что я в шутку называл сверх — альфой.

Мне удалось встретить Доминика до того, как он ушёл.

— Ты хоть немного подумал о том, что я сказал на днях?

— Не беспокойся об этом, — ответил он. — Всё хорошо.

Нет, всё было не хорошо. Доминик выглядел таким же бледным, как Фантом Истины, но абсолютно не осознавал этого. Всю жизнь ему приходилось усваивать уроки на собственном горьком опыте и это тоже никогда не изменится. Он был совершенно непробиваемым.

— С чего ты решил, что умнее правительства, которое десятилетиями разыскивало «Короля в Жёлтом» по частным библиотекам и аукционам, пытаясь стереть его с лица Земли?

— Да, что они там знают в правительстве? Они ведь запретили травку, не так ли, но что в ней плохого? Я всё время курю травку и мне это никогда не причиняло вреда.

Я мог бы указать на то, что травка превращает

его в бестолкового подростка, но он бы с этим тоже не согласился. Ко всему прочему у Доминика был вспыльчивый характер и лучше было урезонить этого большого идиота, чем взбесить.

— Я ухожу, — сказал он.

— Мы поговорим об этом позже, — ответил я, мой голос выражал усталость.

— Да-да, хорошо.

Когда Доминик уходил, я заметил, как в сероватом сигаретном мареве за ним следовало что-то жёлтое и изорванное…

В ту ночь я погрузился в медитативный транс, свеча с ароматом иланг — иланга наполнила мой кабинет экзотическим ароматом. Я сосредоточился на мандале, вытатуированной на правой руке — восточном узоре, обрамлявшем пурпурную бабочку, символе связи с моим духовным наставником, самым могущественным повелителем мира духов.

Я отличный ясновидящий, но слабый ясно-слышащий. Бабочка нашёптывала что-то в левую височную долю моего мозга, в эти врата яснослышания. Увы, всё, что я слышал, было неразборчивым бормотанием, состоявшим из гласных, которое словно предупреждало меня без слов. Возможно, в словах и не было необхо-

димости, я знал что такое «Король в Жёлтом» и слышал об этом всю свою жизнь. Легенда о нём обладала для меня странным притяжением, которое я никогда не мог объяснить.

Оторвав взгляд от бабочки, я сделал расклад на ситуацию. Результат был тревожным, карты говорили, что основа проблемы не в книге Доминика. Если она будет уничтожена, то канал всё равно останется открытым, в этом вся особенность, а в данном случае проблема, медиума. Книга уже была написана и Доминик служил всего лишь её проводником, слишком ослеплённый своим раздутым эго, чтобы понять, что он на самом деле ничего не писал сам, когда сидел и строчил, словно под диктовку.

Я выложил ещё три карты, ими оказались Шут, Смерть и Справедливость, и долго смотрел на них, стараясь не позволять своему левому полушарию мешать объективной интерпретации. Это был негативный расклад, мне не хотелось принимать его значение, но это была моя колода Рериха: карты, которые никогда не лгут.

В конце концов, я решил позволить событиям развиваться своим ходом, они не требовали моего вмешательства.

На следующий день Доминик сообщил, что

заболел. И на следующий тоже. Хозяйка салона волновалась, начинался напряжённый рождественский сезон и Салон Вирджинии Вестелл нуждался в каждом доступном медиуме, чтобы справиться с потоком клиентов, которым не терпелось узнать, что им принесёт наступающий год. Я же боялся, что Доминик уже довёл своё дело до конца.

Я вытянул две карты: Башня и Суд. Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять их значение. Я подавил дрожь, карта Башни напомнила мне о тех мрачных башнях, что высятся над озером Хали.

Той ночью я проезжал мимо дома Доминика. Стоявшую на подъездной дорожке машину покрывал двухдневный слой снега, но света в окнах дома не было и на стук в дверь никто не ответил. Я проверил заднюю дверь, крадучись вошёл внутрь и включил свет.

Доминик лежал на кровати, его голова была похожа на заделанный шпаклёвкой капот его старой машины. Она была окутана чем-то белым — голова мумии, завёрнутая в кокон, сплетённый могильными мотыльками. В своих неподвижных руках он сжимал блокнот с ярко светящимся жёлтым символом. Я бросил на него лишь один

взгляд, но увиденное поразило меня, как удар. Удар, пришедшийся в мою чакру солнечного сплетения.

И я вспомнил… Вспомнил, где видел Жёлтый Знак раньше. Всё это обрушилось на меня, как дурной сон. Тёплая волна сочувствия к бедному мёртвому Доминику захлестнула меня.

Я сжёг в камине блокнот с Жёлтым Знаком, медленно помешивая пепел, а потом ушёл, чтобы никогда больше не возвращаться.

Уходя, я услышал недовольный предсмертный хрип губительного духа — духа, состоявшего из чистой злобы. Но я не обратил на это никакого внимания, поскольку кармически давным-давно преодолел влияние таких бестелесных паразитов. Теперь я шёл по грязному полуночному снегу, озарённый чистым белым светом и на моей руке был знак абсолютной защиты в виде пурпурной бабочки.

На следующий день я ушёл из салона, навсегда оставив Фоксфилд позади. Это был просто этап. Кроме того, меня преследовало возникшее чувство вины — тихая, ноющая скорбь по несчастному Доминику, моей последней жертве.

Завеса забвения спала и я знал — прекрасно помнил, что в своей предыдущей жизни на Земле

я был слепым, безрассудным негодяем, который, сам того не желая, первым впустил «Короля в Жёлтом». Я понимал, что вернулся в эту жизнь, чтобы пресечь его ужасное возвращение.

До конца своих дней я буду переходить из одного салона Таро в другой, ища таких же Домиников в надежде уберечь их от «Короля в Жёлтом», такова моя миссия искупления. И, если мне это не удастся, то я должен буду спасти мир от его собственного беспросветного невежества.

Ибо в своей нынешней жизни я был предан Пурпурному Императору с крыльями бабочки, который вечно борется с Королём в Жёлтом, этим самозванцем в изорванных лохмотьях, за обладание Троном Времени и Пространства.

И мы вступали в астрологический цикл, в котором, как было предсказано, Король может свергнуть Императора…

Перевод: Алексей Лотерман

Линда Э. Рюкер.
Королева из жёлтых обоев

Lynda E. Rucker. "The Queen in the Yellow Wallpaper", 2013

Мы прибыли в Каркозу. Так, под влиянием фантазии, сестра моего жениха назвала этот дом, ещё когда была в порядке. Или мы так думали. Предполагаю, что и тогда она была… И в самом деле, какой она была? «На пути к безумию» звучит как-то излишне готично. В наши дни мы говорим «биполярное» или «депрессивное расстройство». Тогда это звучит как обычная болезнь, при которой достаточно надлежащего ухода, чтобы страдалец оказался на пути к исцелению. Однако то, что мучило Сару, было мало похоже на болезнь разума или тела. Скорее, недугом была поражена её душа. Но я не верю в душу. Чем больше я узнавала Сару за те двенадцать лет, что мы встречались с Адамом, тем больше мне казалось, что над ней нависла какая-то тень. Все остальные члены семьи, напротив, всегда были чрезвычайно беззаботны и веселы. Даже

досадно. Будто Сара несла на себе бремя печали за всех. Но судя по всему, это блуждающее сознание Сары, кажется, уже оказывает какое-то жуткое влияние на меня. Я, конечно, не учёный, но я имею серьёзное образование и мне совершенно несвойственно потворствовать подобным причудам. Сейчас здесь полночь. Я ужасно устала и нервничаю. В таком состоянии от меня не будет пользы ни Адаму, ни Саре.

В полночь моё воображение берёт верх надо мной. Мои страхи обретают форму и кожурой сползают с уродливых жёлтых обоев, которыми кто-то изуродовал стены. Эти существа крадутся по коридорам Каркозы. Они, словно эктоплазма, просачиваются в мои мысли и затуманивают мой разум.

Скорей бы наступило завтра и я снова почувствую себя нормальной.

* * *

Итак. Сперва о главном. Мы приехали сюда, я и Адам, чтобы присматривать за его старшей сестрой Сарой. Или, скорее, Адам приехал, чтобы присматривать за Сарой, а я потому… потому что я всегда следую за Адамом? Порой это звучит как нечто противоестественное. Я вовсе не

стремилась к такому положению. И всё же это именно так.

Это происходило постепенно, как всегда бывает. Сначала двое борются друг с другом за свои карьерные мечты, которые, как правило, не совпадают ни с практической, ни с географической точки зрения. За этим следуют бессонные ночи, слёзы и консультации с психологом, который настаивает на том, что ответственные люди из среднего класса никогда не разрушат свой брак, не попытавшись прийти к согласию. И в конце концов я согласилась на капитуляцию. Я что, сказала «капитуляцию»? Нет, конечно же, я имела в виду «компромисс». Из нас двоих, мои мечты были более неосуществимы, учитывая обстоятельства. Их нельзя назвать невозможными или нереальными. Именно неосуществимыми в современном мире, где двое современных людей хотят определённых вещей. Имеют ли в данном случае значение наши личные цели? В конце концов, я думаю, нет. Обычная история, которая каждый день случается с миллионами обычных пар. Адам победил, я проиграла, жизнь продолжается.

Но из-за этой капитуляции я стала зависимой от Адама. Не то чтобы совсем «зависимой», поэто-

му Адам бледнел каждый раз, когда я употребляла это слово. Он считал нас *взаимозависимыми*, неким подобием *симбиоза*, возможно, — неразрывно связанными. Хотя и «связанный» — не совсем точное определение, ведь оно предполагает двоих. Адам же решительно хотел, чтобы мы были единым целым. Ведь если мы едины, нет ни победителя, ни проигравшего.

Мне пришлось ещё раз пойти на капитуляцию в уже не столь значительном вопросе. Когда Адам получил отпуск по семейным обстоятельствам, я была вынуждена уволиться, чтобы приехать в Каркозу. Я не любила свою работу. Это было не то, чему я училась. Я даже не думала, что буду таким заниматься. Мой статус в офисе был чуть выше обычного секретаря на ресепшене. Все, кто окружал меня там, делали нечто более важное, чем я, и я довольствовалась этим. Это было моё.

О том, чтобы я осталась, не могло быть и речи. Мы должны были оставаться единым фронтом. Вот почему люди привязываются друг к другу. Так мы убеждаем себя, что не одиноки в темноте.

* * *

Для меня это странно, так как мы с Сарой никогда не были близки. И если совсем начистоту, мне

всегда было неуютно в её обществе. Она довольно экзальтирована, как свойственно нью-йоркским деятелям искусства. На самом деле, это то, кем она и является. Она драматург и, судя по всему, довольно неплохой. Я говорю «судя по всему», потому что сама очень далека от экспериментального и авангардного театра. Я была на паре представлений, поставленных по пьесам Сары и уходила оттуда растерянная и раздражённая. Одно представляло собой какую-то сказку о любовном треугольнике между женщиной (которую играла сама Сара), гномом и… должна признать, я даже не знаю, что это было. Не уверена, что человек. Кажется, они жили на краю обрыва. И этот обрыв что-то символизировал. Понимаете? Я понятия не имела, что мне показывают, но люди часто говорят о подобном: оно «даёт пищу для размышлений». Один из рецензентов сказал, что эта пьеса «изобрела, а затем разбила новые парадигмы», что бы это ни значило.

А теперь Сара работает над другой пьесой. За работой она проводит бо́льшую часть времени каждый день, забившись в свою комнату, как в нору. Не уверена, что это пойдёт ей на пользу. Мне кажется, что это лишь питает её депрессии, или как ещё назвать то, что мучает её, но Адам

говорит, это прекрасно, что у неё есть занятие.

У Сары суровые черты лица, стрижка под пажа и она очень редко улыбается. Она по-своему привлекательна. Как огранённый и дорогой бриллиант, который весь сияет, но имеет острые углы.

Со слов Адама, она всегда страдала депрессией и вспышками гнева, но никогда они не казались столь неуправляемыми до Каркозы.

* * *

Теперь. Каркоза. Я даже ещё не описала вам это место.

Каркоза — это внушительное нагромождение, напоминающее дом. Это, скорее, дом из моих детских фантазий. Вы же понимаете, о чём я. Старый, похожий на лабиринт со своими бесконечными потайными дверьми и коридорами, хранящий страшные тайны.

Этот странный цвет тошнотворной жёлто — зелёной краски. Начиная с когда-то величественного, но сейчас обветшалого крыльца и заканчивая двумя самыми настоящими башнями, которые возвышаются с обеих сторон фасада — куда довольно небезопасно заходить, потому что дождевая вода годами просачивалась через

крышу и доски пола там прогнили, — вс нуждается в деньгах и уходе. Но у Сары нет ни того, ни другого. То, как она стала обладательницей этого дома, тоже довольно готично. Она была замужем, правда недолго, за человеком, о котором мало что знали остальные члены семьи, а мы с Адамом даже никогда его не видели. Они сбежали из её тесной квартирки в Уильямсберге в его родовой дом здесь, после чего он внезапно умер. У него совсем не было родственников и дом перешёл к ней.

Дом ужасно стар. Его фундамент был заложен ещё во времена колонистов. Каждое поколение, жившее в этом доме, добавляло какие-то надстройки и пыталось приукрасить дом. Поэтому, если обратиться к миру музыки, то, что дом представляет собой сейчас, напоминает какую-то нестройную симфонию. Если кто-то поверит рассказам Сары (и слово *если* здесь ключевое) и *если* вы верите в подобные вещи (мы с Адамом не верим), этот дом всегда передавался между богатыми, артистично — декадентными и оккультными дилетантами, которые, по слухам, совершали странные ритуалы, жертвоприношения и призывали сверхъестественных существ. Где-то на рубеже двадцатого века одно из таких

мероприятий продлилось целую неделю и закончилось для многих участников нервным срывом. Вероятно, было совершено преступление. Рассказывая об этом эпизоде, Сара явно о многом умалчивала. Я представила себе, как призрак этого безумия пропитал собой стены дома, просочился в пол и витал в самом воздухе, которым мы дышали.

Это всё, что я знаю о Каркозе.

Задний двор зарос кустарником, изъеденным всеми видами паразитов; за газоном тоже никто никогда не ухаживал. Адам не перестаёт говорить, что нам нужно найти косилку, но так и не делает этого.

Двор просто огромный. Дом тоже огромный. Я уже не раз пыталась подсчитать, сколько комнат в нём на самом деле, но каждый раз сбивалась. К тому же во многих комнатах есть ещё ниши, надстройки, куда можно спуститься или подняться по ступеньками. И, по крайней мере, один раз попадалась комната, разделённая гниющими занавесками (я говорю *по крайней мере один раз*, потому что мне и правда очень тяжело различать их и я вполне могла посчитать одну и ту же комнату за две) и я так и не поняла, были ли это раздельные комнаты или нет. Я бы даже могла

предположить, что по ночам кто-то пробирается в дом и меняет комнаты местами, чтобы подшутить над нами.

Этому дому давно уже надо было дать возможность тихо разрушиться и оставить после себя воспоминания и руины.

Этот дом болен. Лучше скажу иначе. Вся эта атмосфера оказывает нездоровое влияние на Сару. Я вовсе не имею в виду, что сам дом *нездоров*. Это всего лишь немного странный антропоморфизм, разве нет? Это не то, что я хотела сказать. Я уже говорила Адаму, что лучше всего переместить Сару в другую среду. Даже когда она поправится, ей будет определённо лучше в городской квартире. Любой бы сделал так.

На мой взгляд, всё это зло Каркозы давило бы даже на здоровый разум, что уж говорить о повреждённом болезнью рассудке, как у Сары.

Я сказала об этом Адаму, когда он наконец вошёл в нашу спальню. Было уже очень поздно: у Сары случилась истерика и он боялся оставить её одну. Он ничего мне не ответил.

* * *

Я знала, что будет непросто, но это оказалось намного сложнее, чем я предполагала.

Неизвестно, сколько ещё мы здесь пробудем. Это звучит странно, но я такого даже не предполагала. Однако дело обстоит именно так. Когда мы уезжали из нашего милого пригородного дома в Массачусетсе, мы не думали о том, в насколько долгое путешествие отправляемся. Мы даже не перекрывали воду, взяли минимум личных вещей и не попрощались с друзьями. Я думала, мы будем на связи в социальных сетях и уже через несколько недель снова увидимся.

Я не подозревала, что в Каркозе не будет никакого интернета. Я почти уверена, что, даже если бы мы проложили кабель или установили спутник, дом заблокировал бы любой сигнал. Телефоны здесь тоже не ловят. Это выглядит зловеще, словно мы угодили в одну из тех историй, в которых мы уже мертвы, просто не осознаём этого. Адам находит эту изоляцию чудесной. Он постоянно напоминает мне о том, что у Сары есть домашний телефон. Поэтому, если мне станет совсем одиноко, я всё же могу кому-нибудь позвонить. К тому же никто не запрещает нам время от времени выезжать в город, если потребуется передышка. И потом, говорит он, разве не приятно побыть вдали от *всего этого?*

Не знаю, что он имеет в виду под *всем этим*,

но мы никогда не выезжаем в город, хотя могли бы, как он говорит. Адам очень боится оставлять Сару одну, поэтому пару раз я просто выезжала прокатиться. Но то, что называется «городом», представляет собой лишь несколько сельских дорог, расходящихся от главной улицы с давно закрытыми конторами. Возможно, когда-то это место процветало. Но это было очень давно. В любом случае я уже начала беспокоиться, что могу заблудиться. Навигатор барахлил, сама поездка казалась бессмысленной. Не было даже кафе, куда можно было заглянуть выпить кофе.

Я заехала в супермаркет и свет ламп поразил меня. До этого я даже не осознавала, какой мрак окутывал Каркозу. Люди возле магазина весело болтали и смеялись, кто-то говорил по телефону, кто-то пытался обуздать своих неугомонных детей. Я наслаждалась этой суетой. Я сказала мужчине около мясной витрины, что стейки выглядят очень аппетитно и взяла по три каждому из нас, после чего перекинулась парой слов о погоде с женщиной у холодильника (погода?.. в Каркозе её едва ли можно определить), потом поболтала с кассиром, с негодованием посочувствовав, что цена на газ нынче очень высока. Пока я толкала свою тележку к машине, я чувствовала настоящее

облегчение. Это было то самое чувство, которое я зову *нормальным*.

Вернувшись в Каркозу, я попыталась снова заговорить с Адамом о том, на сколько ещё мы останемся здесь. Он только со смехом отмахнулся. Сказал, что я слишком драматизирую. Сказал, что состояние Сары только начало стабилизироваться и он уже не помнит, когда у неё в последний раз случались приступы. Поэтому, как только мы убедимся, что она не забывает принимать таблетки и сложный период позади, всё будет хорошо.

Я хотела ответить: «Ладно. То есть, по-твоему, оставить психически нездоровую женщину в Каркозе одну — это хорошо?» Но я так не сказала. Я только спросила:

— Сколько ещё может продлиться этот сложный период?

Он снова рассмеялся и сказал, что даже доктора не могут ответить на этот вопрос и просто вышел из комнаты, как будто мы только что обсудили какую-то незначительную проблему и уже нашли решение. А я осталась в гостиной. Или это был кабинет? Или семейная комната отдыха? (Я ведь уже говорила: в этом доме так много комнат, что понять, для чего они на самом деле предназначены, можно лишь с трудом.) В

общем, я осталась в одиночестве и недоумевала, почему разговор закончился именно так. Я даже пыталась применить формулу, которой нас научил психолог много лет назад: ты делаешь *A*, я чувствую *B*. Но похоже, она не работала. А я думала, это сработает.

Я надеялась на более сильный эффект.

* * *

Итак, мы были там уже десять дней. А казалось, даже дольше. Мне чудилось, что вся моя жизнь теперь сосредоточена на этих бугристых жёлтых обоях над нашей кроватью в Каркозе и каждый день теперь будет начинаться с них до конца моей жизни.

Я понятия не имела, чем Адам занят всё время. Иногда я часами не видела его. Конечно же, он был с Сарой. Я тоже старалась проводить с ней время, но, похоже, моё общество её совсем не радовало. Она показывала мне страницы из своей пьесы. Но это был только отрывок без начала и конца. Я не понимала, о чём в ней шла речь и Сара злилась на меня. Мне хотелось быть полезной им обоим, но, похоже, я не могла сделать ничего лучше, чем как можно реже попадаться на глаза и незаметно готовить сэндвичи или выполнять

другие домашние обязанности.

Всё это не занимало у меня много времени, поэтому мне приходилось искать себе ещё какое-нибудь дело.

В итоге я заинтересовалась северной башней в доме.

Но я не могла войти в неё. Можно было стоять на пороге, но наступать на пол было опасно. Я нахожу это резонным. Но всё равно хочу встать туда. У меня такое чувство, что эта башня дразнит меня. Мне постоянно кажется, что там раздаются чьи-то шаги и такой звук, словно что-то волокут по полу. Конечно, это просто моя разыгравшаяся фантазия. Но оттуда идёт неприятный запах. Это уже не игра воображения, просто кто-то когда-то опрометчиво положил там ковёр, который теперь гниёт. Ковёр цвета жжёного апельсина и, в сочетании с жёлтыми обоями эффект создаётся не из приятных. Возможно, это считалось модным в семидесятых, и, скорее всего, именно тогда кто-то последний раз вкладывался в этот дом. А сегодня это выглядит не модно, а устрашающе. Настоящее преступление против моды!

Это я пытаюсь сохранить бодрость духа. В этом доме нет места ни легкомыслию, ни шуткам. Даже это слово, которое я написала, *преступление*,

я посмотрела на него и оно приняло зловещий оттенок: *трое находятся в загородном доме, в полной изоляции, одному непременно придут в голову мысли об… убийстве!*

Таково влияние Каркозы, знаете ли.

Сегодня Адам нашёл меня в комнате, выходящей в башню. Я сидела на полу. Он испугал меня. Я уже несколько часов никого не слышала в доме. Я ощутила, что его появление что-то испортило. Как вы видите, у меня довольно своеобразное отношение к этой северной башне. Я представляю, что если бы переступила порог, то оказалась бы не в помещении с грязным ковром, гниющим полом и уродливыми обоями, а в другой реальности. Как в тех детских историях, когда, заходя в дверь в стене, оказываешься в какой-то другой стране.

Я думаю, что какая-то часть меня просто хочет выйти из этого места, выйти в другой мир и неважно, что он из себя представляет.

Что ж, главное, чтобы в том мире всё было иначе.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Адам. — Я тебя везде ищу.

— Я была здесь всё время, — ответила я. — Адам, тебе не кажется, что эта башня изменилась?

— Как изменилась? По сравнению с остальным

домом, это определённо самая уродливая его часть.

— Изменилась по сравнению с тем, какой она была вчера и ещё днём ранее.

— Звучит как нечто в духе старинных пьесок. Видимо, это заразно, — сказал Адам, но мы всё-таки немного задержались, наблюдая за этой комнатой. Вдруг что. Но в ней ничего не изменилось, в нас тоже.

* * *

Вечером я пожарила стейки, которые купила нам в городе. Я думала, это будет отличное угощение, но Адам, войдя в кухню, посмотрел на меня как на сумасшедшую и спросил, чем это я занимаюсь. Я ответила, что вроде как готовлю ужин.

— Какого чёрта? — выпалил он. — Ты же знаешь, Сара — вегетарианка.

Я и правда это знаю. Я даже очень хорошо это знаю… Я уставилась на стейки, шипящие на сковороде. Такие аппетитные мраморные куски, которые я собиралась поджарить с кровью. И правда, о чём я, чёрт возьми, думала до того, как Адам задал мне этот вопрос?

— Не знаю, о чём я думала, — ответила я. — Видимо, я просто не думала. Слушай, я ей сделаю

салат или что-то в этом роде.

Однако, знаете, именно такие мелочи, которые, возможно, на первый взгляд незначительны, заставляют меня чувствовать себя не в своей тарелке. И я снова представила: это место, Каркоза, так влияет на меня, что я не могу доверять собственному разуму. И если такое происходит со мной, то что оно могло сделать с Сарой?

А потом Адам сказал, что пьеса, над которой работает Сара, расстраивает её. Он хотел бы заставить её бросить это занятие, но не знает как.

А он вообще пробовал её попросить? Я очень хотела это знать.

Взгляд, который он бросил на меня, я бы назвала испепеляющим. Конечно, он просил, он настаивал, он уговаривал, он, в конце концов, уже просто кричал. Но всё без толку. Сара продолжает свою писанину. Мы ещё немного говорим. Я выкладываю стейки на тарелку. Наконец я начинаю понимать, чем Адам занимается целый день.

Это всё чёртова пьеса.

Ещё когда они были детьми, Сара уже писала эти свои истории и заставляла его отыгрывать все части. Похоже, с тех пор ничего не изменилось. Но именно над этой пьесой она трудится с особым усердием и кажется совершенно непреклонной.

Я спросила его, о чём эта пьеса, и он очень долго и с большим трудом пытался мне её описать. Он сказал, что она о женщине, которая находится в пригородном доме совершенно одна. Я уточнила, похож ли дом из пьесы на этот, он ответил, что совсем не похож. Он другой, совершенно другой. Но он не мог объяснить, в чём же различие.

Он сказал, что женщина в пьесе не выходит из дома, потому что люди не выпускают её оттуда. Я спросила, что это за люди, но он помотал головой и ответил, что это не самая важная часть истории. По его голосу я почувствовала, что всё-таки самая важная, просто он не хочет говорить об этом. Он казался потрясённым. А потом, сказал он, приехала королева.

— В этот дом? — спросила я. — В глушь? Королева чего?

— Злая королева, — ответил Адам. — В её присутствии люди сходят с ума.

Не самая подходящая тема для моей невестки, не так ли? Я так и сказала Адаму.

— Она хочет поговорить с тобой, — ответил он. — Она хочет знать твоё мнение о пьесе.

— Моё мнение?.. Да что я могу об этом знать?

— Неважно, что ты ей скажешь, — продолжал Адам. В самом деле? Сара ведь не идиотка и не

ребёнок. Зачем мы вообще здесь? Я думала, от нас требовалось только оказать семейную поддержку, но никак не выполнять обязанности сотрудников сумасшедшего дома, поддакивающих причудам своих пациентов. Хотя, может быть, для Сары было бы полезно какое-то время побыть в одном из таких заведений. Как бы они их там ни называли, на мой взгляд, это просто больницы. А мы все иногда вынуждены ложиться в больницу. У неё хотя бы есть врач? Разве ей не следует у кого-нибудь наблюдаться?

Я сказала, что поговорю с ней после ужина, но есть стейк уже не хотелось. Два из них я завернула и положила в холодильник, пока Адам быстро проглотил свой. После чего я смешала в миске зелень и помидоры, и назвала это салатом. И вот теперь я сижу одна в кухне со своим блокнотом и салатом и придумываю отговорки, чтобы не идти к Саре, потому что просто не хочу к ней идти.

* * *

Её комната находится в конце длинного коридора на первом этаже и перед самой дверью нужно спуститься ещё на шесть ступенек ниже.

Я постучала и она открыла. Я не видела её несколько дней. В глазах у неё мерцал лихорадоч-

ный блеск. Меня поразило, как она исхудала. Сара всегда была миниатюрной, но сейчас создавалось впечатление, словно на её костях вообще не было мышц. На голове вместо её обычно строгой укладки сидело какое-то гнездо.

— Рада, что ты пришла, — сказала Сара так, будто я была её соседкой, которая заглянула в гости. Она положила руку на моё правое запястье (в левой руке я держала тарелку с салатом). Её ладонь была сухой, хрупкой и горячей.

Я держала тарелку перед собой как щит.

— Я приготовила тебе ужин, — сказала я.

— О, благодарю, — ответила Сара, не глядя взяла у меня тарелку и отставила её в сторону. Я воспользовалась моментом, чтобы осмотреть комнату. Чувствовался устойчивый запах давно не проветриваемого помещения, всюду царил беспорядок: везде, где только можно, валялись вещи Сары и листы бумаги с её каракулями, многие из которых были зачёркнуты.

— Присаживайся, — сказала Сара, указывая на край неубранной односпальной кровати. Я села рядом с ней. Она порылась в постельном белье, вытащила оттуда стопку бумаг и всучила мне. — Скажи, что думаешь, — потребовала она.

— О Сара, едва ли я достаточно квалифици-

рована.

— Просто сделай это, — отрезала она. — Адам не понимает. Это не для него, а ты поймёшь. Это не для мужчин. Это пьеса для женщин. О том, что они делают с нами.

— Я правда не уверена, — отнекивалась я.

— Читай вслух, — велела она. — Только так можно прочесть пьесу. Давай же.

Я сделала, как она сказала. Тогда я решила, что лучший способ выбраться оттуда — сделать то, что она просила. И я убедила себя, что как только закончу, то обязательно поговорю с Адамом. О том, что мы уже ничем не можем помочь Саре. Ей нужна настоящая помощь, которую мы ей оказать не в силах.

Но я начала читать пьесу, и, хотя это были лишь слова, написанные на бумаге, меня охватило странное чувство. Я бы сравнила чтение этой пьесы с прослушиванием очень сильной музыки. Она захватила меня так же, как нас порой захватывают песни, когда простой ритм сливается с эмоциями и буквально вытряхивает их из нас.

Эта пьеса была как заклинание.

Причина, по которой Адам не мог мне её описать, заключалась в том, что описываемые события почти не имели значения. Всё в пьесе

служило лишь средством для передачи опьяняющих слов, которые Сара, должно быть, царапала на бумаге во время своих ночных приступов, они и меня заставили чувствовать себя безумной, но в то же самое время живой. А персонажи… Их оказалось куда больше, чем я могла себе представить со слов Адама, когда он говорил, что главная героиня изолирована и я вдруг осознала, что недоумеваю, как он мог не заметить их присутствия. Тем временем персонажи не переставали говорить друг другу: *Королева, королева идёт* и каждый раз, когда они так делали, я содрогалась от удовольствия и предвкушения, такого острого, что едва могла сдержать крик.

Это дикость. Эта пьеса какая-то дикость.

Конечно же, местом действия была Каркоза и Адам ужасно глуп, если сразу этого не заметил. Слёзы щипали мне глаза, когда я перевернула последнюю страницу и взглянула на Сару, сидящую возле меня на кровати.

— Когда она придёт? — спросила я. — Я имею в виду королеву.

— О, уже совсем скоро. — Она улыбнулась.

— Я имею в виду в пьесе. — Хотя так ли это? Я уже начала ощущать неловкость. Я что, тоже теперь грезила о прибытии королевы?

Призрачная фигура выходит из комнаты с башней. Королевские одежды, сотканные из кожи, памяти и обмана. Красота, восставшая из тины. Вся Каркоза изменится, когда она появится среди нас.

* * *

Я только что перечитала всё, что написала. Именно последнюю часть. Это не похоже на меня. Это не я. Я знала, что это отвратительное место. Я не верю тому, что написала здесь. Должно быть какое-то объяснение. Какой-нибудь яд в стенах дома, который просочился в наши головы и изменил наши мысли. Наверное, стоит проверить этот дом, а потом, если придётся, снести его. Но это потом. Сейчас мне нужно найти Адама и уговорить его уехать. Мы все должны уехать.

Мне стыдно писать о том, что потом произошло с Сарой. Адам, конечно, не должен знать. Никогда. Если она ему расскажет, я сделаю вид, что ничего не знаю и сошлюсь на её безумие. Она сказала, что она доверенное лицо королевы и я поверила ей. Когда она поцеловала меня, это было самым прекрасным и в то же время самым ужасающим, что могло произойти. Потом я проснулась и не знала, где я. Сара всё ещё спала рядом со мной

и несколько ужасных секунд я не узнавала её. Я оделась так тихо и так быстро, как только могла, и выскочила из комнаты. Я искала Адама по всему дому, но его нигде не было. А мне было так страшно. Страшно без причины. Мне некому было рассказать об этом, поэтому я решила, что если всё запишу, то вскоре всё прояснится.

* * *

Я собираюсь всё это сжечь.

Это бред. Я снова в комнате с башней. Я здесь уже какое-то время. Не знаю, сколько именно, но я видела, как солнце заходило за горизонт по крайней мере дважды или трижды.

Сара присматривает за мной. Она приносит мне воду и немного еды, но я только пью и ничего не ем. Я хочу очиститься перед прибытием королевы.

Я больше не знаю, где Адам. Однажды я видела его за окном, но я не могу понять, как он умудрился пробраться так глубоко в заросли на заднем дворе. Мне кажется, он может там заблудиться, но Сара говорит, что мне не стоит забивать себе этим голову, хотя он, кажется, разделся догола, так как я вижу, что клочки его одежды висят на ветках кустарника и хлопают от ветра, который

бушует вокруг Каркозы. Сильный ветер уже давно не унимается. Быть может, несколько часов, а может и несколько дней. Сложно сказать. Не помню, когда я начала терять счёт времени. Забавно, не так ли? Потому что если бы я знала, то нельзя было бы сказать, что я его потеряла, правда?

Я не помню, потому что это не имеет значения. Потому что *она* уже скоро будет с нами и, когда она придёт, всё рухнет, как и Каркоза. Сара усердно трудилась, чтобы вписать её в нашу реальность, воплотить её в жизнь.

Ветер воет на нас, будто живой. Не могу сказать, на нашей он стороне или нет. Сара продолжает приходить и зачитывать новые строчки из пьесы. И когда она читает, ветер начинает завывать громче, её голос почти тонет в нём. Она читает мне эти строки:

Нечто пробуждается во тьме, пробуждается в воздухе, пробуждается внутри меня. Мы ждём нашу богиню, нашу правительницу Каркозы, нашу королеву склепа.

Что-то шевелится в башне, что-то, что долго спало. Что-то вытягивается в полный рост, начинает своё бытие.

И мы всматриваемся в её тени, в её мрачную красоту, в её небытие, в её пустоту. Она ничто,

которое преследует нас всех, она бездна, она тьма за пределами тьмы и пустота падающих звёзд, она манит в свои сладкие объятия.

Перевод: Евгения Крутова

Тим Каррэн.
Полутень изысканной мерзости

Tim Curran. "The Penumbra of Exquisite Foulness", 2014

Камилла: О, пожалуйста, пожалуйста, не разворачивай! Я этого не вынесу!

Кассильда: (кладёт перед ними извивающийся свёрток.) Мы должны. ОН хочет, чтобы мы увидели.

Камилла: Я отказываюсь. Я не буду смотреть.

Кассильда: Он извивается, подобно младенцу, но какой же мягкий — словно червь.

Камилла: Губы двигаются… но он не издаёт ни звука. Почему он не издаёт ни звука?

Кассильда: (захихикав). Не может. Его рот полон мух

Король в Жёлтом, Акт I, Сцена 4

В хаосе я обрела цель. В бедламе — ясность восприятия. Такова оболочка моей истории. А кровь и плоть моего маленького рассказа в том, что от безумия можно укрыться лишь под покровом

безумия. Для тех, кто никогда не открывал книгу, в этом мало смысла — блаженны кроткие и невежественные, — но те, кто это сделал (а таких много, не так ли?), поймут всё… и даже больше.

А теперь позвольте исповедаться, позвольте обнажить пожелтевшие кости моей истории. Как только та мысль пришла в голову, мне не оставалось ничего иного, кроме как довести её до конца и сотворить то, что от меня требовалось. Назовём это холодным, слепым порывом. Так всем нам будет проще. Психическим расстройством, безумием, очевидной одержимостью. Памятуя об этом, слушайте: в совершенно обычное утро вторника я купала малыша Маркуса. Я искупала младенца с мылом и тщательно ополоснула, потому что чистый ребёнок, такой мягкий, розовый и приятно пахнущий — это счастливый ребёнок. Пока он гулил и агукал, меня пронзили раскалённые иглы безумия. Я пыталась выбросить его из головы, пыталась с себя стряхнуть. Но не могла от него избавиться, как не могла сбросить собственную кожу. Поэтому я прислонилась к ванне; из моих пор струился холодный и неприятно пахнущий пот.

То было причастие. Нечто — не смею сказать, что именно — сделало из меня соучастницу. Меня

выбрали, призвали. И голос в голове, голос тихий и спокойный произнёс: «Король грядёт. Ты готова и Он идёт за тем, что ему принадлежит».

Бездонная тьма в голове засосала мой разум в низшие сферы и я узрела чёрные звёзды, висящие над опустошённым ландшафтом. Мои руки не принадлежали мне более, но являлись орудиями чего-то злонравного, вытеснившего мысли из моего мозга. В слабом свете флуоресцентных ламп ванной они — руки, выглядевшие жёлтыми и почти чешуйчатыми — схватили Маркуса за горло и удерживали под пенистой водой, пока он не перестал двигаться, пока его ангельское личико не стёрлось, не сменилось синюшным лицом трупа: губы почернели, розовая кожа покрылась пятнами, чёрные дыры глаз пристально смотрели прямо в водоворот моей души.

Как только акт завершился, я сидела там и слёзы текли по моему лицу.

Рыдая и всхлипывая, я изучала руки, которые только что убили моего дорогого мальчика. Я дотошно изучала их, понимая, что это не мои руки, но чужие; принадлежащие не мне, но тому, кто крался в безмолвном, вкрадчивом свете луны. Малыш Маркус камнем пошёл на дно. Звучит грубо, но весьма точно. Я знала, что в надлежавшее

время он всплывёт. И к ужасу своему, я практически видела этот момент: из приоткрывшихся губ тёплой, пузырящейся воды, появляется сморщенное личико и его голос скальпелем вонзается глубоко в мой мозг.

Раскалённые иглы прожигали всё глубже и, уставившись на труп моего ребёнка, дрейфующего у дна ванны мёртвой распухшей треской, я, подпитываемая невыразимым чувством вины, вскрыла запястья бритвой. Пока из моих перерезанных сосудов алыми ручейками и потоками изливалась кровь, я погрузила в рваную, брызжущую чернильницу на левом запястье костлявый белый палец, окрасившийся в сверкающе — красный цвет. Яркость блестящего кончика пальца очаровала меня. Без лишних церемоний, пока чернила жизни были ещё влажными и текли, я багряными штрихами набросала на белой кафельной стене ванной комнаты примитивный рисунок человечка. И лишь нарисовав рубиновые капли глаз и развевающуюся позади рваную мантию, я начала кричать. Потому что именно тогда мой простой набросок стал чем-то гораздо большим и я узрела, как он задвигался, как движется с тех пор в моих кошмарах.

Когда я постепенно пришла в себя, меня охва-

тила паника. Темнокрылая паника, которая заполнила мой мозг, как мельтешащие летучие мыши. Она заполняла разум до тех пор, пока мне не показалось, что его лишилась. Пока реальность в моей голове и за её пределами разлеталась на части, я непреклонно, с невероятно пылающим рвением держалась за своё здравомыслие. Я вновь закричала. Должно быть, закричала, ибо слышала голос эхом отдающийся среди чёрных и беспокойных звёзд, надвигающихся со всех сторон. Стены комнаты исчезли. А когда я подняла взгляд, ни потолка, ни крыши не было — лишь перевёрнутый серп алой луны, капающей мне на лицо чёрной кровью.

Позже, когда сосед позвонил в 911, меня забрали врачи — во многом против моей слабой воли. Моя неврастеничная душа жаждала смерти и в смерти ей было отказано. Так тому и быть. Меня держали в палате для сумасшедших, где регулярно давали сильные успокоительные и связывали, ибо я видела призрачные ониксовые глаза холодной мёртвой твари в ванне и они создавали мрачную алхимию в моём мозгу. Я лихорадочно рассказывала сотрудникам о Короле в Жёлтом, о том, как II Акт распахнул двери восприятия кошмаров и погрузил кричащую меня в пугающую

пустоту. Но они не слушали. И чем больше они отказывались внимать моим словам, тем больше я уверялась в том, что они их уже знают.

Конечно же, меня взяли под стражу. Пока суды решали, что со мной делать, я почти два месяца восстанавливалась и проходила интенсивную терапию. В конце которой меня привели к полицейскому психиатру для ещё одного собеседования.

— Зачем? — спрашивал он. — Зачем ты это сделала?

— Если у вас возникают такие вопросы, то это за пределами вашего понимания.

Он мягко улыбнулся, словно я была кем-то достойным сочувствия:

— Просвети меня.

— Просветление опасно.

Врач понятия не имел насколько близок к бездне, но я не буду той, кто даст ему финальный толчок. Я изучала шрамы на запястьях. Они зажили розовыми завитками, спиралевидными розовыми завитками, которые притягивали взгляд и засасывали его глубоко в архимедову сложность. Именно там я узрела то, чего никогда не должен видеть ни мужчина, ни женщина: Знак. Замысловатые рубцы зажившей плоти

вырисовывали его на каждом запястье. Увидев его лишь единожды, я не могла более отвести взгляд. Он овладел мной и я поняла, что служение Королю только началось.

Конечно же, полицейский психиатр засыпал меня вопросами. Его заинтриговало то, что у меня не было ни семьи, ни друзей, а отец Маркуса — дорогой, погибший Дэвид — покончил с собой. Врач лишь выполнял свою работу, а я старалась быть полезной. Я не желала вовлекать его в чудовищный космический ужас того, что, в моём понимании, было правдой; того, что заставило Дэвида затянуть петлю на горле. Посему я держала свои запястья вне поля зрения, а когда врач задавал вопросы, ответы на которые могли быть для него опасны, я хранила молчание. Но он был неотступен. Когда психиатр атаковал, я парировала. Изворотливость выматывала, но в конечном счёте я не раскрыла тайну Гиад.

Конечно же, моей следующей остановкой стала тюрьма. Меня приговорили к десяти — пятнадцати годам лишения свободы. Я такая была там не одна; многие женщины убили своих детей, некоторые — чужих. По ночам они буйствовали и рыдали, и молили Бога об избавлении, но никакого избавления не было. Лишь холодная

бетонная тишина, тянувшаяся бесконечно.

Однажды ночью, когда я лежала, покрытая бисеринками пота от страха, который всегда приносила тьма, наркоторговка по имени Мамаша Макгибб начала взывать к Богу о прощении. Не только за себя, но и за всех животных во всех клетках, свернувшихся на грязной соломе своей жизни. И, наверное, Он услышал её, потому что сильнейшая гроза вцепилась в тюрьму зубами. Чем больше Матушка взывала о божественном вмешательстве, тем сильнее нарастала проливная ярость снаружи. Завывал ветер, в небе сверкали молнии и дождь хлестал по этим высоким серым стенам.

— СЁСТРЫ! — кричала Мамаша сквозь какофонию бури. — СЁСТРЫ! ВНЕМЛИТЕ ТОМУ, ЧТО Я ГОВОРЮ! ГОСПОДЬ ИЗЛИВАЕТ ГНЕВ СВОЙ ЗА ТО, ЧТО МЫ СОТВОРИЛИ И ЗА ГРЕХИ В НАШИХ СЕРДЦАХ! СКЛОНИТЕ ГОЛОВЫ И ПРИМИРИТЕСЬ С НИМ, ДАБЫ В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС ОН МОГ СНИЗОЙТИ ДО ВАС!

Некоторые женщины кричали, чтобы она заткнулась, а другие стучали по прутьям камер расчёсками и оловянными кружками. Это было весьма мелодраматично. Вскоре, казалось, что все проснулись и обезумели, стеная в гневе и рас-

каянии, пока гремит гром, а тюрьма трясётся, как мокрый пёс. Завывал ветер и я была уверена, что он выкрикивает имена заключённых. Шрамы на моих запястьях горели неимоверно.

— У НЕГО ЕСТЬ ЗАМЫСЕЛ О МИРЕ СЁМ! — кричала Мамаша. — И С ВЫСОКОГО ТРОНА В ГИАДАХ ОН ВИДИТ ВСЁ! ОН ОБЪЕДИНИТ ЭТОТ МИР С АЛЬДЕБАРАНОМ, СЛЕДУЮЩИМ ЗА СЕМЬЮ СЁСТРАМИ! ПРИВЕТСТВУЙТЕ ЕГО! ТРЕПЕЩИТЕ ПРЕД НИМ! ПРИМИТЕ ЖИВОГО БОГА, ДАБЫ ОН МОГ ВОЗЛОЖИТЬ НА ВАС РУКИ!

К тому моменту молнии сверкали нескончаемо и по мрачным коридорам тюрьмы эхом разносились раскаты грома, перемежаемые испуганными голосами заключённых. Я тряслась, проговаривая слова Мамаши Макгибб, хотя они были подобны яду на языке. Именно тогда Гретта Лиз, моя сокамерница, сидевшая от двадцати до пожизненного за многократное убийство, обняла меня, обняла, словно я была ребёнком, напуганным темнотой и тем, что в ней скрывалось, что было истинной правдой.

— Не слушай! — сказала Гретта мне на ухо. — Она лжепророк и слова её — ересь! Бог, к которому она взывает, не является богом ни одного здравомыслящего или праведного человека! Не слушай!

Слышишь меня? Не слушай!

Но даже несмотря на то, что Гретта зажала мои уши руками, я прекрасно слышала слова Мамаши Макгибб, словно они звучали в полостях моего черепа.

— МЫ ДОЖДЁМСЯ ЗНАМЕНИЯ, СЁСТРЫ! ЕГО ЗНАКА! И ТОГДА ПОЙМЁМ, ЧТО ЕДИНЫ С НИМ! ЧТО СЫН ХАСТУРА СТУПАЕТ ПО ЭТИМ ЗЕМЛЯМ И КОГДА ОН ПОСТУЧИТ В ДВЕРЬ, БРАТЬЯ И СЁСТРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СКЛОНЯТ ГОЛОВЫ! МЫ ВОПЛОТИМСЯ В ТЕЛЕ БЛЕДНОЙ МАСКИ, БУДЕМ СОВЕРШАТЬ ЕМУ ПОДНОШЕНИЯ И ВОЗНОСИТЬ ХВАЛУ КОРОЛЮ В ИЗОДРАННОЙ МАНТИИ!

К тому моменту охранники уже наслушались. Мамаше Макгибб велели заткнуться, а когда этого не случилось её отвели в одиночную камеру, где, как я слышала, она продолжала разглагольствовать и бредить. Но об этом можно было не говорить — стигматы на моих запястьях горели всю ночь.

Месяц за месяцем тюремный психиатр ковыряла и клевала меня в поисках вкусного красного мяса, тщетно пытаясь понять ход моих мыслей, мотивацию преступления и (как она называла) глубоко укоренившегося бредового расстройства. Она была убеждена, что первопричиной все-

му было самоубийство Дэвида и настаивала на гипнотерапии, хотя я каждый раз противилась. Наши первые несколько сеансов были полным провалом. После третьей или четвёртой попытки всё получилось и она начала задавать вопросы, на которые я не решалась отвечать. Психиатр записала то, что я говорила, под гипнозом — «Бледная Маска», «темнейшая Каркоза» и «Кор Таури, Празднество Кровавого сердца», — но я отказывалась что-либо из этого обсуждать. В действительности, к гордости своей, я вела себя так, будто никогда подобной чуши не слышала и практически обвинила врача во множестве заблуждений.

Но я не была совсем уж упрямой. Старалась сотрудничать, когда и где это было возможно. Психиатр очень хотела понять меня и мой психоз. По тому, как она говорила о последнем, можно было подумать, что это живое, дышащее существо, похожее на какого-то огромного, раздутого страхом паразита или злого сиамского близнеца. Ей было сложно понять как я, хорошо образованная и вполне успешная, воспитанная, добрая и явно любящая мать — одиночка, могла совершить такое преступление, будто статус запрещает совершать самые тёмные безрассуд-

ства. Я отчасти возражала ей, говоря, что, когда всё слишком хорошо, что-нибудь обязательно случается. Но она не была дурой. Ей нужны были ответы и она собиралась их заполучить, даже если это означало бы нарезать мой мозг тонкими пластинами и поместить их под микроскоп. Она сильно увлеклась моим случаем и я была почти уверена, что у психиатра на уме была какая-нибудь научная статья, которая заслужила бы похвалу среди её коллег. Я понимала честолюбие. Врач хотела знать первопричину случившегося, и я ей объяснила в максимально общих и обтекаемых чертах. Всё дело в книге «Король в Жёлтом». Я обнаружила её в исторической коллекции колледжа Св. Обена. Как штатный преподаватель средневековой истории я имела доступ к произведениям, запрещённым для остальных. Прекрасно осознавая устрашающую репутацию книги, я прочитала её и пострадала от последствий. Психиатр утверждала, что такой книги не существует, а её тёзка, сам король — выдумка. Я объяснила, что избранным, или лучше сказать проклятым, он иногда является в искажённом отражении некоторых старинных зеркал или в лужах октябрьского дождя. Однажды на закате я мельком увидела его божественную тень

— огромный изорванный силуэт, парящий над городом. Сказать доктору большего я не могла. Я уже понимала, что эфир этого мира начинает разрываться.

В том, что Король близко, я не сомневался. Он тянулся ко мне и это было неизбежно. Для меня это стало совершенно очевидным в один летний день, когда мы пололи сорняки среди могил тюремного кладбища. Здесь были акры высохших крестов и крошащихся надгробий из песчаника, захваченных, а иногда и поглощённых зарослями вьюнка, жимолости и повилики. Убирая всё это, мы потратили большую часть недели. Вьюны выросли даже на стене небольшого каменного мавзолея. Я была одной из тех, кто сорвал путаные заросли и когда я это сделала, меня ждало откровение самого худшего рода. Ибо там на стене был вырезан тот самый образ, который я в ту ужасную ночь нарисовала кровью на стене ванной: Король. Всего лишь грубый набросок, когда я вгляделась, стал трёхмерным, облекаясь плотью подобно распускающемуся цветку, пока я не узрела налитые яблоки его бегающих глаз, кровоточащих как раздавленные ягоды и яркие цвета изодранной мантии, что притягивали всё ближе и ближе, пока я не услышала собственный

голос, произносящий: «О, Король, молю, только не снова, не так скоро».

Понятия не имею, как долго я там простояла в оцепенении, но довольно скоро появился охранник:

— И что ты, по-твоему, делаешь? Возвращайся к работе.

— Но… но он этого не допустит, — дрожащей рукой я показала на стену.

— Ты что не видишь, там ничего нет? Работай давай.

О, упоение неведением. Увиденное мной охранник не видел и как я завидовала совершенной невинности его помыслов. Я начала верить, что невинность близка к божественности. Я мечтала о ней, желала её, но едва ты откроешь книгу и узришь тёмную звезду и полую луну, пути назад уже не будет. Никто и никогда не сможет сомкнуть тот распахнутый третий глаз, что являет тебе сокрытое в этом мире и за его пределами.

Я могла бы подробно рассказать о других подобных случаях, но, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, описываю лишь последний. Полутень короля подкрадывалась всё ближе и это заставляло меня совершать самые ужасные поступки.

Всё это подводит нас к моей последней ночи в тюрьме. Примерно через шесть лет меня освободили условно — досрочно. И единственная причина, по которой меня освободили условно, заключалась в том, что я была умна. Да, я старалась не доставлять проблем, но дело не только в этом. Через некоторое время, но не слишком скоро, чтобы вызвать подозрения, я согласилась с тем, что говорил мне тюремный психиатр и вызвалась на сеансы психотерапии. Это делало её счастливой. Я соглашалась со всем, что она говорила, иногда дословно повторяя сказанное ей, что делало врача ещё счастливее. Всё — иллюзия и выдумки. Не было ни книги, ни Короля. И вот так я добилась досрочного освобождения из выгребной ямы тюрьмы.

Но давайте на мгновение вспомним последнюю ночь.

Однажды, глубокой ночью, я открыла глаза. Что-то присутствовало в камере рядом со мной и это была не Гретта. То было нечто рождённое из чрева тёмной, сокровенной ночи. Я слышала, как оно дышит подобно ветру в дымоходе. Оно стояло рядом со мной. Тело — гротескный, колыхающийся мешок и лицо — белое, мягкое и блестящее, как влажный от росы гриб. Я почти ничего не видела

и была благодарна за это. Когда оно заговорило, голос был вязким, почти студенистым:

— Ты нашла Жёлтый Знак?

— Нет, — пробормотала я. — Нет.

Затем единственная студенистая рука, похожая на дряблую морскую звезду, коснулась моего запястья и шрамы на нём запылали, как фосфор.

— Он был ниспослан и ты его нашла.

Освободили меня без особой помпы. Моим надзирателем по условно — досрочному освобождению стал человек по имени Мичем, которому я инстинктивно не доверяла. Невысокий, худой, как болотный тростник, с таким острым подбородком, что им можно было резать сыр. Его правый глаз был голубым и всё время моргал, но левый смотрел неподвижно. Странно большой и зелёный, он был не нормального зелёного цвета, но цвета застоявшихся прудов и плесени. Лягушачье отродье. Опухший и желеобразный.

— Я хочу, чтобы ты помнила, — сказал Мичем, — то, что случилось — в прошлом и теперь у тебя новая жизнь. Новое предназначение. И я помогу тебе его исполнить. Поняла?

Я ответила, что да. И тогда он вытащил большой конверт и достал из него книгу.

— Ты знаешь, что у меня здесь? — спросил он.

Меня охватила дрожь.

— Я не хочу это видеть.

— Но должна, ты должна. Видишь? Это вовсе не книга.

То, на что я смотрела, было не «Королём в Жёлтом», но всего лишь пачкой бумаг, которые я сразу же узнала. То были наброски, которые я сделала после окончания II Акта. Определённо, работа сумасшедшей. Рисунки звёзд и искажённых планетных тел, сюрреалистические пейзажи и города с туманными башнями, выгравированными на фоне восходящей луны. Над всем этим доминировали бессмысленные каракули, выглядевшие как работа ребёнка и многочисленные спиралевидные росчерки, которые, казалось, соединяли всё воедино.

— Никакой книги нет. И никогда не было. Ты в это веришь?

— Да, — выдавила я, отворачиваясь от ужасных спиралей, которые заставляли мои запястья гореть. — Верю.

— Превосходно. — Мичем сунул бумаги обратно в конверт. — Тогда мы начнём создавать новую тебя. Ты ведь действительно этого хочешь?

Я сказала ему, что хочу. Побоялась ответить иначе. Понимала, что Мичем затеял весёлую

непристойную игру. Пока он говорил, я заметила, что края его маски начали истираться.

В течение нескольких последующих недель, пока я осваивалась с ролью бывшей заключённой и бывшей детоубийцы, происходило что-то неправильное. Меня не покидало весьма тревожное чувство, что мир больше не вращается плавно и безопасно вокруг своей оси. Что-то изменилось. Я говорила себе, что это лишь моё восприятие, но не была в этом столь уверена. Что бы или кто бы ни управлял вселенной ранее, ей уже не управлял. Покровительство перешло из рук в руки. Может другие оставались в неведении, но я тут же увидела знамения. Они были едва заметными, но очевидными — дуга солнечного света на горизонте в сумерках, неправильный изгиб определённых углов, скопление огромных бледных мотыльков за моим окном и самое показательное — пугающее продвижение некоей тени, что приближалась с каждым днём.

Мичем поселил меня в реабилитационном центре вместе с другими бывшими заключёнными. Это было место для всех, мужчины располагались слева от лестницы, а женщины — справа. Независимо от пола, у них была одна общая черта: пристальный взгляд, этот ужасный, какой-то ка-

талептический взгляд, словно они разглядывали что-то вдалеке, чего никто другой увидеть не может. Большинство из них, испытывая дискомфорт от внешнего мира, оставались в комнатах, расхаживая взад-вперёд, будто всё ещё находились в своих камерах. Полагаю, что после столь долгого пребывания в клетке высшая физика неограниченного пространства была за пределами их понимания. В первую неделю же повесилась одна из женщин, пожилая леди, которую все звали Мардж. Она оставила предсмертную записку, которая провозглашала незатейливое: «ЛИШЬ ЛЕВЫЙ ГЛАЗ МОЖЕТ ВИДЕТЬ». Но, прежде чем накинуть петлю на горло, Мардж взяла нож для удаления сердцевины из яблок и вынула оскорбительную сферу. Она положила кровавый шарик в чайную чашку, а затем покончила с собой. И так тихо, что женщина в соседней комнате даже не услышала.

Женщина, что жила по соседству со мной, частенько плакала по ночам. Её мёртвый взгляд напоминал лужи серой дождевой воды. Говорили, что она убила своего ребёнка. Я понимала её боль. Иногда я просыпалась посреди ночи думая, что Маркус плачет и его нужно покормить. Груди постоянно болели, но потом я вспоминала,

что Маркус мёртв и что я одна. О, Дэвид, ты же понимаешь, не так ли? Часто я глазела в окно, уверенная, что слышу, как где-то в ночи плачет ребёнок, потерянный и одинокий. Но всё это было у меня в голове. Не раз я была уверена, что замечала в детской коляске Маркуса. Но это было невозможно… если только не пришло время.

Ночь за ночью я слышала, как безумная соседка раскачивается в кресле взад-вперёд: скрип, скрип, скрип. Иногда это продолжалось до рассвета. Часто она пела колыбельные пронзительным, царапающим голосом, от которого у меня мурашки бежали по коже. Но по-настоящему я пришла в ужас, когда услышала, что там плачет ребёнок. Невозможно. Я понимала, что это невозможно. И всё же безошибочно слышала влажный причмокивающий звук кормления младенца.

Наконец, после множества беспокойных и бессонных ночей, я расспросила о своей соседке.

— У неё там не может быть ребёнка, — сказала я Ким, одной из девочек. — Своего ребёнка она убила.

— Что ты несёшь? Своего ребёнка убила ты. Только ты.

Это был лишь один из множества пунктов, убедивших меня в том, что мир перекошён и

вывернут наизнанку. Позвольте мне поведать другой случай. Однажды я проснулась поздно ночью, уверенная, что в комнате есть кто-то ещё. Поиски доказали обратное. Я подошла к окну, уставилась на своё отражение в стекле. И именно тогда увидела не отражение комнаты позади себя, но какой-то безумный раскачивающийся пейзаж с огромным озером, над которым висели чёрные, мерцающие звёзды. На берегу озера я заметила какую-то высокую, сгорбленную фигуру в фестончатых лохмотьях, которые развевались вокруг неё, как саван. Я знала, кто это. Это мог быть лишь Король в Жёлтом и он шагал в моём направлении.

Этого было более чем достаточно, но мало того. Понимаете, спиралевидные шрамы, демонстрирующие Жёлтый Знак на моих запястьях, расползались. Я понимала, что это невозможно, но доказательства были слишком очевидны: замысловатые розовые завитки распространились по моим рукам и спустились на грудь. Я провела по ним пальцами: шрамы были выпуклыми как ожоги и невероятно замысловаты. Их геометрия была не только архимедовой по природе своей, но и гиперболической, или инверсивной. Взгляду, следующему за их вихреобразной про-

грессией, всегда открывался Жёлтый Знак. И когда он становился зримым, вы могли заглянуть за его пределы и увидеть скелетообразные башни Каркозы, вздымающиеся в подёрнутое красной дымкой небо, с которого, сквозь болезненно — жёлтые гряды облаков похожих на опухшие, больные веки, проглядывались Альдебаран и Гиады.

Должна признать, что после этого мои воспоминания не так ясны, как хотелось бы. Казалось, что всё становится неясным. Мой мир слишком сильно наклонялся в ту или иную сторону и я боялась того, что могу увидеть там, где сходятся углы. Всё стало перекошенное, затемнённое, перевёрнутое, словно смотришь сквозь плёнку. Подкрадываясь всё ближе и ближе, чтобы объявить своей собственностью, Король переворачивал мой мир с ног на голову.

Теперь перейдём к последующим пунктам в моём списке.

На другую ночь я проснулась и услышала шепчущие за соседней дверью голоса, которые меня сильно встревожили. Чуть погодя я прислонила ухо к тонкой стене, прислушалась. И вот что я услышала: *Ты же знаешь, избранной тебе не быть. Я та, что наденет корону… не ты! Я была*

подготовлена дланью Его и мне была обещана корона во сне увядших роз! Лишь я погружалась в чёрные глубины озера Хали, и только я взбиралась на башни и выкрикивала священные имена над холмом грёз! И скоро всё склонятся передо мной, детищем Хастура!

Говорила ли это безумная женщина или сам ребёнок, узнать было невозможно. Я хотела пойти и остановить их, но не осмелилась. Я знала, что если открою эту дверь, то увижу мясистую спираль, которая высосет разум из моего черепа.

Однажды днём, выйдя из автобуса, я, дрожа от страха, остановилась на тротуаре перед общежитием. Дом менялся, как и всё остальное. Это было уже не обычное, обшарпанное трёхэтажное здание, но циклопический, вздымающийся чёрный монолит, который колебался и содрогался, словно не мог более сохранять свою форму. Я наблюдала как он, заполняя небо, вырастает предо мной и его холодная тень облекает меня в ледяной саван самого Короля.

Но на этом всё не закончилось, о нет. Когда дом снова стал просто домом, я отправилась в свою комнату. Пролежав на кровати час или около того, я подошла к окну и узрела не свой мир, но залитую алым светом Каркозу и лес её искривлён-

ных башен, возвышающихся над искажённым антимиром скопища чёрных руин. Я видела озеро Хали, его тёмные неподвижные воды, отражающие огромную кровавую луну. На берегу, посреди раздавленных оболочек тысячи последователей, стоял подзывающий меня Король в Жёлтом.

Я задёрнула шторы, чтобы не видеть искажённые кошмарные перспективы этого антимира и, в особенности, его короля. Три бесконечных дня и три мучительные ночи я пряталась в коробке своей комнаты ожидая, что на лестнице раздастся стук или, что ещё хуже, уязвимая реальность этого мира истончится от постоянного соприкосновения с тем навязчивым другим, который угрожал переплестись со всем, что мы знаем. С каждым часом полутень Короля становилась всё ближе и ближе. На второй день добровольной изоляции я осмелилась выглянуть из-за задёрнутой шторы и увидела приближающуюся к дому тень. Конечно, другие сказали бы, что это была всего лишь тень, отбрасываемая нависающим зданием с другой стороны улицы, но я знала лучше. Ибо каждый вечер на закате я наблюдала за её зловещим приближением, я ясно видела эту дьявольскую полутень, ползущую вперёд на тысяче крошечных ножек.

К вечеру третьего дня я поняла, что попала в ловушку. Мне следовало сбежать, пока оставалось время и пространство для манёвра. Поддаваясь безудержной волне бесформенной и беспредельной тьмы реальность, которую я знала всю свою жизнь, распадалась на части. Каждый раз, когда она начинала разваливаться на части, я слышала нечто вроде потрескивания или шипения и на меня накатывали ужасные боли… следующие, да, точно следующие, подобно электричеству, идущему по медным проводам, узорам спиралевидных рубцов, которые покрывали теперь всё моё тело. Когда боль утихала, я — лишь мельком — видела свою комнату, перевёрнутую вверх дном и вывернутую наизнанку, переделанную чужой рукой в какую-то бедное, грубое подобие, стены которой сочились зловонной розовой слизью, а потолок был рыхлым и губчатым. Боже милостивый, даже пол был похож на какой-то мерзкий студень, словно я сидела не на плитках, а на скопившейся мягкой гнили десятков залежавшихся трупов.

В тот раз всё обошлось.

Но я знала, что со временем полутень поглотит мой мир и пути назад не будет. В течение трёх ночей я наблюдала за луной, висевшей над городом,

как огромный вырванный глаз, изучающий ночную возню существ, что будут вскоре трепетать пред новым злобным богом. Она билась подобно сердцу, пульсируя при каждом болезненном ударе, наполняясь кровью, становясь больше и сильнее, облекаясь плотью для заключительного акта.

Нужно было что-то делать и сделать это могла лишь я одна. Я обдумала всё как следует и стала выжидать. Услышав, как та бедная сумасшедшая женщина спустилась вниз, я отправилась к ней и обнаружила, что дверь приоткрыта. Там стоял странный запах, горячий и солёный, как на отмели в знойный летний день.

Миновав кровать, я подошла к люльке под окном и отодвинула струящееся кружево в сторону. Малыш уставился на меня с любопытством и невинностью.

— Ещё раз, о король, я должна сделать это ещё раз?

В окно заглядывала луна и глядя на её лик, я видела пустоты, сверкающие глубины и какие-то безнадёжные, сводящие с ума стигийские пределы, где в кошмарном пространстве дрожали чёрные звёзды. Скоро я отправлюсь туда.

И пока я противилась своему священному

бремени, полутень Короля в Жёлтом подкрадывалась всё ближе. Я услышала потрескивающе — шипящий звук и стигматы моего изуродованного шрамами тела наэлектризовала боль. Сразу же комната начала меняться. Она мутировала и трансформировалось, становясь жидкой, как горячий трупный жир, а остывая превращалась во что-то безумное и извращённое. Это была комната в представлении лунатика — сюрреалистичная, нереальная, экспрессионистская путаница; чёрно-красный каркас из изъеденных костей и зазубренных осколков стекла; искорёженные дверные проёмы, ведущие в чёрные бездорожные пустоши, и окна, глядящие на пульсирующей лик сардонически ухмыляющейся луны.

Но я исполнила своё предназначение и, когда они ворвались в комнату, я предъявила изуродованное, кровоточащее подношение королю. Я поняла тогда, что меж нами нет секретов. Они знали, что я завязала петлю, на которой повесился Дэвид — боже милостивый, пролистав книгу он умолял меня об этом; и они знали, что я породила Маркуса на свет лишь для того, чтобы в день летнего солнцестояния предложить его могущественному Королю. «Я победила и

ныне я взойду на трон! То моё право, как наложницы Хастура! Я та, на чьём челе корона и мне повелевать темнейшею Каркозой!» Когда они приблизились я швырнула им подношение, дабы Король убедился, что я праведна и чиста. Затем бережно, спокойно и с невероятной аккуратностью я показала им нож, что носила при себе. Явила мерцание лунного лика на его лезвии. Затем с хирургической точностью взрезала внешние края своей маски и начала срывать её, дабы все могли узреть то, что я под ней скрывала: лицо, пред которым мир скоро будет благоговеть и трепетать.

Перевод: Руслан Насрутдинов

Аллен Маккей.
Ужас Зукалы-Кофа

Allen Mackey. "The Horror of Zukala-Koth", 2017

Грэм Вестерли исследовал поток фрагментов запрещённой пьесы «Король в жёлтом», найденных в различных изданиях. Это поручение дала ему одна тайная организация, называемая «Кладовая», чтобы он задокументировал все известные появления пьесы. Работа Грэма заключалась в том, чтобы собрать все известные экземпляры Фрагментов и определить их происхождение.

Он заварил свежего кофе; энергия этого тёмного напитка помогала его разуму справиться с возложенной на него задачей.

Годы работы окружили его; стопки бумаг, копии нескольких пьес, о которых идёт речь. А так же работы, которые хоть как-то были привязаны к Фрагментам. Большой прогресс был сделан в направлении исследований греческой версии пьесы. Большинство исследователей не смогли пройти дальше обнаружения греческого драма-

турга Ливиуса Карбо. Некоторые из последних изысканий, похоже, указывают на то, что Ливиус Карбо является оригинальным автором этой проклятой пьесы, но Грэм решил копнуть поглубже. Он продвигался дальше, намного дальше, чем многие до него. Истоки пьесы уходят гораздо глубже, чем Греция.

Все его последние исследования указывали на создание пьесы в затерянном городе, расположенном некогда в регионе пустыни Гоби, который назывался Каркоса. Этот затерянный город был обречён на энтропийную петлю после исполнения пьесы; он был перенесён целиком на планету Короля, обычно называемую Каркоса, расположенную где-то в созвездии Тельца, в V-образной «шее» Гиад.

Зараза же сущности под названием «Король в жёлтом» находится на планете Земля. И так было с незапамятных времён. Это острый запах разложения, отвратительное прикосновение ложного искупления. Жёлтый Король, который является безликим лицом Хастура (аватаром), был приравнен в мифологии к внебрачному ребёнку — Иисусу Христу из Назарета.

Многое наводило на размышления. Христос, судя по всему, был несущим чепуху самоучкой,

отродьем Йог-Сотота. Позже образы смешались с запретными преданиями старших эонов; в частности, о мантии «Короля в жёлтом».

Копаясь в слоях фактов и вымыслов, Грэм обнаружил, что тайное имя «Короля в жёлтом» — Зукала-Коф.

Не только эти секреты, но и многие другие он обнаружил, пристально всматриваясь в колдовское зеркало. Грэм использовал чёрное зеркало только в том случае, когда его нынешние исследования заходили в тупик.

Неожиданные глубины шафрановых знаний привели его в такие тёмные места, от которых он едва смог оправиться; чем больше он узнавал и докладывал своему начальнику в «Кладовой», тем больше Жёлтые Знаки проклинали его, дразня тёмными проблесками знаний. Порочность, в которой он принимал участие, навсегда оставила глубокий след в его душе.

Это был Ужас Зукалы-Кофа: бесконечные глубины, куда спускался Грэм Вестерли, были не исследованы. Его начальники в «Кладовой» заметили это: и Грэм был исключён из списка исследователей.

Дни потеряли свои границы, ночи и месяцы проходили во тьме. Психическое здоровье Грэма

Вестерли ухудшилось до состояния разорванного сознания со множеством тёмных пробелов, которые сгорели от взгляда «Короля в жёлтом».

Разрозненные кусочки реальности обрушивались на него. Лекарство лишь превратило его в пускающего слюни идиота. Врачи решили его судьбу.

Вещи потеряли всякий смысл. Обряд экзорцизма был проведён за закрытой дверью. В глубине сознания Грэма раздавались сводящие с ума голоса, которые не были голосами, они издевались над ним, повторяя:

«Сила Зукалы-Кофа исцелит тебя! Сила Зукалы-Кофа исцелит тебя! Сила Зукалы-Кофа исцелит тебя!»

Перевод: Роман Дремичев

Дмитрий Тихонов.
Коронация

Архип явно намудрил с дозировкой. Джерри накрыло быстро и сильно, наполнив всё тело колючим теплом. Он шёл по Невскому, не сводя глаз с фонарей — их свет был гораздо ярче, гораздо мягче, чем обычно. Это сияла, переливаясь, сама любовь. Она улыбалась ему и Джерри улыбался в ответ. Любовь отбрасывала цветные отблески на стены домов, подмигивала с оконных стёкол, обещала вечное счастье. Он знал, что любовь лжёт, но всё равно улыбался.

Его настоящее имя перестало иметь значение. Сегодня, сейчас он был только Джерри — как в школьные годы, в честь юркого, неунывающего мышонка. Из-за ушей, конечно. Из-за оттопыренных ушей и маленького роста. Его назвали так ещё в третьем классе и приклеилось навсегда. Сначала переживал, потом стало нравиться — подчёркивало непохожесть на окружающих, выделяло из толпы. Впервые уединившись с парнем в туалете ночного клуба, он представился именно так, хотя тот и не спрашивал, как

его зовут. Позже, уже в студенческие годы, на бесчисленных сайтах гей — знакомств Джерри никогда не использовал своего реального имени — впрочем, там это было в порядке вещей.

Однажды, устав от двойной жизни, от лжи и самообмана, от обречённости на одиночество, он решил покончить с собой — но не с Джерри. Он рассказал всё родителям, с садистским удовольствием наблюдая, как меняется лицо отца; он рассказал всё немногочисленным друзьям и больше никогда не видел ни одного из них; он ступил на дорогу, которая в итоге привела его из угрюмой, верующей в умерщвление плоти провинции сюда, в Питер. На Невский Проспект, полный соблазна и света. Даже ночью. Особенно ночью.

Но старое имя притащилось следом. Оно скрывалось в документах, возникало в письмах из банка, всплыло при устройстве на работу, настойчиво звучало в редких телефонных разговорах с матерью. А сменить его по закону можно было только по месту регистрации. Возвращаться Джерри не хотел, не мог. Он бы просто скопытился в поезде, идущем в родной город.

Хорошо, что в Питере хватало людей вроде Архипа, всегда готовых облегчить страдания. Вот

только с дозировкой нужно всё-таки аккуратнее — похоже, за первой волной прихода надвигалась ещё одна, огромная и тяжёлая. Свет фонарей размазывался по поверхности бытия, струился искрящимися нитями на фоне неба. Фасады по обе стороны проспекта сливались в единое целое. Между ними не оставалось ни щёлочки, ни единого просвета и Джерри почувствовал укол паники — где-то здесь ему предстояло свернуть, чтобы добраться до дома, но как это сделать, если сворачивать некуда? Проспект сбрасывал цепи улиц, избавлялся от ответвлений, вросших во внешний мир. Малая Садовая? К чёрту! Большая Конюшенная? Нахер! Одна дорога, прямая и честная, одна жизнь, без чужих мнений и прочего балласта, ведущая…

Он налетел на кого-то на полном ходу, попытался выдавить извинения, но слова липли к языку, словно густая патока.

— Глаза разуй, чучело! — сказали ему. — Обдолбанный, что ли?

— Пошёл в жопу, — пробормотал Джерри. — Пидор.

Его ударили. Он так и не смог понять, с какой стороны. Кулак оказался здоровенный, тяжёлый. Невский на мгновение исчез, всё вокруг запол-

нило чёрное, чёрное, чёрное небо, а когда оно расступилось, Джерри уже лежал на тротуаре. Гранитная плитка гладила его по щеке холодной ладонью.

— Твою-то мать, блять, а! — сказали над ним.

— Оставь, оставь, — произнёс второй голос, женский. — Пойдём.

Стало слишком холодно. Приподнявшись на локте, Джерри медленно сел. Обладатель тяжёлых кулаков сплюнул и зашагал прочь, увлекаемый перепуганной спутницей. Кто-то ещё возник рядом, помог Джерри встать, отряхнул куртку, поправил сбившийся шарф. Люди. Откуда столько? Он оттолкнулся от их участливых рук, оттолкнулся от участливых слов, свернул за угол. Здесь уже можно было дышать.

Чуть придя в себя, Джерри двинулся вдоль стены — прочь от Невского проспекта. Из окон дорогих ресторанов за ним наблюдали бледные, равнодушные лица. Летом здесь стояли крытые веранды со столиками, за которыми он пил пиво и слушал уличных музыкантов. Теперь осталась только серая мостовая.

Джерри нырнул в тёмную арку, ведущую во двор. Отсидеться в тишине, переждать, потом искать дорогу домой — таков был план. На самом

деле, он жил где-то неподалёку — снимал крохотный номер с огромной кроватью в мини-отеле, названном в честь одного из писателей — классиков. Коренного петербуржца, разумеется. За месяц набегала солидная сумма, но пока он не жалел денег. Если есть не каждый день, то его новой зарплаты, переводов от матери (о которых отец, разумеется, ничего не знал) и остатков сбережений вполне хватало на жильё и наркоту.

Возможно, ему даже удастся добраться до отеля, не возвращаясь на Невский. Дворами, как и подобает обитателю культурной столицы. Сообразить бы только, в какую сторону идти.

Джерри осмотрелся. С одной стороны за высокой кованой оградой возвышались нелепо раскрашенные сооружения детской площадки, с другой — к стене жались несколько столь же нелепо раскрашенных машин. Между машинами и площадкой чернел жадно распахнутый зев следующей арки, ведущей дальше в лабиринт дворов — колодцев. И оттуда за ним наблюдали горящие зелёным глаза.

— Привет, — сказал Джерри, делая шаг навстречу. — Вот и Том нашёлся.

Кот выскользнул из тени, замер на мгновение, изучая человека, затем медленно, не сводя с него

взгляда, вернулся во мрак.

— Приглашаешь, да? — усмехнулся Джерри.

Глаза сверкали в темноте зелёным, не выражая ровным счётом ничего.

— Хорошо, Том, — сказал Джерри. — Я иду. Иду, видишь?

Он шагнул под арку и кот повёл его через дворы: убегал, останавливался, оборачивался, терпеливо дожидался человека, снова бросался вперёд. Джерри послушно следовал за ним, наполняясь детской, восторженной радостью от встречи с чудом. Сменяли друг друга дома, различавшиеся только рисунком освещённых окон, проплывали мимо крошечные скверики, лавочки и помойки. В какой-то момент, попытавшись на ходу сориентироваться, он подумал, что следовало бы оставлять за собой след из камешков или хлебных крошек. Сказка, в которую вёл его Том, могла оказаться не из приятных.

Но вскоре они пришли и Джерри перестал переживать.

Кот бесшумно растворился в тенях, однако Джерри этого не заметил.

Небо вверху, сдавленное со всех сторон краями крыш, начало светлеть, но Джерри уже не придавал значения времени.

Знак распластался по стене, жёлтый, словно палящее солнце, словно пшеница на последнем полотне Ван Гога, словно безумие Климта. Он пульсировал и шевелился, ни на секунду не оставаясь неизменным, но ни на йоту не нарушая строгости и целостности своего узора. Всего несколько простых линий, нанесённых щедрыми, размашистыми мазками. Целый мир, запертый в их переплетении. Чёрные башни. Чёрные воды. Чёрные звёзды.

Линии звучали. Они были не только цветом, но и голосом — жёлтым голосом. От него у Джерри встали дыбом волосы на затылке и мышцы налились жгучей болью. Он застонал, стиснув зубы, но ни на мгновение не отвёл взгляда от знака. Жёлтый голос не приказывал и не просил, а проговаривал реальность, сплетал её из небытия. То, что было произнесено, существовало, всё остальное — нет.

— Ты сгораешь от ненависти, — сказал жёлтый голос. И это было так.

— Твой мир обречён, — сказал жёлтый голос. — Чужаки губят его, пожирают его изнутри.

— Подобно червям, — ответил Джерри, сразу поняв, о чём и ком идёт речь.

— Их нужно остановить, — продолжал жёл-

тый голос. — Прежде, чем сгореть, ты убьёшь чужаков.

— Убью, — согласился Джерри.

Знак ослабил хватку, позволил отвести взгляд. Позволил вдохнуть. Влажный воздух, пахнущий подвалом и плесенью, ворвался в лёгкие, разошёлся по жилам наэлектризованной волной. Джерри с трудом повернулся и побрёл прочь. Он знал дорогу. Он теперь знал многое.

Лабиринт дворов разворачивался перед ним, показывал беззащитное палевое подбрюшье, добровольно раскрывал секреты — только в них уже не было нужды. Чем мог Питер, едва протянувший триста лет, заинтересовать того, кто видел меж линий жёлтого знака шпили и башни другого, куда более древнего города? Скелетами грифонов, сдохших от голода в Аптекарской башне? Посмертной маской императора, похожего на толстую усатую бабку? Уродцами в банках? Джерри отмахивался от проулков, назойливо зазывавших взглянуть на замшелые свои достопримечательности. Его путь лежал на Петроградскую сторону — там в одном из домов находилось логово чужаков.

Он ощущал их присутствие так ясно, словно они притаились в одной комнате с ним, спрята-

лись за диваном и ждали удобного момента для нападения. О да, они давно ждали, очень, очень давно. Терпения им было не занимать. Джерри скрипел зубами от гнева. Ярость клокотала в его груди, пылала, превращаясь в энергию. Он почти бежал. Прохожие испуганно расступались, бросали ему вслед встревоженные взгляды — этот парень явно спешил навстречу беде.

Набережная Мойки, Миллионная, Троицкий мост — Джерри летел сквозь город, ни мгновения не раздумывая над маршрутом. Улицы сами вели его. Мёрзлая, стальная Нева провожала тысячей взглядов — это смотрели из-под её поверхности те, что уже явились на коронацию. Многие другие прибудут до полуночи. Король умер, да здравствует король! Сегодня на престол взойдёт наследник и Джерри сможет увидеть его своими собственными глазами! Ему позволят, потому что он докажет свою преданность, сослужит верную службу, убьёт, убьёт, убьёт чужаков посмевших осквернить священное место.

Миновав Дивенский сад, Джерри свернул на одноимённую улицу. Ещё поворот. Ещё один. Здесь ночь заканчивалась, уступая тусклому предрассветному безвременью. В просветах меж строений он различал тяжёлые тучи, ползущие

с востока. Последние приготовления. Осталось только очистить тронный зал от грязи.

Окружённый дом показался ему смутно знакомым, но вспоминать и приглядываться времени не было. В серых утренних тенях застыли фигуры его соратников, верных роялистов, явившихся сюда по зову жёлтого голоса. Мужчины и женщины, молодые и старые, стояли на тротуарах вокруг, задрав головы, не сводя глаз с тёмных окон.

От толпы отделился высокий парень в джинсах и криво застёгнутой фланелевой рубашке, сжимавший в посиневших от холода руках небольшой продолговатый свёрток. Подойдя к Джерри, он коротко кивнул, сказал:

— Мы ждали тебя, пастух, — и передал ношу. — Буря приближается. Пора начинать.

Джерри развернул ткань. Внутри оказался электрический фонарик с костяной рукоятью. По молочно — белой поверхности ползли изящно вырезанные символы. Ни один из них не был ему знаком, но, несмотря на это, Джерри знал, что они означают. Жёлтый голос не скупился на объяснения.

ЛИШЬ СЛЁЗЫ ПИТАЮТ ХАЛИ. ВСЕ СЛЁЗЫ ПИТАЮТ ХАЛИ.

Так называлось озеро, в водах которого отражаются чёрные звёзды. Озеро, на берегу которого высится древний город, где прямо сейчас хоронят короля.

— Буря приближается, — повторил соратник. — Веди нас, пастух.

Джерри взвесил фонарик в руке, поднял над головой, словно угрожая им небу и направился к парадной окружённого дома. Собравшиеся последовали за ним. Только теперь Джерри заметил, что почти все они вооружены: ломиками, кухонными ножами, отвёртками, молотками. У некоторых были топоры и это заставило его улыбнуться — в Питере человеку с топором не избежать ассоциаций с классикой. Раскольников наверняка находился бы среди этой толпы, раз и навсегда определившись с тем, тварь ли он дрожащая или право имеет.

Вход преграждала стандартная серая дверь с домофоном. Джерри набрал случайную комбинацию цифр, переждал гудки.

— Да? — раздался из динамика сонный старушечий голос. — Кто это?

— Домоуправляющая компания, — сказал Джерри. — Впустите, пожалуйста.

Старуха пробормотала что-то недружелюбное,

но дверь открыла. Разве примитивная форма жизни сможет отказать представителю власти? «Домоуправляющая компания» ворвалась внутрь, шумной многоголосой волной покатилась вверх по широким ступеням. На стенах, среди обычных для подобных жилищ оскорблений и признаний в любви, мелькали зловещие символы чужаков, бесформенные, словно их плоть, отвратительные, словно их помыслы.

Выше, выше, пролёт за пролётом — тело знало, куда двигаться и Джерри полностью доверился ему. Фонарик дрожал в его ладонях, предвкушая жестокую схватку. Тьма сгущалась. Приближалась буря.

У нужной квартиры, на четвёртом этаже, Джерри замешкался, но только на мгновение. Его смутила заурядность этого места: потрескавшаяся матовая плитка, которой был выложен пол на лестничной площадке, криво намалёванные цифры возле шахты лифта, окурки в консервной банке, прикрученной к перилам проволокой. Показалось, что судьба человечества не может, не должна решаться вот здесь, среди пыльных банальностей.

Однако размышлять времени не было. Чужаки уже почуяли опасность. За дверью, обитой об-

шарпанным чёрным дермантином, раздавались шорохи и встревоженные голоса.

— Домоуправляющая компания! — взревел кто-то у Джерри за спиной. — Открывайте!

Лестничная площадка взорвалась злым, кровожадным хохотом. Некоторые неистово матерились, не в силах справиться с возбуждением. За дверью наступила тишина.

— А вот я уже здесь, — пробормотал кто-то позади.

— Уже здесь. Не ломайте только ничего. Дайте пройти, мальчишки…

Джерри обернулся. Толпа расступилась, пропуская к нему невысокую пожилую женщину с коротко стрижеными седыми волосами. Хозяйка квартиры. Ничего необычного не было в ней — невзрачная пенсионерка, каких пруд пруди в любом дворе, на любой улице. Но, призванная жёлтым голосом, она изменилась, обрела смысл, стала ангелом смерти — безразличной и неотвратимой.

— Три месяца назад заехали, — поясняла она, перебирая ключи во внушительной связке. — День в день. Сразу мне показались подозрительными. Да, подозрительными. На людей вроде бы похожи, но вот приглядишься — прозвучало как

«приглядисся» — и понятно: что-то с ними не ладно. Слишком уж вежливые.

Наконец нужный ключ был найден. Хозяйка, не переставая бормотать, вставила его в замочную скважину и трижды повернула по часовой стрелке. Раздался щелчок. Дверь открылась. Сразу за ней оказалась узкая неосвещённая прихожая, полная густого смрада. Пахло гниющей палой листвой.

Пенсионерка посторонилась и Джерри вошёл в квартиру. Тишина встретила его затаённой ненавистью. Там, в этой тишине, кто-то ждал удобного момента, чтобы нанести удар. Ковёр чавкал под шагами, на обоях виднелись тёмные, влажно поблёскивающие потёки. Хозяйка пару раз щёлкнула выключателем, но люстра не зажглась.

— Лампочки выкрутили, — сказал один из роялистов на лестничной площадке. — Вот суки.

— Не то слово, — ощерился Джерри. — Просто пидарасы.

Он откуда-то знал, что из прихожей можно свернуть в кухню, а дальше в глубине квартиры находились две больших, почти одинаковых по площади комнаты. К ним вёл длинный узкий коридор, дальний конец которого терялся в абсолютной тьме. Чужаки никогда не любили свет.

Свет был им непонятен и страшен. Они предпочитали копошиться и плодиться во мраке, скрывать в нём свои членистые конечности и продолговатые мягкие тела. Джерри ясно ощущал их совсем рядом. Одно неосторожное движение — и тень пожрёт тебя.

Держа фонарик на вытянутой руке, он заглянул в кухню. Посреди стола возвышалась огромная кастрюля, полная рыхлой субстанции, покрытой тонким слоем плесени. Наверняка, деликатес. На линолеуме виднелись царапины, оставленные чем-то вроде когтей. Плитой, судя по всему, не пользовались давным-давно. Джерри скользнул к холодильнику, потянул на себя дверцу. Внутри не было ничего, кроме пары странных сосудов цилиндрической формы. На их гладких металлических боках виднелись разъёмы и надписи, сделанные на языке, переводить который жёлтый голос не спешил.

В прихожей завизжала хозяйка. Пришлось возвращаться.

Его появление заставило пенсионерку умолкнуть. Стали слышны доносящиеся из коридора слова, раздроблённые, словно пропущенные через мясорубку:

— Договор. Не сразу. Трансатлантический.

Экли. Вьюга. Трубы. Третья орбита, — а следом за словами из темноты надвигалась высокая, грузная фигура. Фонарик в руке Джерри пару раз мигнул и загорелся ровным светом. Жёлтым. Конечно же, жёлтым. В этом свете стало видно, что фигура принадлежит массивному, едва помещающемуся в коридоре мужчине. Его истинный размер было сложно оценить из-за мешковатой одежды и непрерывных размашистых, но судорожных движений. Только гладко выбритое лицо оставалось неподвижным и поэтому казалось ненастоящим, словно вылепленным из воска.

Несколько долгих мгновений понадобилось Джерри, чтобы понять, что именно так оно и было.

— Нойес. Лес. Колодец. Соглашение. Юггот. Следы, — продолжал бубнить мужчина с поддельным лицом. — Вода. Посадочная траектория. Ньярла…

— Снимите маску, господин, уже пора! — воскликнул Джерри, прервав несвязный поток слов. Голос не принадлежал ему. Это был жёлтый голос, голос знака, голос короля — и мироздание не могло сопротивляться. Мужчина замер в нескольких шагах от Джерри, словно налетев на незримую стену. Огромное тело била дрожь.

Восковое лицо его сползло набок, обнажив пучок тонких извивающихся щупалец землисто — сизого цвета. Бока и живот вздыбились, ветхая ткань с треском разошлась и из разрывов вытянулись длинные конечности, покрытые чем-то вроде хитина. Каждая заканчивалась загнутым когтем.

Вонь стала нестерпимой. У Джерри за спиной кого-то вырвало. Тварь в коридоре яростно избавлялась от остатков человеческого обличья: обрывков ткани, лохмотьев кожи, фрагментов искусственной плоти. Упали на пол восковые кисти рук. Когти скребли по обоям. Сегментированное туловище разгибалось медленно, словно успело затечь во время нелепого, обречённого на провал маскарада. Жёлтый свет фонаря, похоже, причинял существу боль. Оно не решалось нападать, лишь угрожающе шипело — и в этом шипении не осталось ничего, напоминающего человеческую речь.

— Взять его, — сказал Джерри, отходя в сторону. Вооружённые ножами и топорами роялисты ринулись в атаку. Стоило их спинам и плечам оказаться между фонарём и тварью, как последняя немедленно воспряла духом: загнутые когти метнулись навстречу наступающим, безошибочно метя в глотки и животы. Её движения были

стремительны и точны — уже несколько секунд спустя один роялист лежал на полу с разорванным горлом, другой истошно скулил, глядя на собственные внутренности, вывалившиеся из рассечённого брюха. Третий успел увернуться и отскочить. Тварь подалась было следом, но свет фонарика остановил её, заставил скорчиться и отшатнуться.

— Вот так облом, да? — сказал Джерри, ступая в коридор. К тошнотворному запаху чужака примешивался сладковатый аромат свежей крови и он шумно втягивал ноздрями эту восхитительную смесь. — Ты столько времени сюда добирался, положил всю жизнь на то, чтобы преодолеть чёрный океан, лежащий между твоим миром и нашим. Ты можешь поделиться множеством знаний о самых удивительных секретах космоса, о его бесконечных, невообразимых чудесах… — перешагнув через мертвеца и умирающего, Джерри медленно приближался к твари, светя фонарём прямо в её морду, увенчанную непрерывно извивающимися червеобразными отростками. — Ты прибыл сюда, чтобы повелевать, уверенный в своём превосходстве, в своём праве решать судьбы. Но вместо этого ты покончишь с собой. У меня на глазах. Прямо сейчас.

Нет спасения от жёлтого света и жёлтого голоса. Всё так же нечленораздельно шипя, существо немедленно впилось когтями в собственное мягкое, бледное подбрюшье. Оно кромсало себя, раздирало на части, истекая пузырящейся слизью. Неистово, самозабвенно. Оно старалось изо всех сил и справилось меньше, чем за минуту.

Джерри оглянулся. Роялисты, столпившиеся в коридоре, смотрели на него с обожанием.

Второй чужак обнаружился в большой комнате. Он напал сразу же, едва роялисты открыли дверь и сразу же успел оторвать тому, кто шёл первым, голову, а следовавшему за ним — руку по самое плечо. Луч фонаря, скользнув по ещё висящим в воздухе кровавым каплям, ударил тварь в покрытую слизью сегментированную грудь, заставил пятиться, прижал к стене.

Джерри, стараясь не поскользнуться в растёкшейся по полу тёмной луже, подошёл вплотную, нагнулся к пучку мерзких щупалец, заменявшему этому существу морду и прошептал:

— Не сопротивляйся.

Тварь подчинилась. Когда подоспевшие роялисты обрушили на неё топоры и ломы, она не сделала ни единой попытки отразить удары или атаковать в ответ, только низко, обречённо хри-

пела. Палачи работали неумело, но вдохновенно — им потребовалось чуть больше минуты, чтобы изуродовать огромное тело чужака, изгнать из него все признаки жизни. Фонарик мигнул и потух. Дело сделано.

— Мне нужны когти, — сказал Джерри. — По четыре от каждого. Постарайтесь полностью очистить их от ошмётков. Корона должна быть чиста.

Соратники принялись за работу, а он, прислонившись к стене, осмотрелся. Из мебели в комнате присутствовала только изрядно побитая советская стенка. И она и заклеенные чёрной изолентой окна, и обои с выцветшим цветочным рисунком казались ему знакомыми. Неужели он бывал здесь раньше? Или просто видел это место во снах, когда судьба исподволь готовила его к великим свершениям?

Подошла хозяйка квартиры, сказала, согнувшись в почтительном поклоне:

— Мы обнаружили труп в спальне. Тебе нужно взглянуть, Пастух.

Вторая комнатушка оказалась крошечной, чужаки вряд ли смогли бы поместиться в ней. Она предназначалась для их помощников из числа людей. Именно такой помощник и лежал

посреди большой двуспальной кровати на задубевшем от крови матрасе. Тело, ещё не тронутое разложением, было полностью обнажено, грудь и живот покрывали изощрённые татуировки, изображающие крылатых тварей, явившихся на Землю с тёмной планеты на окраине Солнечной системы. Но Джерри лишь мельком взглянул на них, куда больше заинтересованный головой этого человека. Верхняя часть черепа отсутствовала, как и его содержимое. Словно кто-то снял крышку с кастрюли и выгреб изнутри всё до последней крошки.

Однако даже не это зрелище заставило Джерри похолодеть от ужаса. Он не мог отвести глаз от обескровленного, осунувшегося мёртвого лица.

Перед ним лежал Архип. Абсолютно голый, абсолютно мёртвый Архип. Бездарный художник — акционист, ещё более бездарный музыкант, но надёжный дилер, с которым он виделся всего несколько часов назад. Всегда подтянутый, всегда готовый поддержать шуткой и бесплатной дозой — но, к огромному сожалению Джерри, беспросветный, конченый натурал. Этот момент они прояснили в самом начале знакомства.

— Извиняй, друже, — сказал тогда Архип. — Я по бабам. Исключительно. Если хочешь, могу

дать контакты ребят с… более разнообразными предпочтениями.

В тот раз Джерри отказался. Он не хотел ребят, он хотел Архипа. Потом, конечно, эти контакты всё-таки перекочевали к нему в телефон и некоторые из них даже оказались полезны. Но, несмотря ни на что, нелепая обида на Архипа осталась. Его великодушие и щедрость только подпитывали её, не давали окончательно сгинуть под тяжестью многочисленных штормящих — Джерри иначе не умел — романов. И вот давняя, невозможная мечта сбылась.

Архип ждал на кровати. Обнажённый. Беззащитный. Готовый на всё.

— Ну что ж, — прошептал Джерри, чувствуя, как горячая волна возбуждения захлёстывает его с головой. — Стучите и вам откроют. Так ведь?

Он подозвал хозяйку квартиры и приказал принести с кухни оба металлических цилиндра, хранящихся в холодильнике. Когда это было выполнено, Джерри выгнал из комнаты роялистов и пригрозил им самыми страшными карами, если они посмеют открыть дверь без его разрешения. Всё-таки не зря личная жизнь называется личной, верно? Он поставил оба цилиндра, оказавшихся на удивление тяжёлыми, на столик у

изголовья кровати, а сам взобрался на неё, скинув куртку и шарф.

— Снова здорово, дружище, — сказал он, обращаясь к цилиндрам. — Я не знаю, в каком из них ты сейчас находишься, и можешь ли видеть и слышать происходящее вокруг. Надеюсь, можешь, ведь у меня есть, что тебе показать.

Жёлтый голос нашёптывал ему на ухо непристойности, подстёгивая возбуждение. Тяжело дыша, Джерри провёл пальцами по линиям татуировок на груди Архипа, поскрёб ногтем изображение одной из крылатых многоногих тварей:

— Вот стопудово ты на такое не рассчитывал, когда соглашался на их предложение. Думал, что узришь чудеса Вселенной, что полетишь к далёким звёздам — да? Думал, они покажут тебе истину, подарят ответы на самые важные вопросы? Но вместо этого ты — сюрприз! — увидишь, как насилуют твой труп. Твой богомерзкий трупак. Твою окоченевшую гетеросексуальную жопу. Охереть можно, правда?

Цилиндры ничего не ответили. Джерри подмигнул им. Жёлтый, жёлтый хохот наполнил его разум.

Несколько минут спустя он вышел из спальни,

тяжело дыша и улыбаясь во весь рот. Хозяйка преданно ждала у дверей, прижимая к груди начищенные до блеска когти чужаков.

— Мы всё сделали, пастух, — сказала она, передавая ему драгоценную ношу. — Новому королю не в чем нас упрекнуть.

— Новый король не забудет вашу любовь, — ответил Джерри и поцеловал её в седую макушку. — Никогда. Разбейте цилиндры.

Он выбежал из квартиры. Запахи гнили и свежей крови тянулись за ним длинным, роскошным шлейфом. Буря уже началась. В окно на лестничной площадке виднелось небо, бугрящееся свинцовыми тучами. Утро так и не наступило.

Джерри помчался вверх по лестнице. Когти чужаков, зажатые в кулаках, жгли кожу. Скорее всего, они содержат яд, решил он, инопланетный яд, не известный пока земной науке. Только это не имело значения. Времени больше не будет. Его ждал другой, бессмертный город, замерший в вечности на берегу озера слёз. Лишь бы не опоздать.

Чердачный люк оказался открыт. Через него Джерри выбрался на технический этаж, а уже оттуда, чуть не подвернув лодыжку в мешанине старых и новых труб, — на крышу.

Ветер ударил в лицо. Здесь, наверху, не оста-

лось ничего, кроме ветра. Чёрный вихрь явился в Питер и пожирал его, проглатывая дом за домом. В шуме непогоды слышались звуки дьявольских свирелей и скрипок, возвещавших о начале церемонии.

Новый король спускался на крышу, шагая по потокам ветра, словно по мраморным ступеням. Лохмотья его одеяний развевались подобно языкам ослепительно — жёлтого пламени. Сквозь прорехи в ветхой ткани виднелись тёмные, давно окаменевшие кости. Едва держась на ногах, Джерри спешил навстречу. В руках он держал уже не когти чужаков, но корону, величию и изяществу которой могло позавидовать любое украшение, когда-либо изготовленное людьми и для людей. Момент превращения он пропустил. Возможно, это ветер нашептал когтям особые слова, предупредил о прибытии правителя и возложенной на них миссии.

Рваные полы королевского плаща окружили крышу колышущейся стеной, отгородили её от остального мира, превратили в тронный зал. Король остановился, повис в воздухе в паре метров от пола. От него исходило обжигающее жёлтое свечение, превращающее разум в мягкую глину, из которой невидимые жёлтые руки могли ле-

пить всё, что заблагорассудится. Свет в фонарике с костяной рукоятью являлся лишь крошечной частицей этого сияния, но и с ним не смогли совладать чужаки. Никто, сколь бы разумен он ни был, не в силах сопротивляться воле хозяина древнего города, стоящего на берегу озера Хали.

Джерри зажмурился, упал на колени. Спустя мгновение тонкие горячие пальцы коснулись его щеки, заставили поднять голову и открыть глаза. Король нависал над ним, зловещая конструкция из длинных, слишком длинных костей и истлевших торжественных одеяний. На нём была маска, искусно копирующая черты отца Джерри: та же фирменная чуть презрительная улыбочка, тот же прищур, та же вечно приподнятая, словно в немом вопросе, бровь.

— Пожалуйста, — прошептал Джерри. — Умоляю, снимите маску, господин…

— Но на мне нет маски, — прозвучал ответ из-под сомкнутых губ.

— Нет маски? Нет маски?! — закричал Джерри, чувствуя, как разверзается под ним бездонная пропасть, полная голодных чёрных звёзд. Он рыдал и скрипел зубами, и скулил, но не мог пошевелиться, не мог отвести взгляда от лица короля и своих собственных дрожащих рук, мед-

ленно поднимающих корону. Церемония должна была завершиться. Существо, стоящее перед ним, умирало и воскресало неоднократно на протяжении миллионов лет, и каждый раз непременно проводило коронацию, ибо только так могло сохранить власть. Оно знало о власти всё.

Корона опустилась на гладко выбритую голову. Пальцы Джерри коснулись кожи короля — она была сухой и шершавой и ничуть не походила на живую, настоящую кожу. Она напоминала выкрашенную гуашью поверхность папье — маше. Джерри понял, что если сожмёт пальцы, то без труда раздавит фальшивую голову, разобьёт в мелкую крошку лицо своего отца. И тогда эта мумия, древняя, словно сама вселенная, явившаяся сюда в давно сгнившем парадном одеянии, будет вынуждена отступить — потому что мир не вынесет её истинного обличья и исторгнет её из себя, как организм исторгает съеденную по неосторожности отраву.

— Нет, — произнёс жёлтый голос в самой середине его рассудка. — Ты этого не сделаешь.

Джерри знал, что не сумеет. Он был рабом, ничтожной, легко заменяемой пружинкой в сложном механизме, не обладающей правом на собственные решения. Он мог только смириться

с приготовленной ему судьбой.

Король выпрямился во весь свой невероятный рост. Корона из когтей чужаков наполнялась внутренним, ослепительным сиянием. По ту сторону плаща победно взвыли демонические флейты и скрипки. В их резкую, безжалостную мелодию вплетались приближающиеся сирены машин полиции и скорой помощи. Какая-то женщина — возможно, хозяйка квартиры — пронзительно визжала неподалёку. Нева ревела сотнями подобострастных голосов, выводивших хвалебные гимны на никогда не существовавших языках.

Гулко ступая, король прошествовал мимо, коснулся плеча Джерри невесомыми, высохшими пальцами. Пришлось подняться, следовать за ним. Они остановились на самом краю крыши, взглянули вниз. Там, на улице, столпились люди, кажущиеся отсюда игрушечными и показывали пальцами наверх. Вой сирен перекрывал их крики.

— Прощай, — сказал король в жёлтом. У него больше не было лица и серая, мёртвая пыль, сорванная ветром с его высохшей головы, извивалась над Питером невесомыми щупальцами. — Тебя забудут.

Джерри с трудом повернул голову, не зная, что можно на это ответить. Шея немилосердно болела. Рядом с ним никого не было. Он стоял один на краю крыши, над сожранным городом, над полными ужаса воплями, над мёртвым Архипом. От рук пахло гнилью и кровью. Тучи рассеивались, обнажая бледное небо, обещавшее очередной день, как две капли воды похожий на предыдущий. Мир снова погружался в сон.

— Пошёл нахер, — сказал Джерри в пустоту. — Пидор.

Прежде, чем прыгнуть, он вытер со щёк слёзы.

Ничего страшного, Хали не обмелеет.

Максим Кабир.
Каркоза

«Король грядёт».

Перелешин обернулся, провожая взглядом русскоязычную надпись на грязной стене, кислотно-жёлтые буквы, кириллицу, затесавшуюся среди агрессивных граффити. Представил поочерёдно Элвиса Пресли, Людовика XIV и тыловую фигуру на шахматной доске. Гугл извещал, что во время гражданской войны Каркоза приютила множество выходцев из Российской империи. Может, это потомки белоэмигрантов расписывали бетон монархистскими лозунгами?

Поезд замедлял ход. За окнами плыла пустынная платформа. Небо затянуло серым мороком, утро развесило полотнища тумана, как рыбаки — сушащиеся сети. В призрачном неводе застревали голуби. За щелястым забором горбились технические постройки — бастарды архитектуры, переплетались рельсы. Редкие пассажиры поковыляли с баулами в тамбур. Перелешин навьючил рюкзак.

Его посетила странная мысль: сейчас пейзаж

растает в дымке, окажется миражом и поезд покатит дальше, не останавливаясь в несуществующих городах. Но голос из динамиков объявил о прибытии, состав замер, зашипели двери. Перелешин выпрыгнул на перрон, убеждаясь в реальности Каркозы, холодной и мрачной.

Внутри вокзал был самым обыкновенным. С магазинчиками, фастфудом, полицейскими в бронежилетах. Перелешин прошёл его насквозь и очутился на широкой площади, мощёной булыжником. В центре торчал неопознанный памятник. Голову гранитной скульптуры укутывал полиэтиленовый мешок, защищающий от дождя и неистребимых птиц. Голуби покрывали брусчатку сизой массой, шуршали и клокотали. Глядя на их копошение, на щедрые россыпи помёта, Перелешин почему-то подумал о слизнях. Но разве бывают пернатые слизни?

Как и большинство зданий в городе, вокзал был построен на излёте девятнадцатого столетия: серая глыба, старающаяся, будто разведчик в чужом государстве, не привлекать внимание. К остановке подъезжал автобус, такси припарковались у обочины, но Перелешин решил прогуляться. Загрузившаяся карта подсказала путь. На север, вихляя по зигзагам зебр и прямо, прямо.

Впечатление о Каркозе складывалось от перекрёстка к перекрёстку. Экстерьер: классицизм с вкраплениями ар — нуво, гробовая серьёзность приземистых зданий и отчаянно неуместные высотки банковского квартала на горизонте. Мусор в канавах, фантики, пивные бутылки. Ветер откинул ячеистую ткань с фасада ремонтируемого дома, под ней скалились устрашающие маскароны.

Люди были ненамного приветливее гаргулий. Помятые лунатики на поводках выгуливаемых псов. Фауна: голуби, голуби, голуби, тщедушные домашние собаки, мышка, тянущая кусок булки к подвалу, снова голуби. Ароматы: мокрый асфальт, выпечка, гниющие овощи, сажа.

Тревел-блогеры рекомендовали посещать город весной, когда цветут вишни и не портить впечатление зимними визитами. Поздний март в Каркозе не отличался от позднего ноября. Перелешин продрог до костей и заскочил погреться в «Ашан», сумрачный и унылый, как и весь город. Чужак бродил вдоль стеллажей, пока подозрительный охранник не упал на хвост. Пришлось поторопиться. Темнокожий кассир пробил сэндвич и стакан горячего кофе.

У Каркозы появился вкус: не только мороси, но

и дешёвого бодрящего напитка.

Отель располагался в обветшалом здании времён Второй империи. Винтовая лестница пронзала этажи, как шампур — свинину. Выглядели инородными придатками домофон и пластиковый аквариум с компьютером и помятым портье. Зарегистрировавшись, получив пластиковую карту и пароль от вай — фая, Перелешин вскарабкался на последний, шестой этаж. Едва разминулся с выселяющимся постояльцем.

Паркет скрипел, предупреждая обитателей скученных комнатушек о прибытии жильца. За полтора века здешние тени приобрели повадки пауков. В плафонах умерло не одно поколение тараканов, их высохшие останки просвечивали сквозь матовое стекло. Перелешин отпёр дверь и сунул пластину в щель справа от входа. Лампы озарили каморку, вмещающую кровать, подвесной телевизор и вешалку. Золотистые ромбы на обоях — шик Прекрасной эпохи. Дверца ванной запустила ревущий вентилятор вытяжки. Перелешин умылся, морщась от шума. Перелез через кровать, чтобы выглянуть в окно. По пустынной улице бомжиха катила тележку. Походка женщины была какой-то неправильной, птичьей, словно женщину воспитали аисты.

В стенах булькали трубы. Пахло варёной капустой и стиральным порошком.

Перелешин вынул кошелёк. Из кармашка ему улыбнулась Соня. Дочь позировала возле башни «Эшколь» накануне поступления в университет. Синее платье, счастливая мордашка. В армии она похудела, повзрослела, завела новых подруг. Исчезли подростковые прыщи, очертились скулы. Возвращаясь из гарнизона на выходные, она привозила в отчий дом свет. Море света.

В сумерках пасмурного утра Перелешин прижал фотографию к губам.

Его хрупкая, его замечательная девочка и холодная неживая Каркоза казались несовместимыми. Как беспроводной интернет в доме с привидениями. Как архаичное слово «грядёт» на бетоне.

— Где же ты? — спросил Перелешин. Простонал. За стеной хрипло закашляли.

Тень на обоях очертаниями напоминала висельника. Труп вынули из петли, а тень сохранилась в назидание будущим жильцам. Перелешин нашёл пульт. Загорелся экран, оглушительно загрохотали взрывы. По коже побежали мурашки. Заныло плечо, рассечённое рубцом, где белая кость вылезла наружу из мясного плена. Переле-

шин судорожно выключил телевизор.

Он сидел на краю кровати, стиснув зубы и кулаки, и гадал: когда всё началось?

Эту историю можно начать с граффити на подъезде к Каркозе или десятком иных способов.

Например: Михаил Перелешин родился весной 1970 года, одновременно с актрисой Умой Турман и едва не умер в тот же день. Пуповина пережала горло, словно удавка и он стал багровым. Мать так часто пересказывала эту историю, что, кажется, он помнил, как всё было. Помнил рыжие усы акушера.

Вот другой вариант: Перелешину десять, он понурился в директорской приёмной. Щёки исцарапаны, колени сбиты; предвкушая порку, он жалеет, что не задохнулся в младенчестве и утешается тем, что Савельев выглядит не лучше. Уж разукрасил он его! Мама пререкается с родителями Савельева. Дома она всыплет сыну ремня, но в школе будет защищать непутёвое чадо до последнего.

«Ваш мальчик назвал Мишу словом на букву „ж“. Откуда он знает это слово?»

«Жопа?» — Отец Савельева притворяется, что не понимает. Но он понимает.

«Жид», — чеканит мама.

Вот музыкальный вариант: Перелешину двенадцать и он слушает пластинку "Deep Purple". На пластинке чудища Босха и грешники в аду. Или: шесть лет спустя, наглый и хмельной, врывается в гримёрку одной из самых популярных ленинградских групп и заявляет, что будет их бас-гитаристом. Следующий концерт они дают вместе. Перелешин играет в группе два года, успевает поучаствовать в записи культового альбома. В каждой уважающей себя энциклопедии русского рока есть его физиономия. На фотографиях он патлатый и ещё худой.

Начало эмиграционное: в пьяной драке пырнули ножом, неглубоко задето предплечье, но жена в больнице глядит на него, как на умирающего, сложила руки на животе, будто защищает ребёнка от такой жизни. Жена смотрит печально и говорит: «Либо разведёмся, либо уедем».

Историю можно начать со всех тех трудностей, которые ждали за рубежом завязавшего пьяницу, неудавшуюся рок-звезду или с Моисея, который вывел свой народ из Египта, или с буферной зоны в Южном Ливане, или с нападения на пограничный патруль, или так:

2006 год. Перелешин ведёт десятилетнюю Соню на премьеру мультика Мияздаки «Сказания

Земноморья». На двадцатой минуте сеанс прерывают грубо. Вспыхивает свет. Кто-то из зрителей произносит ровным голосом: «Началась война».

Мобилка нагревается от непрерывной трели. Из Питера звонит мама, умоляет бросить всё и вернуться. По телевизору выступает министр обороны Перец. Вика курит в форточку и плачет. Соня, испугавшись, обнимает маму, они рыдают хором. Перелешин подходит и неловко обнимает обоих. Так они и стоят, оцепеневшие, простившие друг друга в первый день войны.

— Мне страшно. — Соня смотрит ему в глаза своими большими синими глазищами.

— Не бойся, маленькая. Мы с мамой рядом. И Каштанчик. — Он теребит за ухом плюшевого ослика. Каштанчик с год пылился на антресоли, но теперь снова в постели хозяйки.

— А если бомба упадёт?

— Не упадёт.

— Обещаешь?

— Клянусь. Как по-французски «мы в безопасности»?

Соня учит английский, французский, иврит. «У неё талант к языкам», — говорит репетитор.

— Я не знаю. — Соня топит губы в гриве Каштанчика.

— А как будет «я люблю тебя»?
— Je t'aime.
— Je t'aime…

В четверг он выбирается из дома. Нижний город вымер. Закрылись рестораны и магазины. Не хватает перекати — поля, кочующего улицами. Он сказал бы, что Хайфа похожа сейчас на Каркозу, но в 2006-м он не слышал ни о какой Каркозе.

Безразлично шумит море. Изредка по набережной пролетает полицейский автомобиль. Едет армейская колонна. Соне понравилась бы камуфляжная расцветка противоракетной установки «Патриот». Он решает, что самое время развязать и отыскивает работающий маркет. Покупатели, сбившиеся в кучу, и патрульные, покупающие сигареты, вызывают ассоциации с повестью Стивена Кинга «Мгла». Вот-вот по парковке поползёт туман, отрежет от мира; из тумана явятся монстры, босхианские чудовища, как на обложке "Deep Purple".

Звонит Вика, просит немедленно вернуться. Шесть ракет упали на город, есть жертвы. На Адаре, в районах Кармеля, Чек-Поста и Ахузы разрушены дома. «Хезболла» называет это «Иранским громом».

По дороге домой Перелешин выпивает треть

бутылки рома, остатки прячет. Из парка «Эли Коэн» торопится в бомбоубежище кое-как одетая семьи. Надсадно воет сирена, раздаются далёкие хлопки.

— Сюда не достанет, — бормочет Перелешин. Громыхает так, что земля вибрирует под ногами. Он мчится сквозь сквер, прикрыв голову. Сигналят «амбулансы», пахнет дымом. Ракета угодила меж высоток по улице Дерех Царфат.

— Где Жабка?

— Жабка спит. Где ты шлялся?

— Дышал свежим воздухом.

— Она хотела, чтобы ты уложил её спать.

— Прости, я не посмотрел на часы.

— От тебя воняет.

Под презрительным взглядом он пьянеет сильнее.

— Вик, у меня тоже нервы на пределе. Неизвестно, что нас ждёт. Я могу выпить сто грамм. Война…

— Она тебя ждала. — В глазах жены слёзы — не текут по щекам, но стоят, как опрокинутые озёра. Увернувшись от протянутой руки, Вика уходит на кухню. В следующий раз он увидит её в морге, среди других трупов, извлечённых из-под руин.

Сирена то замолкает, то снова взвывает. Бомбы

падают, как за бездушие свергнутые боги. Перелешин включает альбом, в записи которого участвовал и чувствует себя абсурдно счастливым, как святые перед смертью.

Глотая из горлышка ром, он думает: «Я могу развестись, но остаться хорошим отцом для Сони. Я буду свободен».

Что-то приближается сверху, с небес. Дом падает, музыка умолкает, вылезают кости, жена умирает в цементном крошеве.

Каркоза была мёртвым городом, несмотря на редких статистов и автомобили. Как декорации, которые возвели, но пока не использовали. Как разорившиеся парки развлечений, ветшающие под дождём. Петляя промозглыми улочками, Перелешин натыкался на подсказки к неозвученной загадке. Таинственные символы, вмурованные в материю мартовского дня. Глаза, нарисованные на штукатурке средневекового храма. Грузовик с огромным пластмассовым пупсом в кузове. Многочисленные объявления «Куплю волосы», навязчивые, как мысли о гнёздах из волос, о существах, нуждающихся в человеческих волосах.

Ориентируясь по карте, Перелешин вышел к центру. Широкий проспект разделяла посередине кленовая аллея. Первые этажи домов отвели под

булочные, кафе и магазины. Каркоза не привлекала туристов. Что здесь фотографировать? Чем хвастаться в социальных сетях? Мелкой речушкой, журчащей в низине? Замшелыми химерами на коньках крыш? Заколоченным алхимическим музеем?

Лужи отражали свинцовое небо. «Небо, — думал Перелешин, — это место, откуда падают бомбы». Пятнадцать лет назад он полз, как червь, по уничтоженному миру, глотал пыль и слушал ветер в ушах, кричал, но крик не пробивался сквозь гул. Кость торчала из плеча, лилась кровь. Он не ощущал боли. Квартира стала скопищем бессмысленных безобразных углов, триумфом экспрессионизма. Куда-то подевался потолок — нельзя существовать без потолка, если небеса тебя ненавидят. Обломки стен с синими обоями, спальня дочери. Он переполз завалы и собственный вопль раздался из соседнего измерения.

Имя. Слово, с которого заново началась его вселенная.

Спинку лавочки оседлали подростки. Все состоящие из шипов: шипастые ботинки, проклёпанные куртки, стержни в ушах и бровях, крашеные волосы выставлены иглами. В музыкальную бытность такие мальчишки и девчонки

тусовались у рок-клуба на Рубинштейна, в "Castle Rock" и «Сайгоне». Только крутые прикиды они мастерили себе сами, а не покупали в бутиках.

Панки передавали по кругу вино; впервые за много лет Перелешину захотелось смочить горло алкоголем. При виде чужестранца компания осклабилась. Девушка с синей чёлкой и серьгой в носу крикнула что-то по-французски. Её дружки загоготали, а Перелешин ускорил шаг.

Он обратился к условному Богу, теоретическому творцу, непроизносимому Тетраграмматону.

«Однажды ты вернул мне дочь, она была живой под обломками, спасибо. Отдай мне её опять».

Хохот панков утих за поворотом. Перелешин замер возле витрины. Старинные тома возлежали на бархате, дразня язычками ляссе.

«Ещё один вариант начала истории, — подумал Перелешин. — Вариант с висельником».

Висельника звали Сергей Мазанцев. Он был из тех Сергеев, которых все зовут «Серёгами». Жилистый, подвижный, нахальный. Перелешин повидал таких репатриантов: им словно бы удавалось перевезти за границу родной воздух и они ходили внутри этого воздуха, как в коконе. Вместе с ними передвигался неровно вырезанный контур СНГ.

Мазанцев эмигрировал с мятежного востока Украины. Из разбомблённого квартала Перелешин перебрался в тихий и живописный пригород Хайфы, там же позже поселился Мазанцев. Две войны сделали их соседями.

В спортивном костюме, бритый, плавный, как ящерицы и убийцы, Мазанцев напоминал торгаша. И не догадаешься, что его квартира напичкана книгами. Мазанцев был книжным торгашом.

Похоронив Вику, Перелешин не впускал женщин ни в свой дом — уютный домик с огородом и панорамными окнами, — ни в сердце. За пятнадцать лет вдовства у него были быстротечные романы, ни к чему не обязывающие свидания. Он занимался оптовыми поставками в крупной фирме, а остальное время уделял воспитанию дочери. Первый год после смерти жены был самым тяжёлым. Потом полегчало.

Соня росла стремительно — быстрее, чем он желал бы. Она была особенной девочкой, пусть эта фраза из уст отца и звучит предвзято. Запоем читала книги, опережая школьную программу по литературе. С Гарри Поттера перепрыгнула сразу на Чехова. Собралась крошечная музыкальная группа: Соня освоила электронные барабаны, а

Перелешин импровизировал на гитаре. Пройдя этап «буду рок-звездой, как папа», Соня барабаны забросила; распад дуэта оказался для отца драматичнее, чем изгнание из настоящего ансамбля в девяностом. Соня увлеклась актёрским мастерством. Штудировала учебники, записалась на курсы. Перелешин оплатил пластическую операцию по удалению шрама с виска дочери. Он сделал всё, чтобы детство Сони было счастливым.

Перелешин носил в ателье флэшки и упаковывал распечатанные фотографии под плёнку. Соня говорила, это ужасно мило и старомодно. На снимках его Жабка хохотала, перепачканная мукой, кривлялась, кормила чаек во время единственного визита в Петербург (родителя Перелешина умерли, связь с Россией окончательно прервалась); Соня купалась в море, тискала мопса, обнималась с подружками, перевоплотилась в Фредди Крюгера для хэллоуинской вечеринки и в Ромео для школьного спектакля, выложила в Интернет фото в нижнем белье и была наказана. Три альбома содержали фотографии Сони со службы на базе Баэр-Шева. Перелешин шутливо грозил переквалифицироваться в армейского раввина, надзирателя за кашрутом, чтобы контролировать

дочь. На тех снимках Соня напоминала юную Вику.

Перелешин никогда не говорил дочке, что хотел развестись с её мамой, что развёлся бы, если бы не трагедия.

Пока Соня отдавала Родине долг и заваливала соцсети фотографиями со сборов, в доме напротив поселился украинский хлопец Серёга. А так как воздухом своим говорливый Серёга готов был делиться со всеми, Перелешин периодически болтал с книготорговцем. Завидев соседа, Мазанцев спешил через дорогу, широко улыбаясь щербатым ртом.

— Ну и денёк! — частил он. — Бегаю, говорю, круглые сутки.

— И что набегал?

— Дык вот! — Серёга извлекал из олимпийки бумажный свёрток. Мозолистые пальцы с обкусанными ногтями удивительно бережно освобождали от упаковки книгу. — Киплинг, — восхищённо произносил вороватый мужичок в палёном «Адидасе». Или: Брокгауз. Или: Дидро.

Подпив — у Мазанцева случались запои, — он поведал, едва не прослезившись, что в Донецке оставил тонны дореволюционных изданий. «Я был акулой на толкучках», — сказал он.

Перелешин подумал: Мазанцев, отлично ориентирующийся в литературе, истории, географии, использовал внешнюю обманчивую простоту, затрапезность, обкатывая клиентов. Нюх на первые издания, раритеты, автографы у букиниста был феноменальный. Он тратил несколько сот шекелей, скупая в книжных лавках обшарпанные тома и перепродавал втридорога. Мотался по стране, прибирая к загребущим лапам библиотеки отъезжающих за границу книгочеев. В июле целую фуру пригнал из Иерусалима и сообщил доверительно Перелешину: «Пить буду неделю».

А в августе повесился. И никому его книги и атласы оказались не нужны.

Соня задувала свечи на праздничном торте: восемнадцать штук, двадцать, двадцать три. И в это же самое время во Франции, в пронизанном сквозняками отеле, чёрная тень висельника липла к обоям, как опухоль.

По безлюдным улицам Каркозы ветер носил конфетные обёртки.

Перелешин перевёл взор с заплесневелой стены на дисплей телефона.

Известие о том, что дочь собирается снимать квартиру, он принял скрепя сердце. Было страшно в пятьдесят лет остаться одному в пустом доме.

Но Соня убедила:

— Папочка, я буду приезжать на шабат, звонить каждый день и это не другая галактика, а всего-то час езды.

Она держала слово. Приезжала и звонила регулярно. Ежедневно писала, присылала смешные картинки. В телефоне сотни сообщений. Переписка оборвалась зимой. Почти два месяца — ни письмеца, а затем, как авиаудар среди ночи, фотография без подписи. Театральная афиша.

Точно такая же афиша, но сырая и потрёпанная, висела на кирпичном фасаде по rue de l'Oubli. В двадцать три Соня не оставила идею блистать на сцене. В свободное от учёбы время посещала различные кастинги, сыграла эпизодическую роль в телесериале. Роль была до обидного короткой, пара реплик. Перелешину хотелось спросить режиссёра, чем он думал, не дав такой талантливой актрисе проявить себя. Но как связана мечта израильской девушки о кино и эта уродливая афиша в зловонном переулке Каркозы?

"The Yellow Sign" — гласила жёлтая надпись на чёрном фоне. По левому краю вздыбилась тощая жёлтая фигура, непомерно высокая. Жёлтая тень жёлтого человека диагонально перечеркнула лист.

«Тридцатого марта, — сообщала лаконичная афиша по-английски. — Легендарный спектакль в „Хале“».

Перелешин поднял взгляд. Над узкой дверью располагались четыре буквы. HALA. Табличка "Closed" на цепи. Перелешин подёргал ручку — заперто. Клуб? Театр? Чем бы ни была «Хала», двадцать девятого марта она не впускала посетителей.

Перелешин растеряно заозирался. Пешеходная дорожка полого уходила вверх, мимо закрытых заведений у подножья кривых пятиэтажных муравейников. Замкнутые двери, замкнутые ставни. Провода, протянутые между зданий.

В мусорном баке зашуршало. Запах мочи и гниющих овощей ударил в ноздри. С края контейнера кровавой соплёй свисал женский парик. Красный скальп, а под ним что-то копошилось в картофельных очистках.

Перелешин посмотрел на согнутую, закупоренную фольгой бутылку, валяющуюся в углу, на шприцы, скопившиеся возле бака, впился глазами в погашенные неоновые вывески. Ноги в колготках, пронзённое сердце, гендерные символы Венеры и Марса, схематический пенис.

Желудок наполнился жёлчью. Рот пересох.

Улица красных фонарей — вот куда привела его афиша. Либо театр соседствовал с секс — шопами и борделями, либо «Хала» была борделем. И в бордель позвала его дочь.

А может, началось всё за шесть месяцев до Каркозы?

Конец сентября. Летняя жара спадает. Над долиной Звулон ни облачка. Небо голубое, без края, без бомб.

Перелешины возвращаются в Кирьят-Ата из Хайфы. Суббота — «родительский день», они ели в ресторане, пили арбузную «Фанту» в Бахайских садах и много смеялись. Соня ведёт автомобиль, подвозит домой своего «старика». Она красивая, длинноногая, худющая. Щемяще похожая на мать в профиль.

Перелешин думает: странная штука — мозг. Воспоминания о Вике как-то съёживаются, стискиваются, будто супруги прожили вместе два — три года, но никак не десять лет. Мёртвые отступают в тень. О двух годах на сцене он помнит больше, чем о супружестве.

В этот погожий день ему не до смерти.

— А парни? — спрашивает он.

— Какие парни?

— Мальчики, бойфренды, подростковая влюблённость.

— Кажется, я прозевала этот этап.

Личная жизнь дочери — та, что ему доверена — это лопоухий Гаэль, увивавшийся за Соней в старших классах. На выпускном, перебрав с коктейлями, Соня облевала ухажёра. Дочь повторяет: нет времени бегать на свидания. Перелешин задаётся вопросом, не связано ли отсутствие постоянного партнёра у дочери с пережитой травмой. Он мало смыслит в психологии. Всуе он думает, не лесбиянка ли его дочь, но даже если так, думает он, это не станет проблемой.

— И вообще, — Соня выруливает к синагоге, — ты старше, ты первый должен жениться.

— Кому нужна такая развалина! — хохочет Перелешин.

— Брось, па, ты красавчик. Вылитый Вэл Килмер.

— Твоему поколению не положено знать Вэла Килмера. Кинофрики умирают в одиночестве.

— А кто заставлял меня смотреть старые фильмы?

— Каюсь!

— Напомни, как зовут твою коллегу?

— Которую?

— Дамочку, она подкармливала тебя бобеле.

— А, усатая!

— И кто из нас переборчивый?

— Её зовут Лея. Лея Пукман, как тебе?

— Принцесса Пукман?

Смеясь, они въезжают на засаженную кипарисами улочку.

— А что там? — спрашивает Соня, паркуясь. У гаража напротив идёт бойкая торговля. Соседи перебирают лежащие в коробках и прямо на тротуаре вещи. За покупателями наблюдает Мехьяр. Толстяку — марокканцу принадлежат несколько домов в округе. Включая дом под зелёной крышей, который до недавних пор арендовал букинист.

— Ты помнишь Серёгу?

— Не очень.

— Он жил вон там.

— А, такой низкорослый гопник?

— Гопник скупал раритетные книги и знал всё о прижизненных изданиях Достоевского.

— Никогда бы не сказала.

— Он повесился.

— Ого!

— Пил, как чёрт. — Перелешин вспоминает собственные запои и Викины слёзы. — Книги на

бутылку менял. А теперь его архив унаследовал арендодатель. И устроил гаражную распродажу.

— Пойдём приценимся?

— Пойдём.

Отец и дочь протискиваются к стихийному рынку. На покрывале — добрая сотня книг, на траве — книжные башенки. Перелешин не сомневается: ушлый Мехьяр приглашал оценщиков и самые ценные экземпляры припас для eBay.

Старушка торгуется за иллюстрированный сонник девятнадцатого века. Глядя на энциклопедии, словари, поэтические сборники, Перелешин думает о предметах, остающихся после нас. О человеке, чьи сокровища выброшены у гаража и проданы за бесценок.

«Царствие небесное», — говорят русские, но какое царство уготовано горькому пьянице Серёге? На небесах, где только и делают, что бомбы.

Мехьяр суёт в карман скомканные шекели, помогает грузить на тележку килограммы ЖЗЛ. Соня склоняется и подбирает книгу в жёлтой обложке. На обложке нет ни названия, ни имени автора. Позже Перелешин задастся вопросом, что привлекло дочь в этом неброском томике. И не могла ли книга позвать её, поманить.

Тёплый ветерок налетает с пылью, взъероши-

вает волосы, шерстит страницы низвергнутых к ногам стихов. Соня открывает безликую книгу, глаза её на миг расширяются, а мышцы расслабляются. Заинтригованный реакцией дочери, Перелешин подходит и смотрит через плечо. Судя по расположению строк, жёлтая обложка скрывает пьесу.

— Что это? — спрашивает он, вчитываясь в заглавие. — Паннеау жауне?

Соня не улыбается, как обычно, когда он коверкает французские слова.

— Панно жон, — говорит она отстранённо. — Жёлтый знак.

Ресторан назывался "Kutuzov". Двухметровая матрёшка у входа сагитировала Перелешина. Он перебежал дорогу — совершенно пустую — и окунулся в приторные звуки балалайки. Оформители переборщили с русской исконностью. Стены, выкрашенные под Гжель, намалёванная берёзовая роща в туалете. Не хватало медведя на поводке, скрещённых автоматов Калашникова и портрета Гагарина. Моя руки, Перелешин представил застрявшего в Каркозе эмигранта, который сидит на унитазе в берёзках и ностальгирует о Родине.

Официант — в косоворотке, как положено

— принёс меню на русском. Ранним вечером "Kutuzov" соответствовал городу снаружи. Он был тёмен и безлюден.

Перечень блюд пробудил аппетит. Перелешин заказал солянку, вареники и компот. Оставшись в одиночестве, оглядел русопятский островок посреди Франции. Фотоколлаж на заднике сцены запечатлел звёздных гостей ресторана. Здесь давали концерты померкшие поп-звёзды девяностых и рокеры второго ряда, артисты «Кривого зеркала» и резиденты «Камеди клаб». Все они позировали с одним и тем же примечательным дядькой. Лысый боров, правый глаз прикрыт пиратской повязкой. Вероятно, хозяин "Kutuzov`a".

Отвлекая от разглядывания коллажа, на кухне звонко залаяло.

— Дурдом, — процедил Перелешин. Каркоза вводила его в ступор, в уныние, захлёстывала ощущением неправильности, не — нормы. Отмахиваясь от теней, он прошёл к музыкальному автомату и заткнул рот исполнительнице тягучих романсов. Выбирая композицию, он то и дело озирался. Казалось, за ним следят из темноты. Липкие взгляды скользили по коже, как влажная тряпка.

Грянули барабаны, наваждение схлынуло. Под

пульсирование собственной гитары Перелешин вернулся за стол. На припеве подоспел ужин.

— Хорошая песня, — сказал официант, разгружая поднос.

Перелешин намеревался похвастаться, мол, играл в этой группе, мол, сейчас звучит его бас, но промолчал, вдруг абсурдно испугавшись, что официант позовёт одноглазого для фотосессии со знаменитостью.

— Откуда вы? Украина, Россия?

— Израиль.

— Вы один в Каркозе?

— С дочерью. — Перелешин подумал о близости ресторана к улице красных фонарей. Не только его могла привлечь исполинская матрёшка. Он вынул фотографию из кошелька. — Кстати, она не заходила сюда?

Официант долго всматривался в снимок. Покачал головой.

— Красивая девушка. Я бы запомнил.

— Может быть, ваш напарник…

— Его забрали в феврале.

«Забрали?»

— Скажите, вы знаете такое место — «Хала»? Клуб или…

— Приватный клуб, — закивал официант. —

Для больших людей. Очень старый.

— Старый? — Перелешин сам не понял, почему привязался к этому слову.

— В годы оккупации через «Халу» сбегали евреи.

— А… там дают спектакли?

— Там дают всё. — Официант многозначительно шевельнул бровями. На кухне опять залаяло. Официант привстал на цыпочки и, извинившись, ретировался. Бросил клиента наедине с солянкой.

Суп был наваристым, перчёным, но Перелешин почти не чувствовал вкус. Механически орудовал ложкой и смотрел на фотокарточку. Он вспомнил разрушенную спальню дочери, обломки мебели, плюшевого ослика в пыли. Как кричал, распихивая мусор здоровой рукой и как сквозь вату в ушах услышал тоненький плач. Это Соня родилась заново и позвала его из-под рухнувшего потолка. Кровля образовала подобие аттиковой стены и защитила девочку. Перелешин вытащил дочь из бетонной матки и притиснул к груди.

«Возвратись ко мне», — взмолился он.

Взгляд пронзил фотографию, скатерть, столешницу и устремился в октябрь.

Всё началось в октябре.

— Девочки? — Перелешин переступает порог, нашаривает выключатель. Лампочка вспыхивает, но тут же гаснет, перегорев. Перелешин стучит о косяк. — Девочки, вы забыли запереться.

Не откликаются ни Соня, ни Юваль, подружка, с которой дочь снимает на двоих квартиру. Из Сониной спальни слышатся голоса.

— Это папа. — Перелешин идёт по коридору. Прислонённый к стене велосипед, цветастый зонтик, кеды и туфли — обстановка будто заверяет: ничего не случилось, ты заморочил себе голову, старик. Но есть что-то ещё, едва уловимое, как осенняя паутина, несомая ветром. Дурное предчувствие, следовавшее за Перелешиным по пятам. Ночные кошмары.

Ему снился разбомблённый дом. Ноги Сони торчали из-под накренившейся кровли. Он полз на помощь, но застревал. Появлялся кто-то высокий, в жёлтом комбинезоне, с головой, исчезающей в облаках пыли. Руки в резиновых перчатках хватали Соню за щиколотки и тянули. Выше талии тело дочери обрывалось. Не было ни крови, ни раны, просто закруглённая плоть, как у манекена. Человек в жёлтом уносил обрубок с собой — во сне Перелешин знал о жёлтом катафалке, припаркованном у руин.

Жёлтый человек бродил по городу, уничтоженному «Хезболлой» и забирал мёртвых дочерей.

Кошмар повторился трижды. Из-за него и днём Перелешин вздрагивал от малейшего шороха. А в понедельник, прежде чем уснуть, смотрел на соседский дом, пустующий с августа. Показалось, кто-то ходит за окнами повесившегося букиниста.

Соня говорила по телефону: «Не накручивай, пап». Но он накручивал. И приехал к своей девочке, подстёгиваемый тревогой.

За межкомнатными дверями говорят полушёпотом, с грассирующими «р». Три или четыре человека. Урок! — догадывается Перелешин. Соня занимается репетиторством, учит по скайпу французскому и ивриту.

«Дурак я», — думает Перелешин.

За спиной раздаётся скрип. Это дверь ванной приоткрывается без посторонней помощи, хотя кто знает. Внутри абсолютно темно. Перелешина парализует на миг сюрреалистичная догадка: в ванной хоронится Серёга Мазанцев. У него странгуляционная борозда на шее, поломанный позвоночник, а лицо чёрное — чёрное, потому что… Откуда Перелешину знать почему? Он не врач, он псих, раз верит в привидения.

Шепотки проникают в мозг из спальни, из мрака. Пахнет гнилью и тиной.

Перелешин облизывает губы. Он смотрит на матовое оконце в дверях. На мрак за стеклом. Дочь репетирует в темноте.

— Жабка?

Перелешин толкает дверь.

Шепчущие резко умолкают. Тишина набрасывается, как голодная псина. В спальне нет никого. Окна занавешены чёрной тканью, не пропускающей солнечные лучи. Ноутбук — единственный источник света. На экране — башни и шпили какого-то старинного города, может быть, восточного. Книга в жёлтой обложке на одеяле.

— Пап?

Перелешин вздрагивает. Он готов поклясться: секунду назад в углу никого не было. А сейчас там стоит его дочурка. Соня стоит в полутьме за шкафом. Каштановые волосы спадают на голые плечи. Лифчик, трусы. Перелешин отворачивается смущённо.

— Я стучал.

— Прости, я репетировала.

— В темноте?

— Так надо. Они не любят свет. — Дочь, накинувшая халат, вплывает в поле зрения.

— Они?

— Что?

— Ты сказала: они.

— Я не вышла из роли.

В комнате спёртый воздух. Пахнет потом и мочой.

— Нужно проветрить.

— Не сейчас. — Соня уводит его на кухню. У неё круги под глазами. Лицо осунувшееся, заострившееся. Тревога с новой силой атакует Перелешина.

— Ты не заболела?

— Всё хорошо, пап. — Она достаёт кружки, ромашковый чай, наливает воду в чайник. Убирает за ушко прядь позаимствованным у мамы жестом. — Правда, не о чём беспокоиться.

— Ты много трудишься, — упрекает он. — А что за репетиция?

— Я прохожу пробы.

— Круто! Сериал?

— Театральная постановка. «Жёлтый знак».

— Не слышал.

— Это анонимная пьеса. Старая-старая. Я думаю, я идеально похожу на роль Кассильды.

— Уверен в этом. А кто ставит спектакль?

— Французы.

— В Хайфе?

— В Каркозе.

Мозг выдаёт сиротливую ассоциацию: европейский режиссёр, прославившийся мрачными клипами для рок-мастодонтов. Он пропал без вести в Каркозе. Пару лет назад об этом писала пресса.

— Ты же не собираешься?..

— Поглядим. — Соня касается пальцами бледной щеки, словно удивляясь, что сделана из плоти и крови. — Поглядим, пап.

Прежде чем отыскать свой отель, Перелешин блуждал кругами, врезаясь в глухие стены и тупики за арками. Наконец он увидел знакомую вывеску, пробрался по знакомой лестнице на последний этаж. Половицы стенали под подошвами. Перелешин юркнул в номер, окинул мысленным взором прожитый день. Он всё больше убеждался в декоративности города, где, как в компьютерной игре, существовали открытые и закрытые локации, места, куда можно ходить и места, не прописанные программистами.

Когда кариозный зуб полумесяца прорезался из чёрных дёсен неба, он снова пришёл к «Хале» и снова нашёл табличку на цепи. Зато заработали соседние клубы. Потрескивали неоновые

трубки, к вони мусора примешался запах каннабиса, пачули и ароматических палочек. Изнутри на подоконники взгромоздились манекены в блудливых позах. Но не было ни охраны, ни посетителей — лишь распахнутые двери, похожие на багровые пасти.

Перелешин принял душ и голый забрался под колючий плед. Тень висельника въелась в обои. Она помнила поимённо всех жильцов, бедолаг, что думали о самоубийстве и жгли серу, пытаясь выгнать из номера клопов. Перелешин и сам в какой-то степени был удавленником: усатый врач спас из петли пуповины.

За тонкими перегородками двигали мебель. Телевизор зашипел враждебно. Перелешин клацал каналы, остановился на местных, судя по логотипу, новостях. Показывали собор, тот, мимо которого он проходил сегодня, собор с глазами на штукатурке. Диктор за кадром вещал монотонно. Перелешин не понимал, о чём он говорит, но история выстраивалась из смены картинок. В склепе собора хранилась мумия, по-видимому, мощи католического святого. Зрителям показали иссохший скелет в ризе, крысиную морду, обтянутую серой шкурой. Сбоку на шее святого вздулась омерзительная опухоль, напоминающая осиное

гнездо. Камера фиксировала крупным планом нарост. Пошли эксперты: кто-то, кто мог быть учёным и кто-то, кто мог быть сумасшедшим фанатиком. Снова демонстрировали мумию, уже при другом освещении. Опухоль исчезла.

Новости стали походить на гнетущий артхаусный фильм, когда кадр заполнило лицо священника, молча высунувшего язык. Священник сгинул в затемнении, так и не проронив не звука. Заканчивался репортаж проездом от алтаря к пасмурному небу в распахнутых дверях собора.

«Опухоль выросла, отпочковалась и ушла», — расшифровал Перелешин. Это была шутка, прокрученная в голове, но Перелешин поёжился.

Он уснул под бравурную музыку, фон к прогнозу погоды. Обещали дожди.

Соня меняется. В декабре она… будто двухмерный персонаж в трёхмерной графике. Чёрно-белая врезка в цветном фильме. Чернее сажи. Белее пыли рухнувшего многоквартирного дома.

Он думает, она худеет для роли. Он не одобряет голодовку, но не лезет не в своё дело.

Она говорит, что счастлива. Что прошла пробы и её утвердили на роль.

— Ты знаешь, как это важно для меня. А «Жёл-

тый знак»… это удивительная пьеса. Апокалиптическая.

— Но твоя работа… репетиторство…

— Работу я давно собиралась сменить. А репетиторством занимаюсь по скайпу. Каркоза во Франции, а не в Северной Корее, там есть Интернет.

Он мечется по кухне, звенит посудой, сердится. Она берёт его за руку.

— Пап. Всего три недели. — И видя, как отец тает, Соня окольцовывает его шею. — Спасибо! — опережает тираду. — Ты будешь мной гордиться. — Её пальцы холодные. Изо рта плохо пахнет.

Он думает о торговле людьми, о борделях, где девушек удерживают насильно. И всё равно отпускает дочь.

Соня улетает в Париж после Ту би-Шват. Словно могильную плиту кладут Перелешину на грудь. Он помнит, как спросил дочь, о чём эта пьеса, но, хоть убей, не понимает, спрашивал в реальности или во сне. И если в реальности-то почему описание сюжета не вызвало шквал вопросов? Почему он обречённо кивнул в ответ?

За три недели Соня звонит пять раз — преступно редко. Связь ужасная. В трубке он слышит

самого себя с дебильным опозданием. Слышит мужской поторапливающий голос на фоне.

— Па, я говорила, мы репетируем с утра до вечера. Сейчас в Париже, но скоро поедем в Каркозу.

— Пришли фотографии, — клянчит он.

— Что-то с картой памяти. Фотки не сохраняются.

— Как зовут режиссёра?

— Я не…

— Как зовут…

— Ты прерываешься.

— Жабка!

— Да, пап.

— Если что-то не так, если тебя обижают, скажи на иврите. Или… или покашляй три раза.

— Пап! Ты что, в шпионском фильме? Всё прекрасно! Это Париж, пап!

«Всё прекрасно», — талдычит он.

Пятнадцатого февраля Соня сообщает, что задержится. Голос призрачный, безликий. Это его дочь или кто-то другой, какая-то злобная насмешница? Звонки становятся реже, короче и бессмысленнее. С восьмого марта Соня не выходит на связь. Абонент недоступен.

Измученный подозрениями, бичующий себя, Перелешин договаривается о встрече с Сониной

подружкой. Ждёт её в торговом центре «Лев ха — Мифрац», в любимом кафе дочери. Юваль, всегда приветливая и весёлая, отводит взгляд и явно торопится уйти.

— Нет, я ничего не знаю. Совсем ничего.

— Юваль, — умоляет Перелешин. — Вы что-то скрываете?

Девушка теребит сумочку.

— Вы решите, я сошла с ума.

— Расскажи мне.

— В комнате Сони завёлся полтергейст.

Перелешин устало трёт переносицу.

— Это правда! — Юваль вытаскивает из сумочки книгу в жёлтом переплёте, брезгливо бросает на стол. — Он не даёт мне спать! Он подчинил себе Соню. Я думаю, всё из-за пьесы. Ночью кто-то читает её вслух. В Сониной спальне, за стеной.

Перелешин ошеломлённо переваривает информацию. Юваль вскакивает:

— Мне пора.

— Если ты что-то узнаешь…

— Я напишу.

В переполненном кафе Перелешин касается пальцами книги. Обложка шершавая, как змеиная кожа.

Перелешин боится, обернувшись, увидеть за

плечом чёрное лицо букиниста Серёги.

Обычно он просыпался около восьми, но в Каркозе не было ничего обычного. Часы показывали полдень, а за окном властвовала всё та же мгла. Болело горло. Сглатывая, он словно пропускал через гланды морских ежей. Он «мерял температуру», приложив ладонь ко лбу и вспомнил, что так делала Вика. Глаза защипало. Ночью кто-то выключил телевизор и переставил вешалку.

Потолок в углу потёк, как пластмасса под воздействием жара. Образовалось нечто противное эвклидовой геометрии. Золотые обои давили на психику, но мир вне отеля был ещё гаже. Он утешал себя тем, что вечером увидит Соню. Чтобы убить время, включил телевизор и посмотрел «Фантомаса» на языке оригинала.

Почему-то, спускаясь по лестнице, Перелешин старался не попасться на глаза портье.

Каркоза умылась весенним дождём. Продавленный тротуар поблёскивал лужами. В пустой аптеке, будто телепортировавшейся из викторианского далёка, сверкал кафель и лыбились картонные мордашки поросят, приклеенных к витрине. Аптекарь так и не вышел на звон колокольчиков и покашливание посетителя. Перелешин покинул аптеку пятясь, подозрительно

всматриваясь в тень за латунным кассовым аппаратом. Он прошёл вдоль стены из проволочного каркаса, набитого галькой, вдоль ангара и деревянной набережной. Голуби выкрасили перила помётом. Мокрая ковровая дорожка спускалась к реке. У воды женщина в жёлтой ветровке кормила хлебом нахальных птиц.

Перелешин схватился за набалдашники ограды. Ночью в отеле ему приснился поразительно яркий сон. Будто он сходит со сцены после концерта, вспотевший и счастливый. В гримёрке ждёт Вика. Это анахронизм: они познакомятся только в девяносто четвёртом, с музыкальной карьерой покончено. Во сне Перелешину плевать на нестыковки, ведь Вика абсолютно голая, а он так соскучился. Жена жестом приглашает в объятия. Он бросается к ней, тычась лицом в остренькие груди, посасывая их, как ей нравилось при жизни. Вика изгибается, направляет, ласкает пальцами лохматый затылок будущего мужа, будущего вдовца. Член Перелешина готов лопнуть от возбуждения. Из сосков Вики капает молоко. Она говорит хрипло:

— Король грядёт.

Ураган вторгается в идиллию. Раскидывает сценические костюмы. В гримёрке нет потолка,

над любовниками кипящее и булькающее небо.

Вика кладёт ладони на виски мужа и говорит вкрадчиво:

— Нет иной обетованной земли, кроме Каркозы.

Грозовые облака изрыгают бомбы. Как в замедленной съёмке, они падают вниз, увеличиваясь, увели…

На этом сон милосердно прерывался.

Перелешин помассировал горло, сплюнул в песок. Поводил расфокусированным взглядом по набережной. Женщина, кормившая голубей, засекла его и быстро-быстро помчалась навстречу. От неожиданности Перелешин запаниковал. Женщина перепрыгнула ограду и подбежала, тяжело дыша. Ей было лет сорок. Мелкие язвы испещрили подбородок и носогубные складки. Запавшие глаза лихорадочно горели.

«Городская сумасшедшая», — опознал Перелешин.

— Le Roi en jaune*! — радостно каркнула женщина.

— Извините, я не понимаю. — Перелешин заслонился сконфуженной улыбкой.

— Le Roi! — Женщина изобразила пантомимой то ли рога, то ли головной убор. — En jaune! —

Она подцепила воротник ветровки. Фанатично закивала.

— Извините. — Перелешин посеменил прочь.

«Соня, — повторял он мысленно. — Соня, Соня, Соня».

Под жёлтой обложкой около ста страниц. «Около» — потому что страницы не пронумерованы. Отсутствуют иллюстрации, любые выходные данные, датировка, тираж, сведения о типографии. Прежде Перелешин не встречал таких книг. Самодел?

Сложно определить возраст издания. Экземпляр отлично сохранился. Ни царапинки на переплёте. Гладкие ламинированные страницы. Ровные столбцы строк. Но книга старая. Точно старая.

«Полтергейст» — аукается в голове вздор Юваль. Перелешин вспоминает лицо дочери, когда она впервые взяла в руки пьесу. Ему не нравится жёлтый томик. От обложки веет чем-то нехорошим. Запретным. Он осознаёт, что это просто картон, покрытый бумвинилом. Но хочет убрать пьесу в ящик. В подвал. Закопать в землю, чтобы никакая дурочка не прочла её.

Вместо этого он кладёт том на стол.

По запросу «Жёлтый знак» поисковик выдаёт

нафталинную американскую беллетристику. Перелешин загружает переводчик и вбивает первую строку пьесы. Неуклюже шагает указательными пальцами по клавиатуре, как слон с холста Сальвадора Дали.

В правом оконце высвечивается:

«Кассильда: Теперь моим отцом будет Хастур».

«Хастур», — одними губами повторяет Перелешин. Монитор гаснет. Что-то продолговатое падает сверху. Перелешин валится на пол вместе с креслом. Он хватает ртом воздух, но кислород не проникает в лёгкие.

Над ним болтается Серёга Мазанцев. Сучит ногами в полуметре от ламината. Скрюченными пальцами скребёт пуповину верёвки, впившуюся в горло. Лицо потемнело и набухло, словно клещ, насосавшийся крови. Серёга в тишине раскачивается в петле в аду, которым стала жизнь Перелешина.

Резкая трель проносится по дому. Перелешин закрывает и открывает глаза. Висельник пропал. Это была галлюцинация, последствие переутомления или запоздалое действие галлюциногенных грибов, съеденных в девяностом.

В дверь звонят. Потрясённый, Перелешин поднимается и ковыляет в прихожую. Вытирает пот,

собирается с духом.

На крыльце стоит незнакомый гражданин в советского вида плаще и фетровой шляпе. Свет заходящего солнца рождает странную иллюзию, словно визитёр состоит из треугольников и клинышков. Словно под плащом он весь — углы.

— Господин Перелешин?

— Да, слушаю вас.

У человека жёлтые радужки и гепатитного оттенка белки. Улыбка тлеет в уголках тонких губ. Мягкий акцент, бархатистый голос.

— Моя фамилия Эрлих. Я занимаюсь редкими книгами.

— Я ничего не покупаю.

— Да-да. Но смею надеяться, продаёте. Господин Мехьяр, — Эрлих показывает большим пальцем на дом напротив, дом, где повесился Мазанцев, — он сказал, вы приобрели на распродаже пьесу.

Перелешин, не отошедший от столкновения с бездной за пределами реальности, думает, что с пьесы всё и началось. «Жёлтый знак» похитил его дочь.

— Что это за пьеса? — спрашивает Перелешин. Он уверен: гражданин — из — углов владеет знаниями, сокрытыми в тени.

— Очень особенная пьеса. — Эрлих подмигива-

ет, при этом под одеждой его что-то хрустит. — Про Конец Мира. Есть книги, которые нельзя держать у себя слишком долго. Есть книги, которых вообще не стоит касаться. За пьесой уже приходили? Мои коллеги? Как — бы — люди?

У Перелешина раскалывается черепная коробка. Язык ползает по нёбу в поисках формулировок.

— Я помогу избавиться от неё, пока не поздно. Пока ничего не случилось.

— Вы мне угрожаете?

— Я предлагаю вам три с половиной тысячи шекелей. Вас устроит эта сумма?

Перелешин пристально смотрит на гостя. Внимает зачарованно скрипу и треску под плащом. Соня отдала за пьесу пятнадцать шекелей. И что-то ещё.

— Я принесу книгу.

Он боится, что найдёт в кабинете трепыхающегося в петле Серёгу, но там никого нет. «Жёлтый знак» лежит на столе. Рядом — телефон со светящимся дисплеем. Соня прислала сообщение. Перелешин хватает мобильник.

Увеличивает прикреплённую фотографию без подписи. Афиша. «Хала». Каркоза.

Три с половиной тысячи, чтобы поехать во

Францию на дебютный спектакль дочери.

— Прекрасно. — Эрлих суёт жёлтый томик за пазуху. — Замечательно. — Он вручает Перелешину купюры. — Будьте осторожны впредь.

— Моя дочь читала эту книгу, — слова сами срываются с губ.

— Мне жаль. — Эрлих уже уходит, сворачивает за живую изгородь. Перелешин сбегает с крыльца, шлёпает по плитке пятками в носках. Дорожка пуста. Букинист пропал. Втянулся в изгородь или просочился сквозь асфальт.

Перелешин идёт домой, чтобы забронировать билеты на самолёт до Парижа и поезд до Каркозы.

На улице красных фонарей собралось человек двадцать. Перелешин узнал синеволосую панкетку и одноглазого здоровяка с фотографий в русском ресторане. Владелец "Kutuzov`a" пихнул Синевласку локтем, они зашушукались, провожая Перелешина многозначительными взглядами.

Подмывало орать в их физиономии, но Перелешин сдержался. Прошёл к распахнутым дверям «Халы». У входа, в коконе красного света, дежурил бритый бодибилдер. Сверял фамилии посетителей со списком, накарябанным ручкой

на блокнотном листе.

— Surname! Documents!

Перелешин продемонстрировал загранпаспорт и был награждён уважительной гримасой. Будто важная персона на вечеринке. Рок-звезда или агнец, которого зарежут перед десертом.

Он юркнул в «Халу». Прошёл под мигающими, трещащими, как Эрлих, лампами. Коридор вонял собачьей шерстью и совокуплением. Он вёл к лестнице, а лестница вела к арочному проёму, замаскированному жёлтым полотнищем. Перелешин откинул ткань. За ней был зал, построенный по принципу амфитеатра, очертания зрителей, сцена, прикрытая занавесом. Перелешин не стал заходить. Он двинулся вправо по сужающемуся коридору. Чтобы подбодрить себя, вызвал в памяти смешную сцену из комедии "This Is Spinal Tap", где рок-группа, заблудившись в лабиринтах концертного зала, никак не могла выйти на сцену.

Он отворил первую попавшуюся дверь. Девушки прихорашивались у зеркала. Их гибкие тела усыпали блёстки, причёски вздыблились сложными конструкциями, из одежды на них были лишь стринги.

— Простите, — сказал Перелешин по-англий-

ски. — Я ищу свою дочь. — Он вынул кошелёк.

Замутнённые глаза артисток мазнули по фотографии.

— Кассильда, — сказала плоскогрудая девица в растекающемся белом гриме.

— Си! — обрадовался Перелешин. — Кассильда, си.

Артистка поманила за деревянную перегородку, в помещение, заваленное хламом, манекенами, сгнившим смердящим реквизитом. Навстречу вынырнула толстуха в атласном халате. Артистка бросила ей несколько фраз; толстуха всплеснула руками, всколыхнула жирком. Складки окольцовывали миниатюрные запястья, как невидимые резинки. Её зоб напомнил новостной репортаж про опухоль, выросшую на мощах святого.

Не слушая бормотания Перелешина, женщина сняла с вешалки плащ. Одеяние было сшито из жёлтых лоскутьев разных оттенков, от канареечного до оливкового. Перелешин запротестовал, но толстуха цыкнула языком. С помощью полуголой ассистентки набросила плащ на его плечи. Одежда оказалась холодной и удивительно тяжёлой, гладкой, будто резина.

Толстуха удовлетворённо хмыкнула.

— Моя дочь…

— Тсс!

Толстуха — костюмер? — покопалась в хламе и извлекла крупную треугольную маску с тремя извивающимися отростками по краям. Она посмотрела на Перелешина сквозь щели глазниц и требовательно заухала. В глубине здания зазвенел звонок.

— Чёрт с вами! — Перелешин подчинился. Гибкая маска, выполненная из того же гладкого холодного материала, что и плащ, коснулась лица, плотно облепила виски и уши. Артистка завязала на затылке шнурки. Треугольник был перевёрнут, верхние отростки образовали рога, а нижний стал козлиной бородкой. Отсутствовали прорези для рта, но Перелешин не задыхался.

— C'est super, — заключила толстуха, накидывая на голову Перелешина капюшон. Толкнула к дверям, спрятанным за реквизитом. Он не сопротивлялся. Интуитивно чувствовал, что Соня близко. Он проделал слишком долгий путь, полз, истекая кровью и ночевал в отеле с призраками.

Перелешин сбежал по технической лестнице. В сумерках приватного клуба грохотало. Пульсирующие басы, сплошное «пу-пу — пу».

Подол плаща подметал пыльный пол. По стене

волочилась непомерно длинная тень. Перелешин шёл на шум, сжав кулаки. В голове мелькали кадры прожитой жизни: вот он сидит в директорской приёмной, слушая, как мама пререкается с родителями Савельева на несуществующем языке. Вот он вынимает кровоточащую пластинку из конверта с чудовищами Босха, играет перед пляшущими босхианскими химерами, пьёт эликсир, превращаясь в уродливого кабана и топчет копытами Вику. Вот он выпадает из материнской вагины с пеньковой верёвкой на шее.

Всё переврано, всё осквернено во славу спектакля!

Перелешин прободал своим телом кулисы…

Свет софитов на миг ослепил. Он заморгал, озираясь. Прожектора порождали эффект пожара; словно пламя бушевало над крышами домов и соборов. Декорации воспроизводили старинный город. Каркозу в миниатюре, Каркозу, разрушенную войной. Плоские поддельные здания кренились в проход. Намалёванные улицы образовали лабиринт.

— Соня, — прошептал Перелешин, ступая по деревянному настилу. Декораторы покрыли пол цементным крошевом, строительным сором. В окнах трёхметровых домов корчились нарисо-

ванные людишки. Искажённые ужасом глаза смотрели на человека в жёлтом. — Кассильда! — заревел Перелешин. Маска исказила крик. Плащ будто сросся с кожей.

Книга украла его дочь, поглотила, привела в Каркозу. Но он отберёт Соню у «Жёлтого знака», если надо, он найдёт Эрлиха, вызубрит французский, прочтёт пьесу и опустится в бездну на поиски дочери.

Перелешин ударом ноги опрокинул фанерный домик. За декорациями стояла девушка в серебристой маске и платье, состоящем из ремешков. Она попыталась улизнуть, но Перелешин преградил дорогу и сорвал маску. Отшатнулся. Веки незнакомки были зашиты грубой нитью.

Перелешин оттолкнул девушку. Он увидел площадь в руинах и ноги, торчащие из-под бетонного блока. По изнанке маски потекли слёзы.

«Не бойся, Жабка, папа идёт».

Сбоку выскочил бородатый мужчина в лохмотьях. Он завопил отчаянно и пырнул Перелешина вилами. Картонные зубцы расплющились о плащ. Перелешин выдернул вилы из рук нападающего, смял их и продолжил путь. Со всех сторон причитали незримые плакальщики. Лучи елозили по сцене. Работала дым-машина. За чертогом

света колыхался мрак.

Перелешин откинул плиту — пенопластовую, не бетонную. Испугался, что там будет только половина дочери, бракованный манекен для поездок в катафалке.

Соня, целёхонькая, скорчилась в пыли. Его дочери снова было девять лет. Кассильда оказалась ребёнком; чтобы вжиться в роль, Соне пришлось уменьшиться, отмотать назад время. Время ничего не значило для книги в жёлтой обложке.

Перелешин аккуратно вынул маленькую Соню из мусора, прижал к груди. Прогремел взрыв, на соседней улице дома подпрыгнули и осели. Дым заволок сцену. Дочь безвольно обмякла на руках, но он ощущал, как стучит её сердце под рёбрами.

Мужчина с помятыми вилами горько рыдал. Девушки в масках выходили из-за развалин и опускались на колени перед Перелешиным.

— О Хастур! — голосили они.

Перелешин не остановился. Подол плаща зацепил девушек и те окаменели в неестественных позах.

Мир лежал в руинах. Тьма неистово аплодировала королю. Там, где он проходил, декорации тлели. Из щелей брызгал, свистя, огонь. Горячий ветер ударил в лицо. Стены разомкнулись и

Перелешин увидел истинную Каркозу, вечный город, озарённый чёрным солнцем. За спиной рушилась «Хала», погребая зрителей и актёров.

Он знал, что этот город принадлежит ему, так написано в книге, которую Перелешину суждено прочесть: «Король в Жёлтом нёс свою дочь домой». Здесь, под небесами, не знавшими бомб, он будет править вместе с Кассильдой.

Перелешин коснулся пальцами Сониной щеки. Сделал шаг по мостовой Каркозы.

И это было началом.

Максим Кабир.
Ад — это вагина

— Ад — это вагина, — произнёс магистр Гьюдиче.

Музыка заглушила последнее слово. Я решил, что собеседник сказал «другие». «Ад — это другие», как в пьесе. Лично я её не читал, но водил подружку на скучнейшую экранизацию.

Ресторан, в котором мы с Гьюдиче трапезничали, застрял в седом прошлом, но за окнами полноправно царил вполне себе двадцатый век, год тысяча девятьсот шестидесятый от Вифлеемской звезды, хлева и волхвов, и мода на экзистенциализм уверенно набирала обороты. Полагаю, даже крысы, рыскающие в сырых криптах под нами, дискутировали о Камю и Сартре.

Но, развеивая сомнения, Гьюдиче повторил:

— Ад — это вагина.

Я покивал, сохраняя безмятежность. В глубине зала залитый вином музыкальный автомат «Вурлицер» исполнял фокстрот. Мой визави с эротическим томлением оглаживал ножку бокала. В его облике, от навощённых тонких усиков до

кончиков подкрашенных волос, сквозила какая-то непристойность и я не думаю, что его сильно интересовали вагины. Гьюдиче титуловал себя «главным демонологом Парижа». Было логично, что мы встретились в ресторане на Данфер-Рошеро, известном как «площадь Ада». При Людовике XVI целые здания по рю д'Анфер провалились в преисподнюю и сейчас здесь находился официальный вход в катакомбы, в жуткий оссуарий.

За грязным стеклом кипела жизнь. У каменного льва работы Бартольди повздорили водовозы. Старьёвщик толкал нагруженную хламом тележку. Юным козликом скакал по лужам кюре из Сен-Жерве. А внизу покоились шесть миллионов мертвецов. Прелестно!

Что я сразу понял о Гьюдиче, впервые увидев полчаса назад: Люцифер при встрече не подал бы ему копыта. Обыкновенный фигляр, выбравший гоэтию, как кратчайший путь в штаны симпатичным адептам. Меня смешили его высокопарная манера говорить и лайковые перчатки, которые он не снял, принимаясь за еду, и томные взоры, посылаемые официанту. В эту дыру я явился ради паренька по фамилии Валенте. Так уж вышло, что Валенте сдуру разглядел в демонологе духовного наставника.

За соседним столиком накачивалась вином неопрятная старуха в пернатой шляпе. Сев на два стула, уплетал мясо по-бургундски месье, способный выступать в цирке уродов, разрекламированный как «самый толстый человек Франции».

Я пригубил божоле, ожидая, что Гьюдиче закруглит мысль. Просветлённой физиономией он напоминал буддистского монаха из притчи, монаха, которому, после полувекового обета молчания, позволили сказать три слова и слова были сказаны.

Я прочистил горло, вспоминая, что жизнь коротка.

— Мы говорили о Валенте. Вы виделись в марте и больше он не приходил на ваши… гм, мессы?

— Наши таинства, — поправил Гьюдиче. Подмывало достать кастет, без которого я не покидаю дом и расквасить его наружность. — Нет, но в прошлую субботу я получил от Валенте письмо.

Уже интереснее.

— Обратный адрес?

— Ничего такого.

— Текст?

— Вы меня не слушаете. — Гьюдиче похотливо осклабился, бомбардируя официанта телепатиче-

скими сигналами. — «Ад — это вагина». Вот что было в письме.

— И всё? — разочаровался я.

— Не всё.

«Святой Митрий! — Я закатил глаза. — Как же тяжело!»

Мои голосовые связки имитировали скрип. Официант, не поддавшись магнетизму демонолога, утопал за стойку. Пригорюнившийся Гьюдиче сказал:

— Там было конкретное имя.

— Я весь внимание.

— Аннелиза Кольманн.

— Уверены?

Гьюдиче одарил меня высокомерной гримасой. О, как близок он был к сломанному носу!

— Я уверен, месье сыщик. Письмо состояло из двух предложений. «Ад — это вагина. Ад — это вагина Аннелизы Кольманн». Не спрашивайте, кто такая — не имею понятия.

— Слава Сатане, — выдохнул я, без промедления вставая. Полчаса давиться вонью пота, который Гьюдиче безрезультатно пытался скрыть, опрыскавшись духами, — как по мне, чересчур. — Всего хорошего, магистр.

— Не хотите поприсутствовать на таинстве? —

Гьюдиче коснулся моего локтя затянутыми в перчатку пальцами. — Вечером мы призываем Маракса.

— Самого Маракса? С радостью, да боюсь лобковых вшей.

Я зашагал к выходу. Старая алкоголичка махнула страусовыми перьями.

— Угостишь даму, красавчик?

При ближайшем рассмотрении лет ей было около пятидесяти. Полы шляпы маскировали клеймо, вырезанное доброхотами на морщинистом лбу: кривую свастику. Одна из лапок фашистского креста перерезала бровь и заползла на веко алкоголички.

— Лови, красотка. — Я ссыпал в подставленную ладонь горстку сантимов.

— Немного опытной ласки?

— В другой раз, крошка.

— Я тут с рассвета до заката.

Мы обменялись воздушными поцелуями. Над площадью Ада плыли пышные облака, воробьи срывались с фигурных фризов, чирикали в кронах конских каштанов. Внизу простирались чертоги мертвецов. Угольный фургон обдал выхлопным газом. Я прикурил сигарету и взял курс на седьмой округ. Шёл по бульвару Распай мимо

кладбища Монпарнас и всех этих милых домов, в которых творили Пикассо, Модильяни и прочие знаменитости. Я гадал, где мне найти Аннелизу Кольманн, девку с адской лоханкой.

* * *

До магистра Гьюдиче был сопливый малый, просивший называть его Тамплиером. До Тамплиера — таролог с нервным тиком, а ещё раньше — забулдыга — розенкрейцер, представившийся потомком известного оккультиста Элифаса Леви. С занимательными людьми водил дружбу Валенте; я наотрез отказался удивляться и, сверяясь с записной книжкой, нёсся по течению, от одного экспоната кунсткамеры к другому.

Эти доходяги утверждали, что им ведомы тайны Вселенной, но про местоположение Валенте они ничего не знали. Четыре дня я убил впустую, вынужденный выслушивать эзотерический бред мистиков, которых родители в детстве лишили хорошей порции ремня.

А началось всё в воскресенье в моём офисе на улице Сирк. Надо сказать, воскресное утро — это всегда головная боль, ибо пятницу и субботу я посвящаю делам, включающим в себя душевное распитие алкоголя. Накануне я побывал на твор-

ческом вечере Жоржа Сименона, чьи книги и подтолкнули меня к выбору профессии (мамаша пытала «лучшими школами Парижа», мечтая о сыне — литературоведе или сыне — богослове, ну-ну). Создатель комиссара Мегрэ расписался на свежем романе, мы обменялись рукопожатиями; помню, в баре на рю Дофин я совал в морды завсегдатаям пятерню, крича, что прикасался ею к гениальному Сименону, но, судя по всему, не снискал популярности.

Короче, я планировал почитать старика Сима и перетерпеть похмелье. Этот тип с кирпичной физиономией был мне нужен как герпес. Я бы ещё понял — таинственная блондинка, появившаяся на пороге офиса. Но двухметровый шкаф…

«Стоило остаться дома», — подумал я, швырнув Сименона в ящик стола, к его коллегам Ноэлю Калефу, Гастону Леру, Морису Леблану и прочим.

— Секретарша не сказала, что я немного занят?

— Там не было секретарши, — басовито ответил «шкаф».

— Ах, конечно, — погрустнел я. Последняя девица, соглашавшаяся на мои условия оплаты, уволилась, залетев. Не от меня, к слову. С тех пор место в приёмной пустовало.

— Ломбард этажом ниже, — сказал я, робко

надеясь, что «шкаф» ошибся дверью.

— Месье Окер? — Надежда испарилась.

— Виноват…

— Автомобиль ждёт.

— Я не заказывал такси.

— Вам придётся поехать со мной.

— А иначе?

— Вариантов масса. — Он хрустнул костяшками внушительного кулака.

— Вы — отец Валери?

— Не понимаю, о чём вы, месье Окер.

— Вы — муж Софи? — Я называл наобум имена пассий.

— Наденьте плащ, месье Окер.

— Предупреждаю, меня мутит. — Я нащупал в кармане кастет, прикидывая, сумею ли вырубить здоровяка на лестнице. Разве что ударом в затылок.

— Вам станет легче, — пообещал гость. — Прогулка будет оплачена.

— Так бы сразу…

Затылок у громилы был соблазнительный, с мерзкой складкой, но я экономил энергию. В салоне синего «Ситроена» — им управлял однояйцевый близнец «шкафа», с таким же затылком и такой же складкой, — я попробовал незаметно

сунуть в рот пальцы и подпортить обшивку, но конвоир мягко отстранил мою руку.

— Не ребячьтесь.

Я вздохнул.

«Ситроен» пересёк площадь Звезды и покатил по авеню маршала Фоша. Не доезжая до Булонского леса, свернул в узкие улочки и через двадцать минут припарковался возле двухэтажного особнячка, белого, с рыжими кирпичными вставками и низенькой чугунной оправой трёх балконов.

— Весьма скромно, — оценил я.

— Придержите язык, — посоветовал «шкаф».

Гостиная пахла мастикой и старыми газетами. Полутьма скрадывала убранство, но предметов, попадавших в скудные полосы солнечного света, хватало, чтобы составить беглое впечатление. Эти массивные кресла, увесистые трюмо, сундуки привезли из куда более просторного дома, где мебели было вольготно. Помещение напоминало перевалочный пункт. Вещи в нём чувствовали себя униженно.

— Дезидериус Окер?

— Живу с этим имечком тридцать лет.

Из сумрака сплелась женщина, маленькая и костлявая. Белоснежные косы ниспадали на плечи, она сутулилась, куталась в шерстяную на-

кидку. Она мёрзла в этой неприветливой обители сквозняков и, я был прав, не до конца привыкла к скромному особняку в переулке. Любопытно, она уже продаёт антиквариат, чтобы содержать дуболомов?

— Спасибо, Максим.

«Шкаф» поклонился и сгинул во мраке. Я покрутил шеей, позволяя женщине себя рассмотреть.

— Не помешало бы прибраться.

— Таким вас и описывали.

— Каким же?

— Наглым. Но я думала, вы старше.

— А я надеялся, вы моложе. С кем, кстати, имею честь? Мадам?....

— Валенте.

— Мадам Валенте, давайте ближе к делу. Меня тошнит.

Она не предложила сесть. Крошечная и усохшая, даже горбясь, она была величавой.

— Пропал мой сын. — Женщина прошлась к камину и сняла с полки фотографию, припудренную пылью.

— Славный пацан, — сказал я.

— Это старый снимок. Даниэлю двадцать семь.

— Так может, это… загулял с девчонками?

— Вот и выясните.

— Я не напрягаюсь бесплатно.

Она озвучила сумму.

— О, — сказал я. — А вдруг не найду его?

— Это цена за время. Найдёте — утрою гонорар.

Похмелья как не бывало.

— Когда вы видели сына в последний раз?

— Двадцатого марта.

— Два месяца назад? Вы обращалась к фликам?

— Не доверяю полиции. И порой Даниэль путешествовал, не ставя меня в известность. Неделю — две. Но так надолго он не исчезал.

— Кем он работает?

— Никем.

— Свободный художник?

— Я бы сказала «лодырь». Вертопрах. Поганая овца. — За весь наш разговор ни единая мышца не дрогнула на бесстрастном лице.

— У вашей семьи есть недоброжелатели?

— Семья тут ни при чём.

— Ваш муж…

— Я вдова. Вы роете не туда.

— А что по поводу его личной жизни? Были подружки?

— Он крутил шашни с одной полячкой. Я говорила с ней, девочка клянётся, что ничего не

знает.

Осенённый догадкой, я ухмыльнулся:

— Её тоже принудительно — добровольно привозил к вам Максим?

— Возможно. Но я дам её адрес. Месье Окер, — мадам Валенте провела рукой по обрезку траченной молью тафты, — у моего сына были специфические интересы. Он увлекался сатанизмом.

Я вынул мятую пачку «Голуаз» и прикурил, не спрашивая позволения.

— Он приносил в жертву козлов? Устраивал оргии?

— Мы жили под одной крышей, но Даниэль не делился со мной подробностями досуга. Ему нужны лишь мои деньги. Иногда он приводил в дом приятелей. Они возжигали ароматические свечи и читали гимны на латыни.

— Латынь. — Я высунул язык, гримасничая. — E fructu arbor cognoscitur.

— Дерево узнаётся по плоду, — спокойно перевела клиентка. — Весьма справедливо.

В залежах рухляди шуршало. Мыши грызли сокровища семейки Валенте.

— Могу я взглянуть на его комнату?

— Пожалуйста.

Коридор заставили коробками, увешали батальными полотнами в облупленных рамах. Сценки наполеоновских войн, декорированные паутиной. Любой бы сбежал из этого склепа.

— Налево.

В отличие от гостиной, комнатушка Даниэля Валенте была обставлена по-спартански. Аскетичная кровать, гардероб, стул и книжная полка. На стене аляповатая картинка с Иисусом.

— Не принесёте стакан воды?

— Конечно. — Клиентка заскрипела половицами, удаляясь.

Я раздавил о подошву окурок и пульнул его под кровать. Отворил дверцы гардероба, чихнул и затворил. Проинспектировал корешки книг. Алистер Кроули, Папюс, Густав Майринк на немецком; «Интерпретация „Ключей Соломона“ некоего Гьюдиче»: худосочная брошюра с автографом; внезапно — изученный мной на зубок «Фантомас» Сувестра и Аллена; каббалистика Абрахама Вормсского; биографии Блаватской и алхимика Фурканелли. Я выбрал серый том с золотым тиснением «Легион».

Эпиграф был позаимствован из Священного Писания: «Легион — имя мне, ибо нас много». Я полистал надкусанные жуками — кожеедами

страницы и напоролся на гравюру, изображающую трёх громадных хряков, парящих вертикально в невесомости. Художник потрудился выписать каждую щетинку. Кабаны щерили чёрные пасти и пялились глазами, полными тупой злобы. «Гадаринские свиньи» — прочёл я под гравюрой. Помнится — спасибо католической школе и обжигающей задницу указке учителя, — в свиней Иисус пересадил бесов, изгнанных из одержимого. Паслись себе хрюшки и на тебе. Как тут не обозлиться?

Я швырнул книжку на кровать и приблизился к Христу, неуместному в компании оккультистов и демонологов. Снял картину с гвоздя и — вуаля! Изнутри к ней крепился потрёпанный блокнот.

В коридоре заскрипели половицы. Я вернул картину на место, быстро пролистал находку — перечень фамилий, адресов — и, довольно крякнув, отрядил её за пояс штанов.

— Ваша вода.

Я опустошил стакан и заявил самонадеянно:

— Отыщем мы вам сатаниста, мамаша.

* * *

Между сопливым Тамплиером и заикающимся тарологом, между заикающимся тарологом и

смердящим мочой розенкрейцером я навещал мансарду в закопчённом здании у Зимнего цирка, но не застал хозяев дома. Бог любит троицу и я снова шагал в тени клёнов. Париж я знаю как свои пять пальцев, как любое из приключений комиссара Мегрэ, а этот район знаю ещё лучше. По рю Амелот я топал в школу; помню панно с портретом фюрера и лозунгом «Германия и Франция — общий путь на века», и размашистое «Здесь тебя отравят жиды» на витрине колбасной лавки, и «Обслуживаем арийцев» на входе в фотоателье. Немецкие названия улиц казались мне французскими словами, написанными безграмотно.

Спустя двадцать лет я шёл, руки в карманы, раздумывая о Даниэле Валенте. Гьюдиче называл его «Пилигримом».

«Умный парень, перспективный. Но недисциплинированный. В нашем деле главное — терпение. Мы не фокусники и не гонимся за спецэффектами в духе Мельеза[24], а Пилигрим жаждал всего и сразу».

«Чего же он жаждал?»

«Ада. Он искал ад, конечно же».

«Типа врата?»

---

[24] Примечания: 24

Жорж Мельес — режиссёр и изобретатель первых кинотрюков.

«Врата, калитку, лазейку».

Стало быть, нашёл? И у ада оказалось женское имя?

Я поднялся по ступенькам, тщетно трезвонил в залатанную дверь мансарды. С нижних этажей тянуло ароматами ужина, напоминая, что дома меня подстерегает антрекот. Не отчаиваясь, я устроился на лестнице и пошелестел купленной в киоске газетой. В прошлый визит сюда я напоролся на даму, замечательную во всех смыслах. Усатая, с коротенькими ножками, искривившимися под весом грузных телес, она учуяла запах курева и выскочила в подъезд. Без предисловий возмутилась:

— Круглые сутки у них дьявольская месса! Круглые сутки!

— У кого, простите?

— У этих, с шестой квартиры! Заведут шарманку и давай! Они называют это «рок-н-роллом».

— Святой Лебуин! — Я перекрестился.

— А песни-то на английском. Чтоб мы не понимали, о чём там. А там богохульства и сквернословия!

— Ну не настолько же…

— Уж поверьте! Вы, я вижу, человек, приличный.

— Весь в папу.

— Вчера в Латинском квартале драка была. Эти, из Сорбонны, хлыщи, вякали на генерала[25]. Так наши парни — патриоты им всыпали! И что вы думаете, месье?

— Что?

— У хлыщей причёски эти — коки! Бачки! Браслетики! Штанишки узенькие! — Она смаковала подробности с омерзением и придыханием. — Вот кто их науськал презирать Родину?

— Элвис?

— Дьявол устами Элвиса.

— А скажите, — сменил я тему, — в мансарде девушка живёт…

— Полячка. — Дама понизила голос. — Я слышала, они все завербованы Кремлём. Она возвращается с рынка в половине седьмого. — Дама подозрительно прищурилась, точно вдруг разглядела на мне красноармейскую будёновку или значок с Мао Цзэдуном. — Вы-то что думаете про Алжир?

— Я думаю, надо провести референдум.

Усатая губа дамы задрожала от негодования. Фыркнув, дама ретировалась и хлопнула дверью.

---

[25] Примечания: 25

Имеется в виду генерал де Голль, основатель и первый президент Пятой республики.

И сегодня не вышла обсудить со мной новомодные молодёжные течения и события в колониях.

Я закурил и пролистал, зевая, новости про голлистов, коммунистов, пужадистов[26] и троцкистов. Меня мало заботила политика, но на шестой странице примостилась колонка о форварде Жюсте Фонтене, недавно вернувшемся из мадридского «Реала» в родной «Реймс».

В шесть двадцать девять внизу раздались шаги.

Подружка Даниэля Валенте была миниатюрной блондинкой с огромными беспокойными глазами. В кудрях — душещипательный букетик полевых цветов, под мышкой корзинка, полная чеснока, башмаки стёрты, платье по-хорошему давно пора пустить на половые тряпки.

— Тереза Туманская?

Я встревожился, что она кинется наутёк, но девчонка, напротив, окаменела.

— Не бойтесь. Я задам вам пару вопросов о Даниэле.

— Вы — от его матери? — Тереза говорила с акцентом, усиливая призвуки. Под левым глазом угадывался мазок почти рассосавшейся гема-

---

[26] Примечания: 26

Пужадисты — сторонники крайне правого политика, национал-синдикалиста Пьера Пужада.

томы.

— Я из поиска пропавших префектуры полиции.

— Вы лжёте. — Ей потребовалась недюжинная смелость, чтобы выдавить эту фразу.

— Лгу. Простите. Да, мадам Валенте наняла меня.

— Я рассказала ей всё, что знала. — Тереза потупилась, вцепившись побелевшими пальцами в ручку плетёной корзинки.

— Кто вас так? — Я указал на синяк.

— Никто.

— Это её ручная горилла? Максим?

Тереза шмыгнула носом.

— Я не хотела с ним ехать.

— Верите вы или нет, я — не такой, как эта обезьяна.

— И всё равно я не знаю, где Даниэль.

Я чиркнул спичкой и затянулся.

— Пани Туманская, как и когда вы познакомились с Даниэлем?

— Осенью. Он подошёл ко мне в книжной лавке на улице Одеон. Я выбирала открытки…

— Какой он — Даниэль?

Взгляд Терезы потеплел.

— Он очень хороший. Умный, ласковый… — Те-

реза покраснела.

— Он рассказывал что-то о своём хобби?

— Вы про… колдовство и всякие такие штуки?

— Да. Про всякие штуки.

— Немного. Меня это пугало. — Она коснулась солнечного сплетения, спрятанного под сукном распятия, наверняка деревянного, дешёвого. — Я умоляла его не связываться со злом. Но Даниэль… разве его переубедишь?

— Вы ссорились?

— Нет! Я его ругала. Но это… из-за любви. Из-за страха.

— А перед тем, как он пропал? Вы предчувствовали, что он замыслил… исчезнуть?

— Да, я знала. Он твердил про какое-то место, какие-то круги… Двенадцать кругов. Не понимаю.

— Он упоминал вход? Дверь?

— Да, — удивлённо произнесла Тереза. — Щель. — Она насупила лобик, вспоминая. — «Я, кажется, нашёл щель». И он смеялся. Он был так воодушевлён. Сказал, привезёт мне сувенир из… не важно.

— Откуда, пани Туманская? Посмотрите мне в глаза.

Она посмотрела.

— Из Гадары. Знаете, как в Библии. «И при-

плыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи…»

— Любопытно. — Я потушил окурок о балясину. — А вам что-то говорит имя Аннелиза Кольманн?

— Нет…

— Спасибо, пани Туманская. Вы — ангел.

— Месье…

Я обернулся на ступеньках.

— Даниэль себе кого-то нашёл?

— Что вы, милая. Вы видели своё личико? Как можно променять вас на… что угодно? Улыбнитесь. Так-то лучше. Сколько стоит ваш чеснок?

Из подъезда я вышел с бумажным пакетом, набитым фиолетовыми луковицами. В сени платана припарковался синий «Ситроен». «Шкаф» и его одноячцевый братишка наблюдали за мной с непроницаемыми физиономиями идиотов и я помахал им дружелюбно. Пошёл, приплясывая, домой, есть антрекот с чесночным соусом и слушать на двухскоростном проигрывателе «Теппаз» импортную пластинку Чака Берри.

* * *

Я называл его Анри, хотя у него было множество имён, кличек и позывных и полдюжины

псевдонимов (включая женские), которыми он подписывал книги. Я не читал ни одной: терминов «мартинизм», «избранные коэны», «зелоты» и «теургия» достаточно, чтобы я уснул, да и литература без роковых красоток, погонь и револьверных выстрелов — ерунда, по-моему.

Но Анри не обижался.

Что я думаю: он бессмертен, как минимум, конкретно стар, родился, например, при Каролингах и аббатство святой Женевьевы, где он безвылазно заседает, возвели вокруг замечтавшегося Анри. А уже потом аббатство стало библиотекой на площади Пантеона. Для меня Анри — неотъемлемая часть города, как горгульи Нотр-Дам-де-Пари или Сакре-Кер.

В субботу я явился под чугунные арки бесконечного читального зала, напоминающего железнодорожный вокзал или неф готического собора. Анри был здесь прелатом. Он нахохлился над столом. Для простаков — рядовой старичок в пиджаке с истёртыми до блеска рукавами. Сталагмиты книг, неизменная клетка рядом. В клетке чистил пёрышки рябой и молчаливый дрозд.

— Дезидериус! Рад видеть вас в добром здравии! — Мы обнялись.

— Здравствуйте, Анри. Здравствуйте, всё время

забываю, как его…

— Луи Клод де Сен-Мартен.

Я поклонился птице.

— Как поживаете? — спросил.

— О, мы полны энтузиазма. Отвратительное качество, оно всех бесит. Глядите, что Луи Клод отыскал в хранилище. — Старик продемонстрировал мне обложку книги, а затем открыл её на иллюстрации, мальчишески хихикнув. То был маркиз Де Сад и рисунок с мастурбирующей толстушкой.

— Ваша птица знает толк в искусстве.

— О, Луи Клод — баловник!

Дрозд смотрел на нас сквозь прутья чёрным глазом постигшего тайны Вселенной мудреца. Я подвинул стул и присел.

По самой распространённой, но наверняка обманчивой версии, Анри родился на излёте прошлого века и славу снискал в двадцатые, издав трактаты об эзотерической астрологии и талисманной магии. Подружился с масонами устава Мемфис-Мицраим и учеником вступил в ложе «Иерусалим на египетских долинах». Вместе с ним обучение проходил некто Жиль Окер, мой папа.

В тридцать девятом, гласит легенда, члены

ложи отправились сражаться с Гитлером. В лотарингских лесах погиб Жиль Окер, а других масонов немцы взяли под стражу. Грозовой ночью в шталаге[27] Анри произвели в степень подмастерья ордена. Его выпустили в сорок первом, обязав регулярно отмечаться в гестапо на улице Лористон. Анри был среди прочих, организовавших масонское сопротивление оккупации; в квартире высшего неизвестного каменщики проводили собрания. После войны, говорят, Анри взлетел по карьерной лестнице, стал иерофантом Древнего и был рукоположён в сан епископа апостолической гностической церкви, но, что гораздо для меня важнее, он мог найти кого угодно, не выходя из библиотеки.

— Как продвигаются ваши искания? — спросил масон, поправляя очки в проволочной оправе.

Я рассказал ему в лицах о тарологе, розенкрейцере и о гомике Гьюдиче; Анри смеялся взахлёб, хохот рикошетил от мраморного пола и колонн, взмывал к двойному своду, но никто не посмел сделать нам замечание.

— Забавно, забавно. — Анри протёр шёлковым платком уголки глаз. — Я помню этих ребят по

[27] Примечания: 27

Шталаги — лагеря для военнопленных во время Второй мировой войны.

эзотерическому колледжу. Они бравировали связями с Лукавым, а потом пытались продать свои детские знания Гиммлеру. Но из «Аненербе» их гнали пинками. Дьявол? Побойтесь Бога! Даже спички в их руках не запахнут серой.

— Невинные клоуны, — подтвердил я.

— В отличие от семейки Валенте.

— Вы что-то нарыли?

— Обижаете! — Плутовато улыбаясь, он разложил передо мной бумаги, словно карты таро. — Патрик Валенте — муж вашей клиентки — был тем ещё упырём. До оккупации владел отелями по всей стране. При бошах нацепил на себя франциску[28]. Часть отелей, чтобы выслужиться перед новыми хозяевами, подарил дивизии СС «Шарлемань». Но внакладе не остался: сдавал полиции конкурентов и поглощал их бизнес. Они жили припеваючи, эти Валенте, домина в Порт-Дофин.

Я мысленно похвалил себя за проницательность. Клиентка таки переехала в проулок у Булонского леса из места более элитного.

— Когда Рейх пал, его, конечно, прищучили. Валенте избежал кары — подох от инсульта в со-

---

[28] Примечания: 28

Франциска — боевой топор, раннесредневековое оружие; здесь — герб режима Виши в оккупированной Гитлером Франции.

рок шестом. Супруга пыталась управлять делами, но отели, те немногие, что у них остались, приличные люди бойкотировали. Судачили, Валенте давали приют коллаборационистам. Перед тем, как они бежали крысиными тропами. Отель в Каркозе был их базой.

Я переварил информацию, тасуя бумаги.

— А что насчёт Аннелизы Кольманн?

— А это самое любопытное. — Улыбка Анри стала ещё хитрее. Дрозд склонил набок голову, точно прислушивался к разговору. Анри развернул передо мной газету, датированную ноябрём сорок пятого года. Фотография запечатлела четырёх женщин разного возраста. Они выглядели уставшими и напряжёнными.

— Бельзенский военный трибунал. Проходил в Люнебурге. Судили привилегированных заключённых и эсэсовцев, служивших в концентрационных лагерях. В штанах на снимке — Аннелиза Кольманн.

— Святая Макселенда. — К такому повороту событий я не готовился.

— Я сразу подумал: знакомая фамилия. И оказался прав! — Анри щёлкнул шишковатыми пальцами. — Кольманны состояли в Великой ложе Гамбурга. Старейшая ложа Германии, ос-

нована графом Стрэтмором и одиннадцатью джентльменами…

— Анри, — прервал я тактично. При всём уважении к епископу и его сединам, я был тут не ради истории масонства.

— Простите, простите, я увлекающаяся натура. Значит, Кольманны. Их дочь родилась в двадцать первом. Работала водителем трамвая, но в двадцать три года вступила в свиту СС. Она была надзирательницей в Нойенгамме и, как свидетельствовали на процессе, отличалась исключительной жестокостью, посрамившей бы фантазии де Сада. Например, насиловала палками мужчин и женщин, избивала плетью и сапогами до потери сознания, акцентируя внимание на гениталиях. Курировала организацию борделя при лагере.

В читальном зале было тепло, но на моей спине устроили шествие мурашки, а яички втянулись в пах.

— Когда запахло жареным, — вещал Анри, — фрау Кольманн пыталась улизнуть от Союзников, переодевшись в мужскую робу, но её вычислили. На суде признали виновной в жестоком обращении с узниками, в том числе с беременными и в сексуальной эксплуатации…

— Но не вздёрнули?

— Нет. Не нашлось доказательств, что она кого-то убила во время службы. Она отделалась двумя годами тюрьмы.

— Чёрт, — прошептал я, разглядывая групповой снимок, коротко стриженную, с мягкими щеками и взглядом нашкодившего ребёнка молодую немку справа. Перепоясанная верёвкой, в мужских ботинках, она смахивала на парня.

— Не та барышня, которую я бы кадрил. — Анри усмехнулся.

— Известно, что с ней сталось после тюрьмы?

— Увы. — Он развёл руками.

— Вы очень мне помогли, — произнёс я признательно. — Как всегда.

— Мы с Луи Клодом де Сен-Мартеном несказанно рады.

— Поразительно, где вы всё это достаёте?

— Гугл, — скромно ответил масон.

— Гугл? Что это?

— Не берите в голову.

Я упаковал документы и вдруг вспомнил:

— А Страна Гадаринская существует в реальности?

— Существует. Гадара — древняя крепость в Восточной Палестине. Недавно, к слову, археологи

обнаружили там массовое захоронение свиней.

— У кого-то прошла славная пирушка, а?

* * *

Но была и иная Гадара, гораздо ближе Палестины. Всего-то в паре часов езды от Парижа. Я наткнулся на неё, изучая в бистро бумаги, касающиеся семейки Валенте. А конкретно — недвижимого имущества. Отель «Бонапарт» находился в городе Каркоза по адресу Гадара, 12. Я перечитал дважды название улицы и басовито хохотнул, напугав модисток, обедающих за соседним столиком.

Интуиция сказала, что я на верном пути. Я не бывал в Каркозе, но редкие упоминания этого города в прессе создавали образ дыры, где и адские врата никого бы не удивили. В начале века в Каркозе злодействовала кровожадная секта Жёлтого Короля, уничтоженная фликами. В тридцатые грабил и убивал Эжен Вейдман, последний человек, публично гильотинированный во Франции. В сорок четвёртом туда хлынули полицаи и прочие приспешники режима; говорили, «Каркоза» никого не выдаёт.

В моих ушах зашелестели свежеотпечатанные стольники с императором Наполеоном. У

фонтана Медичи я флиртовал с длинноногими студентками и старался не замечать Максима, угрюмо прохаживающегося между Люксембургским садом и Обсерваторией, где в прошлом году обстреляли «Пежо» сенатора Миттерана.

Домой, на Руа-де-Силь, я возвратился в приподнятом настроении. Сосед слева, глуховатый немец, участник Сопротивления, кухарил: воняло жареным луком. Бубнило радио: сосед справа, русский эмигрант, сражавшийся под крылом Колчака, слушал боксёрский матч.

Я отужинал картофельной запеканкой, плеснул в бокал вина и позвонил клиентке.

— Париж — маленькая деревня, но не настолько же. Если у вашего цепного пса так много свободного времени, он мог бы и сам найти Даниэля.

— Предпочитаю держать процесс на контроле. Что вы узнали?

— Отель в Каркозе всё ещё принадлежит вам?

В голосе мадам Валенте зазвенело раздражение.

— Я предупреждала: дела моей семьи вас не касаются.

— Принадлежит или нет?

— Нет. Отель был продан.

— А Даниэль бывал в Каркозе?

Мадам Валенте задумалась.

— В детстве. Вместе с отцом.

— Они останавливались в «Бонапарте»?

— Предположим.

— У меня нет твёрдых доказательств, но подозреваю, он и теперь там. Могу прогуляться в Каркозу… скажем, послезавтра.

— Завтра же, — перебила мадам Валенте. — За вами заедут утром.

— Я люблю поезда. В авто меня укачивает.

— Завтра.

В трубке раздались гудки. Я забросил ноги на стол и разглядывал групповой снимок надзирательниц. До вступления в свиту они работали фотомоделями, посудомойками, прачками. Что за дьявола выпустил Адольф из адских бездн?

— «Ад — это вагина».

Я невольно взглянул на штаны Аннелизы Кольманн и съеденный ужин встал комом в горле. Ночью мне снилось пурпурное влагалище, шевелящее в небесах набрякшими губами. И я был признателен дуболомам Валенте, разбудившим меня стуком в дверь.

Попытки разговорить «шкафов» не увенчались успехом. Я побузил и затих на заднем сиденье. Пара затылков с одинаковыми складками и жир-

ком на загривках маячили впереди, и я утешил себя фантазиями садистской направленности.

В Сент-Антуане водитель хамски подрезал частный автобус иезуитского колледжа. Не пропустил на «зебре» школьников. Я мурчал мелодию Джерри Ли Льюиса, надувал щёки и поигрывал в кармане кастетом. Вскоре, убаюканный монотонным пейзажем, я прикорнул, а вынырнув на колдобине из дрёмы, увидел холм, увенчанный православной церковью и колокольней, завёрнутой в ячеистую синюю ткань. Кто-то изрисовал штукатурку храма примитивными изображениями глаз: чёрные зрачки и пики ресниц. Выпученные глазища провожали «Ситроен», пока мы не свернули за угол.

Максим уткнулся в карту.

Каркоза наступила внезапно, без размусоливаний и предместий. Я выгнул шею, осматривая классические османовские[29] фасады, однотипные многоквартирные муравейники с козырьками мансард. Дома смыкали ряды и, достигая двадцати метров в высоту, умудрялись казаться великанами. Голуби восседали на карнизах в несметном количестве. Я сообразил, почему эти

---

[29] Примечания: 29

Жорж Эжен Осман — государственный деятель и градостроитель, определивший облик современного Парижа.

сизые птицы так привлекли моё внимание: кроме них, вокруг не было ни души.

Своими перпендикулярными улицами и зданиями времён Второй империи Каркоза напоминала Париж, но лишённый ровных стремительных линий и гигантских серых пространств. Париж без людей и радости, «город получаса» на рассвете ранней весной или поздней осенью, когда туман пожирает Дом инвалидов и Елисейские поля, и всякое может случиться во мгле.

Словно у барона Османа остался излишек строительных материалов, но кончилось вдохновение: этот город был спроектирован архитектором, пребывающим в глубочайшей депрессии. Город бросили на произвол судьбы. В просветах между кварталами мелькали коричневатая река и бетонный мол, и ржавые баржи. Клочьями висли изодранные тенты над кофейнями. За пыльными витринами в полумраке заколоченных магазинов вычерчивались силуэты манекенов. И эти болванки тоже вглядывались в автомобиль, посмевший нарушить кладбищенскую тишину Каркозы.

Беспримесное уныние почувствовал я. Компания мордоворотов нисколько не поднимала настроение. И вдруг, точно зрение адаптиро-

валось в темноте, я стал различать жителей. Будто призраки, они таились в тенях и сливались с ландшафтом. Человек в жёлтом дождевике на фоне жёлтой пекарни. Одинокая фигура, прильнувшая к окну парикмахерской. Дети, юркнувшие в подворотню.

«Гадара», — прочёл я надпись на табличке.

* * *

Бывший «Бонапарт», низведённый переименованием до «Кактуса», был зажат между двумя домами, как арестант — между конвоирами. Построенный в стиле Прекрасной эпохи, он давно оставил в прошлом свои лучшие дни. Листы жести свисали с кровли на уровне последнего, шестого этажа и грозили, спикировав, отсечь кому-нибудь голову.

Я размял плечи и вдохнул сырой воздух.

— Господа, сгоняйте пока за пивом. Я быстро.

Но Максим уже пёр к открытым дверям и я поплёлся следом.

Внутри «Кактус» был вполне себе «Бонапартом», отрёкшимся от престола и поистрепавшимся на острове Святой Елены. Дубовые панели, полуколонны, мраморная нимфа, лепнина. На «шахматном», в чёрно-белую клеточку, полуот-

печатки грязных подошв.

Консьерж, долговязый паренёк с потрясающим рубильником посреди узкого лица, разложил перед собой газету. Он то ли мастурбировал, то ли чесал яйца, что, знаю не понаслышке, легко перетекает из одного в другое. Будучи разоблачённым, он без смущения вынул руку из брюк, обнюхал пальцы и пошевелил ими, салютуя гостям.

— Что пишут? — спросил я.

— Феллини победил на фестивале в Каннах.

— «Сладкая жизнь»? Я слышал, там уйма эротических сцен.

Консьерж подобострастно искривил губы.

— Надолго в Каркозу?

— Будет видно. Мы ищем…

— Даниэля Валенте, — отчеканил Максим и грубо отпихнул меня в сторону.

— Не знаю никакого…

Максим схватил консьержа за шиворот. Тот взвизгнул — и был извлечён из-за конторки. Номер «Монд» спланировал на пол, рассыпая карточки с обнажёнными негритянками. Под газетой лежал распухший от влаги гроссбух.

— Даниэль Валенте! — Максим встряхнул паренька. И тут произошло нечто невероятное: консьерж укусил мордоворота за подбородок.

Прямо-таки впился зубами в кожу! Максим завопил — крик его был для меня чем-то сродни хиту Чака Берри. Так же осчастливливал.

Мой «шкаф» скакал сбрендившим слоном по шахматной доске. Консьерж повис на нём в позе, позаимствованной из Камасутры. Она вроде как именуется «застёжка», эта поза. Вечно бы глазел на гротескную картину, но дела поторапливали.

Я полистал гроссбух. В апреле «Кактус» приютил шестерых. Валенте среди них не было, зато был «Д. Пилигрим». Номер 606. Магистру Гьюдиче понравилась бы магия чисел.

Консьерж бился в медвежьих объятиях Максима и алчно щёлкал зубами. На подмогу спешил водитель. Я оставил голубчиков выяснять отношения. Обогнув клеть допотопного лифта, прытко вскарабкался по винтовой лестнице на последний этаж. Ковровая дорожка расползалась от ветхости под ногами. Пахло плесенью, у плинтусов белела горстка крысиной отравы.

Я перевёл дыхание и вежливо постучал в шестьсот шестой номер.

— Кто? — спросили сипло.

— Уборка.

— Уходите.

— Месье Валенте, я разговаривал с Терезой.

Возникла пауза, заскрипел паркет и дверь приоткрылась. Я едва не отшатнулся от шибанувшей в ноздри вони. Смердело протухшими яйцами, испорченным мясом.

— Не мешает проветрить комнату, — заметил я, переступая порог. Нащупал выключатель — стены возле него были липкими и мокрыми. Загорелась лампочка. Я прикрыл дверь.

Даниэль доковылял до кресла и сел — больше походило на то, как вытряхивают из мешка мусор. Под одеждой он был весь какой-то рассыпчатый, текучий. Ну, мне так казалось в тусклом свете.

Сальные патлы падали на костистое лицо. Парнишка безобразно исхудал. Кожу усеивали воспалённые фурункулы. Некоторые лопнули и пустили гной. Гноились и глаза Даниэля.

— Вас прислала моя мать? — Слова давались ему с трудом. В лёгких булькало.

— Старушка скучает. — Я дышал ртом и озирался в поисках источника вони. Здесь всё выглядело грязным: скомканная постель, ковёр, ночник, но я ставил десять франков на небольшую картонную коробку. От неё, от прикроватного столика, смердело особенно сильно.

— Зря вы пришли. — Даниэль поскоблил ногтями щёки, сдирая пустулы. — Я не могу покинуть

отель.

— Почему же?

Он закашлялся. А я поднял взор и онемел. Почти у самого потолка золотистые обои были сорваны и под ними…. Под ними ничего не было. Когда я говорю «ничего», я имею в виду «совсем ничего». Ни цемента, ни дерева, ни кирпича. В бесформенной яме величиной с форточку кишела первозданная чернота. Мир в том месте попросту не сотворили.

— Святой Сильвий…

Дверь распахнулась настежь. Мимо меня, остолбеневшего, прошествовали Максим и его однояйцевый брат.

— Не прикасайтесь ко мне! — испуганно воскликнул Даниэль.

— Прекратите дурить, месье Валенте! — Максим потирал рану на подбородке и не видел ерунды, творящейся со стеной. — Мы отвезём вас в Париж.

— Идиоты! Руки прочь!

Но Максим проигнорировал требования. Он взял Даниэля в охапку и потащил, как куклу. Ступни парнишки волочились по ковру.

— Слушайте, — сказал я. — Там какая-то чертовщина.

Максим дёрнул губами нервно. Я крепко его достал.

— Нет, без шуток.

— Эй… — Водитель наконец обнаружил *ничто* за обоями. — Максим!

«Шкаф» нехотя обернулся.

В следующий миг случились сразу две вещи. Во-первых, Даниэль выскользнул из лап Максима и это не выглядело побегом. Скорее уж некая незримая сила буксировала его обратно в кресло, где он и сел в прежней позе. Во-вторых, *ничто* набухло пузырём и увеличилось в размерах. Чёрным-пречёрным дымом выползло из стены. Теперь взоры всех присутствующих были к нему прикованы. Я вспомнил фальшивые фотографии спиритических сеансов. Облако эктоплазмы витало под потолком, его форма менялась, вылепляясь во что-то абсурдное и источая невыносимую вонь. Мой мозг отказывался обрабатывать информацию. Наверное, нечто похожее ощутили мангусты и долбаные песчанки в Сахаре, увидев, как распускается гриб «Синего тушканчика»[30].

— Я предупреждал вас! — обречённо произнёс Даниэль. Максим выхватил короткоствольный

---

[30] Примечания: 30

«Синий тушканчик» — кодовое название первого испытания ядерного оружия Франции, проведённого в 1960 году в алжирской Сахаре.

«зауэр», но воспользоваться оружием не успел. Живая тьма выстрелила отростками. Извивающиеся щупальца оплели Максима и оторвали от пола. Он размахивал конечностями и хлопал ртом.

В облаке материализовалось колоссальное рыло. Чёрное, бесплотное рыло кабана. Я видел треугольные уши, крошечные злые глазки и устрашающие клыки, но не было ни туловища, ни ног — только отростки, обрамляющие дымчатого дьявола, только вязкая субстанция, соединяющая его со стеной.

Пистолет харкнул свинцом в молоко. Пуля прошила бумажный абажур торшера. Из раззявленной пасти раздалась человеческая речь и это было безумнее самой головы, висящей в воздухе. Потому что кабан говорил на немецком. Мужской рокочущий голос. Несколько рублёных фраз, я думаю, Максим их понял. Потому что он заорал. Но крик захлебнулся тут же, дабы не тревожить крыс и демонов улицы Гадара. Кабан проглотил Максима разом с пиджаком, штанами и ботинками. Был «шкаф» и нет: на всё про всё нечисти понадобилось секунд пять.

Затем, словно киноплёнку перемотали задом наперёд, рыло растворилось в облаке, а облако

ушло в стену. Втянулись чёрными соплями щупальца. Мыслящая тьма не исчезла бесследно, но угомонилась, вновь став *ничем* в прорехе обоев над сгорбившейся фигурой Даниэля.

Водитель сбежал, как ошпаренный и я его не винил. Отель «Кактус» погрузился в тишину, лишь обронённый пистолет, амбре тухлятины и беспредельный мрак под шелушащимся потолком свидетельствовали, что я не рехнулся. Что только что на моих глазах призрачное чудище пообедало центнером человечины.

Мрак уснул, насытившись. Некоторое время мы молчали. Наконец я предложил:

— Может, пойдём отсюда?

— Ты не понимаешь. — Даниэль сдавил ладонями виски. — Оно не отпустит меня. Я не могу покинуть этот номер. Мы обвенчаны.

— И кто жених?

— Его называют по-разному. Привратник. Гадаринская свинья. Вепрь Первого Круга.

— Почему он нас пощадил?

— Пощадил? — Даниэль хохотнул тоскливо. — Ему неведома пощада. Хочешь убедиться? Дотронься. — Даниэль выпростал ко мне мелко дрожащую руку. — Дотронься до меня, и он снова явится и унесёт тебя в ад.

— Убери-ка клешню, — посоветовал я, поднимая «зауэр» и засовывая его в карман. — Значит, пока я не контактирую с тобой физически, я в безопасности?

Даниэль кивнул.

— Хорошо. — Я не сводил с тьмы глаз. — Выкладывай, какого чёрта здесь происходит.

Он выложил.

* * *

Даниэль Валенте искал ад. В запасниках библиотек, в каменоломнях, в переулках Еврейского квартала. С тех пор, как он узнал, чем промышляли родители при Гитлере, он мечтал об одном: доказать, что реальность не ограничивается материальным, что существует зло в библейском понимании, а наш мир — велодром, где горстка несчастных ожидает отправки в загробный Освенцим[31].

Магистр Гьюдиче ввёл Даниэля в круг парижских демонологов и сатанистов. Он возжигал чёр-

---

[31] Примечания: 31

Отсылка к облаве «Вель д'Ив» 16–17 июля 1942 года: французская полиция арестовала в Париже более 13 тысяч евреев; многих из них содержали на зимнем велодроме Вель д'Ив, после чего через транзитные лагеря депортировали в нацистские лагеря уничтожения, в том числе Аушвиц-Биркенау.

ные свечи, произносил ритуальные заклинания и резал кроликам глотки, но в ночь Хэллоуина на капище на него снизошло откровение. Эти «посвящённые» в мантиях, эти жрицы Люцифера с площади Пигаль — банальные неудачники и позёры. Он охладел к сексуально озабоченным дьяволопоклонникам и сосредоточился на католицизме; интервьюировал священников, занимающихся изгнанием демонов.

При церквях ошивались чудаки, мнящие себя одержимыми. Они рычали, шипели и пускали слюни. Большинство были шизофрениками. Но встречались весьма убедительные экземпляры. Через бесноватых Даниэль вышел на румына, отставного сержанта, который днями напролёт молился в Сен-Жермен — де — Пре. Этот человек уверял, что был в аду.

Его история поразила Даниэля сильнее разглагольствований Гьюдиче. Сержант поведал, что адские врата находятся в Каркозе, между ног немецкой проститутки по имени Аннелиза. Пока пенис соединяется с вульвой адоносительницы, мужчина пребывает в инфернальных чертогах, слышит звуки и запахи запредельного, может перемещать предметы и говорить с теми, кто заперт в пекле.

Всё это можно было считать болезненным бредом обратившегося к Иисусу развратника, если бы не детали, совпадающие со свидетельствами жившего в шестнадцатом веке монаха — доминиканца Лафкадио Ди Фольци, который описал свой опыт посещения преисподней. Например, специфический запах или низших существ, сортирующих мусор — сержант назвал их «стригами», в честь нежити из румынского фольклора. Он уж точно не читал трактаты Ди Фольци.

Демоны не сожрали сержанта, как не сожрали они и других клиентов загадочной проститутки, ведь стоило прервать половой акт, чтобы вернуться на землю. Но увиденное пошатнуло его разум. Глупец был попросту не готов к истине!

В апреле, никого не предупредив, Даниэль оправился в Каркозу. В притоне, о котором говорил сержант, Аннелиза больше не работала. «С этой девкой одни проблемы, — пожаловалась бандерша. — Клиенты впадали в истерику и теряли сознание».

Даниэль продолжал искать. Он обошёл каждый бордель в городе и находил — не врата, но факты, подтверждающие слова сержанта. Он узнал фамилию Аннелизы — Кольманн. Узнал, что бледные юноши и седовласые господа порой

приезжают в Каркозу, расспрашивая о женщине с адом в лоне.

Полтора месяца понадобилось Даниэлю, но он не сдался. И в один прекрасный день Аннелиза Кольманн впустила его в свою квартиру и в свои персональные врата ада.

Она сказала, это работает и с резинкой, но без контрацепции картинка чётче. Главное, сказала она, ничего не бери. Оттуда нельзя приносить сувениры.

Нужно ли говорить, что чёртов Даниэль ослушался?

Вечером того же дня он вышел из отеля, чтобы послать Гьюдиче короткое письмо — посрамить бывшего наставника туманной весточкой! Вернувшись в номер, Даниэль увидел тьму.

— Отныне она там. Она кормится мной. Не позволяет уйти. Я вцепился в запястье горничной и ад сразу же утащил её. Сосед прибежал, чтобы отчитать меня за шум, схватил за грудки… и соседа не стало. Я обрёк свою душу на медленное разложение. — Он царапал ногтями фурункулы, обливаясь гноем, как слезами и рассматривал картонную коробку, стоящую на столе.

— Это и есть сувенир?

— Да.

— Почему бы не выбросить его? — Я кивнул на зашторенное пыльными гардинами окно.

— Я пытался. Платил консьержу, чтобы он выкинул коробку в реку, чтобы сжёг, но проходит полчаса и она вновь в номере.

Я призадумался; в присутствии *ничто* думать было сложно.

— Ты сидишь тут две недели? Но что ты ешь?

— Я ем свой гной. Иной пищи мой организм не принимает.

— Ад стоил того?

Вместо ответа он всхлипнул. Я понял, что мне искренне жаль этого сосунка.

— Ты правда говорил с Терезой? — Глаза Даниэля блестели влагой.

— Чем она хуже Аннелизы Кольманн? Слишком мало чертей? Девочка любит тебя, придурка. А ты шастаешь по пеклу и борделям.

— Передашь ей, что я тоже её любил?

— Передам это твоему шаловливому Гьюдиче.

Я сделал шаг к креслу. Даниэль сжался:

— Не подходи!

— Расслабься. Что в коробке?

— Не важно. Тебе не надо знать.

— А если вернуть эту вещь на место?

— Ты не слышишь? — Он закрыл ладонями

гниющее лицо. — Я заперт! Я в плену!

— Но допустим, у тебя есть покровитель, который мог бы — не бесплатно, конечно — засунуть *это* в адскую щель?

Он отнял руки от лица. В расширившихся глазах смешались неверие и надежда.

— Зачем тебе помогать мне? Я даже не знаю, как тебя зовут. В любом случае ты не готов побывать в аду…

— Ну, — сказал я, — путь в ад, как говорит моя мудрая мама, устелен франками. Мне начхать на тебя, мальчик, но три человека погибли в этой комнате. Если портал удастся запереть, я рискну.

Забыв обо всём, Даниэль дёрнулся ко мне, но вовремя спохватился.

— Тебе заплатят. Очень-очень щедро.

— Ох, как бы я об этом не пожалел.

* * *

Я пожалел — уже в лифте. Кабина грохотала, спускаясь, шахта гудела, в медных кнопках, в деревянных пластинах, в плитках на полу отражалось что-то не то, какие-то тёмные и подвижные завихрения, смерчи, носящиеся вокруг меня в зазеркалье. И вот-вот меня слопает *ничто*.

Но лифт доставил на первый этаж.

Я отворил лязгнувшую решётку и выбрался в вестибюль. Солнечный свет ослепил. Удивительно, в мире за порогом шестьсот шестого номера ещё и полдень не наступил.

Долговязый консьерж прикладывал к рубильнику компресс, его физиономия начинала распухать. Но на меня он посмотрел с вызовом и злорадством. Он видел, как улепётывает «шкаф» — точно преследуемый демоном — свиньёй и, полагаю, он догадался о судьбе второго «шкафа». В Каркозе не было принято вызывать полицию по пустякам. Стены, пожирающие постояльцев и горничных? Что ж, бывает.

— Хорошего дня, — ухмыльнулся консьерж.

— И вам, и вам…

«Ситроен» пропал. Водитель, должно быть, гнал в Париж на всех лошадиных парах. Голуби копошились у крыльца плотной сизой массой. Коробку я завернул в простыню, нёс в вытянутой руке импровизированный мешок; так несут к унитазу собачье дерьмо.

Интересно, а искать рай Даниэль не думал? И есть ли он вообще — рай? Учитывая, что сегодня я воочию узрел демона, мне хотелось верить в существование противоборствующей армии, архангелов с мечами и фугасами.

Я прошагал до сквера с торчащим на постаменте воином неопределённой армии и эпохи. Воин героически выпятил подбородок. Памятник был столь пафосным и невразумительным, что наверняка бы понравился фюреру.

Меня осенило. Пейзажи Гитлера — вот на что были похожи бездушные и пустые улицы Каркозы. А ещё они напомнили мне детство. Не хватало воя сирен и световых столбов — прожекторов, обшаривающих небо. И я, вечно голодный, отдавший школьной подружке Саре свою порцию гуманитарного печенья «Петен», подходил к витринам кафе, облизываясь на пирожные, но вдруг понимал, что десерт вылеплен из воска.

Такой же фальшивой была и Каркоза.

Будто спеша уверить чужеземца в своей нормальности, площадь одарила запахом сдобы. И после всех сегодняшних ужасов — пережитых и предстоящих — мой желудок отреагировал ворчанием. Я потрафил ему — двинулся к булочной. С порожним животом в ад не ходят.

Дробно зазвенели колокольчики. Плоская, словно вырезанная из картона, фигура за прилавком шевельнулась, обратившись в человека, лысого, толстенького, с лицом добродушным и учтивым. Я прищурился, ожидая подвоха, но лавка была

образцово — показательной: багеты, маслянистые круассаны, калачи. Я поставил ношу на пол. Выбрал хлеб, начинённый козьим сыром и вялеными помидорами. Булочник достал выпечку щипцами. Не сходя с места, я принялся трапезничать, набивал брюхо, удивляясь собственному зверскому аппетиту.

— Вкусно, — сказал я и обернулся к скверу и памятнику за окном. — Зачем всё это?

— О чём вы, месье?

— Зачем столько многоквартирных домов? Зачем метут улицы? Зачем этот город? В нём же практически никого нет.

— Он для нас с вами, месье.

— Вы местный?

— Насколько это возможно. — Булочник говорил с достоинством и лёгким поклоном.

— Вы родились здесь?

— Нет, месье. Здесь не рождаются. По крайней мере, здесь не рождаются те, с кем вы могли бы поболтать среди бела дня. Все, кого вы встретите, искали в Каркозе что-то. И слишком увлеклись поисками.

— Что же искали вы?

Булочник убрал с воротника ворсинку, педантично отряхнул фартук. Странно, на периферии

зрения, пока я не смотрел в упор, он выглядел каким-то приплюснутым, одномерным.

— Вы видели православную церковь на холме Гиад? Храм двух с половиной святителей?

Я подтвердил, вспомнив собор с намалёванными на стенах глазами и колокольню, завёрнутую в синюю ткань, как в саван.

— Чтобы найти его, — сказал булочник, — я потратил три года. Три долгих года мотался по ночлежкам Каира и лабиринтам Калькутты, и вот я у цели. Пламя свечей извивается, как языки ящериц. Крест, подвешенный под сводами, бросает на редких прихожан тень. Святые смотрят с потрескавшихся фресок недобрыми очами. А появившийся священник сам словно отпочковался от старинных икон. Я в храме двух с половиной святителей…

— Меня раздирает любопытство. А половинка святого, он — кто?

Булочник не удостоил реплику вниманием. Точно в трансе, говорил:

— Мухи ползали по выщербленному столетиями мозаичному полу, по бороде и сутане священника. Я сказал, что прибыл издалека. Что ищу библиотеку. Я достал страницу, исписанную бурыми чернилами. Служитель культа знакомил-

ся с текстом, а я косился на прихожан, таких же скособоченных, как персонажи фресок. «Что это?» — спросил священник. — «Вы прекрасно понимаете. Это рекомендательное письмо известной вам госпожи Мадхаван. Вы можете доверять мне». Он молчал и я протянул ему остальные письма, написанные могущественными, неуловимыми, влиятельными людьми, чьи имена в определённых кругах произносили шёпотом. Я поставил на кон бессмертную душу, добиваясь аудиенции, я облетел три континента. Вряд ли священника впечатлили бумаги, но, когда я повторил вопрос, он указал на дверь слева от алтаря. «Библиотека вверху». Я возликовал, месье. Скоро, совсем скоро я коснусь корешков запретных фолиантов. Я думал о них, топая по каменной лестнице, хватаясь за ледяные поручни. Бледный солнечный свет просачивался сквозь узкие окна. Лестничный виток привёл на площадку, пахнущую свежей краской. У деревянных помостов мужчины в заляпанных побелкой робах орудовали кистями, покрывали стены жёлтым. Ремонт двигался полным ходом. Эти работяги были столь неуместны на пороге величайшей из библиотек, хранящей бесценные знания. А канареечный цвет вызывал неприятные ассоциации с домом, с матерью,

никчёмной рабыней кухни!

Тут глаза булочника сверкнули потаённой ненавистью, по лицу проскользнула рябь, словно кожа была занавесом и с изнанки на неё подул ветер. Хлебный мякиш застрял у меня в горле. Булочник продолжал, вперившись взглядом в багеты:

— Я шёл по лестнице. Из бойниц видел кровли тонущих в тумане окрестных построек. Ступеньки мелькали под подошвами. На новой площадке меж этажами новые работники красили стены. Неужели храм настолько высокий? Запыхавшись, я продолжал подъём. Шорох ремонта затих внизу, но сделался громче вверху. Спины маляров вздымались в такт с елозящими по грунту кистями. Три года, месье, я приближался к библиотеке и, главное, отдалялся от человечного, пошлого, материнского. Впитывал вонь трущоб и гниль осенних кладбищ, чтобы смыть с себя проклятую обыденность. Какие тома предстанут предо мной! Скорее! Скорее же!

Булочник задышал чаще, будто и впрямь бежал. На лбу выступила испарина.

— Черепица исчезла за свинцовыми облаками. Тени клубились на бесконечной лестнице, ступени осыпались порошкообразным веществом.

И был только подъём, только рабочие на козлах, словно я проходил одну и ту же площадку из раза в раз. Силы покидали меня.

Он схватился за прилавок импульсивно.

— И вот, когда я обессилел, маляры сошли с помостов и приблизились ко мне. Они улыбались. Кисти чертили в воздухе символы. Я выхватил бумаги, ткнул ими в маляров, как бы крича: «Мне дозволено находиться тут!» Но вместо рекомендаций в моих руках были зажаты письма от матери, в которых она молила навестить её в больнице.

Булочник зачарованно и недоверчиво коснулся своего лица.

— Кисть мазнула по щекам, пачкая краской. Прогулялась по волосам. Защекотала губы. Вдавленный в стену, я становился жёлтым, я терял объём, я срастался с храмом. Кисти проникли в рот и выкрасили дёсны, нёбо и язык. А последним штрихом закрасили зрачки и белки. Меня не стало.

Его плечи опали. Пот струился по вискам. Я спросил, дожёвывая хлеб:

— Если вас стёрли, то с кем же я говорю?

— С булочником, — ответил булочник. — И это лишь шёпот двух теней, растворяющихся по пути к недостижимой цели.

* * *

На улице Гарибальди манекены враждебно подглядывали из заколоченных магазинов. Я вошёл в подъезд неприметного дома и, взбираясь по крутым ступенькам, забеспокоился, что лестница не закончится, как в байке свихнувшегося булочника. Но в полумраке покорно чередовались этажи. На четвёртом я скурил сигарету, перепроверил пистолетную обойму и вдавил кнопку звонка.

Дверь отворила девушка с фотографии, иллюстрирующей статью о военном трибунале в Люнебурге. Но постаревшая на пятнадцать лет. Она куталась в атласный халат и пахла терпкими восточными духами.

— Принимаете? — спросил я.

— Вы паломник?

— Кто?

— Я называют так тех, кто приходит не ради секса, а чтобы увидеть… всякое. Вы в курсе про всякое?

— Наслышан.

— Хорошо. Не разувайтесь. Возьмите бахилы.

Аннелиза Кольманн провела меня в гостиную, неожиданно уютную и опрятную.

— Деньги вперёд.

Я отсчитал хрустящие купюры с кардиналом Ришелье. Девчонки, предлагающие себя на бульваре Перейр, стоили в пять раз дешевле и могли наградить разве что триппером да сифилисом.

— Хотите вина?

— Не откажусь.

Я сел в жёсткое кресло. Аннелиза принесла бокалы и бутылку, и устроилась напротив. Наливала мерло, а я таращился на неё бесцеремонно. Я завалился не предупредив, но она была при параде: неброская помада, макияж. Под слоем косметики угадывались морщинки с доминирующей вертикальной линией над переносицей. В без малого сорок фрау Кольманн раздалась в бёдрах, но выше талии оставалась худощавой. Лицо, округлое на снимке, сделалось суше. Волосы отросли до плеч.

«Признали виновной в жестоком обращении с узниками, в том числе с беременными и в сексуальной эксплуатации…» Мне никак не удавалось совместить суконный текст статьи с этой не очень красивой, но и не то чтоб уродливой, заурядной бабой.

Аннелиза тоже поглядывала на меня.

— Вы не похожи на паломников, — сказала,

вручая бокал. — Они мне отвратительны. А вы симпатичный, чистенький.

В памяти зазвучали слова Анри про изнасилование палками и избиение сапогами. *Про гениталии.* Во рту пересохло и я смочил язык в вине. Концлагерная надзирательница улыбалась приветливо.

— Я — паломник нового типа.

— Хотите сразу? Или поболтаем?

Я не хотел ни сразу, ни потом.

— Вы служили в СС?

Вопрос её не смутил.

— Это было так давно. — Она вздохнула.

— Пишут, вы мучили людей.

— Они преувеличивают. — Аннелиза нагнулась, чтобы погладить меня по колену. — Гитлер оказался маньяком. Но те люди, заключённые…. Сейчас их принято изображать невинными овечками. А они ими не были.

— Нет?

— О, они были свиньями, уж поверьте. От них так воняло! — Аннелиза сморщила носик, линия на лбу стала чётче. — Цыгане, евреи, славяне. Я думала, может, им их религия запрещает купаться? В лагере был водопровод. Мы раздали им мыло. Я понимаю, они были изнурены. Но ведь можно

помыться, да? Если бы не аппарат санобработки каждый месяц, в барак нельзя было бы войти.

Я молчал, ошарашенный сильнее, чем от встречи с гадаринской свиньёй. Внезапно я вспомнил Сару, мою подругу детства. Как она пришла в школу с покрасневшими глазами и сказала, прикасаясь к нашитой на курточке звезде Давида — словно простреленное сердце прикрывала ладонью:

— Я не против её носить! Но этот горчичный цвет! Он мне совсем не идёт!

— Ужасно нечистоплотные, — откровеннича-ла Аннелиза Кольманн. — Лагерь производил кирпич, они саботировали работу. А вши! Чтобы зайти в барак, надо было замотаться платком и после выуживать вшей из одежды. Из-за них началась эпидемия сыпного тифа. Много наших ребят погибло.

Пистолет оттягивал карман. Шептал, чтобы я прервал монолог, пальнув суке в физиономию. Но меня не прельщала мысль о некрофилии.

— Свиньи. Те, кого мы назначали бригадирами, вели себя как звери. Дрались за еду — вообще невкусную. Я попробовала однажды. Фу! А они дрались. Это было смешно.

Меня затошнило. Я отставил бокал и сцепил

зубы. Слова лились изо рта Кольманн смрадным потоком.

— Я бы на их месте пыталась поддерживать чистоту. Они могли убить исподтишка. Я никого не убивала. Никогда.

Я думал о Саре. О том, что Сара пропала после налёта гестапо на район Марэ. Тысячи детей пропали.

— Ты их пытала, — сказал я, отодвигаясь от руки Кольманн. Она повела плечом:

— Они не боялись смерти. Но очень боялись боли. Странно, да?

— А что с твоей дыркой? — прервал я её. — Так было всегда?

— А, вы про это. Нет. Всё началось в тюрьме. У меня была подружка. Очень близкая. И когда мы были особенно близки… Её как по затылку вдарили. Глаза выпучила, побелела, я испугалась, инфаркт. Отпихнула её, она сразу очухалась. Говорит: детка, да у тебя там ад! — Аннелиза отпила вино. — И с тех пор секс перестал быть сексом. Мужики на мне коченеют. И ты окоченеешь, поверь. Я-то сама ничего такого не чувствую. Не видела никогда, что вы видите. Может, вы все меня разыгрываете, а? — Аннелиза засмеялась. — Ну, беги в ванную. Да помойся хорошенько.

Я перетаптывался под душем, трясясь от отвращения. В тот момент мой член был меньше фаланги мизинца. Клянусь, я лучше присунул бы магистру Гьюдиче.

Чем был для Аннелизы Кольманн ад во влагалище? Карой? Даром? Проклятием? Или просто её мерзкие поступки истёрли, истончили материю между измерениями?

Я полностью оделся и подобрал мешок. В гостиной Аннелиза оголилась до нижнего белья.

— Ты сказала — подружка.

— Что, милый?

— В тюрьме. Ты сказала, подружка видела ад. Значит, член вставлять не обязательно?

— Если не хочешь… — Аннелиза заметно огорчилась. — Это может быть и твой палец.

— Святой Сульпиций! Гора с плеч. Ложись.

Она сняла трусы и легла на кровать.

— Запомни: оттуда нельзя ничего приносить. И там нельзя оставлять свои личные вещи. Кроме бахил, их выкинь.

— Да понял я.

Она вздохнула и раздвинула бёдра. Не было ни пламени, ни чертей, ни Гитлера на шампуре. Ничего, что бы я не видел раньше у полусотни барышень.

«Как поступил бы на твоём месте комиссар Мегрэ?» — спросил я себя. Выпростал руку. И полетел в тартарары.

* * *

Приземление было мягким. Я рухнул с высоты метра, сгруппировался и вскочил на ноги. Туфли поехали по осклизлой почве, размытой глине, но я устоял. И удержал в кулаке мешок.

Получилось! Я стряхнул с плаща прилипшую яичную скорлупу.

Даниэль не врал. Я действительно прошёл через врата, повторив подвиг того итальянского поэта.

Ад выглядел, как бесконечная свалка. Я упал на небольшой возвышенности и вокруг, насколько хватало глаз, простирались горы спрессованного мусора, зловонные ступенчатые зиккураты. Некоторые кучи тлели, источая жирный чёрный дым. Воняло нестерпимо: гнильём, порохом, пережаренной едой.

Свалка впечатляла, но сильнее впечатляло небо над ней. Вот оно точно не было похоже ни на что из нашего мира. Я задрал голову, изумлённо рассматривая кипящие, булькающие массы. Они бороздили грязно — красные пустоши без

луны, солнца и звёзд. Назвать их облаками не поворачивался язык. Ближайший аналог — лава, ползущая по склону вулкана. Небо срыгивало перевёрнутыми гейзерами огня. Сугробы рыхлого пепла хоронили под собой завалы хлама.

Но самым безумным дерьмом были не натёки пламени вверху, не куски чего-то вроде пемзы, градом пикирующие на кручи. В алой квашне небес, в каких-то четырёхстах — пятистах метрах висела груша, величиной с Париж. Вспышки озаряли гладкую серую поверхность. Я затруднялся сказать, было это атмосферным явлением, летательным средством адовых цивилизаций или спутником планеты, на которой я оказался.

Вспомнив о миссии, я развернул простыню и тёплый затхлый ветер унёс её прочь; пятнышко белой материи тоскливо воспарило над мусорными холмами.

Равнину оглашал похоронный гул. Небо бухало взрывами и клокотало, в нём разевались мерцающие котлованы.

Я заторопился, опасаясь метеоритов, вспахивающих горизонт. Вытряхнул из коробки содержимое. Детская туфелька покатилась по склону и присоединилась к десяткам пар крошечной обуви, припорошенной пеплом. Просто

старая туфелька с деревянной подошвой.

В глину встряли наручные часы, армейские жетоны, книги, кастет, точно такой же, как тот, что служил мне верой и правдой, поблёскивали обручальные кольца, алюминиевые франки с гербом вишистского правительства и россыпь коронок.

Кастет?

Я ощупал плащ, но нашёл лишь пистолет. Святой Экзуперий! При падении мой верный свинцовый друг вывалился из кармана. Оплошность, которая могла стоить мне очень дорого.

Осторожно переступая на скользком всхолмье, я двинулся к пропаже. Под каблуками хрустели черепки и фарфоровые куклы, погружались в грязь металлические кружки и игрушечные машинки. Дыша в рукав, я подобрал кастет…

Тварь выскочила из завалов, взлетела ввысь и опустилась предо мной на четвереньки. Голая, тощая, она рыла непомерно длинными пальцами почву и скалила острые зубы. У твари отсутствовала половина башки, словно срезанная циркулярной пилой по вертикали. Но это не мешало дохляку щёлкать челюстью и вращать одиноким глазом.

«Стрига» — вспомнил я рассказ Даниэля.

Тварь прыгнула — я успел отскочить. Когтистая лапа рассекла воздух в десяти сантиметрах от шеи. В раскупоренном черепе стриги пульсировало нечто розовое, губчатое.

Ветер трепал полы моего плаща. Ад скрипел, как несмазанные дверные петли, гудел и выл. Стрига подбиралась, задрав рваную губу, обнажив чёрные дёсны. Она была ничтожной, невзирая на зубы и когти; безмозглый клошар этих кошмарных пространств, жертва инфернальных мучителей. Я ударил кулаком. Кастет вмял остатки носа в половинчатую морду. Стрига опрокинулась на груду мусора и заверещала.

Не из ненависти — из жалости — я достал «зауэр» и трижды выстрелил в костлявую грудину. Потёк заменяющий кровь прозрачный ихор. Но свинец не убил стригу. Лёжа на спине, она принялась отползать, внезапно выгнулась и побежала вон, точно плод гнусной селекции, животом вверх, плавниками лопаток к земле.

Я смахнул со лба пот. Решил, что слишком задержался в аду и явно расшумелся. В завалах угадывались фигуры других стриг. Они роились у пригорка, прервав деятельность — бессмысленную сортировку гниющих и ржавеющих вещей.

И что дальше?

Я покрутился в поисках ракеты, катапульты, лифта, чего угодно, что заберёт меня отсюда. Вспомнил наставления Даниэля и сконцентрировался на ощущениях. Чувство было такое, словно два пальца моей правой руки находятся внутри женщины. И что я могу вытянуть их из незримой щели, если сосредоточусь.

Но для начала я сдёрнул бахилы и взял первую попавшуюся тряпку, оказавшуюся детской распашонкой. Вытирая кастет, посмотрел в небо.

Лучше бы я этого не делал.

То, что я принял за грушу, было спиной гадаринской свиньи. За время моей стычки со стригой исполинский хряк повернулся. Он висел в небе, подобно ёлочной игрушке и заплывшие глаза, величиной с площадь Согласия каждый, таращились прямо на меня. Под её взглядом я почувствовал себя букашкой. Захотелось рыть землю и перебирать коронки, складывать туфельки наособицу от солдатских жетонов.

Гадаринская свинья наблюдала. Вообразите луну раз в десять больше нашей, луну, почти приземлившуюся на землю, луну со слюнявой пастью и бивнями. Отсветы пламени скользили по шкуре Привратника. У него была уйма ног, непропорционально коротких, прижатых к брю-

ху, придающих чудищу схожесть с креветкой. Дымные щупальца вились вокруг туши.

С меня хватило увиденного. Напрягшись, я вырвал руку из слизистого плена.

И всё исчезло — вонь, ветер, вой, отголоски взрывов. Я вновь был в квартире немецкой проститутки. В мире, давшем всем нам временное пристанище. А бахилы, мешок, коробка и туфелька — сувенир остались в аду.

Голова шла кругом, двоилась Аннелиза Кольманн.

— Милый, на полу стоит тазик. После путешествий обычно мутит…

Вместо ответа я открыл рот и струя рвоты брызнула в озабоченное лицо бывшей надзирательницы.

* * *

Возле «Кактуса» меня ждала трогательная картина: однояйцевый близнец покойного «шкафа» вернулся, он сидел на асфальте, обнимая Даниэля Валенте. Мой подопечный был жив, но обессилен. И да, он выбрался из номера шестьсот шесть. Проклятие снято. Почему-то это меня вовсе не радовало.

— Я струхнул. — Водитель виновато потупил-

ся. — Простите.

— Грузи его в машину. — сказал я. Даниэль разлепил веки.

— Как вас зовут? — поинтересовался он тихо.

— Дезидериус Окер.

— Серьёзно?

— Более чем.

— Спасибо, Дезидериус Окер. Свинья сгинула. Моя мать озолотит вас.

Я хмыкнул.

Потом был обратный путь. Пустынные улицы, голуби, манекены, православный храм провожал автомобиль нарисованными глазами, словно знал что-то такое, чего не знали смертные. И Каркоза выпустила нас… или притворилась, что выпустила.

— Максим мёртв? — спросил водитель, стискивая рулевое колесо.

— Он в лучшем из миров, — сказал я, вздрагивая.

Далее мы катили молча. Даниэль спал на заднем сиденье, но в пригороде Парижа он шевельнулся и попросил надломленным голосом:

— Жан, отвезите меня на рю Амелот.

«Ситроен» припарковался у дома Терезы Туманской. Я подумал, что побег из Каркозы подейство-

вал на Даниэля исцеляюще. Фурункулы быстро бледнели и сохли, под ними проступал румянец. Хотел бы я сказать то же самое о своей душе.

— Я никогда не забуду, что вы сделали. — Даниэль протянул мне руку. Я пожал её — рука была тёплой и сухой.

— Я справлюсь, — отказался Даниэль от помощи водителя, хлопнул дверцами и поковылял к подъезду.

— Едем за гонораром? — спросил Жан.

— Не сегодня. Подкинешь до бульвара Распай?

— Куда скажете.

Он высадил меня на пересечении улиц дю Бак и Гренель.

— Ничего не забыли, месье Окер? Это не ваш кастет на заднем сиденье?

Я коснулся кармана, свинцовой вещицы, оттягивающей плащ.

— Мой кастет при мне.

Водитель кивнул понимающе:

— Ещё встретимся, паломник.

Что-то в его голосе заставило меня обернуться. «Ситроен» сдавал задом к особняку Бушардона. Мне померещилось, что в салоне кишат и извиваются чёрные щупальца, но то могла быть игра света и тени. Или за рулём и правда сидела

гадаринская свинья?

Я брёл по бульвару и не узнавал свой Париж. Хищно смотрели утопленные в фасады скульптуры, яростно гомонили голуби в кронах и прохожие подолгу задерживали на мне немигающие глаза. Я курил одну за другой, глядя себе под ноги.

Может, чудаковатый булочник был прав? Каркозу нельзя покинуть? Лестница бесконечна? Может, нет никакой Каркозы: ну правда, что это за город такой, в котором манекенов больше, чем живых людей, в котором отели полны скрипов, призраков и беглых нацистов, храмы называют в честь двух с половной святителей, а вагина проститутки таит адские врата?

Я думал: может, надо было пристрелить Аннелизу Кольманн и тем самым захлопнуть портал, не позволить глупцам соваться в пекло за впечатлениями и гнилостными сокровищами? Кто знает, что вынесут оттуда грядущие пилигримы?

Вот только я никого никогда не убивал, а убийство, говорил мне учитель богословия, — грех и за грехи мы попадаем в ад.

Я шагал, я почти бежал к каменному льву Бартольди, анализируя свою жизнь, размышляя о том, не придётся ли мне в конце концов вер-

нуться под алые небеса, увенчанные гигантской свиньёй, стать стригой и копаться в отходах чьих-то нечистых судеб и не является ли пекло единственным закономерным финалом всех трепыханий.

На площади имени ада я ввалился в ресторан. Мелодия из музыкального автомата и болтовня завсегдатаев были призваны отвлечь внимание, и я с облегчением пошёл на поводу у этой мелкой лжи. За столиком магистр Гьюдиче объяснял смазливому мальчику про ключи Соломона и ненавязчиво трогал за ляжку. Меня он не заметил.

— Привет, красавчик! — беззубо улыбнулась женщина в шляпе, украшенной перьями страуса, прячущей под широкими полями свастику — вырезанный на лбу символ позора.

Я подсел к ней, ни жив ни мёртв.

— Где ты пропадал?

— В преисподней, крошка.

— Как и все мы, — печально сказала она.

Над Данфер-Рошеро метались голуби. Официант принёс божоле. Женщина сняла шляпу и положила голову мне на плечо.

Дополнительные материалы. Каркоза, Хастур и Король в Жёлтом

«Странна ночь, когда восходят чёрные звёзды…»

по мотивам «Песни Кассильды» Роберта Чамберса

Предисловие

Этот текст задуман не как энциклопедия и не как попытка построить ещё один «правильный канон» Короля в Жёлтом. Напротив: самое интересное в Каркозе как раз в том, что строгого канона у неё никогда не было. Бирс оставил несколько имён и один мёртвый город. Чамберс превратил эти имена в декорации для запретной пьесы, безумия и зыбкой реальности. Лавкрафт подхватил несколько намёков. Дерлет начал связывать их в более жёсткую систему. А следующие поколения писателей разнесли Каркозу по десяткам миров, эпох и жанров.

Поэтому сборник «Миры Роберта Чамберса» удобнее читать не как последовательность тек-

стов, обязанных друг другу сюжетной точностью, а как историю заражения одной идеей. Где-то остаётся только имя Хастура. Где-то появляется Жёлтый Знак. Где-то автору достаточно упомянуть Хали или Каркозу — и читатель уже чувствует, что за привычной реальностью открылась дверь в другой текст.

«Вселенная Короля в Жёлтом» возникла не по заранее составленной схеме. Это литературная эстафета, в которой каждый новый автор менял смысл полученного наследства.

Материалы ниже предполагают, что рассказы сборника уже прочитаны. Поэтому дальше встречаются умеренные спойлеры к Бирсу, Чамберсу и некоторым продолжениям, а в главе о «Настоящем детективе» — сюжетные детали первого сезона сериала.

1. До Каркозы Чамберса: что оставил Амброз Бирс

История обычно начинается с Роберта Чамберса, но два важнейших слова появились раньше. У Амброза Бирса есть «Житель Каркосы» — короткий рассказ, построенный вокруг одного из самых сильных приёмов ранней weird fiction:

герой блуждает по странному, будто вымершему пространству и постепенно понимает, что привычные категории времени, жизни и смерти больше не работают. Каркоза здесь — не столица демонической империи и не логово чудовища. Это древний, исчезнувший город, существующий как память о мире, который закончился задолго до того, как герой осознал собственное положение.

В «Пастухе Гаите» появляется другое имя — Хастур. Но у Бирса это вовсе не космический монстр и не «Великий Древний»: Хастур — бог пастухов, к которому обращается простой и чистосердечный Гаита. Уже здесь видно, насколько опасно читать ранние тексты через позднюю мифологию. Если начать с Дерлета или ролевых справочников, можно решить, что Бирс оставил готовый фрагмент «Мифов Ктулху». На самом деле он оставил скорее набор звучных имён и атмосферу древности.

Именно этим набором Чамберс воспользовался необычайно свободно. Он не продолжал Бирса в современном смысле слова и не занимался «лором». Он взял слова Каркоза, Хастур и Хали, потому что они уже звучали так, словно за ними скрывается неизвестная мифология. Этого

оказалось достаточно. Через несколько лет эти имена начали казаться частью чего-то намного большего, чем оба исходных рассказа.

2. Книга, которой не существует: как работает «Король в Жёлтом»

В 1895 году Роберт Чамберс публикует «Короля в Жёлтом». Для будущей традиции важнее всего первые четыре рассказа: «Восстановитель репутаций», «Маска», «Во дворе Дракона» и «Жёлтый знак». Их связывает не общий герой и не последовательный сюжет, а пьеса — тоже называющаяся «Король в Жёлтом». Пьеса вымышлена. Читатель никогда не получает её целиком. Мы видим обрывки, реплики, имена, смутные указания на второй акт и реакцию тех, кто его прочёл.

Это решение и создаёт эффект, который позднее станет одним из любимых приёмов литературы ужаса: опасный текст внутри другого текста. В мире рассказов пьеса существует как реальная книга со своей репутацией, историей запретов и кругом читателей. Она не просто рассказывает страшную историю — она меняет того, кто читает. Причём Чамберс почти ничего не объясняет. Почему второй акт опасен? Что именно

там открывается? Кто такой Король? Что означает Жёлтый Знак? Где находится Каркоза — в прошлом, будущем, другом мире или в повреждённом сознании?

Здесь работает принцип, противоположный энциклопедии. Чем меньше сведений, тем сильнее ощущение огромного мира за текстом. Читатель автоматически начинает достраивать недостающие связи: Кассильда и Камилла, Бледная Маска, Хали, Йтилл, Хастур, чёрные звёзды, две луны или два солнца, лохмотья Жёлтого Короля. Из нескольких обрывков возникает впечатление, будто перед нами древняя мифология, хотя большая часть этой мифологии существует только в воображении читателя.

Пьеса как вирус

Особенно важна двойственность пьесы. Первый акт описывается как почти безобидный; удар приходится на второй. Это очень современная идея: страшен не предмет сам по себе, а информация, которую невозможно «развидеть». После знакомства с пьесой мир остаётся внешне тем же, но читатель уже не уверен, что реальность действительно устроена так, как ему казалось.

Именно поэтому многочисленные продолжа-

тели так легко переносили Короля в Жёлтом в другие эпохи. Для этого не нужно сохранять генеалогию персонажей Чамберса. Достаточно повторить структуру заражения: существует знак, текст, образ или имя, после встречи с которым реальность начинает давать трещины. Рассказ Рона Шифлета «Жёлтый цвет завтрашнего дня», добавленный в этот сборник, буквально возвращается к этой модели: книга снова становится ловушкой, а знакомые имена из Чамберса прорастают внутри альтернативной реальности.

3. Почему именно жёлтый: декаданс, болезнь и тревога fin de siècle

Сегодня жёлтый легко воспринимается просто как фирменный цвет мифологии. Для читателя 1890-х ассоциации были заметно богаче. Жёлтые обложки связывались в Англии с французской литературой, которую считали рискованной, непристойной или декадентской; в 1894 году начал выходить знаменитый журнал The Yellow Book, тесно ассоциированный с эстетизмом и фигурой Обри Бёрдсли. В год выхода книги Чамберса скандал вокруг Оскара Уайльда окончательно сделал «жёлтое» частью культурной нервозности

fin de siècle.

Поэтому Король в Жёлтом — это не только чудовище в определённом цвете. Жёлтый одновременно может напоминать о роскошной эстетике, болезненном оттенке кожи, увядании, карантине, дешёвой сенсационной книге и искусстве, которое порядочный человек якобы не должен читать. Он красив и нездоров в одно и то же время. Для чамберсовского ужаса это идеальное сочетание.

В этом контексте особенно важны художники, студии, театральность и маски. Мир «Короля в Жёлтом» не похож на готический замок. Его герои часто живут рядом с искусством — рисуют, пишут, смотрят спектакли, бродят по Парижу. Угроза входит не из подземелья, а через эстетический опыт. Человек видит что-то слишком прекрасное, слишком странное или слишком правдивое — и уже не может вернуться к прежней версии мира.

4. От намёка к мифологии: Лавкрафт, Дерлет и поздние продолжатели

Лавкрафт: несколько имён, а не готовая система

Лавкрафт познакомился с «Королём в Жёлтом» уже после того, как основные элементы собственных Мифов были сформированы. Он оценил Чамберса и включил отдельные имена и знаки в свой словарь намёков. В «Шепчущем во тьме» рядом с другими загадочными именами появляются Хастур и Жёлтый Знак. Но важная оговорка: у самого Лавкрафта Хастур почти не разработан. Архив Лавкрафта отдельно подчёркивает, что он упоминается лишь в одном рассказе, и текст не даёт той подробной биографии существа, которую позднее привыкли видеть в справочниках.

Это хорошо показывает, как работала ранняя weird-традиция. Авторы не всегда стремились согласовать термины. Иногда достаточно было вставить знакомое имя рядом с другими полузнакомыми именами, чтобы создать эффект общей бездны за разными рассказами. Читатель чувствует систему там, где автор оставил только резонанс.

Дерлет: когда туман превращается в карту

Август Дерлет действует иначе. В «Возвращении Хастура», который включён в этот сборник, неясные намёки превращаются в более определённую мифологию. Хастур получает статус существа внутри космологии Древних, появляются отношения и конфликты между сверхъестественными силами. То, что у Бирса было именем божества пастухов, а у Чамберса — загадочным элементом сети намёков, начинает жить как полноценный персонаж «Мифов».

У этого подхода есть цена. Чем яснее схема, тем меньше пустоты, которую читатель может заполнить сам. Именно поэтому исследователи и поклонники часто спорят о Дерлете: одни ценят его за то, что он сделал мифологию расширяемой и удобной для новых авторов; другие считают, что он слишком буквально описал то, что у Чамберса и Лавкрафта работало именно благодаря неопределённости.

Вагнер и новая Каркоза

В XX веке особенно важным мостом становится Карл Эдвард Вагнер. Его «Река ночных грёз» (The

River of Night’s Dreaming) возвращает чамберсовские мотивы в современную психологическую прозу: Каркоза здесь уже не столько место на карте, сколько пространство, куда может провалиться сознание. Другой его знаменитый рассказ, "Sticks", создал образ странных конструкций из веток, который позднее неизбежно будут вспоминать зрители «Настоящего детектива».

В нынешней версии сборника представлены два очень разных текста Вагнера — «Река ночных грёз» и «И вот мы снова встретились». Их соседство не подчёркивается искусственно: рассказы разделены хронологией публикаций. Это важно для самой идеи антологии — показать не «единый канон», а то, как один и тот же набор образов меняется от десятилетия к десятилетию.

Дальше традиция становится практически открытой системой. Блиш, Бреннан, Лин Картер, Уилл Мюррей, Эдвард Ли, Брайан Кин, Тим Каррэн и многие другие используют разные версии Хастура и Короля. Где-то это почти лавкрафтианский космос; где-то метафикция о самом Чамберсе; где-то литературная игра с чужими текстами; где-то современный хоррор, который сохраняет лишь запах Каркозы.

5. Краткий путеводитель по именам, местам и символам

Эта памятка намеренно отделяет исходного Чамберса от позднейших наслоений. То, что сегодня кажется «общеизвестным лором», нередко было придумано значительно позже.

• Каркоза — у Бирса древний погибший город; у Чамберса — часть загадочной географии пьесы; у поздних авторов — иной мир, город, состояние реальности или место культа.

• Хастур — у Бирса бог пастухов; у Чамберса смысл имени не фиксирован однозначно; у Дерлета и поздней традиции — сверхъестественная сущность, часто связанная с Королём в Жёлтом.

• Хали — имя, которое у Бирса появляется в эпиграфах; у Чамберса становится частью мифической географии — прежде всего озером Хали.

• Король в Жёлтом — титульная фигура и одновременно название запретной пьесы. Чамберс не даёт полного портрета Короля и не устанавливает простого равенства «Король = Хастур».

• Жёлтый Знак — зловещий символ, который персонажи узнают и боятся. Его точная форма у

Чамберса не закреплена, поэтому позднейшая культура создала множество вариантов.

• Бледная Маска — один из центральных образов пьесы. Чемберс превращает маску в вопрос о личности: что произойдёт, если под маской нет другого лица?

• Кассильда и Камилла — персонажи вымышленной пьесы; их имена и фрагменты реплик дают ощущение трагедии, которой читатель никогда не увидит целиком.

• Йтилл / Итхилл — одно из загадочных имён, связанных с Каркозой и пьесой. Поздние авторы свободно меняли его функцию и даже написание.

• Чёрные звёзды, Альдебаран, Гиады — астрономические названия у Чамберса смешиваются с невозможной географией и превращают космос в часть театральной декорации.

6. Каркоза в Луизиане: «Настоящий детектив» и возвращение Жёлтого Короля

Спойлеры. Эта глава раскрывает ключевые образы и некоторые события первого сезона «Настоящего детектива».

В 2014 году случилось то, чего Чамберс вряд ли мог ожидать: слова из странной книги 1895 года вошли в массовую культуру через криминальный сериал HBO. После первых эпизодов «Настоящего детектива» читатели начали искать «Короля в Жёлтом», и старая книга внезапно поднялась в книжных рейтингах. Для огромной аудитории дорога к Чамберсу началась не с библиографии weird fiction, а с двух полицейских, болот Луизианы и слов «Каркоза» и «Жёлтый Король».

Что сериал берёт прямо из Чамберса

В первом сезоне постоянно всплывают имена, которые читатель этого сборника узнаёт мгновенно: Жёлтый Король, Каркоза, Хали, чёрные звёзды. Они работают как пароль. Сериал не экранизирует ни один рассказ Чамберса и не пытается перенести его мифологию буквально. Он делает более хитрую вещь: помещает знакомые слова в новый контекст, где зритель снова не знает, что именно они означают.

У Чамберса Каркоза существует за обрывками пьесы; у Пиццолатто Каркозой называют реальное, физическое место — лабиринт в руинах, связанный с преступлениями и ритуалами. Но функция остаётся похожей. Каркоза — это

точка, где обычная карта перестаёт объяснять происходящее. Пока герои ищут преступника, расследование постепенно превращается в спуск в чужую систему символов.

Георгий Акбаа в присланной статье хорошо формулирует важную особенность этого заимствования: сериал не просто называет Короля и Каркозу, а использует их как вход в целую литературную традицию. За Чамберсом стоят Бирс и Лавкрафт; рядом оказывается Вагнер; философская речь Раста Коула ведёт к Томасу Лиготти. Поэтому сезон можно смотреть как детектив, а можно — как многослойную сеть цитат.

Ветки, "Sticks" и Карл Эдвард Вагнер

С первой серии рядом с телами и местами преступлений появляются маленькие конструкции из связанных веток. Для читателей Карла Эдварда Вагнера это почти невозможно не сопоставить с рассказом "Sticks" (1974), где похожие конструкции становятся проводниками к очень старому и враждебному присутствию. В интервью Ника Пиццолатто прямо спрашивали о связи сериала с weird fiction и, в частности, с Вагнером; сам сценарист рекомендовал читателям Вагнера наряду с Чамберсом и современными авторами жанра.

Здесь важен не вопрос «украден ли конкретный реквизит», а принцип. «Настоящий детектив» устроен так же, как сама традиция Каркозы: один автор берёт знак, который уже был страшным в другом тексте, и помещает его в новую систему. Ветка становится не ссылкой для экзамена по литературе, а знаком того, что зритель смотрит историю, выросшую из чужих историй.

Раст Коул, Лиготти и философский ужас

Другой слой сериала связан с Томасом Лиготти и философским пессимизмом. После выхода сезона сходство некоторых монологов Раста с "The Conspiracy Against the Human Race" стало предметом громкого спора. Пиццолатто не скрывал влияния Лиготти и называл его среди важных для себя авторов. Для нашего сюжета существеннее другое: именно через Коула сериал соединяет криминальное расследование с тем типом ужаса, где страшно не чудовище, а сама мысль о мире.

Это неожиданно близко Чамберсу. У него пьеса опасна тем, что сообщает нечто, после чего человеку трудно продолжать жить в прежней реальности. У «Настоящего детектива» роль такой пьесы отчасти выполняет само расследование. Чем глубже Коул и Харт понимают устройство

окружающего мира, тем меньше у них возможности вернуться к простой версии событий.

А был ли в сериале настоящий Хастур?

Здесь полезно остановиться. В фанатских трактовках финальный вихрь, который видит Коул в Каркозе, иногда объявляют буквальным Хастуром; спираль — его знаком; Эррола Чилдресса — аватаром Жёлтого Короля. Такие чтения интересны, но сериал не подтверждает их как факт. Более осторожная трактовка сильнее: Пиццолатто использует мифологические имена как способ заставить зрителя сомневаться, где заканчивается человеческое зло и начинается космический ужас.

Именно поэтому «Настоящий детектив» оказался столь удачным новым домом для Каркозы. Если бы сериал показал огромного монстра и объяснил его родословную, эффект был бы намного слабее. Вместо этого он поступил по-чамберсовски: дал зрителю знак, имя, лабиринт и несколько невозможных совпадений — а всё остальное предложил достроить самому.

Поп-культура как продолжение мифа

В статье Георгия Акбаа есть любопытный спор с самим собой. Сначала массовое использование «Мифов» в сериале кажется ему опрощением — превращением эзотерической литературной традиции в эффектную декорацию. Затем он предлагает противоположный взгляд: именно массовая культура открывает дверь новым читателям. История «Настоящего детектива» это подтверждает буквально. Миллионы зрителей, которые никогда не слышали имени Чамберса, после сериала начали искать Каркозу и «Короля в Жёлтом».

Для этой антологии такой эффект особенно важен. Сериал показывает, что «миры Роберта Чамберса» не музейная редкость. Они продолжают работать именно потому, что допускают переселение: из Парижа 1890-х — в лавкрафтовскую Новую Англию, из неё — в послевоенный хоррор, а затем — в болота Луизианы, компьютерные игры, музыку и новые рассказы.

7. Почему рассказы расположены именно так

В окончательной редакции сборника рассказы расположены по времени их первой публикации. Для этой антологии хронология оказалась не просто самым ясным редакторским принципом: она позволяет увидеть, как несколько имён и образов постепенно превращались в самостоятельную литературную традицию. От текста к тексту меняется не только представление о Каркозе и Хастуре — меняется сам способ рассказывать о них.

• Амброз Бирс — «Житель Каркосы» (1886) и «Пастух Гаита» (1891). Сборник начинается там, где ещё нет ни Жёлтого Короля, ни запретной пьесы. Каркоза и Хастур существуют независимо друг от друга и имеют совсем иные значения. Поэтому эти два рассказа работают как пролог ко всей последующей истории.

• Август Дерлет — «Возвращение Хастура» (1939), Джеймс Блиш — «Больше света» (1970), Джозеф Пейн Бреннан — «Пожиратель, пришедший издалека» (1976). Здесь хорошо виден переход от зыбких намёков к осознанной работе с

уже сложившейся мифологией. У Дерлета Хастур входит в систему Древних; у Блиша объектом игры становится сама пьеса «Король в Жёлтом»; у Бреннана чамберсовская традиция соседствует с более привычным космическим ужасом.

• Карл Эдвард Вагнер — «Река ночных грёз» (1981) — занимает особое место между Бреннаном и Эдвардом Ли. Это не случайная вставка: рассказ возвращает Каркозе психологическую двусмысленность, театральность и ощущение болезненного сна, то есть многое из того, что позднейшие систематизаторы мифа почти вытеснили. Именно поэтому его естественное место — в начале нового этапа, а не рядом со вторым рассказом Вагнера только потому, что у них один автор.

• Эдвард Ли — «Ужас Чамберса» (1982), Лин Картер — «Что рассказывают в Каркозе о Хали» (1989), Карл Эдвард Вагнер — «И вот мы снова встретились» (1995). К этому времени авторы уже свободно выбирают, какую именно Каркозу продолжать: чамберсовскую, лавкрафтианскую, дерлетовскую или собственную. Один и тот же миф начинает существовать одновременно в нескольких несовместимых версиях — и именно это делает его живым.

• Брайан Кин и Рон Шифлет (2004), Марк Маклафлин и Уилл Мюррей (2006) показывают следующую стадию: Король в Жёлтом становится культурной памятью, с которой можно спорить, которую можно пародировать, переосмысливать или снова превращать в источник подлинного ужаса. «Жёлтый цвет завтрашнего дня» особенно явно возвращается к исходному чамберсовскому механизму опасного текста — к книге, после которой прежняя реальность уже невозможна.

• Линда Э. Рюкер (2013), Тим Каррэн (2014), Аллен Маккей (2017), Дмитрий Тихонов (2019) и Максим Кабир (2020–2021) завершают хронологию современными вариациями. Здесь Каркоза окончательно перестаёт быть принадлежностью одного автора, страны или даже одного типа хоррора. Она становится открытым литературным пространством, в которое каждый новый текст входит со своей интонацией.

Такой порядок намеренно не объединяет рассказы по авторам и не пытается выстроить из них непрерывный сюжет. Два текста Вагнера разделены четырнадцатью годами; рассказы одного года могут стоять рядом, но не образуют отдельного «цикла». Хронология нужна здесь прежде всего затем, чтобы после последней страницы было

видно движение всей традиции: от нескольких странных имён у Бирса — к мифу, который больше века продолжает переписывать самого себя.